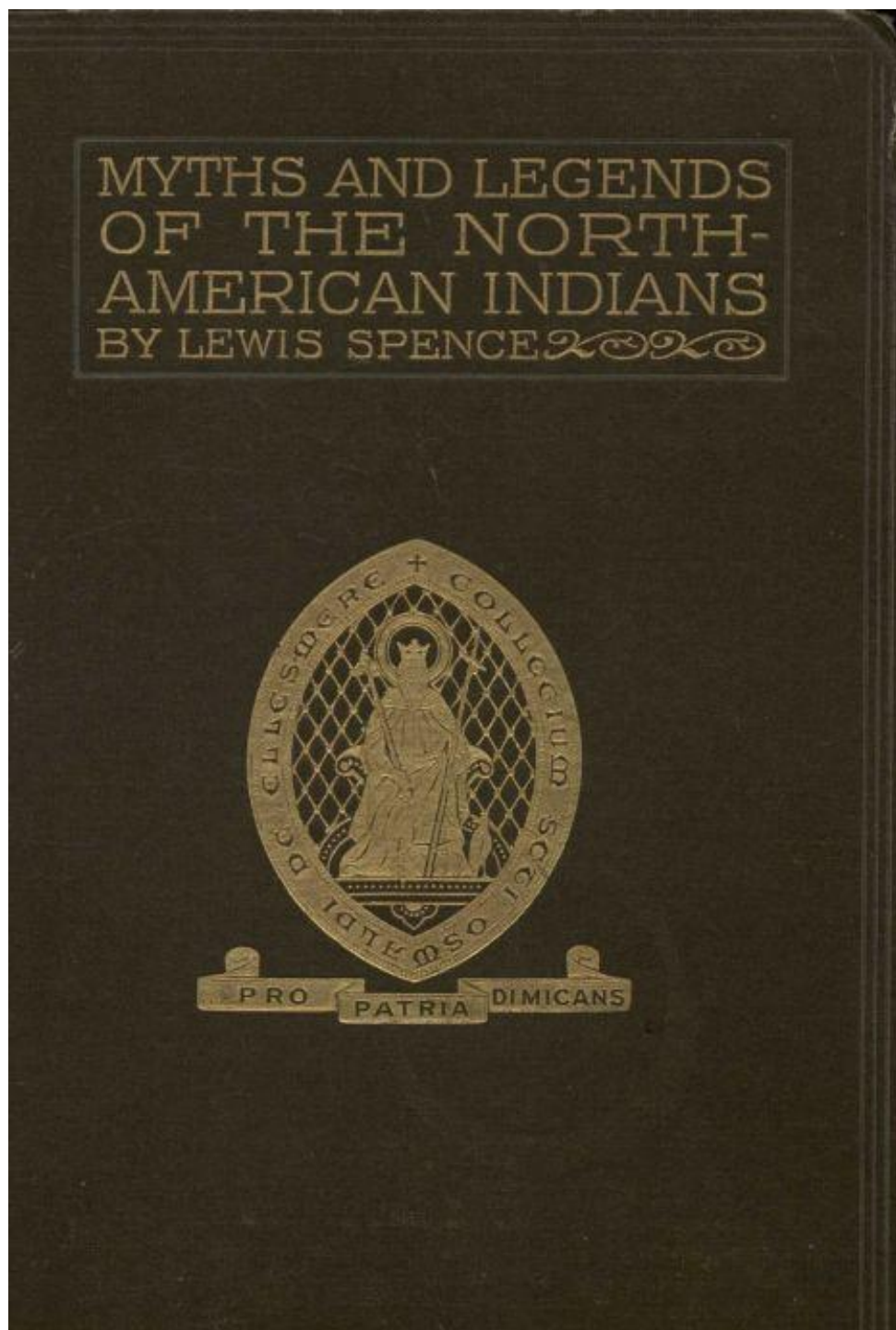

Мифы североамериканских индейцев

Льюис Спенс

The Project Gutenberg eBook of The Myths of the North American Indians.

Эта электронная книга предназначена для бесплатного и почти без ограничений использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Мифы североамериканских индейцев

Автор: Льюис Спенс

Иллюстратор: Джеймс Джек

Дата выхода: 22 марта 2013 [eBook #42390]

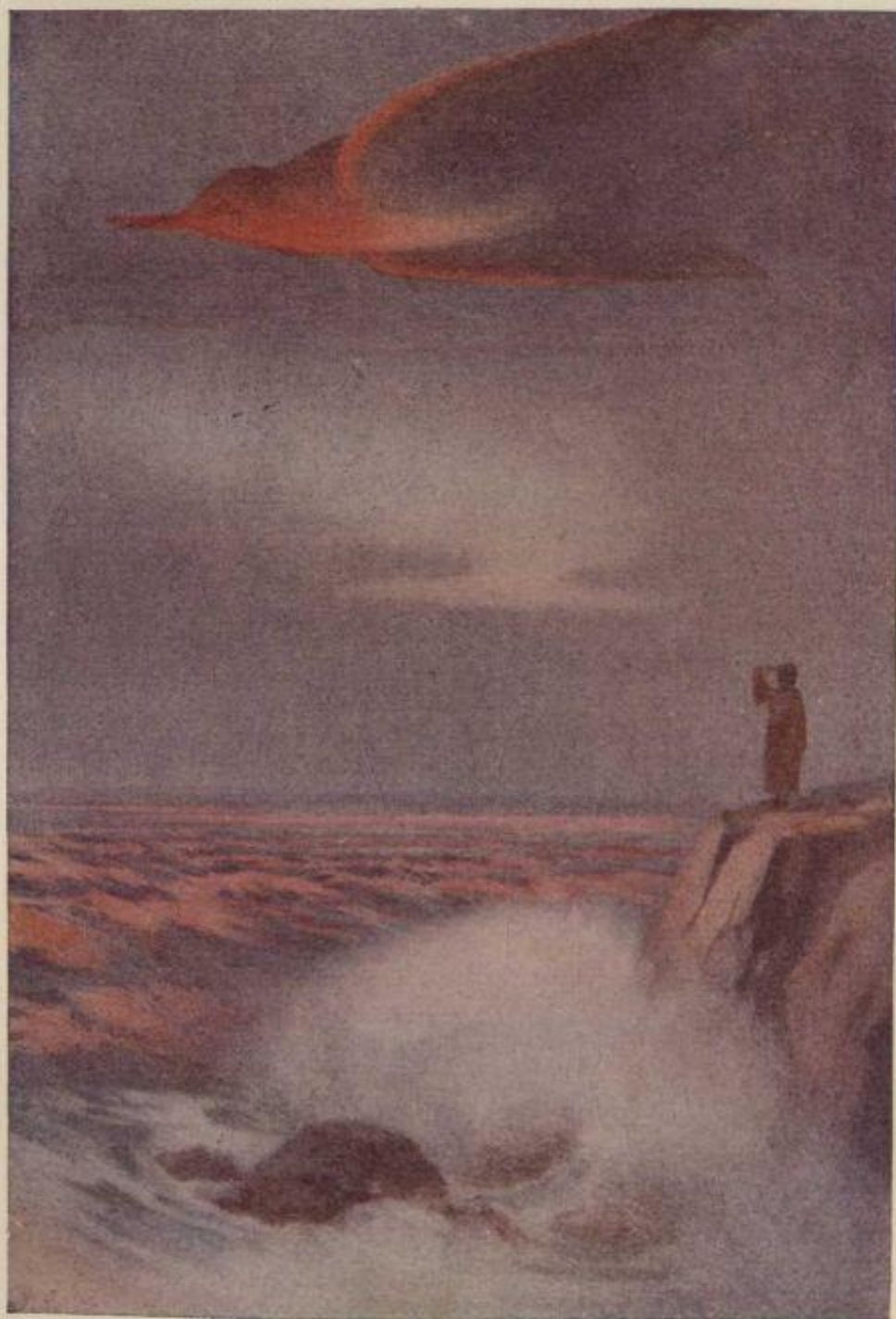
Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовил Эл Хейнс

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE MYTHS OF THE NORTH AMERICAN INDIANS ***

Обложка

Fr.

Sif takes the Form of a Woodpecker

[Page 316]

Сьон принимает облик дятла [Страница [316](#)]

МИФЫ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

АВТОР ЛЬЮИС СПЕНС Ф.Р.А.И.

АВТОР "МИФОВ МЕКСИКИ И ПЕРУ" "ЦИВИЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕЙ МЕКСИКИ" "СЛОВАРЯ МИФОЛОГИИ" И ДР. И ДР.

С ТРИДЦАТЬЮ ДВУМЯ ЦВЕТНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ДЖЕЙМСА ДЖЕКА И ДРУГИМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

ЛОНДОН
ДЖОРДЖ Г. ХАРРАП И КОМПАНИЯ
2 & 3 PORTSMOUTH STREET KINGSWAY W.C.
MCMXIV

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ БАЛАНТАЙНА
ЛОНДОН АНГЛИЯ

ФОРМА ДЛЯ ДАННОГО ТОМА

Иллюстрации, которые являются особенностью этой серии, в большинстве своем воспроизведены с лучших работ прошлых и ныне живущих художников.

Мифы Греции и Рима

Автор Г. А. ГЕРБЕР. С 64 полностраничными иллюстрациями. Классический том.
Одновременно увлекательный сборник рассказов и ценный справочник.

Мифы норманнов

Из Эдд и Саг. Автор Г. А. ГЕРБЕР. С 64 полностраничными иллюстрациями.

Мифы и легенды Средневековья

Г. А. ГЕРБЕР. С 64 полностраничными иллюстрациями.

Мифы и легенды британской расы

М. И. ЭББУТТ, М.А. С 64 оригинальными полностраничными иллюстрациями.

Мифы и легенды кельтской расы

Автор Т. В. Роллестон. С 64 оригинальными полностраничными иллюстрациями.

Мифы и легенды Японии

Ф. Хэдленд Дэйвис. С 32 цветными иллюстрациями Эвелин Пол.

Мифы Мексики и Перу

Льюис Спенс, F.R.A.I. С 60 полностраничными и другими иллюстрациями.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Североамериканские индейцы так давно стали объектом глубочайшего интереса, что пренебрежение к их живописным и оригинальным мифологиям и сказкам, которые они породили, трудно понять. В детстве мы склонны рассматривать его как инструмент, специально предназначенный для исполнения бурных инцидентов, на основе которых можно создать захватывающий дух вымысел. В зрелом возрасте мы слишком склонны считать, что его можно отложить в сторону вместе с фазринами и прочими мимолетными вещами и отнести к области воображения. Пресыщенные его постоянным повторением в сказках нашей юности, мы, возможно, слишком готовы доверчиво прислушиваться к

рассказам, в которых он предстает как неблагоприятный бродяга, добывающий себе пропитание мелким воровством или изготовлением украшений из бисера.

Действительно, удивительно, насколько расплывчатой представляется картина североамериканского индейца в сознании большинства людей в Европе, если принять во внимание все последние антропологические исследования, проведенные по этому вопросу. На самом деле, в Англии было опубликовано всего несколько книг, содержащих больше, чем самые скудные подробности о Красной расе, да и те, как правило, скудны, а если и получены, то имеют сомнительную научную ценность.

Основная цель данного тома - дать читателю общее представление о мифологии краснокожих Северной Америки, сопроводив его историческими и этнологическими сведениями, которые помогут ему оценить реальные условия, в которых существовала эта интереснейшая часть человечества. Основное различие между индейским и европейским ментальным мировоззрением настаивается на том, что невозможно правильно понять миф американских индейцев или условия жизни, если не признавать и не учитывать такое различие. Разница между точкой зрения, мирской и духовной, краснокожего человека и европейца столь же велика, как и та, что разделяет концепции и философии Востока и Запада. Тем не менее, мы найдем в североамериканских мифологиях многое, что вошло в состав бессмертных сказаний древних религий Восточного полушария. Все мифы, азиатские, европейские или американские, возникают на основе сходных природных представлений, и если мы обнаружим в американской мифологии особенности, которых не наблюдаем в системах Греции, Рима или Египта, мы можем быть уверены, что они проистекают из обстоятельств окружающей среды и расовых привычек, измененных только климатом и родственными условиями.

За последние тридцать лет многое было сделано для того, чтобы поставить изучение американских аборигенов на более прочную основу. Представители старой школы этнологов в большинстве своем были одержимы самыми дикими идеями относительно происхождения индейцев, и многие из них считали краснокожих выродившимся потомком потерянных Десяти колен Израилевых или ранних финикийских авантюристов. Но эти "антиквары" вынуждены были уступить место новой школе студентов, хорошо вооруженных научными знаниями, чьи труды под замечательным руководством Бюро этнологии Соединенных Штатов принесли богатые плоды. Этот добросовестный и предприимчивый государственный департамент выпустил множество ценнейших трудов по этнологии, мифологии и племенным обычаям североамериканских индейцев. Они написаны людьми, которые не понаслышке знакомы с жизнью и языками индейцев, многие из которых столкнулись с большими лишениями и трудностями, чтобы собрать материал, который они опубликовали. Эта серия, действительно, является памятником тому благородному типу героизма, который наука может зажечь в груди студента, а прямой, не приукрашенный язык этих томов скрывает множество историй жизни, которые по тихой, непритязательной храбрости и презрению к опасности сравнятся с любыми другими историями исследований и человеческой выносливости.

ЛЕВИС СПЕНС

ЭДИНБУРГ: *март* 1914 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА

- I. Разделение, обычаи и история расы
- II. Мифология североамериканских индейцев
- III. Мифы и легенды алгонкинов
- IV. Мифы и легенды ирокезов
- V. Мифы и легенды сиу
- VI. Мифы и легенды пауни
- VII. Мифы и легенды северных и северо-западных индейцев
- Библиография
- Глоссарий и указатель

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Sîñ принимает форму дятла *Фронтиспис*

На озерах

Пожилой омаха-бо

Земляной домик

Костюм женщины омаха

Приключение с тотемом

Индейские рисунки: Петроглиф в Небраске

Ленапе приезжают в Пещерное место

"Глооскап привлёк на помощь все свои магические ресурсы".

"Он увидел большой *вигвам*".

Алгон несёт плененную девицу домой в свою обитель

Моовис растаял на солнце

"Он скакал по ветру"

"Перевезешь ли ты нас через реку?" - спросила она.

"Он поднял копье и ударил по поясу".

"Глядя вниз, она увидела лагерь черноногих".

Голова преследователя

"Он внезапно принял облик гигантского дикобраза"

""Я вижу тебя! Я вижу тебя! Ты умрешь"

"Он зажег трубку и положил ее в рот скелета".

""Стань больше, мой чайник!""

"Она запела странную, сладкую песню".

"Вскоре начались танцы"

"Он подпрыгнул так высоко, что затряслись все кости в его теле".

Военный вождь убивает чудовищную гремучую змею

"Он прислонился плечом к скале"

"Одним большим шагом он достиг далекого мыса"

"Они прибыли в обитель Бога Воды"

"Он появился в своей стране"

"Все случилось так, как предсказал Лесной человек".

"И снова вошел Кролик, переодетый человеком".

"Он схватился за волосы".

Рыболовная экспедиция в Страну Теней

"Спустился туман, а вместе с ним и Сверхъестественный народ"

КАРТА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ ЯЗЫКОВЫЕ ЗАПАСЫ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

ГЛАВА I: РАЗДЕЛЕНИЕ, ОБЫЧАИ И ИСТОРИЯ РАСЫ

Первые индейцы в Европе

Почти сразу после открытия Нового Света его жители стали источником величайшего интереса для всех сословий и классов европейцев. То, что так произошло, не вызывает особого удивления, если вспомнить невежество, царившее в отношении открытия нового полушария, и то, что в народном воображении жители новообретенных земель считались обитателями тех восточных стран, к которым так долго и так бесплодно стремилась европейская навигация. Само название "индейцы", присвоенное жителям островов далекого западного океана, доказывает необоснованность и фальшь новых условий, которые благодаря открытиям Колумба были навязаны науке географии. Чем вызван столь пристальный и живой интерес к странным существам, которых генуэзский мореплаватель привез с собой в качестве образцов населения вновь обретенных островов? Испанцы привыкли к присутствию и виду восточных людей. Они веками жили бок о бок с народом восточного происхождения и речи, и восточные вещи были для них не в новинку. Не может ли быть, что люди по каким-то естественным, трудно постижимым мотивам не доверяли в глубине души научным выводам того времени? Что-то более глубокое и примитивное, чем наука, действовало в их сознании, и какой-то глубокий человеческий инстинкт подсказывал им, что сумрачные и обветренные люди, которых они видели в триумфальном шествии Первооткрывателя, были не жителями Востока, с которым они были более или менее знакомы, а бывшими обитателями мистического континента, который был изолирован от остального человечества на протяжении бесчисленных веков.

Не мало обстоятельств, которые доказывают, что инстинкт, отбросив выводы науки, считал, что он по праву натолкнулся на истину. Девиз на гербе, пожалованном Колумбу, красноречиво говорит о народных чувствах, когда он гласит,

Кастилии и Леону
Колумб подарил новый мир,

А в Лондоне эту новость встретили заявлением о том, что она "кажется более божественной, чем человеческой" - к такому выводу вряд ли можно было бы прийти, если бы считалось, что достигнута только самая дальняя точка Востока.

Примитивный и варварский вид индейцев, сопровождавших Колумба, произвел глубокое впечатление на жителей Испании. До этого события дикарь был всего лишь "легендарным и геральдическим животным, как грифон и феникс". В лице индейца он впервые предстал перед изумленными взорами европейцев, которые быстро заметили различия в чертах и общем облике между краснокожим и цивилизованным восточным человеком, хотя некоторые ранние писатели настаивали на его сходстве с тартарами.

Народный интерес, вместо того чтобы угаснуть, только возрастал, и с каждым американским открытием "индеец" становился предметом новых споров. Работы о происхождении и обычаях американских аборигенов, отличающиеся большой эрудицией, но сомнительными выводами, охотно изучались и обсуждались. Однако они были не более экстравагантными, чем многие теории, выдвинутые гораздо позже. В начале XIX века школа энтузиастов-антикваров, самым выдающимся из которых был, пожалуй, лорд Кингсборо, решила

доказать идентичность американских аборигенов с потерянными Десятью коленами Израиля и приложила к этому вопросу целую батарею эрудиции самого необычного рода. Большой труд его светлости на эту тему, "*Древности Мексики*", поглотил состояние около пятидесяти тысяч фунтов стерлингов. В ходе этих исследований были сделаны самые абсурдные филологические выводы, перечисление которых утомит читателя. Лишь немногим менее нелепыми были выводы, сделанные из индейских обычаев, когда они имели некоторое поверхностное сходство с древнееврейскими обрядами или священническими обычаями.

Индейцы как евреи

В качестве примера этого вида аргументации достаточно привести следующий отрывок из работы, опубликованной в 1879 году: [1]

[1] *The Migration from Shinar*, by Captain G. Palmer (London).

"Индийский первосвященник носит нагрудник из белой раковины конха, а вокруг головы либо венок из лебединых перьев, либо длинный кусок лебединой кожи, сложенный вдвое, так что видны только снежные перья с каждой стороны. Это напоминает нагрудник и митру иудейского первосвященника. У них также есть прозрачный магический камень, с которым советуются знахари; его очень ревностно охраняют даже от своих людей, и Адаир так и не смог раздобыть такой. Неужели это подражание Уриму и Туммиму? Опять же, у них есть праздник первых плодов, который они отмечают песнями и танцами, повторяя "Халелу-Халелу-Халелуиа" с большим усердием и рвением. Они танцуют в трех кругах вокруг костра, на котором готовятся эти плоды, на своеобразном алтаре, выкрикивая хвалу Йо-Хе-Ва (Иегове?). Эти слова используются только на их религиозных праздниках".

На какое племя ссылается писатель, из контекста не ясно.

Индейцы, говорящие на валлийском языке

Этнологическая связь краснокожих Северной Америки с финикийцами, хеттами и жителями островов Южного моря была прослежена с одинаковой эрудицией. Но одна из самых забавных теорий - та, что пытается обосновать его кровное родство с жителями Уэльса! Аргументы в пользу этой теории настолько причудливы и являются таким ярким примером той образованности, от которой американская этнология стонала на протяжении многих поколений, что их можно рассмотреть вкратце. В книге автора "*Мифы Мексики и Перу*" (стр. 5) приводится краткое изложение легенды о Мадокке, сыне Оуэна Гвинета, валлийском принце, который покинул свою страну в отвращении к тому, как его братья разделили территории

своего отца. Отправившись на запад с несколькими кораблями, он прибыл, как пишет сэр Томас Герберт в своих *"Путешествиях"* (1634), к Мексиканскому заливу, "недалеко от Флориды", в 1170 году. Обосновавшись там, он вернулся в Уэльс за подкреплением и снова направился на тусклый Запад, чтобы больше никогда о нем не слышать. Но, говорит летописец, "хотя кембрийский род в новообретенном мире может показаться вымершим, язык, который до сих пор используется среди этих канибалов, вместе с их поклонением кресту, использованием бус, реликвий святых людей и некоторых других, отмеченных в них из Акузано и других мест, ... указывает на то, что наш Мадок был там раньше". Кембрийцы, продолжал сэр Томас, оставили в своей американской колонии множество названий "птиц, рек, скал, зверей и тому подобного, некоторые из которых звучат следующим образом: *Gwrando*, означающее в кембрийской речи "слушать" или "прислушиваться". *Pen-gwyn*, у нас - белая голова, мексиканцы называют так называемую птицу, а скалы соответствуют этой идиоме. Некоторые мысы имели подобные названия, и люди называют их так до сих пор, хотя испанцы от них отстранились и скрывают. Таковы острова *Коррозсо*. Мыс *Брутайн* или *Бриттайн*. *Гвиндоур* или белая вода, хлеб *Бара*, мать *Мам*, отец *Тейт*, вода *Даур*, время *Брайд*, *Бу* или *Бух* - корова, *Клюгар* - вереск, *Лвиног* - лиса, *Вай* - эгге, *Калаф* - перо, *Трвин* - нос, *Неф* - небо; и тому подобное, что тогда использовалось; по моему представлению, никто, кроме отвлеченных мнений, не может справедливо противостоять таким достойным свидетельствам и доказательствам того, что я хотел бы, чтобы было общепринято."

Древность человека в Америке

Переходя к более существенным выводам относительно расового родства краснокожих, мы обнаруживаем, что только в последнее время удалось прийти к чему-то похожему на обоснованный научный аргумент. Опираясь на недавно приобретенные геологические, антропологические и лингвистические знания, исследователи глубинных областей американской этнологии решили вопрос о том, как было заселено Западное полушарие, и приводимые ими аргументы настолько убедительны по своей сути, что не оставляют сомнений у непредвзятых людей.

Теперь признано, что присутствие человека в Старом Свете датируется эпохой, настолько далекой, что ее можно вычислить только по геологическим периодам, последовательность которых нам известна, но не их продолжительность, и исследования доказали, что то же самое относится и к Западному полушарию. Хотя человек, несомненно, нашел свой путь из Старого Света в Новый, период, когда он это сделал, настолько отдален, что для всех практических целей можно сказать, что он заселил оба полушария одновременно. Действительно, "его относительная древность в каждом из них не имеет никакого отношения к истории его продвижения".

Известно, что на американском континенте нет ни одного примера высокоорганизованных приматов - например, крупных обезьян, - которыми изобилует Старый Свет, кроме самого человека, и этого обстоятельства достаточно, чтобы доказать, что человеческий род должен был попасть в Америку как чужак. Если бы человек был коренным жителем Нового Света, то рядом с ним были бы найдены либо существующие, либо ископаемые представители крупных приматов и других антропоидных животных, которые иллюстрируют его родословную в Старом Свете.

Великий миоценовый мост

И снова многие внимательные наблюдатели отмечают поразительное сходство между аборигенами Америки и Северной Азии. В Беринговом проливе Старый Свет и Новый разделяет лишь узкий морской проход, а возвышение морского дна менее чем на двести футов обеспечило бы "сухопутный мост" шириной не менее тридцати миль между двумя континентами. Геологический факт заключается в том, что Берингов пролив образовался в третичный период, и что такой "мост через сушу" когда-то существовал, которому американские геологи дали название "миоценовый мост". По этому "мосту", как считается, человек перешел из Азии в Америку, а его последующее исчезновение ограничило его Западным полушарием.

Американский человек в ледниковые времена

То, что эта миграция произошла до ледникового периода, доказывается тем обстоятельством, что сколы кремня и другие орудия труда были обнаружены в ледяных отложениях в Огайо, Индиане и Миннесоте, где, как известно, простирался южный край ледникового покрова. Это доказывает, что человек был оттеснен на юг наступающими льдами, как и некоторые виды животных Старого Света, мигрировавшие в Америку. Однако во многих случаях то, что может показаться свидетельством присутствия доисторического человека в Северной Америке, трудно воспринимать с какой-либо степенью уверенности, и мы ограничимся лишь наиболее достоверными случаями. В лёссе Миссисипи в Натчезе доктор Диксон обнаружил бок о бок с останками милодона и мегалоникса человеческие кости, почерневшие от времени. Но сэр Чарльз Лайелл указал, что эти останки могли быть перенесены действием воды из многочисленных индейских захоронений, расположенных поблизости. В Новом Орлеане во время рытья траншей для газовых труб был обнаружен скелет в шестнадцати футах от поверхности, череп которого был зарыт под гигантским кипарисом. Однако впоследствии выяснилось, что залежь, в которой были найдены останки, была недавнего происхождения. В Петит-Анс, штат Луизиана, на глубине от пятнадцати до двадцати футов среди отложений соли был обнаружен тростниковый коврик, в котором лежали бивни или кости слона. В придонных землях реки Бурбуз в штате Миссури доктор Кох обнаружил останки мастодонта. Он утонул в болотной грязи и, придавленный собственной тяжестью, не смог выпрямиться. На него напали охотники той смутной эпохи, и следы их нападения - кремневые наконечники стрел и куски камня - были найдены вперемешку с его костями. Не в силах расправиться с ним своим сравнительно слабым оружием, они развели вокруг него большие костры, пепелища от которых сохранились на высоте шести футов, и таким образом им, предположительно, удалось его задушить.

В Айове и Небраске доктор Оги обнаружил множество свидетельств присутствия раннего человека в каменных орудиях, смешанных с костями мастодонта. В Калифорнии, Колорадо и Вайоминге в отложениях, не имеющих признаков перемещения, были обнаружены десятки каменных ступок, наконечников стрел и копий. Следы древних горных работ также встречаются в Калифорнии и в районе озера Верхнего: скелеты первобытных шахтеров были найдены с каменным молотком в руках под толщей породы, которая погребла их при

падении. Поскольку целью этих искателей, очевидно, был металл какого-то вида, можно сделать обоснованный вывод, что останки относятся к сравнительно позднему времени.

Череп Калавераса

В 1866 году профессор Дж. Д. Уитни обнаружил знаменитый череп Калавераса на глубине около ста тридцати футов в слое австралийского гравия на западном склоне Сьерра-Невады, Калифорния. Череп лежал на слое лавы и был покрыт несколькими слоями лавы и вулканических отложений. В похожих геологических условиях было найдено множество других останков, и это, как полагают, доказывает, что череп из Калавераса - не единичный случай присутствия человека в Америке в третичное время. Череп напоминает эскимосский тип, а химический анализ показал наличие органического вещества. Эти обстоятельства привели к выводу, что огромный возраст, заявленный Уитни для реликвии, ни в коем случае не доказан, и это мнение было подкреплено знанием того, что смещения отложений, в которых он был обнаружен, часто были вызваны вулканическим воздействием.

Более поздние находки

Более поздние находки были обобщены видным специалистом, связанным с Бюро этнологии Соединенных Штатов, следующим образом: "На послеледниковой террасе на южном берегу озера Онтарио мистер Томлинсон при рытье колодца обнаружил остатки очага на глубине двадцати двух футов, что, по-видимому, свидетельствует о раннем заселении бассейна Святого Лаврентия аборигенами. Из ледниковых или сразу послеледниковых отложений Огайо было найдено несколько предметов человеческой работы: топор с желобками из колодца на глубине двадцати двух футов под поверхностью, недалеко от Нью-Лондона; обломок предмета типа расточителя в Ньюкоммерстауне, на глубине шестнадцати футов в ледниковом гравии; обломки камней в гравии, один в Мэдисонвилле на глубине восьми футов, а другой в Лавленде на глубине тридцати футов. В пойме Литл-Фоллс, штат Миннесота, в отложениях песка и гравия обнаружено множество искусственных предметов из кварца. Некоторые считают, что эта пойма была окончательно покинута Миссисипи ближе к концу ледникового периода в долине, но Чемберлен серьезно сомневается в том, что эти находки дают основания для определенных выводов относительно времени. На пляже реки Миссури возле Лансинга, штат Канзас, на глубине двадцати футов недавно были найдены части человеческого скелета, но геологи не пришли к единому мнению относительно возраста образования. В Клейтоне, штат Монако, в отложениях, которые, как считается, относятся к лёссам, на глубине четырнадцати футов был найден хорошо обработанный рифленый топор. В районе Бассейнового хребта, между Скалистыми горами и Сьеррами, были сделаны две находки, которые, по-видимому, указывают на древность обитания человека: в иловом отложении в долине Уолкер Ривер, штат Невада, которое, как полагают, ледникового периода, на глубине двадцати пяти футов было найдено обсидиановое орудие; в Нампе, штат Айдахо, сообщается, что глиняное изображение было поднято пескоотсосом с глубины триста двадцать футов в чередующихся слоях глины и зыбучих песков, лежащих под лавовым

потоком поздне третичного или раннеледникового возраста. Ряд геологов ставят под сомнение ценность этих находок".

Поздний человек в Америке

Каковы бы ни были сомнения в присутствии человека в Америке в третичный период - сомнения, которые не разделяет большинство американских археологов, - нет никаких сомнений в том, что он занимал весь континент во времена менее отдаленные, но все же далекие от рассвета самых ранних исторических записей в Азии или Европе. В пещерах и "кухонных горшках" или мусорных кучах по всей длине и ширине американского континента были обнаружены многочисленные свидетельства существования густонаселенных центров. Вместе с раковинами моллюсков и костями вымерших животных находят человеческие останки, оружие и орудия труда, а также следы огня, которые доказывают, что люди тех ранних времен поднялись над чисто животным существованием, которое вели первые переселенцы на американскую землю.

Сходство с сибирскими народами

Как уже было сказано, внимательные наблюдатели неоднократно отмечали сильное сходство между американскими расами и расами северо-восточной Азии. Это сходство не только физическое, но и распространяется на обычаи и в некоторой степени на религиозные верования.

"Военные танцы и медицинские обычаи остиаков напоминают таковые у колушей вплоть до мельчайших деталей, а миф о небесном альпинисте, который поднимается в небо с высокого дерева, опускаясь на землю с помощью полоски кожи, веревки из травы, косы из волос или выходящего дыма из хижины, встречается не только среди угорских племен, но и среди индейцев догрибов. Такие мифы, как утверждается, хотя и недостаточны для доказательства общего происхождения, указывают на ранние связи между этими далекими народами. С другой стороны, суеверные обычаи, как утверждается, вряд ли могли быть приняты в результате простого общения и указывают на общее происхождение. Так, среди ительменов Камчатки запрещено носить горящее клеймо иначе, чем в пальцах; ни в коем случае нельзя протыкать его для этой цели острием ножа. Аналогичное суеверие лелеют дакоты. Кроме того, когда племена Гудзонова залива убивают медведя, они раскрашивают его голову в яркие цвета и поют вокруг нее религиозные гимны; считается, что это символизирует дух умершего животного. Подобная практика, говорят, распространена по всей Сибири, встречается у гиляков на Амуре и айнов. Остяки вешают шкуру медведя на дерево, оказывают ему глубочайшее уважение и обращаются к нему, прося прощения у духа животного за то, что предали его смерти; кроме того, они обычно клянутся "медведем", как полированные афиняне обычно клялись "собакой". Глиняные сосуды, как утверждается далее, изготавливали не только ительмены, но и алеуты и колуши Нового Света; в то время как ассинибойны, поселившиеся дальше к югу, готовили свою плоть в котелках из шкур, в которые бросали раскаленные камни для нагрева воды." [2].

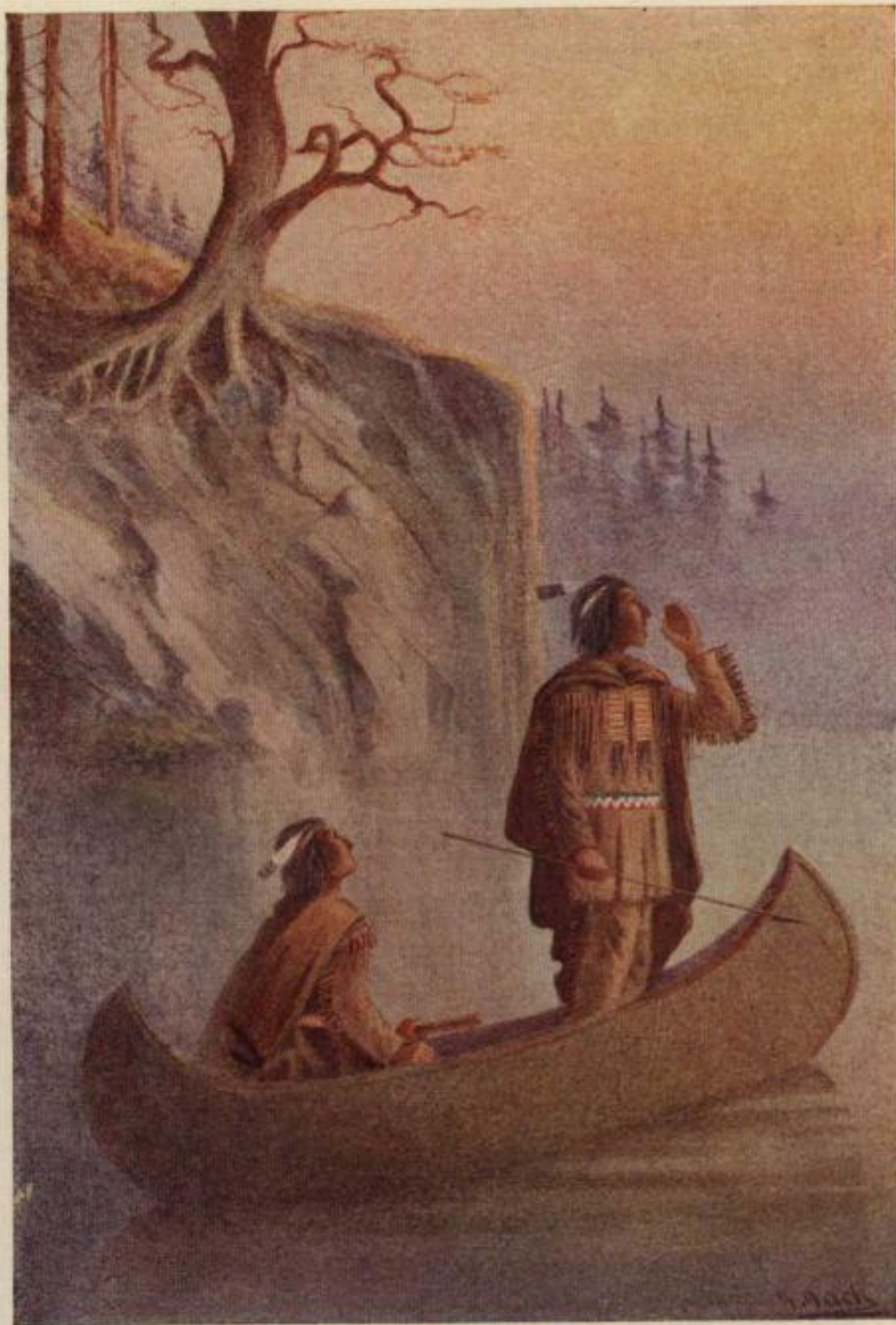
[2] Payne, *History of the New World*, ii. 87-88, обобщающий исследования Пешеля и Тайлора.

Доказательства существования американских языков

Структура языков аборигенов Америки подтверждает вывод о том, что американская раса произошла из одного, а не из нескольких источников, и что она является этнологическим продолжением Северо-Восточной Азии. Не только "механизм" американской речи близко напоминает речь соседних азиатских рас, обладая общей основой фонетики и прочности, но и отказ от лабиальных эксплодентов, который распространяется от Северной Азии через речь Алеутских островов до северо-западной Америки, является хорошим доказательством родства.

Свидетельства азиатского взаимопроникновения

Свидетельств азиатского общения с Америкой в недавние и исторические времена не так уж и мало. Достоверно известно, что русские узнали от коренных сибиряков о местонахождении Америки задолго до открытия Берингом сопредельности континентов. Шарлевуа в своей работе о происхождении индейцев утверждает, что один из французских отцов-иезуитов, прер Греллон, встретил на равнинах Тартарии гуронскую женщину, которую продавали из племени в племя, пока она не перешла из Берингова пролива в Центральную Азию. Какими бы незначительными ни казались подобные инциденты, именно с их помощью можно извлечь важные истины. Если одного человека обменяли таким образом, то, вероятно, было много подобных случаев.

On the Lakes

12

На озерах

Поздние миграции

Существуют достойные уважения теории, которые рассматривают североамериканских индейцев как последнюю и недавнюю волну многочисленных азиатских миграций на американскую землю. Если можно доверять норвежским сагам, в которых описывается посещение скандинавскими мореплавателями десятого века восточных берегов Америки, то

рассказы о расе, с которой столкнулись эти первооткрыватели, ни в коем случае не совпадают с возможным описанием Красного человека. Мореплаватели-вики прозвали американских аборигенов *Skrælingr*, или "чипсы", из-за их тщедушного вида, а рассказ, который они дали о них, похоже, относит их к народу, имеющему эскимосское родство. Многие останки, обнаруженные в восточных штатах, относятся к эскимосскому типу, и если объединить с этим традиции индейцев о великой миграции - традиции, которые не могли сохраниться на протяжении многих поколений, - то станет ясно, что точная эпоха прихода краснокожих в Америку ни в коем случае не является окончательно установленной.

Норсмены в Америке

Поскольку мы уже упоминали о визитах норманнов в Америку в десятом веке, возможно, стоит еще немного коснуться этой интересной темы, поскольку она, несомненно, имеет отношение к вопросу о принадлежности доиндейских обитателей восточной части Северной Америки. Скандинавская колонизация Исландии побудила бесстрашных викингов продолжить свои путешествия в еще более северные воды, что привело к открытию Гренландии. Поселившись на этих унылых берегах, выносливые моряки практически неизбежно должны были вскоре открыть американскую землю. Биарн Херьюльфсон, плывя из Исландии в Гренландию без знания вод, по которым он плыл, попал в густой туман и переменчивый ветер, так что он не знал, в каком направлении плыть. "Безрассудно, наверное, наше плавание, - смеялся крепкий норвежец, - ведь никто из нас не видел Гренландского моря". Однако, упорно держась на плаву, искатели приключений наконец-то увидели землю. Но это была не страна высоченных льдов, как им говорили. Перед их удрученными морем глазами предстала земля с пологими волнами, поросшими лесом. Отдаляясь, они подошли к другой земле, похожей на первую. Ветер стих, и моряки предложили сойти на берег. Но Биарн отказался. Через пять дней после этого они достигли Гренландии. Биарн, конечно, попал в арктическое течение, которое идет на юг от Полярного круга между Исландией и Гренландией, и был отнесен к берегам Новой Англии.[3].

[3] Rafn, *Antiquitates Americana*, xxix. 17-25.

Лейф Счастличик

Биарн не стремился продолжать свои открытия, но при дворе Эрика, графа Норвежского, который он посетил, много говорили о его пренебрежении к их продолжению. Вся Гренландия тоже была взбудоражена этой новостью. Лейф по прозвищу "Счастличик", сын Эрика Рыжего, первого колонизатора Гренландии, купил корабль Биарна и, наняв команду из тридцати пяти человек, одним из которых был немец по имени Тиркер (возможно, Тидскер, что по-норвежски означает "немецкий"), отправился к земле, которую видел Биарн. Вскоре он увидел ее и бросил якорь, но это было бесплодное место, поэтому они назвали его Хеллу-ленд, или "Земля плоских камней", и, покинув его, снова поплыли на юг. Вскоре они

приплыли в другую страну, которую называли Маркленд, или "Лесная страна", потому что она была низкой и плоской и хорошо покрыта деревьями. Эти берега они также покинули и снова вышли в море.

Страна вина

Проплыв еще дальше на юг, они подошли к проливу, лежащему между островом и мысом. Здесь они высадились и построили хижины. После гренландских ветров, похожих на мечи, воздух был теплым, а когда день был самым коротким, солнце стояло над горизонтом с половины седьмого утра до половины четвертого пополудни. Они разделились на две группы, чтобы исследовать землю. Однажды пропал немец Тиркер. Его искали и нашли на небольшом расстоянии от лагеря, в состоянии сильного возбуждения. Он обнаружил лозы с виноградом на них - благо для человека, приехавшего из страны виноградных лоз и не видевшего их полжизни. Они нагрузили корабельную лодку виноградом, срубили лес, чтобы загрузить корабль, и весной отплыли из вновь обретенной страны, которую называли "Винной".

Похоже, что название "Страна Хеллу" относилось к Ньюфаундленду или Лабрадору, "Страна Марка" - к Новой Шотландии, а "Страна вина" - к Новой Англии, и что Лейф зимовал в какой-то части штата Род-Айленд.

Скрейлингр

В 1002 году брат Лейфа Торвальд отплыл на новую землю на корабле Биарна. С того места, где Лейф высадился, которое норманны называли "Бутсы Лейфа" (или хижины), он исследовал страну в южном и северном направлениях. Но на мысе в окрестностях Бостона на него напали и убили обитавшие в этой стране скрёллингры. Эти люди описываются как маленькие и карликовые на вид и как обладающие эскимосскими чертами. В 1007 году была предпринята смелая попытка колонизировать страну из Гренландии. Три корабля со ста шестьюдесятью людьми на борту отплыли в Винную страну, где и зазимовали, но непрекращающиеся нападения Скрейлингра сделали колонизацию невозможной, и норманны ушли. Уничтожение скандинавских колоний в Гренландии положило конец всем связям с Америкой. Но последнее плавание из Гренландии к американским берегам состоялось в 1347 году, всего за сто сорок пять лет до открытия Колумбом островов Вест-Индии. В 1418 году гренландские эскимосы Скрэлингр напали на поселения норвежцев и разрушили их, а колонистов увели в плен. Возможно, именно потомки этих норвежцев, отважившихся на мир льдов и на бушующие волнорезы арктического моря, были обнаружены недавним исследователем Арктики! [4]

[4] См. "Сагу об Эрике Потенсе" в Мюллере, *Sagenbibliothek*, p. 214.

Подлинность норвежских находок не вызывает сомнений. Не менее семнадцати древнеисландских документов ссылаются на них, а Адам Бременский упоминает открытую ими территорию, как будто речь идет о широко известной стране.

Скала Дайтон

Скала, покрытая надписями, известная как Дайтонская скала, расположенная на берегу реки Таунтон в штате Массачусетс, давно указывала на норвежское происхождение, а Рафн, датский антиквар, назвал письма, которые на ней были нанесены, руническими. С такой же проникательностью Корт де Жебелен и доктор Стайлз увидели в ней финикийскую надпись. На самом деле, совершенно точно, что надпись имеет индийское происхождение, поскольку подобные наскальные рисунки встречаются по всей длине и ширине северного субконтинента. Почти столь же сомнительны теории, согласно которым "старая мельница" в Ньюпорте является норвежским "биггином". Какими бы достоверными ни были норвежские поселения в Америке, несомненно, что норманны не оставили следов своего пребывания на этом континенте, и хотя здание в Ньюпорте отчетливо напоминает остатки норвежской архитектуры в Гренландии, район, в котором оно расположено, совершенно не относится к области расселения норманнов в Северной Америке.

Строители курганов

Вопрос о древности красной расы в Северной Америке связан с археологической проблемой, которая изобилует трудностями, но не менее интересна. В бассейне Миссисипи и в штатах Персидского залива, главным образом от Ла-Кросса, штат Висконсин, до Натчега, штат Миссис, а также в центральных и южных районах Огайо и в прилегающей части Индианы и Южного Висконсина, обнаружены большие земляные курганы, типичная форма которых - пирамидальная. Некоторые, однако, круглые, а некоторые пятиугольные. Другие расположены террасами, выходящими наружу с одной или двух сторон, а некоторые имеют дорожки, ведущие к ровной поверхности на вершине. Это не просто скопления обломков, а сооружения, построенные по определенному плану и, очевидно, потребовавшие значительного мастерства и труда для своего воплощения. "Форма, за исключением тех мест, где она стерта плугом, обычно представляет собой низкий, широкий, круглый конус, варьирующийся по размеру от едва заметной выпуклости в земле до высоты в восемьдесят или даже сто футов, и от шести до трехсот футов в диаметре." [5].

[5] Бюллетень 30, Бюро американской этнологии.

Курганы в форме животных

Многие из этих сооружений представляют собой формы животных, вероятно, тотемов или одноименных предков племени, которое их воздвигло. Главным центром этих необычных сооружений, по-видимому, был Висконсин, где они очень многочисленны. Здесь представлены орел, волк, медведь, черепаха, лиса, и даже человеческая форма. Есть птицы с распростертыми крыльями, размером более тридцати двух ярдов от кончика до кончика, и огромные формы млекопитающих длиной в шестьдесят пять ярдов. Рептилии также многочисленны. В основном это огромные ящерицы. В Миннесоте есть как минимум один курган в виде паука, тело и ноги которого покрывают целый акр земли.

Согласно классификации Сквайера, эти сооружения использовались для захоронений, жертвоприношений и наблюдений, а также в качестве храмов. Другие сооружения, часто встречающиеся в связке с ними, очевидно, являются ограждениями и, вероятно, использовались для обороны. Конические курганы обычно построены из земли и камней и в большинстве своем являются местами захоронения. Плосковерхие сооружения, вероятно, служили площадками для зданий, таких как храмы, дома советов и жилища вождей. Захоронения редко совершались в стенах или курганах с чучелами. Многие из них имеют правильную геометрическую форму, круглую, квадратную или восьмиугольную, и за редким исключением они встречаются в Огайо и прилегающих частях Кентукки, Индианы и Западной Вирджинии. Они занимают площадь от одного до ста акров.

Что содержат курганы

В погребальных курганах было найдено большое количество предметов, которые проливают свет на привычки людей, построивших их. Часто встречаются медные пластины с оттиснутыми рисунками, которые трудно объяснить. В одном кургане было найдено не менее шестисот каменных топоришков-лезвий, в среднем семь дюймов в длину и четыре в ширину. Из другого кургана были извлечены двести прокаленных табачных трубок и медные украшения с тонким серебряным напылением, а из других - фрагменты керамики, обсидиановые орудия, слоновая кость и костяные иглы, а также свитки, вырезанные из очень тонких пластин слюды. В некоторых случаях наблюдалась практика кремации, но в других тела были найдены вытянутыми горизонтально или сложенными вдвое. В некоторых случаях прах умерших был аккуратно помещен в черепа, возможно, тех людей, чьи тела были преданы огню. Орудия труда также многочисленны, часто встречаются топоры, шилья и другие инструменты из меди.

Гробница черной черепахи

Более подробное описание одной из групп погребальных курганов может дать читателю более четкое представление об этих сооружениях в целом. Группа, о которой идет речь, была

обнаружена в Миннесоте, на северном берегу реки Сент-Питерс, примерно в шестидесяти милях от ее слияния с Миссисипи. Она включает двадцать шесть курганов, расположенных на равном расстоянии друг от друга и образующих вместе большой прямоугольник. Центральный курган представляет собой черепаху длиной сорок футов, шириной двадцать семь футов и высотой двенадцать футов. Он почти полностью построен из желтой глины, которая не встречается в округе, а значит, должна была быть привезена издалека. Два кургана красной земли треугольной формы обрамляют его с севера и юга, и каждый из них имеет двадцать семь футов в длину и около шести футов в ширину с одного конца, а противоположный конец сужается, едва возвышаясь над уровнем почвы. На каждом углу возвышается круглый курган высотой двенадцать футов и диаметром двадцать пять футов. К востоку и западу от него возвышаются два продолговатых кургана длиной шестьдесят футов и диаметром двенадцать футов. Два меньших кургана справа и слева от черепахообразного кургана длиной двенадцать футов и высотой четыре фута каждый состоят из белого песка, смешанного с многочисленными фрагментами слюды, покрытого слоем глины и второй - растительной плесени. Наконец, тринадцать небольших курганов заполняют промежутки в группе.

Конант дает следующее объяснение всей группе: "Главная гробница должна была стать последним пристанищем великого вождя, Черной Черепахи. Четыре кургана, образующие углы четырехугольника, также были возведены в знак траура племени. Второстепенные курганы - это гробницы других вождей, а маленькие курганы, возведенные на севере и юге, соответствовали количеству тел, которые были в них помещены. Два остроконечных кургана указывают на то, что Черная Черепаха был последним представителем своей расы, а два больших кургана - на важность этой расы и достоинство, которое ей принадлежало. Наконец, два кургана справа и слева от королевской гробницы обозначают места захоронения пророков или прорицателей, которые и в наши дни играют большую роль среди индейских племен. Фрагменты слюды, найденные в их гробницах, указывают на их ранг." [6].

[6] *Footprints of Vanished Races*, p. 18.

Кем были строители курганов?

Вряд ли читатель согласится со всеми выводами, сделанными в процитированном выше абзаце, который утверждает, что эти сооружения имели как иероглифическое, так и погребальное значение. Но подобные спекуляции не могут уничтожить интерес, присущий этой теме, как бы сильно они ни раздражали тех, кто хочет прийти к логическим выводам относительно нее. Кто же были те люди, которые возвели курганы в Огайо и на Миссисипи и распространили свою культуру от побережья Персидского залива до Великих озер? Нет нужды говорить, что "антиквары" прошлого века упорно утверждали, что это были пришельцы из-за моря, солнце- и змеепоклонники, оставившие города Египта, Персии и Финикии и поселившиеся на Западе, чтобы беспрепятственно следовать своим странным религиям. Но такая точка зрения отнюдь не устраивает современную науку, которая видит в архитекторах этих курганов и пирамид предков нынешних аборигенов Северной Америки. Многие предметы, обнаруженные в курганах, европейского производства или свидетельствуют о контакте с европейцами, что говорит о сравнительно современном

происхождении содержащих их сооружений. Обнаруженные предметы и характер различных памятников указывают на культурный этап, схожий с тем, который был отмечен среди более развитых племен, населявших регионы, где находятся курганы, в период прихода белых. Более того, высказывания ранних исследователей этих регионов, таких как участники экспедиции Де Сото, неопровержимо доказывают, что некоторые из сооружений были возведены индейцами в постколумбову эпоху. "Известно, что некоторые племена, населявшие штаты Персидского залива, когда де Сото проезжал через их территорию в 1540-41 годах, такие как ючи, крики, чикасо и натчез, все еще использовали и, возможно, строили курганы, и что квапау из Арканзаса также использовали их. Есть также документальные свидетельства того, что племя "техасцев" все еще использовало курганы в конце семнадцатого века, когда дом вождя описывается как построенный на одном из них. Существует также достаточно доказательств, чтобы обосновать вывод о том, что чероки и шауни были строителями курганов..... По словам мисс Флетчер, виннебаго строят миниатюрные курганы в домике во время некоторых церемоний." [7].

[7] Бюллетень 30, Бюро американской этнологии.

В курганах не было найдено ничего, что указывало бы большую древность, и в настоящее время археологи склонны считать, что они возникли сравнительно недавно.

Народы Северной Америки

Для того чтобы читатель мог лучше понять историю и обычаи Красной расы в Северной Америке, на данном этапе будет полезно классифицировать различные этнические группы, из которых она состоит. Исходя из лингвистической основы - единственно возможной в данном случае - мы обнаружим, что изучающие американские языки, несмотря на разнообразие языков, представленных в Северной Америке, относят все их к десяти или дюжине примитивных стволов. [8] Давайте сначала рассмотрим географическое положение "наций" американских аборигенов в XVI веке, в период прихода белого человека, когда они еще занимали свою исконную территорию.

[8] См. карту, с. 361.

Племя атапасков протянулось широкой полосой через весь континент от Тихого океана до Гудзонова залива и почти до Великих озер под ним. Родственные ему племена забредали далеко на север до устья реки Маккензи, а на юге огибали Скалистые горы и побережье Орегона к югу от устья реки Колумбия, и, распространяясь по равнинам Нью-Мексико, как

апачи, навахо и липаны, доходили почти до тропиков. Атхапаскан - самый широко распространенный из всех индейских языковых групп Северной Америки, он охватывал территорию более сорока градусов широты и семидесяти пяти градусов долготы. Северная часть индейцев была известна как тиннех или дене и состояла из трех групп - восточной, северо-западной и юго-западной, обитавших, соответственно, у Скалистых гор, во внутренних районах Аляски и в горных массивах Британской Америки.

Тихоокеанское подразделение занимало множество деревень на полосе территории длиной около четырехсот миль от Орегона до реки Ил в Калифорнии. Южное подразделение занимало большую часть Аризоны и Нью-Мексико, южную часть Юты и Колорадо, западные границы Канзаса и северную часть Мексики до широты 25°. Социальные условия и обычаи, а также различные диалекты, на которых говорят представители нескольких ветвей и ответвлений этой большой семьи, значительно различаются в зависимости от климата и окружающей среды. Чрезвычайно легко приспосабливаясь, атапаски переняли многие обычаи и церемонии тех племен, с которыми вступали в контакт, и, похоже, не имели никакого стимула для формирования собственной культуры. Их племена не отличались сплоченностью и подразделялись на семейные группы или свободные группы, которые признавали своего рода патриархальное управление и происхождение. Их продовольственное снабжение было по большей части неустойчивым, так как почти полностью состояло из доходов от охотничьих экспедиций, а отчаянные и бесконечные поиски провизии сделали этот народ несколько узким и материальным в мировоззрении.

Ирокезы

Ирокезы - гуроны, тускароры, саскеханноки, ноттауи и другие - занимали большую часть страны от реки Святого Лаврентия и озера Онтарио до Роанока. Несколько племен объединились в конфедерацию, известную как "Пять наций", в которую входили кайюги, ирокезы, онейдаги, онондаги и сенеки. Чероки, обитающие в долинах Восточного Теннесси, по-видимому, были одним из ранних ответвлений ирокезов. Будучи прирожденными воинами, они занимались своим ремеслом с избытком жестокости, что делало их ужасом для белых поселенцев. Именно с ирокезами велось большинство ранних колониальных войн, и их название, заимствованное у алгонкинов и означающее "настоящие гадюки", вероятно, не было ошибкой. У них были вожди, которые, как ни странно, назначались матронами племени, чье решение утверждалось племенным и федеральным советами. "Пять наций" ирокезов составляли Ирокезскую конфедерацию, которая была создана около 1570 года как последняя из серии попыток объединить племена. Ирокезы, столь заметные в колониальной истории, являются одним из их подплемен. Многие из ирокезских племен "были поселены канадским правительством в резервации на Гранд-Ривер, Онтарио, где они проживают до сих пор..... Все ирокезы [в Соединенных Штатах] находятся в резервациях в Нью-Йорке, за исключением онейда, которые поселились в Грин-Бей, штат Висконсин. Так называемые сенека из Оклахомы состоят из остатков многих племен... и эмигрантов из всех племен Ирокезской конфедерации". В 1689 году численность ирокезов оценивалась примерно в двенадцать тысяч человек, тогда как в 1904 году их насчитывалось более шестнадцати тысяч.

Алгонкины

Род алгонкинов[9] окружал ирокезов со всех сторон и простирался на запад до Скалистых гор, где одно из их знаменитых ответвлений, блэкфиты, приобрело известность, сделавшую их героями многих мальчишеских сказок. Они были более мягкими, чем ирокезы, и менее спартанскими по повадкам. Их западная часть состояла из блэкфитов, арапахо и шайенов, проживавших у восточного склона Скалистых гор; северная часть, расположенная большей частью к северу от реки Св. Лаврентия, включали чиппевеев и кри; северо-восточный отдел охватывал племена, населявшие Квебек, Приморские провинции и Мэн, в том числе монтанье и микмаков; центральный отдел, проживавший в Иллинойсе, Висконсине, Индиане, Мичигане и Огайо, включал фоксов, кикапу, меномининов и др; а восточная часть включала все алгонкинские племена, жившие вдоль атлантического побережья: абнаки, наррагансеты, нипмуки, могикане (или мохеганы), шони, делавары и поватаны.

[9] Это название было принято, чтобы отличать семью от племенного названия "алгонкин" или "алгонкин", но не используется, когда речь идет об отдельных людях. Таким образом, мы говорим об "алгонкинской расе", но, с другой стороны, об "индейце-алгонкине".

Алгонкины были первыми индейцами, вступившими в контакт с белым человеком. Как правило, их отношения с французами были дружественными, но они часто воевали с английскими поселенцами. Восточная ветвь этой расы была быстро побеждена и рассеяна, а ее остатки ушли в Канаду и долину Огайо. Из более мелких племен Новой Англии, Вирджинии и других восточных штатов нет живых представителей, и даже их языки вымерли, за исключением нескольких слов и географических названий. Племена долины Огайо вместе с виандотами объединились в свободную конфедерацию и попытались сохранить Огайо как индейскую границу; но в 1794 году они потерпели окончательное поражение и были вынуждены уступить свою территорию. Текумсах, вождь алгонкинов, в течение нескольких лет вел ожесточенную войну против Соединенных Штатов, но его поражение и смерть при Типпеканоз в 1811 году сломили дух индейцев, и в 1815 году началась серия миграций индейцев на запад и массовая уступка индейских территорий, продолжавшаяся около тридцати лет.

Оседлый народ

Алгонкины на протяжении многих поколений были жертвами ирокезской конфедерации, и только когда французы гарантировали им иммунитет от нападений их наследственных врагов, они вновь устремили свои лица на восток, чтобы во второй раз получить отпор от рук английских поселенцев. Алгонкины, высокие и тонкокостные, были в основном оседлым и земледельческим народом, выращивавшим кукурузу и дикий рис в качестве основных продуктов питания. И действительно, не раз колонисты Новой Англии спасались от голода благодаря этим трудолюбивым людям. В 1792 году армия Уэйна обнаружила сплошные плантации по всей длине реки Мауми от Форт-Уэйна до озера Эри, и такие свидетельства

полностью разбивают популярное заблуждение о том, что индейцы были полностью лишены таких достоинств, как промышленность и домашнее хозяйство. Они использовали рыбу скорлупу и пепел в качестве удобрений, а также применяли лопаты и мотыги. И именно алгонкины первыми привили белым поселенцам знание о том, как готовить те сочные лакомства, которыми славится Новая Англия, - гомини, суккоташ, кленовый сахар и пирог джонни. Они владели искусством дубления оленьей кожи до нежной мягкости, что делало ее роскошной и восхитительной одеждой, и, подобно ацтекам, изготавливали мантии из перьев. Они также разработали систему написания картин. Одним словом, они были самыми умными и развитыми из восточных племен, и если бы их цивилизации позволили развиваться без помех со стороны белой агрессии и постоянных вторжений их наследственных врагов, ирокезов, она, вероятно, превратилась бы в нечто напоминающее мексиканских науа, не проявляя, возможно, кровожадного фанатизма этого народа. Большой слабостью алгонкинской расы был недостаток твердости характера, который не позволил им достичь степени племенной организации и сплоченности, достаточной для того, чтобы противостоять своим врагам.

Мускогейская раса

К мускогской расе относятся чокто, чикасо, крики и семинолы, занимавшие территорию в штатах Персидского залива к востоку от Миссисипи, почти всю Миссисипи и Алабаму, а также части Теннесси, Джорджии, Флориды и Южной Каролины. Об этом народе сохранилось много ранних свидетельств. Нарваэс встретил их во Флориде в 1528 году, а де Сото прошел через их территорию в 1540-41 годах. К 1700 году все племя апалачи было цивилизовано и христианизировано и поселилось в семи больших и хорошо построенных городах. Но прилив белого населения постепенно вытеснил племена мускогеев с побережья, и хотя они упорно боролись за сохранение своей вотчины, лишь немногие представители этой расы остались на своей исконной территории, большинство было переселено в племенную резервацию в Оклахоме до 1840 года. Они были земледельческим и оседлым народом, занимая деревни, состоящие из основательно построенных жилищ. Между несколькими племенами, из которых состояла раса, существовало любопытное разнообразие, как физическое, так и умственное. У них был общий совет, состоящий из представителей от каждого города, которые собирались ежегодно или по мере необходимости. Искусственная деформация черепа практиковалась почти всеми племенами мускогов, в основном чоктоу, которых поселенцы называли "плоскоголовыми". Население мускогов в период их первого контакта с белыми оценивается примерно в пятьдесят тысяч душ. В 1905 году их насчитывалось гораздо больше, но в эту оценку входило около пятнадцати тысяч вольноотпущенников негритянской крови.

Сиу

Сиу или дакоты - санти, янктоны, ассинибойны и тетоны - населяют территорию, простирающуюся от Саскачевана до Луизианы. Они представляют собой самый высокий

тип, физически, умственно и морально, среди всех западных племен, и их мужество не вызывает сомнений. Они жили большими группами или коллективами. "Личная пригодность и популярность определяли вождя..... Власть вождя ограничивалась советом группы, без одобрения которого мало что можно было сделать. В военные отряды набирались люди, завоевавшие репутацию успешных вождей, а *шаманы* составляли для них обряды и прощания. Полигамия была обычным делом..... Останки умерших обычно, хотя и не всегда, помещали на эшафоты." [10].

[10] *Бюллетень 30*, Бюро американской этнологии.

An Elderly Omaha Beau
By permission of the Bureau of American Ethnology

28

Пожилой омаха-бо.
С разрешения Бюро американской этнологии

Каддоанская семья

Семья каддои включает в себя три географические группы: северную, представленную арикара, среднюю, охватывающую конфедерацию пауни, некогда проживавшую в Небраске, и южную, включающую каддо, кичаи и вичита. Когда-то многочисленное, это подразделение Красной расы сегодня представлено всего несколькими сотнями особей, которые проживают в Оклахоме и Северной Дакоте. Племена Каддо были земледельцами и охотниками, занимались гончарным и кожевенным искусством. Им не хватало политических способностей, и они слабо конфедератизировались.

Шошоны

Шошоны, или "змеиная" семья, проживающая в Неваде, Юте и Айдахо, включает в себя корнекопателей, команчей и другие племена с низкой культурой. Эти люди, как утверждается, "вероятно, ближе к зверям, чем любая другая часть человеческой расы на лице земного шара". "Тем не менее, эти униженные существа говорят на родственном диалекте и в какой-то мере имеют ту же кровь, что и знаменитая раса ацтеков, основавших империю Анауак и воздвигших архитектурные памятники, соперничающие с самыми известными сооружениями древнего мира." [1].¹¹

[11] Brinton, *Myths of the New World*.

Ранние войны с белыми

Многочисленные мелкие войны между индейцами и колонистами последовали после заселения Виргинии, но в целом отношения между ними были мирными до всеобщей резни белых женщин и детей 22 марта 1622 года, когда мужчины колонии работали на полях. За один день было убито триста сорок семь мужчин, женщин и детей. Эта бойня стала сигналом к началу индейской войны, которая продолжалась с перерывами в течение многих лет и стоила колонистам неисчислимых потерь в крови и сокровищах. Неспособность понять точку зрения друг друга, конечно, была благодатным источником раздражения между расами, и даже колонисты, имевшие широкие возможности наблюдать и изучать индейцев в течение долгих лет, похоже, были неспособны понять их мировоззрение и истинный характер. Нечестность белых торговцев, с другой стороны, вызывала у индейцев бешеное детское негодование. Поговорка индейцев гласила: "Один платит за другого", и когда индейца убивали, его ближайший кровный родственник считал, что он совершил праведную месть,

убив первого встречного или попутного белого человека. Каждая раса обвиняла другую в вероломстве и несправедливости. Вероятно, колонисты, несмотря на свой лоск цивилизованности, были лишь немногим менее невежественны и столь же мстительно жестоки, чем варвары, с которыми они боролись. Индеец воспринимал колониста как интервента, пришедшего отнять у него землю его отцов, в то время как виргинский пуританин считал себя солью земли, а индейца - язычником или "исмаилитом", посланным Силами Тьмы на его растерзание, уничтожить которого было делом религии и политики. Мстительная жестокость проявлялась с обеих сторон. В 1644 году последовала еще одна ужасная резня пятисот белых, после которой индейцы, убивавшие колонистов, потерпели поражение. Незадолго до этого события племя пекотов в Коннектикуте враждовало с английскими торговцами и пыталось тех из них, кто попадался им под руку. Люди из Коннектикута во главе с ветераном войны Джоном Мейсоном пришли в страну пекотов, окружили деревню вождя пекотов Сассакуса, предали ее огню и вырезали шестьсот ее жителей. Племя было разбито, а пример их судьбы так напугал другие индейские народы, что в Новой Англии на долгие годы воцарился мир.

Война короля Филиппа

Голландцы Нью-Йорка в какой-то период были почти подавлены индейцами в своих окрестностях, а в 1656 году виргинцы потерпели тяжелое поражение в битве с аборигенами на том месте, где сейчас стоит Ричмонд. В 1675 году в Новой Англии разразилась великая индейская война, известная как война короля Филиппа. Филипп, индейский вождь, горько сетовал на то, что его подданные, обращенные в христианство, выходят из-под его контроля, и начал активную войну с поселенцами, превратив многие их города в пепел. Но победа была за колонистами в битве, названной "Болотным боем", и Филипп со своими людьми был рассеян.

Капитан Бенджамин Черч был тем, кто первым научил колонистов сражаться с индейцами на их собственный манер. Он передвигался так же скрытно, как и сами дикари, и, чтобы избежать тревоги, никогда не позволял стрелять в индейца, которого можно было достать топором. Захваченных в плен индейцев продавали в рабство на Вест-Индские острова, где тяжелый труд и смена климата обычно помогали быстро покончить с рабством.

Шаг за шагом краснокожих оттесняли на запад, пока они совсем не исчезли из окрестностей прежних поселений. С этого периода история его конфликтов с белыми связана с записями об их продвижении на запад.

Резервации

Необходимость поставить индейские племена под полный контроль правительства Соединенных Штатов и ограничить их определенными пределами для лучшего сохранения порядка обусловила политику размещения их на участках территории, называемых "резервациями". Этот шаг позволил туземцам осознать преимущества оседлого существования и получить средства к существованию за счет собственной

промышленности, а не за счет более ненадежных продуктов погони. В 1887 году был принят закон Конгресса, который положил конец существованию индейских племен как отдельных общин и позволил разделить все племенные земли и резервации таким образом, чтобы каждый отдельный член племени мог иметь отдельное владение. Многие из этих владений представляют собой значительную ценность, а их владельцы отнюдь не обделены благами этого мира. В целом политика Соединенных Штатов по отношению к индейцам продиктована справедливостью и гуманностью, но нередки случаи, когда засушливые земли навязывались индейцам, а давление белых поселенцев часто заставляло правительство лишать краснокожих людей земли, которая изначально была им предоставлена.

История Покахонтас

Об отношениях первых белых поселенцев с индейцами рассказывают много романтических историй. Среди самых интересных - история Покахонтас, дочери знаменитого индейского вождя Поухатана, извечного непримиримого врага белых. Покахонтас, которая в детстве часто играла с юными колонистами, гостила у некоего вождя по имени Джапазавс, когда английский капитан по имени Аргалл подкупил его медным котелком, чтобы он предал ее в его руки. Аргалл отвез ее в качестве пленницы в Джеймстаун. Здесь белый человек по имени Джон Рольф женился на ней, после того как она приняла христианское крещение. Этот брак привел к миру между Поухатаном и английскими поселенцами в Виргинии.

Когда в 1616 году Дейл вернулся в Англию, он взял с собой несколько индейцев. Покахонтас, которую теперь называли "леди Ребекка", и ее муж сопровождали его. В Англии Покахонтас называли принцессой и уделяли ей много внимания. Но когда она собиралась вернуться в колонию, то умерла, оставив маленького сына.

Причудливая версия капитана Натаниэля Пауэлла, сохранившая все известные факты истории Покахонтас, гласит: "За это время леди Ребекка, *она же* Покахонтас, дочь Поухатана, под усердным присмотром мастера Джона Рольфа, ее мужа, и его друзей, была обучена говорить на английском языке, который вполне мог быть понятен, хорошо обучена христианству, и стала очень формальной и вежливой на наш английский манер; У нее также был ребенок, которого она очень любила, и казначей и компания распорядились о содержании ее и его, кроме того, к ней были благосклонны различные лица высокого ранга и качества; и прежде чем она прибыла в Лондон, капитан Смит, чтобы заслужить ее прежние любезности, сделал ее качества известными превосходнейшему Величеству королевы и ее двору, и написал об этом королеве небольшую книгу: Ниже приводится ее краткое содержание:

*"Высочайшей и добродетельной принцессе, королеве
Анне Великой Британии*

"САМАЯ ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ КОРОЛЕВА,

"Любовь, которую я питаю к моему Богу, моему королю и стране, так часто подбадривала меня в самых страшных опасностях, что теперь честность заставляет меня выйти далеко за пределы себя, чтобы представить вашему величеству это краткое рассуждение: если

неблагодарность - смертельный яд для всех честных добродетелей, я должен быть виновен в этом преступлении, если я должен упустить любое средство, чтобы быть благодарным.

"Так и есть,

"Что около десяти лет назад, будучи в Виргинии и взятый в плен властью Поухатана, их главного короля, я получил от этого великого дикаря чрезвычайно большую любезность, особенно от его сына Нантакуаса, самого мужественного, самого привлекательного, и его сестры Покахонтас, самой дорогой и любимой дочери короля, еще ребенка двенадцати или тринадцати лет, чье сострадательное жалостливое сердце при моем отчаянном положении дало мне много поводов уважать ее; Я был первым христианином, которого увидел этот гордый король и его мрачные слуги: И вот, оказавшись в плену их варварской власти, я не могу сказать, что чувствовал малейшую нужду, которую в силах были предотвратить эти мои смертельные враги, несмотря на все их угрозы. После шести недель жирования среди этих диких придворных, в минуту моей казни, она рискнула выбить свои собственные мозги, чтобы спасти мои; и не только это, но так преобладала с ее отцом, что я был благополучно доставлен в Джеймстаун: где я нашел около восьми и тридцати несчастных бедных и больных существ, чтобы сохранить владение всеми этими большими территориями Виргинии; такова была слабость этого бедного Содружества, что если бы дикари не кормили нас, мы бы прямо умерли с голоду. И это облегчение, милостивая королева, обычно приносила нам эта леди Покахонтас".

"Несмотря на все это, когда непостоянная Фортуна превращала наш мир в войну, эта нежная дева все равно не жалела сил, чтобы навестить нас, и благодаря ей наши банки часто успокаивались, а наши нужды по-прежнему удовлетворялись. Была ли это политика ее отца, чтобы нанять ее таким образом, или Божье повеление, чтобы сделать ее своим орудием, или ее необыкновенная привязанность к нашему народу, я не знаю; но в этом я уверен: когда ее отец, с максимальной политикой и силой, пытался заставить меня врасплох, имея со мной только восемнадцать человек, темная ночь не могла устроить ее от похода через непроходимый лес, и с омытыми водой глазами она дала мне сведения, с ее лучшим советом, чтобы избежать его ярости; если бы он знал, он, несомненно, убил бы ее.

"Джеймстаун со своим диким отрядом она посещала так же свободно, как и жилище своего отца; и в течение двух-трех лет [1608-9] она, подвластная Богу, все еще была орудием сохранения этой колонии от смерти, голода и полного смятения; если бы в те времена она была однажды распущена, Виргиния могла бы оставаться такой, какой она была в наше первое прибытие, и по сей день.

"С тех пор, это дело было повернуто и изменено многими случайностями от того, на чем я его оставил: это наиболее точно, после долгой и беспокойной войны после моего отъезда, между ее отцом и нашей колонией, все это время о ней ничего не было слышно;

"Примерно через два года после того, как она сама попала в плен, и пробыла там еще около двух лет, колония была освобождена, мир заключен, и, наконец, отвергнув свое варварское состояние, она вышла замуж за английского джентльмена, с которым в настоящее время находится в Англии; первая христианка из этого народа, первая виргинка, когда-либо говорившая по-английски или имевшая ребенка в браке от англичанина: дело, конечно, если мой смысл действительно рассмотрен и хорошо понят, достойное понимания принца.

Итак, милостивая государыня, я поведал вашему величеству о том, что на досуге вам расскажут наши одобренные "Истории" и что было сделано при жизни вашего величества; и как бы это ни было преподнесено вам более достойным пером, оно не может исходить от

более честного сердца, поскольку я никогда не просил ничего у государства, ни у кого: И именно мое неумение и ее необычайная пустынность; ваше рождение, средства и власть; ее рождение, добродетель, нужда и простота заставляют меня дерзать и смиренно умолять ваше величество принять это знание о ней, хотя и от такого недостойного быть докладчиком, как я, поскольку состояние ее мужа не может сделать ее пригодной для присутствия вашего величества. Самое большее и самое меньшее, что я могу сделать, это сказать вам об этом, потому что никто так не пробовал, как я, и тем более, будучи столь великого духа, какого бы роста она ни была: если ее не примут хорошо, видя, что это королевство может по праву получить королевство с ее помощью; ее нынешняя любовь к нам и христианству может обратиться в такое презрение и ярость, что обратит все это добро к худшему из зол: в то время как если бы столь великая королева оказала ей честь большую, чем она может себе представить, за то, что она так добра к вашим слугам и подданным, то это так восхитило бы ее довольством, так привязало бы ее дражайшую кровь, чтобы добиться того, чего ваше величество и все честные подданные короля искренне желают.

Капитан Пауэлл продолжает:

"За то время, что я пробыл в Лондоне, многие придворные и другие, мои знакомые, ходили со мной посмотреть на нее, и, по общему мнению, они считают, что Бог приложил большую руку к ее обращению, и они видели многих английских леди, которые были бы более благосклонны, пропорциональны и вели себя хуже; и, как я слышал, королю и королеве было угодно, чтобы и король, и ее величество почтительно почитали ее вместе с этой достопочтенной леди леди де ла Вар, и этим достопочтенным лордом, ее мужем, и разными другими людьми хороших качеств, как публично на маскарах, так и иначе, к ее большому удовлетворению и довольству, которое, без сомнения, она бы заслужила, если бы дожила до прибытия в Виргинию.

"Казначей, Совет и Компания, хорошо снабдив капитана Сэмюэля Аргалла, леди Покахонтас, она же Ребекка, с ее мужем и другими, на добром корабле под названием *"Джордж"*; Богу было угодно в Грейвсенде взять эту молодую леди в Свою милость, где она принесла не больше печали из-за своей неожиданной смерти, чем радости зрителям, услышавшим и увидевшим ее столь религиозный и благочестивый конец. Поэтому ее маленький ребенок Томас Рольф был оставлен в Плимуте у сэра Льюиса Стакли, который пожелал оставить его у себя".

Похищение индейцев

Существует множество историй о том, как индейцы, совершавшие набеги на поселения белых, похищали и усыновляли в свои семьи детей убитых белых, но ни одна из них не является более захватывающей, чем история Фрэнсис Слокум, которая была унесена из дома группой делаваров в возрасте пяти лет и прожила с ними до своей смерти в 1847 году.

Когда ее обнаружили белые, она была уже пожилой женщиной в возрасте более семидесяти лет. Автор местной истории рассказывает эту историю следующим образом:

"Слокумы прибыли из Уорика, Род-Айленд, и Джонатан Слокум, отец знаменитой пленницы, эмигрировал в 1777 году с женой и девятью детьми. Они поселились недалеко от одного из фортов, на месте, где сейчас находится город Уилкс-Барре.

"В раннем детстве семья была воспитана на принципах неприятия войны, и Джонатан не хотел принимать участие в беспорядках, царивших в долине. Сын по имени Джайлс, пылкий духом, не мог смириться с явными намерениями тори и англичан, поэтому он взял в руки мушкет и принял участие в сражении 3 июля 1778 года.

"Бродячие кланы дикарей и разбойники Тори, которые продолжали преследовать долину, причиняли много бед в разных частях, и в ноябре, последовавшем за битвой, семья Слокумов имела несчастье быть посещенной группой этих делаваров, которые подошли к хижине, перед которой два мальчика Кингсли были заняты у точильного камня заточкой ножа. Старший из них был одет в континентальное пальто, что вызвало гнев дикарей, и он был сбит без предупреждения и оскальпирован тем самым ножом, который он наточил.

"Сообщение об этом разбудило обитателей дома, и миссис Слокум успела добежать до двери, чтобы увидеть, как скальпируют мальчика ее соседа.

"Старшая дочь схватила маленького ребенка двух лет и в ужасе убежала в лес. Говорят, что ее стремительный побег вызвал у индейцев хохот. Они уже собирались увести мальчика, когда миссис Слокам указала на хромую ногу, воскликнув: "Ребенок хромым, он не сможет принести вам пользу". Они бросили мальчика и обнаружили маленькую Фрэнсис, спрятанную под лестницей. Схватить ее было делом одного мгновения, и когда ее унесли, нежное дитя успело лишь оглянуться на плечо индейца и крикнуть "Мама!".

"Тревога вскоре распространилась, но упругий шаг делаваров унес партию в горы.

"Мистер Слокум отсутствовал в момент захвата, а вернувшись ночью, узнал печальную новость.

"Испытания семьи на этом не закончились. Майнер, который всегда сочувствовал ранним летописям Вайоминга, так описывает сцены, которые произошли после этого:

"Чаша возмездия была еще не полна. 16 декабря мистер Слокум и Исаак Трипп, его тесть, пожилой человек, с Уильямом Слокумом, юношей девятнадцати или двадцати лет, кормили скот из стога на лугу, в виду форта, когда их обстреляли индейцы. Мистер Слокум был застрелен; мистер Трипп ранен, пронзен копьем и изрублен томагавком; с обоих были сняты скальпы. Уильям, раненный пулей в пятку, сбежал и поднял тревогу, но бдительный и хитрый враг отступил в свое укрытие в горе. Этот дерзкий и жестокий поступок был совершен в пределах городского участка, в центре которого находилась крепость. Таким образом, чуть больше чем за месяц миссис Слокум потеряла любимого ребенка, унесенного в плен; дверной проем был залит кровью в результате убийства одного из членов семьи; двое других членов семьи были уведены в плен; а теперь ее муж и отец были сведены в могилу, убитые и растерзанные безжалостными индейцами. Воистину, в летописи индейских злодеяний, написанной кровью, мало примеров опустошения и горя, равных этому".

"В 1784 году, после того как в стране установился мир, двое братьев Слокум посетили Ниагару в надежде узнать что-нибудь о местонахождении пропавшей сестры, но

безрезультатно. Было предложено большое вознаграждение, но деньгами признания от индейца не добьешься.

"Маленькая Фрэнсис все это время была широко известна многим племенам индейцев, но она стала одной из них, отсюда и тайна, окутавшая ее судьбу".

"Семья прилагала неустанные усилия. Было предпринято несколько поездок на запад, и все они оказались тщетными. В 1789 году в Тиога-Пойнт собралось большое количество индейцев разных племен, чтобы заключить договор с полковником Проктором. Эта возможность казалась подходящей, так как одним визитом можно было охватить несколько племен, но миссис Слокум, проводя среди них несколько недель в поисках, снова была вынуждена вернуться домой в печали и почти в отчаянии.

"В 1797 году братья отправились в путешествие, почти все лето проведя в диких местах и индейских поселениях на западе, но безрезультатно. Однажды, правда, в домашнем мраке забрезжил луч надежды: на многочисленные и настоятельные просьбы откликнулась пленница, но миссис Слокум сразу же обнаружила, что это не ее Фрэнсис. Мать потерянного ребенка сошла в могилу, так и не услышав о своей дочери с тех пор, как она была унесена в плен.

"В 1826 году мистер Джозеф Слокум, услышав о видном вожде племени виандот, который взял в жены белую женщину, отправился в Сандаски, но был разочарован, увидев эту женщину, которая, как он точно знал, не могла быть Фрэнсис. Надежда была почти потеряна, и семья уже позволила памяти о потерянной девушке погрузиться в забвение, когда одно из тех странных стечений обстоятельств, которые кажутся такими загадочными для человечества, но которые являются обычными действиями Бесконечности, высветило историю и личность пленницы из Вайоминга.

"Полковнику Юингу, связанному с индейской службой, довелось отдыхать в одном из племен на реке Вабаш, когда он обнаружил женщину, чьи очертания и фактура убедили его в том, что она должна быть белой, хотя ее лицо было таким же красным, как у любой скво. Он расспросил ее, и она призналась, что ее забрали у родителей, когда она была еще маленькой, что ее зовут Слокум, и что сейчас она уже настолько стара, что не возражает против того, чтобы ее родственники знали о ее местонахождении.

"Полковник прекрасно понимал, с какой тревогой многие восточные сердца ждут вестей о потерянном в прежние времена человеке, и, решив оказать благотворительную услугу, направил почтмейстеру Ланкастера, штат Пенсильвания, следующее письмо:

"ЛОГАНСПОРТ, ИНДИАНА: 20 января 1835 г.

"ДОРОГОЙ СЭР.

"В надежде, что это принесет какую-то пользу, я воспользовался этим средством, чтобы сообщить вашим согражданам - скажем, потомкам первых поселенцев Саскуэханны - следующую информацию: и если сейчас живет кто-нибудь, чья фамилия Слокум, им, я надеюсь, можно будет сообщить следующее через публичную печать вашего места.

"Недалеко от этого места, среди индейцев племени Майами, живет пожилая белая женщина, которая несколько дней назад рассказала мне, пока я ночевал в лагере, что ее увезли из

дома ее отца на реке Саскуэханна или около нее, когда она была совсем маленькой - от пяти до восьми лет, как она думает, - индейцы племени Делавар, которые тогда были враждебны к белым. Она говорит, что ее отца звали Слокум; что он был квакером, довольно маленького роста, носил широкополую шляпу; у него были песочные волосы, светлый цвет лица и много веснушек; что он жил примерно в полумиле от города, где был форт; что они жили в деревянном доме высотой в два этажа, а рядом с домом был источник. Она говорит, что трое делаваров пришли в дом днем, когда все отсутствовали, кроме нее и, возможно, еще двух детей: ее отец и братья были в отъезде и заготавливали сено. Индейцы унесли ее с собой, и она была принята в семью делаваров, которые вырастили ее и обращались с ней как со своим ребенком. Они умерли около сорока лет назад, где-то в Огайо. Затем она вышла замуж за майами, от которого у нее было четверо детей; двое из них сейчас живы - они обе дочери, и она живет с ними. Ее муж умер, она старая и слабая и думает, что долго не проживет.

"Эти соображения побудили ее рассказать о себе в настоящем времени, чего она никогда не делала раньше, опасаясь, что ее родственники придут и заставят ее уйти. Она долго и счастливо жила как индианка, и, если бы не ее цвет кожи, ее нельзя было бы заподозрить ни в чем другом. Она очень уважаема и богата, трезва и честна. Ее имя не вызывает нареканий. Она говорит, что у ее отца была большая семья, всего восемь детей - шестеро старше ее, один младше, насколько она помнит; и она не сомневается, что многие из их потомков еще живы, но, похоже, считает, что все ее братья и сестры, должно быть, умерли, поскольку сама она уже очень старая, не далеко восьмидесяти лет. Она считает, что попала в плен до двух последних войн, что, должно быть, означает Революционную войну, поскольку война Уэйна и поздняя война были после нее. Она полностью утратила свой родной язык и говорит только на индейском, который я тоже понимаю, и она рассказала мне полную историю о себе.

"Свое христианское имя она забыла, но говорит, что ее отца звали Слокум, и он был квакером. Она также помнит, что они жили на реке Саскуэханна. Я подумал, что из этого письма вы могли бы сделать так, чтобы в газетах вашего округа появилась информация, которая, возможно, привлечет внимание потомков семьи Слокум, которые знают о девочке, унесенной индейцами около семидесяти лет назад. Возможно, они знают об этом из семейных преданий. Если это так, и они приедут сюда, я отвезу их туда, где они смогут увидеть предмет моего письма живым и счастливым, хотя и старым и далеко ушедшим от жизни".

"Я не могу предположить, где на реке Саскуэханна могла жить эта семья в то раннее время, а именно, примерно во время революционной войны, но, возможно, вы сможете узнать об этом больше. Если да, то, надеюсь, вы заинтересуетесь этим и, по возможности, сообщите ее братьям и сестрам, если таковые живы, а если нет, то их детям, где они могут вновь увидеть родственницу, чья судьба была окутана тайной на протяжении семидесяти лет, и по которой ее убитые горем родители, несомненно, пролили немало горьких слез. Они уже давно нашли свои могилы, а вот их потерянное дитя так и не нашли. Меня очень тронуло это известие, и я надеюсь, что оставшиеся в живых друзья смогут получить, благодаря вашей доброте, информацию, которую я для них желаю. Если я могу быть им чем-либо полезен, они могут обращаться ко мне. Тем временем, надеюсь, вы извините меня за вольность, которую я позволил себе с вами, совершенно незнакомым человеком, и поверьте, что я, сэр, с большим уважением, ваш покорный слуга,

"ГЕО. В. ЮИНГ".

"Это письмо постигла судьба многих других важных писем - оно было выброшено на помойку как дикая история.

"Почтмейстер умер и пролежал в могиле достаточно долго, чтобы его жена могла привести в порядок его дела. Она перебирала массу бумаг, относящихся к делам мужа, когда наткнулась на письмо полковника Юинга. Восприятие женщины остро и быстро, и нежные чувства, зародившиеся в ее душе, были лишь откликом ее лучшей натуры. Ее симпатии были обращены к представителю своего пола, и она не могла поступить иначе, как сообщить об этой истории всему миру. Поэтому она отправила письмо редактору "Ланкастер интеллидженс", и оно было опубликовано.

"Газеты, выходящие ограниченным тиражом, не могут совершить революцию в делах большой важности, но у них есть своя сфера в деталях, и, когда все это суммируется, они достигают большего, чем могучие двигатели более крупных средств массовой информации".

"Так было и в этом случае - газета из Ланкастера собиралась выпустить дополнительный номер в целях умеренности, и это письмо случайно попало в редакцию, чтобы помочь "заполнить", как иногда выражаются бедные печатники. Ланкастерская контора не была бедной, но бригадир действительно "заполнил" письмо Юинга. Преподобный Сэмюэл Боуман из Уилкс-Барре случайно увидел копию. Он знал Слокумов и всю историю долины в том виде, в каком она передавалась по традиции.

"Он не был в долине в то время, но его сердце согрели сцены и ассоциации ранних времен в Вайоминге. Он отправил одну из газет по почте Слокуму, брату пленной девушки, и эффект был как по волшебству. Все были знакомы с историей Фрэнсис, и всех интересовала ее судьба. Шестьдесят лет прошло с тех пор, как ее, невинную девушку, увезли, и вот теперь мир нашел потерянную.

"Была одна отметина, которую нельзя было перепутать: маленькая Фрэнсис в детстве играла с братом в кузнице, и неосторожный удар последнего раздробил палец так, что он так и не восстановил свою первоначальную форму.

Мистер Айзек Слокум в сопровождении сестры и брата с помощью переводчика добился беседы с загорелой женщиной, и первый вопрос, заданный ей после осмотра пальца, был: "Как этот палец оказался зажат?". Ответ был убедительным и неопровержимым: "Мой брат ударил по нему молотком в лавке, давным-давно, перед тем как меня унесли".

"И вот, наконец, по этому безошибочному знаку потерянное было найдено. Ее память оказалась безошибочной; детали событий шестидесятилетней давности были точны и переданы в такой манере, что пробудили в сердцах семьи Слокум теплые чувства к дряхлой старухе. Ее жизнь, хотя и грубая, была счастливой, и никакие побуждения не могли убедить ее покинуть костры родного лагеря.

"Согласно закону Конгресса, Ма-кон-а-ква, индейское имя Фрэнсис Слокум, получила одну милю в квадрате резервации, которая была отведена индейцам Индианы к западу от Миссисипи, чтобы владеть ею в течение жизни и навсегда перейти к ее наследникам. Она умерла 9 марта 1847 года и была похоронена по христианскому обряду в красивом месте, где романтические воды рек Миссисинева и Вабаш соединяются в своей ряби на пути к морю.

"История пленницы из Вайоминга облетела очаги всего христианского мира как одна из самых плодотворных в романтике и песнях."

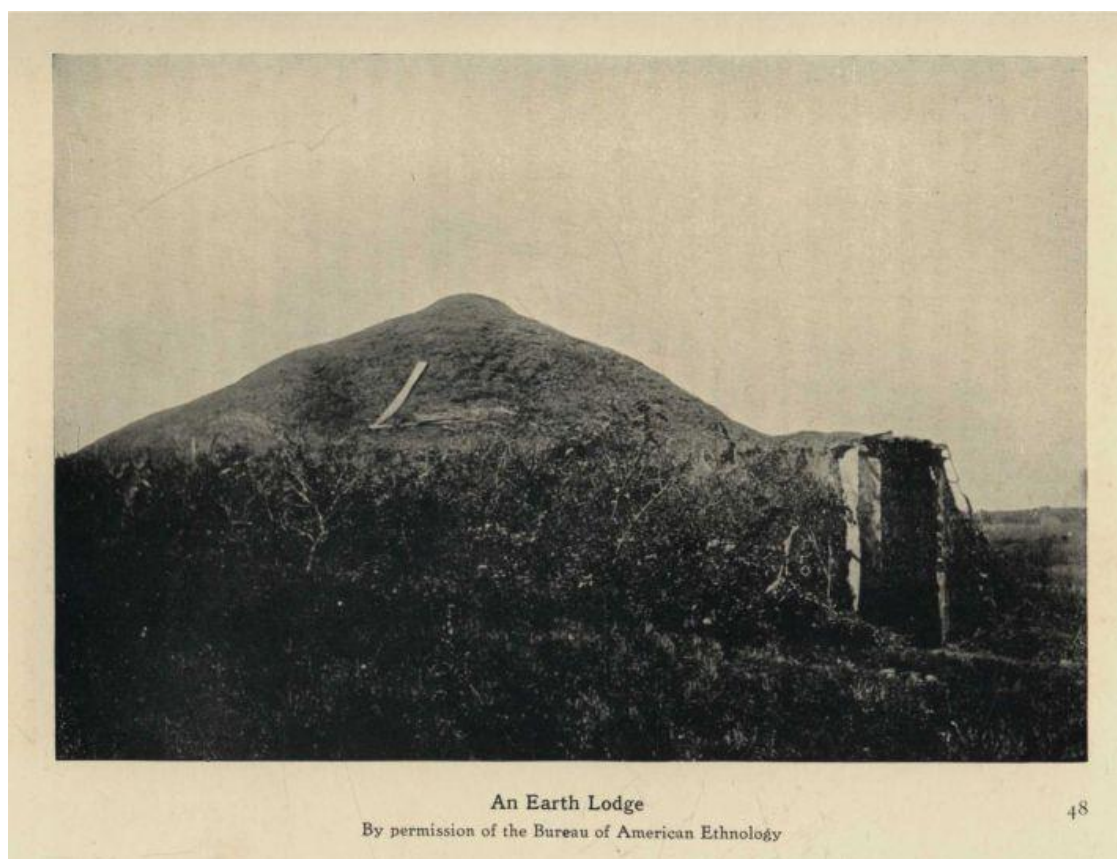
Жилища

Жилища индейцев Северной Америки можно разделить на общинные (термин "община" используется в смысле "состоящая из более чем одной семьи") и одиночные или семейные. "Архитектура домов северных племен сама по себе не имеет большого значения, но как результат их социального положения и для сравнения с архитектурой южных деревенских индейцев она очень важна. Типичные общинные дома, как у племен ирокезов, были длиной от 50 до 100 футов и шириной от 16 до 18, с каркасом из жердей, с боками и треугольной крышей, покрытой корой, обычно вяза. Внутреннее пространство было разделено на отсеки, а в крыше оставалось отверстие для дыма. Похожий по форме дом могижан, размером 14 на 60 футов, имел боковые стороны и крышу из камыша и коры каштана, с отверстием вдоль верха крыши от края до края. Круглый общинный дом манданов обычно был около 14 футов в диаметре. Он опирался на два ряда столбов и поперечных балок, а широкая крыша и покатые бока были покрыты ивовой или кустарниковой подстилкой и землей. Очаг находился в центре. Морган считает, что продолговатые дома с круглой крышей племен Виргинии и Северной Каролины, которые видел и описал капитан Джон Смит и зарисовал Джон Уайт, были общинного типа. То, что в некоторых из них проживало несколько семей, четко указано на сайте. Морган также относит к классу общинных круглые, куполообразные земляные домики в долине Сакраменто и L-образные, палаточные, соломенные домики в более высоких районах Калифорнии; но главными примерами общинных домов являются большие, иногда массивные, многоячеистые скопления камня или саманной глины в Нью-Мексико и Аризоне, известные как *пуэблос*. Эти жилища различаются по форме: некоторые из них, построенные в доисторические времена, были полукруглыми, другие - продолговатыми, вокруг или вокруг площадки или *плаца*. Эти здания обычно строились в форме террасы, нижний ярус которой состоял из одноэтажных квартир, следующий - из двух этажей, и так далее до самого верхнего яруса, который иногда представлял собой седьмой этаж. Кладка обычно состояла из мелких плоских камней, уложенных на саманном растворе и усыпанных забутовками; но иногда в качестве строительных камней использовались большие саманные шары, или же возводился двойной ряд плетня, который заполнялся цементным раствором, тщательно утрамбованным. По последнему методу, известному как "*писе*", иногда возводили стены толщиной 5-7 футов. Внешние стены самого нижнего этажа были пробиты лишь небольшими отверстиями, а доступ внутрь осуществлялся с помощью лестниц, которые при необходимости можно было поднять, и люка в крыше. Возможно, что некоторые из сложных сооружений Мексики возникли на основе таких ульеподобных зданий, как типичные *пуэбло*, причем ячейки увеличивались в размерах по направлению к югу, как предположил Банделье. Дымоходы, по-видимому, были неизвестны в Северной Америке до контакта аборигенов с европейцами, а люк в крыше служил двойной цели - входа и дымохода. Другие формы, некоторые "общинные", а другие нет, следующие: Тлингиты, хайда и некоторые другие племена строят значительные прямоугольные дома, с боковыми и торцевыми сторонами из досок, с фасадами, искусно украшенными резьбой и символическими рисунками. Непосредственно перед домом ставится тотемный столб, а рядом воздвигается памятный столб. В районах Нутка и Салиш эти дома иногда достигают размеров 40 на 100 футов, и в них живут несколько семей. Говорят, что раньше некоторые дома хайда были построены на платформах, поддерживаемых столбами. Некоторые из них, которые видели первые мореплаватели Ванкувера, возвышались над землей на 25 или 30 футов, а доступ к ним осуществлялся по зазубренным бревнам, служившим лестницами. У северо-западных

индейских племен, таких как нез-персе, жилище представляло собой каркас из жердей, покрытый камышовой циновкой или шкурами буйвола или лося. Дома калифорнийских племен были прямоугольными или круглыми; из последних некоторые были коническими, другие куполообразными. Кроме того, в различных частях Калифорнии и в некоторой степени на внутренних плато ранее использовались полуподземные земляные жилища, известные среди майду как кум. Самыми примитивными жилищами были жилища пайутов и кокопа, состоявшие на лето из навесов, а на зиму - из жердей, согнутых вместе в верхней части и покрытых хворостом, корой и землей. Похожие сооружения возводят пуэблос в качестве фермерских укрытий, а более сложные дома того же общего типа строят апачи Аризоны. Как показывают археологические исследования, круглый вигвам с боками из коры или циновки, построенный над неглубокой выемкой в почве и засыпанный землей, был, по-видимому, обычной формой жилища в долине Огайо и близлежащей долине Миссисипи в доисторические и ранние исторические времена. Другой тип жилища, использовавшийся в Арканзасе до открытия, представлял собой прямоугольное строение с двумя комнатами спереди и одной сзади; стены состояли из вертикальных столбов, густо оштукатуренных глиной на своего рода плетне. За исключением *пуэбло*, каменные или саманные постройки были неизвестны до недавнего времени. Жилища некоторых племен равнин, таких как сиу, арапахо, команчи и киова, обычно представляли собой переносные палатки из шкур или *типи*, но жилища омаха, осаге и некоторых других племен были более основательными. Жилища омаха, по словам мисс Флетчер, "строятся путем установки тщательно отобранных и подготовленных столбов по кругу, крепко связывают их ивами, затем обкладывают их высушенной травой и покрывают все строение плотно набитыми дернами. Крыша делается таким же образом, но имеет дополнительную опору в виде внутреннего круга из столбов с вязанками, удерживающими поперечные бревна, которые служат балками для куполообразной крыши. Круглое отверстие в центре служит для дымохода, а также для освещения внутреннего пространства жилища; снаружи этого отверстия устанавливается и закрепляется своего рода парус, чтобы направлять дым и не давать ему раздражать обитателей домика. Входной проход, который обычно обращен на восток, имеет длину от 6 до 10 футов и строится так же, как и домик". Важным типом является травяная хижина вичита, круглая куполообразная с коническим верхом. Каркас построен из панелей, образованных ребрами и поперечинами; они покрыты травой, связанной по типу черепицы. Диаметр этих травяных домиков варьируется от 40 до 50 футов. Ранние дома во Флориде, согласно иллюстрациям Ле Мойна, опубликованным Де Браем, были либо круглыми с куполообразной крышей, либо продолговатыми с округлой крышей, как у секотанов в Северной Каролине, как показано на рисунках Джона Уайта. Каркас был сделан из жердей, покрытых корой, или иногда соломой. Чиппевеи обычно строили конический или полусферический каркас из жердей, покрытых корой. Раньше в некоторых районах в качестве жилищ использовались пещеры и скальные убежища, а в районе Пуэбло дома строились в естественных углублениях или укрытиях в скалах, откуда и пошло название cliff-dwellings. Подобные жилища до сих пор в той или иной степени используются тарахумаре из Чиуауа (Мексика). В боках мягких вулканических скал также высекались дома с несколькими комнатами; их так много в долине Верде, штат Аризона, и на плато Джемез, штат Нью-Мексико, что на протяжении многих миль скалы испещрены ими. Как правило, женщины строили дома из дерева, но мужчины помогали им выполнять более тяжелую работу. В южных штатах было принято возводить курганы в качестве фундамента для дома совета, жилища вождя или сооружений, предназначенных для других официальных целей. Возведение домов, особенно постоянных, обычно сопровождалось большими церемониями, особенно когда наступало время посвящения. Например, строительство *хогана* у навахо велось в соответствии с установленными правилами, как и кройка и шитье *типи* у равнинных племен, а новые дома,

возведенные в течение года, обычно посвящались с церемонией и пиршеством. Хотя лучшие типы домов были симметричными и хорошо пропорционированными, их строители не научились пользоваться квадратом или отвесом. Единицы измерения также были неизвестны, и даже в лучших видах древней кладки *пуэбло* швы каменной кладки не были "разбиты". Индейские названия некоторых сооружений, такие как *tipi*, *wigwam*, *wickiup*, *hogan*, в значительной степени вошли в обиход англоговорящих людей." [12].

[12] Бюллетень 30, Бюро американской этнологии.

Земная ложа.

С разрешения Бюро американской этнологии

Закон и обычаи племени

Точных данных о социальном устройстве краснокожих Северной Америки очень мало. Родство, по-видимому, было основой управления в большинстве племен, а происхождение прослеживалось как по мужской, так и по женской линии, в зависимости от местности. В большинстве племен военные и гражданские функции тщательно отделялись друг от друга,

гражданское правительство находилось в руках вождей разного ранга. Эти вожди избирались советом племени и не являлись военными лидерами в силу своей должности. Каждая деревня или группа была представлена в общем совете старостой, которого иногда выбирали жрецы. Тайные общества пользовались большой властью.

Охота

Охота была почти единственным занятием мужчин индейских племен. Они настолько сильно зависели от добычи средств к существованию, что превратили преследование дичи в искусство. В коммерции они ограничивались торговлей шкурами и мехами, но избавлялись от них только тогда, когда их личные или племенные потребности были полностью удовлетворены. Когда племя возвращалось с летней охоты и после того, как добыча была честно распределена между его членами - племенной обычай, которого неукоснительно придерживались, - совершались торжественные обряды и соблюдались определенные священные формулы. При охоте на дичь индейцы обычно сооружали загоны или вольеры, в которые загоняли и убивали зверей. Ранние авторы считали, что они поджигали траву в прерии и набрасывались на охваченное паникой стадо; но это опровергают сами индейцы, которые утверждают, что огонь вредит меху животных, на которых они охотятся.

Действительно, такое действие, заставляющее стадо разбегаться, каралось смертью. В исключительных случаях, однако, к этой практике можно было прибегнуть, чтобы загнать животных в лес. Преследуя добычу, племя обычно образовывало круг и таким образом предотвращало побег. Самыми благоприятными месяцами для охоты были июнь, июль и август, когда животные были жирными, а мех - качественным. Охотнику, убившему животное, племя отдавало шкуру и часть туши. Остальные части обычно делились между жителями деревни. В результате такого способа дележа отходов было очень мало. Мякоть, нарезанную тонкими ломтиками, вывешивали сушиться на солнце на длинных шестах, а затем сворачивали и хранили для зимнего использования. Шкурки использовались для изготовления одежды, щитов и сумок. Из шкурок также изготавливали веревки, палатки и другие изделия. Из сухожилий делали тетивы для луков и нитки для шитья, а из крупных костей - чашки для питья.

Для поимки дичи использовались ловушки, в которые животное заманивали. В основном использовался более примитивный метод захвата животных руками. Охотник подкрадывался к добыче глубокой ночью, используя максимум хитрости и ловкости, и хватал неосторожную птицу или спящее животное. Индейцы были искусны в лазании и нырянии, и, используя искусство мимикрии, в котором они достигли большого мастерства, они окружали стадо животных и загоняли их в узкое ущелье, из которого те не могли выбраться. Их холодное оружие, сделанное из камня, костей и тростника и используемое с большим мастерством, помогало им эффективно, когда они сближались с добычей. Собаки, хотя и не были регулярно обучены, были очень полезны на охоте, особенно для отслеживания более быстрых и диких зверей. С помощью огня победа охотника над животным становилась гарантированной. Добычу выводили из укрытия дымом или ослепляли факелом. Широко практиковалось одурманивание животных ядовитыми корнями и загрязнение ручьев для ловли рыбы. Для добывания пищи использовались сети и черпаки для вылавливания животных из воды, а также грабли для извлечения червей из земли. Использование каноэ привело к изобретению гарпуна.

Бродячий образ жизни дичи и строительство изгородей были препятствиями, которые усиливали их восприятие и давали отличную подготовку к охоте. Разнообразие обстоятельств, с которыми им приходилось сталкиваться, заставляло их готовить или придумывать многочисленные орудия и ловушки, к которым они прибегали. Определенные периоды или сезоны года отводились для охоты на конкретных животных, каждое из которых выступало в качестве знака или геральдического символа племени или *рода*.

Школкрафт в точном и увлекательном рассказе об индейской охоте в своей книге *"Исторические и статистические сведения об индейских племенах"* говорит

"Самым простым из всех видов охоты является, пожалуй, искусство охоты на оленя. Это животное, как известно, наделено смертельным любопытством останавливаться в своем полете, чтобы обернуться и посмотреть на объект, который его потревожил; и поскольку это обычно делается на расстоянии выстрела, привычке потакают ценой жизни; тогда как, если бы оно непоколебимо держалось на пятках, ему удалось бы спастись.

"Один из самых изобретательных способов охоты на оленей - это *охота с огнем*, когда ночью спускаются по ручью на каноэ с огнем. Во второй половине весны и летом индейские охотники на небольших внутренних реках берут кору вяза или кедра, сдирают ее целиком, на пять-шесть футов в длину, и, вывернув наизнанку, окрашивают внешнюю поверхность в черный цвет древесным углем. Затем в ней проделывают отверстие, чтобы установить ее на носу каноэ, чтобы скрыть сидящего; затем делают светильник или факел из небольших рулонов длиной два-три фута, скрученных из бересты (которая очень легко воспламеняется), и помещают его на крайнем носу лодки, немного впереди берестяного экрана, в таком положении он бросает свои лучи сильно вперед, оставляя все позади в темноте. Таким образом, олень, чьи глаза прикованы к свету, плывущему вниз, оказывается в пределах досягаемости ружья. Таким же образом охотятся на лебедей.

"Лабиринты леса - это, однако, особое поле деятельности индийского охотника. Там нет следов, с которыми он не был бы знаком. В своих временных путешествиях в поисках дичи он обычно рано разбивает лагерь и с первыми лучами солнца отправляется на охоту. Если он находится в лесной стране, то выбирает места для засады в долинах, по той простой причине, что все животные с наступлением ночи спускаются в долины. Поднимаясь по ним, он очень старается занять ту сторону ручья, которая отбрасывает тень, чтобы иметь возможность хорошо видеть все, что происходит на противоположной стороне, в то время как сам он заслонен тенью. Но особенно внимательно он относится к этой предосторожности, если опасается затаившихся врагов. Следы животных - предмет самого тщательного наблюдения; по ним можно с первого взгляда определить вид проходящего животного, время, которое прошло, и курс, которым оно двигалось. Если поверхность земли влажная, признаки очевидны; если она твердая или каменистая, то они основаны на менее ощутимых, но не менее безошибочных признаках.

"Одна из самых больших и разнообразных охот, о которых мы знаем, была проведена известным охотником из племени чиппевеев по имени Нокай в верховьях Миссисипи, который, как утверждает традиция, за один день вблизи устья реки Кроу-Уинг убил шестнадцать лосей, четырех буйволов, пять оленей, трех медведей, одну рысь и дикобраза. Этот подвиг, несомненно, был превзойден в бизоньих хребтах на юго-западе, где лук и стрелы, как известно, так ловко и быстро применялись в отношении этого животного; но редко когда погоня в лесных районах бывает столь успешной, как в этом случае.

"Однажды знаменитый вождь Вабоджиг рано утром отправился на берег озера Верхнего, чтобы расставить ловушки для мартинов. Он расставил около сорока ловушек и

возвращался в свой вигвам, вооруженный только топором и ножом, когда ему попался лосиха. Он укрылся за деревьями, отступая; но когда животное погналось за ним, он подобрал шест и, расстегнув шнурки мокасин, крепко привязал нож к шесту. Затем он занял выгодную позицию за деревом и нанес животному несколько ударов в горло и грудь. В конце концов оно упало, и он вырезал и унес домой язык в качестве трофея своей доблести.

"В 1808 году Гитше Иавба из Кевивенона на озере Верхнем убил трехлетнего лося весом в триста фунтов. Дело было в феврале, и снег был настолько мягким из-за частичной оттепели, *что агим*, или снегоступы, глубоко проседали при каждом шаге. Разрезав животное и выжав кровь, он завернул плоть в шкуру и, подложив под нее себя, поднялся во весь рост. Убедившись, что может выдержать этот вес, он взял приплод из девяти детенышей в одеяло на правую руку, закинул кошелек на голову и, перекинув ружье через левое плечо, прошел шесть миль до своего вигвама. Это был самый сильный человек, который появлялся в народе чиппевеев в современное время".

"В 1827 году Аннимикенс из Ред-Ривер на севере однажды был очень увлечен поиском тропы для своего лагеря, когда его испугало резкое фыркание медведя-гризли. Он сразу же достал ружье и попытался выстрелить, но, поскольку патрон не воспламенился, в следующее мгновение животное отбросило его на несколько шагов назад, а ружье подбросило в воздух на пятнадцать футов. Затем медведь ударил его по одной щеке и оторвал ее часть. То небольшое, что осталось в его сознании, подсказало ему, что он должен быть пассивным и не подавать признаков жизни. К счастью, зверь с аппетитом набросился на тушу буйвола, находившегося неподалеку. Вдоволь поцарапав когтями свою жертву, он взял ее за шею, оттащил в кусты и там бросил. Но от такой раны индеец оправился, хотя и был обезображен, и дожил до того времени, когда рассказал мне эту историю своими собственными устами.

"Рассказы о таких охотничьих подвигах и приключениях часто повторяются в индейской стране и представляют собой вид славы, к которой охотно стремятся молодые".

Костюм

Живописный костюм краснокожих настолько оригинален, что заслуживает более чем беглого упоминания. Один из авторитетных специалистов по индейскому костюму, пишущий в *Бюллетене* 30 Бюро американской этнологии, отмечает:

"Племена Северной Америки в целом принадлежат к полностью одетым народам, исключение составляют те, что населяют более теплые регионы южной части Соединенных Штатов и Тихоокеанского побережья, которые были полуодетыми. Дубленая кожа оленей, как правило, служила материалом для одежды на большей части территории страны. Из шкуры бизона племена равнин носили халаты, а пожилые люди - платья и леггинсы, но кожа была слишком грубой для одежды, а лосиная или лосиная шкура, хотя и мягкая, была слишком толстой. Ткани из коры, волос, меха, шерсти горных овец и перьев изготавливались в северной части Тихого океана, Пуэбло и южных регионах, а хлопок ткали хопи с древних времен. Климат, окружающая среда, высота над уровнем моря и океанические течения определяли материалы, используемые для изготовления одежды, а также спрос на нее. Обычным материалом для пошива одежды служили сухожилия крупных животных, но также использовались волокна растений, особенно агавы. Для шитья использовались костяные шила; костяные иглы применялись редко и были слишком большими для тонкой работы.

Старые рукоделия исключительно хороши и демонстрируют большое мастерство работы с шилом. В отличие от многих других искусств, шитьем занимались представители обоих полов, и каждый пол обычно шил себе одежду сам. Типичный и более привычный костюм индейца был из дубленой кожи и состоял из рубашки, набедренной повязки, гамашей, привязанных к поясу или ремню, и низких мокасин. Рубашка, свободно свисавшая по бедрам, имела рукава и предназначалась для накидывания на голову. Женский костюм отличался от мужского длиной рубашки, короткие рукава которой свободно свисали через плечо, и отсутствием набедренной повязки. Женщины также носили пояс, ограничивающий одежду на талии. Носили также халаты из кожи, тканых материалов или перьев, но позже их заменили одеяла. Костюм представлял собой племенные различия в крое, цвете и орнаменте. Свободные края обычно окаймлялись, а в качестве украшений и амулетов использовались вышивка пером и бисером, роспись, скальпы, хвосты животных, перья, когти, копыта, ракушки и т.д. Типичная одежда индейцев пуэбло в целом похожа на одежду равнинных племен, за исключением того, что она сделана в основном из тканых материалов.

"Среди племен тихоокеанского побережья, а также племен, живущих вдоль мексиканской границы, в Персидском заливе и на атлантическом побережье, обычной одеждой женщин была юбка из коры, шнура, нанизанных семян или шкурок, похожая на бахрому, которую носили вокруг поясницы. В определенные сезоны или во время особых занятий носили только набедренную повязку. Для редкого использования в прохладную погоду на плечи набрасывали кожаный халат или накидку, а в исключительных случаях - большой халат, сплетенный из полос кроличьей шкуры. Церемониальная одежда была гораздо более сложной, чем обычная. Мокасины и гамашы носили на большей части этой территории, но в более теплых районах и в Калифорнии их использование было необычным. Некоторые племена, живущие у мексиканской границы, носят сандалии, а племена, носящие сандалии, когда-то были широко распространены на юго-западе. Их также находили в пещерах Кентукки. Шляпы, обычно плетеные, носили многие племена тихоокеанского побережья. Рукавицы использовали эскимосы и другие племена крайнего севера. Пояса из различных материалов и с различными орнаментами не только ограничивали одежду, но и поддерживали мешочки, сумочки для безделушек, краски и т. д. Более крупные мешочки и трубки из меха или оленьей шкуры, украшенные бисером или стеганым орнаментом, а также из простой кожи, сетки или тканого материала, перекидывались через плечо. Ожерелья, серьги, амулеты и браслеты в бесконечном разнообразии составляли часть одежды, а напульсник, защищающий руку от отдачи тетивы, был общепринятым.

"Вскоре после появления белых индейский костюм претерпел глубокие изменения на обширной территории Америки в результате копирования европейской одежды и использования вещей торговцев. Знания о доисторических и раннеисторических первобытных текстильных тканях были получены из отпечатков тканей на керамике, а также из самих тканей, которые сохранились благодаря обугливанию в огне, контакту с медью или защите от стихии в пещерах.

Omaha Woman's Costume

By permission of the Bureau of American Ethnology

Костюм женщины омаха.

По разрешению Бюро американской этнологии

"Ниже приводится краткий обзор костюмов, которые носили племена, проживающие в нескольких географических регионах Северной Америки. Список неизбежно неполный, поскольку из-за отказа от племенных костюмов данные носят в основном исторический характер.

"АТХАПАСКАН. *Маккензи и Юкон - мужчины*: пальто-рубашка, мокасины-леггинсы, бриджи, шляпа и капюшон. Женщины: Длинное пальто, мокасины, пояс.

"АЛГОНКИНЫ-ИРОКЕЗЫ. *Мужчины-северяне*: халат, рубашка, длинный плащ, брюки, леггинсы, мокасины, подпоясанная одежда, тюрбан. *Виргиния - мужчины и женщины*: Плащ, набедренная повязка, мокасины, сандалии (?), набедренная повязка (?). *Запад - мужчины*: халат, длинное платье-рубашка, длинные леггинсы, мокасины, сумка-бандольер. Женщины: Длинное платье-рубашка, короткие леггинсы, мокасины, пояс. *Мужчины-арктики*: длинный плащ, открытый спереди, короткие бриджи, леггинсы, мокасины, перчатки или варежки, шапка или головной убор. Женщины: Халат, рубаха-платье, леггинсы, мокасины, пояс, шапочка, иногда наплечная мантия.

"ЮЖНАЯ" или "МУСКОГЕЙСКАЯ". *Мужчины-семинолы*: рубашка, верхняя рубашка, леггинсы, мокасины, набедренная повязка, пояс, тюрбан. Раньше племена Персидского залива носили халат, набедренную повязку и иногда мокасины.

"ПЛЕМЕНА. Мужчины: халат из буйвола, рубашка до колен или длиннее, набедренная повязка, набедренные повязки, мокасины, головной убор. Женщины: Длинная рубаха-платье с короткими вместительными рукавами-накидками, пояс, леггинсы до колен, мокасины.

"СЕВЕРНАЯ ЧАСТЬ ТИХОГО ОКЕАНА. *Чилкат - мужчины*: халат из одеял или берестяных циновок, рубаха-халат (редко), мокасины-леггинсы, шляпа-корзинка. Женщины: Плечевой халат из дубленой кожи, платье-рубашка с рукавами, фартук с бахромой, леггинсы (?), мокасины, набедренная повязка (?).

"ВАШИНГТОН-КОЛУМБИЯ, *салиши*" Мужчины: халат, головная повязка и, редко, рубаха-плащ, леггинсы, мокасины, нагрудник. Женщины: Длинное платье-рубаха, передник, редко - леггинсы, бриджи, мокасины.

"ШОШОНИАН. Те же, что и у равнинных племен.

"КАЛИФОРНИЯ-ОРЕГОН. *Мужчины хупа*: халат, иногда поясной наряд, мокасины (редко); мужчины часто, а старики вообще ходили полностью обнаженными. Женщины: Накидка на талию и узкие передники; иногда халат-накидка, как у пуэбло, на плечи или под мышками, на грудь; шапочка-корзинка; иногда мокасины. *Центральная Калифорния - мужчины*: обычно голые; иногда халат, сетевой колпак, мокасины и набедренная повязка. Женщины: Юбка до пояса из растительного волокна или пряжи, шапочка-корзинка; халат и мокасины - по случаю.

"ЮГО-ЗАПАД. *Мужчины пуэбло*: одеяло или халат из кроличьих шкур или перьев, рубашка с рукавами, короткие бриджи, частично открытые с внешней стороны, нагрудник, гамаши до

колен, мокасины, лента для волос и головная повязка. Женщины: Одеяло, перекинутое через одно плечо и достигающее до колен; маленькая бязевая шаль поверх одеяла, накинутая на плечи; мокасины-леггинсы, пояс. Раньше в этой местности носили сандалии. Зимой иногда носят меховые мокасины. *Мужчины-апахи*: то же, что и на равнинах. Женщины: То же, за исключением мокасин со щитковым носком. *Навахо* - сейчас как пуэбло; раньше как племена равнин.

"ГИЛА-СОНОРА. *Кокопа и мохаве Мужчины*: бриджи, сандалии, иногда головная повязка. Женщины: Набедренные повязки, обычно из коры с бахромой, спереди и сзади. *Пима* - то же, что и равнинные; ранее хлопковый халат, поясная одежда и сандалии".

Раскраска лица

Рассказ из первых рук о том, как индейские храбрецы украшали свое лицо, не может не представлять интереса. Рассказывает писатель, проживший некоторое время среди сиу:[13]

[13] J. G. Kohl, *Kitchi-gami* (1860).

"Ежедневно, когда у меня была возможность, я рисовал узоры на их лицах и в конце концов собрал коллекцию, разнообразие которой поразило даже меня самого. Странные сочетания, получаемые в калейдоскопе, можно назвать слабыми по сравнению с тем, что воображение индейца создает на его лбу, носу и щеках. Я попытаюсь рассказать о них, насколько хватит слов. В их цветовом решении меня больше всего поразили две вещи. Во-первых, то, что они совершенно не беспокоились о естественном разделении лица; и, во-вторых, необыкновенная смесь изящного и гротескного. Временами, правда, они соблюдали эти естественные деления на нос, глаза, рот и т. д. Глаза были окружены правильными цветными кругами; изо рта гармонично и равноудаленно выходили желтые или черные полосы; по щекам проходил полукруг из зеленых точек, центром которого были уши. Иногда лоб также пересекали линии, идущие параллельно естественному контуру этой черты; это всегда выглядело несколько по-человечески, так сказать, потому что основной характер лица оставался неизменным. Однако обычно эти регулярные узоры не соответствуют вкусу индейцев. Они любят контрасты и часто делят лицо на две половины, которые подвергаются разной обработке; одна из них будет темной, скажем, черной или синей, а другая - светлой, желтой, ярко-красной или белой: одна будет пересечена толстыми линиями, проведенными указательными пальцами, а другая - арабской, с очень тонкими линиями, проведенными с помощью кисти.

"Это деление происходит двумя разными способами. Иногда линия разграничения проходит по носу, так что правая щека и бок утапают во мраке, а левая похожа на клумбу в лучах солнца. Но иногда они проводят линию через нос, так что глаза сверкают из темного цвета, а все под носом - яркое и блестящее. Кажется, будто они хотят изобразить на своем лице различные фазы луны. Я часто спрашивал, есть ли какой-то смысл в этих различных

узорах, но меня уверяли, что это просто дело вкуса. Это были простые арабески, как у их скво на мокалинах, кушаках, кисетах для табака и т. д.

"И все же в использовании цветов есть определенный символизм. Так, красный цвет обычно символизирует радость и праздник; и черный - траур. Когда происходит какая-либо очень меланхоличная смерть, они натирают все лицо горстью древесного угля. Если умерший - лишь дальний родственник, на лице рисуют просто решетку из черных линий; у них также есть полутраур, и они закрашивают черным только половину лица. Красный - не только их радость, но и любимый цвет. Они обычно покрывают лицо ярко-красным слоем, на который ложатся остальные цвета; для этого они используют вермилион, который поставляется из Китая и привозится им индийскими торговцами. Однако этот красный цвет отнюдь не является *обязательным*. Часто грунтовый цвет бывает ярко-желтым, для чего используется хром-желтый, полученный от торговца.

"Они также очень равнодушны к берлинской лазури и используют этот цвет не только на своих лицах, но и в качестве символа мира на своих трубах, а также в качестве оттенка неба на своих могилах. Кстати, очень любопытно, что почти ни один индеец не может отличить синий цвет от зеленого. Я видел небо, которое они изображают на своих могилах в виде круглой арки, одинаково часто как одного, так и другого цвета. На языке сиу "*тоя*" означает и зеленый, и синий; много путешествовавший отец-иезуит сказал мне, что во многих индейских племенах царит такая же путаница. Мне также говорили, что у племен есть свои любимые цвета, и я склонен этому верить, хотя мне не удалось выявить никакого подобного правила. Как правило, все индейцы, похоже, с особой любовью относятся к своей родной медной коже и подкрашивают ее киноварью, когда она кажется им недостаточно красной.

"Во время путешествия среди сиу я обнаружил, что в этой раскраске лица есть определенный национальный стиль. Они рассказывали о бедном индейце, который сошел с ума, и когда я спросил некоторых из его соплеменников, каким образом он демонстрирует свое безумие, они сказали: "О, он так смешно наряжается перьями и ракушками; он так комично раскрашивает свое лицо, что достаточно, чтобы человек умер от смеха". Это говорили мне люди, настолько перегруженные перьями, ракушками, зеленью и вермишелью, берлинской лазурью и желтым хромом, что я едва мог удержаться от улыбки. Тем не менее, я сделал вывод, что в их пестром стиле должно быть что-то условное и типичное, на что можно легко посягнуть".

Индейское искусство

Если Красная раса Северной Америки и не создала художественных произведений возвышенного порядка, то, по крайней мере, выработала характерный и своеобразный тип искусства. Некоторые рисунки и росписи на стенах кирпичных построек южных племен, геральдические и религиозные символы, нарисованные на покрытых кожей домиках жителей равнин, замысловаты и ритмичны в плане и ярки по цвету. Дома племен северо-западного побережья, построенные полностью из дерева, поддерживаются столбами, искусно вырезанными и украшенными, чтобы изобразить тотем или племенной символ владельца. Как на внутренних, так и на внешних стенах встречаются блестящие цветные узоры, обычно сцены из индийской мифологии.

Украшение глиняной посуды было и остается общим для большинства племен Северной Америки и осуществляется как резьбой, так и штамповкой. Именно в искусстве резьбы индейская раса, по-видимому, достигла своего величайшего эстетского триумфа. Многие резные предметы отличаются необычайно сложным и замысловатым дизайном, а некоторые работы на каменных трубах, масках, домашней утвари и украшениях вызвали высочайшее восхищение европейских мастеров этого искусства. Действительно, многие трубки и резьба по глиняному камню чимпсейнов и клалламов Ванкувера, а также чиппевеев и бейбинов ни в чем не уступают лучшим образцам европейской средневековой резьбы.

В гончарном искусстве индейцы часто демонстрируют прекрасный вкус, а племена долины Миссисипи и индейцы пуэбло добились исключительных успехов в гипсовом дизайне. Как уже упоминалось, строители курганов проявили немалое мастерство в работе с металлом, и штампованные пластины из меди, снятые с возведенных ими глинобитных пирамид, ярко иллюстрируют тот факт, что индейское искусство - это результат многовековых усилий местных жителей, а отнюдь не вчерашний день.

В ткачестве, рукоделии всех видов, бисероплетении и плетении из перьев индейцы проявляют большой вкус. Большинство используемых ими узоров геометричны по форме. Особенно в плетении из перьев преуспели аборигены всего американского континента. Среди равнинных племен ранг обозначался либо разнообразием и количеством носимых перьев, либо способом их крепления или вырезания.

Искусство аборигенов Северной Америки в высшей степени символично и мифологично. Таким образом, оно полностью лишено всякого налета материализма, и если бы ему позволили развиваться по своим собственным линиям, оно могло бы развить большую степень идеалистического совершенства.

Боевые действия

В искусстве партизанской войны индейцы всегда проявляли исключительное мастерство. Вооруженные луком и стрелами, боевой дубиной или томагавком, они оказывали ожесточенное сопротивление вторжениям белого человека. Это оружие имело искусную форму и форму, и прекрасно подходило к способу боя своего владельца. Но по мере расширения контактов с белыми туземцы проявляли особое стремление к приобретению огнестрельного оружия и пороха, стальных ножей и топориков. Они отказались от своих грубых, но эффективных орудий войны и, получив желанное оружие в результате удачных набегов на лагеря своих врагов, принялись учиться им пользоваться. Порох показался им настолько загадочным, что они поверили в его свойство размножаться и посадили его в землю в надежде, что он даст запас для их будущих нужд. При нападении на поселенцев они использовали множество хитроумных приспособлений, чтобы заманить их в ловушку или устроить засаду. Эти методы, естественно, оказались успешными против белых, которым еще предстояло изучить индейское военное ремесло, но вскоре поселенцы научились перенимать те же приемы. Индеец имитировал крик дикого гуся, чтобы заманить белого охотника в лес, где тот набрасывался на него. Зимой он также переставлял свои снегоступы, чтобы поселенцу казалось, что он отступает. Еще одним способом, которым пользовались индейские шпионы, было прикрытие себя ветками, чтобы выглядеть как куст. Иногда они приближались к белому человеку, видимо, в духе дружелюбия, чтобы затем совершить какой-нибудь акт предательства. В качестве средства защиты от ночных сюрпризов

индейцев поселенцы строили блок-хаусы, в которые в целях безопасности спешили женщины и дети. Но упорство белого человека и снижение рождаемости в индейских племенах привели к новой ситуации. Постоянно изгоняемые из одной части страны в другую, ограниченные территорией, на которой можно было жить, охотиться и возделывать землю, индейцы в конце концов стали менее агрессивными по отношению к тем, к кому они сначала, а некоторое время после своего поселения, относились с подозрением и неприязнью.

Хотя методы ведения войны у разных племен различались, общая схема действий обычно диктовалась советом вождей, в чьих руках также находилось заключение мира и войны. Кампания обычно предварялась красноречивыми речами вождей, которые постепенно приводили храбрецов в ярость от обиды на своих врагов. Затем начиналась церемония военного танца. Выстроившись в круг, воины исполняли что-то вроде шарканья, время от времени медленно пританцовывая, жестами и движениями, явно призванными имитировать движения какой-нибудь птицы или зверя, [14] и при этом хрюкали, кудахтали и рычали. Эта церемония всегда проходила в полном боевом облачении и перьях. После этого храбрецы выходили на "тропу войны". Если кампания проходила в лесистой местности, они маршировали в одном строю.[15] Самое пристальное внимание уделялось окружающей обстановке, чтобы не допустить засады. Малейший звук, даже щелчок ветки, был достаточным, чтобы привлечь их внимание и заставить остановиться. Бдительные, подозрительные, с каждым нервом, натянутым до предела, они шли с такой предельной осторожностью, что застать их врасплох было практически невозможно. Если воин отделялся от основной массы, подвергался нападению и получал смертельное ранение, он считал необходимым для безопасности своих товарищей издавать пронзительный вопль, который разносился далеко по лесным дорогам и заставлял остальных членов группы быть начеку. Это было известно как "предсмертный крик".

[14] Возможно, их личные или племенные тотемы. См. "Тотемизм", с. 80-86.

[15] Отсюда выражение "индейское досье".

Когда кампания проводилась в прерии или на открытой местности, обычно использовался метод ночного нападения; но если по какой-либо причине это не удавалось сделать, вокруг места нападения рисовался большой круг, который постепенно сужался, и воины, составлявшие его, ползли и извивались в траве, а когда оказывались достаточно близко, поднимались и бросались на лагерь или форт с дикими боевыми криками. Если ожидалась упорная оборона с применением огнестрельного оружия, воины окружали объект атаки верхом на лошадях и объезжали вокруг роковой позиции, постепенно отстреливая защитников из винтовок или стрел, как только представлялась возможность. Как только место было взято штурмом, индейские храбрецы не просили и не давали сдачи, по крайней мере, если речь шла о мужчинах-защитниках. Их сразу же убивали и снимали скальпы, причем последний кровопролитный процесс осуществлялся следующим образом: храбрец ставил колени на плечи врага, описывал ножом быстрый круг в центре головы жертвы, захватывал освобожденную таким образом часть скальпа и быстро снимал ее.

Школкрафт, касаясь темы индейских войн - вопроса, по которому он был вполне компетентен говорить, - пишет:[16]

[16] *Исторические и статистические сведения об индейских племенах.*

"Успех в войне является для индейца вершиной славы, а изучение его искусства - предметом его наивысшего достижения. Мальчики и юноши с ранних лет учатся танцевать военный танец; и хотя им не разрешается вступать в его увлекательный круг, пока они не достигнут завидного звания настоящих воинов, все же их ранние занятия спортом и мимические забавы являются имитацией различных движений и поз. Приз - завидное орлиное перо. Ради этого индеец проявляет талант, ловкость, выносливость, храбрость, соблюдает посты и то, что можно назвать религиозными покаяниями и обрядами.

"На тропу войны молодые люди вступают в раннем возрасте. Для общего сравнения этот возраст можно определить как шестнадцать лет; но, не учитывая точного времени, он всегда наступает после первичного поста, во время которого юноша выбирает себе личного опекуна или *монеду* - возраст, когда он впервые принимает на себя обязанности мужественности. Это период принятия трехконечного покрывала, истинной тоги североамериканских индейцев.

"Вся сила общественного мнения в наших индейских общинах сосредоточена на этом; ранние учения в ложах (например, пересказ храбрых приключений), танцы, религиозные обряды, речи выдающихся актеров, произносимые на общественных собраниях (таких, как "удар по столбу"), все, что служит для пробуждения и разжигания честолюбия в сознании дикаря, сосредоточено вокруг идеи будущего отличия на войне.

"... У индейца есть только одна главная честь, которую он должен постичь; это триумф на тропе войны; это броситься на своего врага, сорвать скальп с его головы, а затем произнести свой ужасающий *са-са-куон* (предсмертный крик). За этот коронный поступок ему разрешается надеть почетное перо орла войны - царя плотоядных птиц. По этому знаку он становится известен публично, и его почести признаются всем его племенем, а также соседними племенами, чьи обычаи ассимилируются.

"Когда скальп врага добыт, его стараются выставить напоказ. Для этого его натягивают на обруч и устанавливают на шесте. Внутреннюю часть окрашивают в красный цвет, а волосы приспособливают так, чтобы они свисали естественным образом. Если это скальп мужчины, то к нему прикрепляют орлиные перья, чтобы обозначить *этот* факт. Если женский, то на раму вешают гребень или ножницы. В таком виде его передают в руки старухи, которая несет его во время танца со скальпами, при этом произносятся оскорбительные эпитеты в адрес племени, у которого он был взят. Среди этих диких ликований раздается военный клич, и общее настроение старых и молодых: "Так должно быть с нашими врагами".

"Перо орла - это высшая честь, которую может носить воин, и за его приобретение иногда отдается очень смелая сумма. Известны случаи, когда за него платили стоимость лошади. Важно обратить внимание на то, как вырезается и носится перо.

"Шкала почета у разных племен может отличаться, но основные черты одинаковы. У племени дакота орлиное перо с красным пятном означает, что владелец убил врага, вырезанная в нем насечка и окрашенные в красный цвет края пера означают, что врагу перерезали горло. Небольшие последовательные насечки на лицевой стороне пера без краски означают, что владелец - третий человек, прикоснувшийся к мертвому телу; оба края с насечками - что он четвертый человек, прикоснувшийся к нему; а перо, частично лишенное краски, - что он пятый человек, прикоснувшийся к убитому.

"На одеяле или буйволиной мантии, которую носят индейцы дакота, часто можно увидеть нарисованную красную или черную руку. Красная рука означает, что владелец был ранен своим врагом, а черная - что он убил своего врага".

"Воинственное племя чиппевеев, живущее на истоках Миссисипи и носящее в своей истории характерное название пиллагеров, награждает удачливого воина, сбившего и снявшего скальп со своего врага, тремя перьями, а за еще более опасный поступок - взятие раненого в плен - пятью, поскольку они считают, что раненый враг отчаян и обычно приберегает свой огонь для последнего акта мести, если он умрет в тот же момент. Те из воинов, кто немедленно подойдет и ударит врага, чтобы на их оружии остались следы крови, получают по два пера, ибо принято, чтобы как можно больше людей совершили это действие..... Тем, кто был в отряде и просто *видел* бой, хотя у них и нет следов крови, которыми можно было бы похвастаться, и, возможно, им даже не хватило быстроты, чтобы следовать за вождем, все же разрешается взять одно перо. Эти почести присуждаются публично; никто не смеет брать их на себя без полномочий, и известны случаи, когда в публичном собрании индейцев перья, взятые на себя по ошибке, были жестоко сорваны с их голов. Однако они никогда не упрекают друг друга за личные поступки, свидетельствующие о трусости или робости во время военных действий, надеясь таким возвышенным образом побудить молодых людей к лучшим действиям в другой раз.

"Все военные отряды состоят из добровольцев. Лидер или военный капитан, который пытается собрать такую партию, должен иметь определенную репутацию, чтобы начать с нее. Его призывы на собраниях для танцевания предварительного военного танца сводятся к принципам храбрости и национальности. Они кратки и точны. Он старается, чтобы считалось, что он действует под руководством Великого Духа, чью тайную волю он хочет узнать во сне или с помощью каких-то обрядов.

"Достаточно хорошо сохранился принцип вербовки. Для этого вождь, который предлагает поднять отряд, берет в руки боевую дубину, намазанную пурпуром, чтобы символизировать кровь, и начинает свою военную песню. Я был свидетелем нескольких таких сцен. Песни представляют собой краткие, дикие повторения чувств, связанных с героическими поступками, или призывы к патриотическому или военному пылу. Они сопровождаются барабаном и трещоткой, а также голосом одного или нескольких хористов. Они повторяются медленно, сентиментально, с размеренной каденцией, в которой соблюдается точное время. Воин бьет по земле так, словно может сотрясти вселенную. Его язык часто очень образный, и он обращается к механизмам облаков, полету плотоядных птиц и влиянию духовных сил, как будто весь космос находится в его власти. Он воображает, что его голос слышен в облаках; и в то время как он с притворной яростью стучит по земле, ему кажется, что он держит руками "круг неба". Каждые несколько мгновений он резко останавливается на своем круговом пути и произносит пронзительный боевой клич.

"Нужно быть холодным слушателем, чтобы сидеть, не обращая внимания на эти призывы. Высказанные идеи сменяют друг друга со стремительностью потока. Они наводят на мысль о героическом складе ума, о сильной воле, о пламенных чувствах.

"Услышьте голос мой, воинственные птицы!
Я готовлю для вас пиршество;
Я вижу, как вы пересекаете вражеские ряды;
Я пойду, как и вы.
Я желаю быстроты ваших крыльев;
Я желаю мести ваших когтей;
Я собираю своих друзей;
Я следую за твоим полетом.
Эй, вы, юноши-воины!
Смотрите с гневом на поле битвы!

"Каждый воин, который встает и присоединяется к танцу, тем самым становится добровольцем в походе. Он сам вооружается и снаряжается, сам добывает себе пропитание, а когда он выходит на ринг и танцует, он напевает свою песню, и его приветствуют удвоенными криками. Эти церемонии равносильны "призыву в армию", и ни один молодой человек, вышедший на ринг, не может с честью отказаться".

"Смыслы следующей песни были произнесены знаменитым Вабоджигом, вождем чиппевеев, после победы над объединенными племенами сиу, сауков и лисиц у водопада Сент-Круа во второй половине семнадцатого века:

I

"Услышьте мой голос, герои!
В тот день, когда наши воины с криками бросились
С криками на подлого врага,
Местью справедливой сердце горело
Жестокому и вероломному роду,
Woin - Fox - Sauk.

II

"И здесь, на моей груди, я проливал кровь!
Видите, видите! Мои боевые шрамы!
Горы, трепещите от моего крика!
Я бьюсь за жизнь.

III

"Но кто мои враги? Они умрут,
Они пролетят по равнине, как лисица;
Они задрожат, как лист в бурю.
Вероломные псы! Они поджаривают наших сыновей на огне!

IV

"Пять зим мы проведем в охоте,
оплакивая убитых воинов,
Пока наша молодежь не вырастет в мужчин.
К боевому пути приучены,
Мы закончим наши дни, как наши отцы".

V

"Вы мертвы, благородные люди! Вас больше нет,
Мой брат, мой товарищ, мой друг!
На смертном пути, где храбрые люди должны идти.
Но мы живем, чтобы отомстить за вас! Мы спешим
Умереть, как умерли наши предки".

"В 1824 году Бвуайнаис, воин племени чиппевей на озере Верхнем, повторил мне с соответствующими мелодиями следующие военные песни, которые были произнесены во время войны между этим народом и дакотами:

I

"Oshawanung undossewug
Penasewug ka baimwaidungig.
[С юга прилетают они, воинственные птицы.
Hark! to their passing screams].

II

"Todotobi penaise
Ka dow Wiawwiaun.
[Я хочу иметь тело самой свирепой птицы,
Такой же стремительной, такой же жестокой, такой же сильной].

III

"Ne wawaibena, neowai
Kagait ne minwaindum
Nebunaikumig tshebaibewishenaun.
[Я бросил свое тело на произвол судьбы.
Счастлив я, лежа на поле.
На поле над вражеской линией]".

Жена и мать индейца

Положение женщин среди североамериканских индейцев явно благоприятно, если принять во внимание общие обстоятельства их среды обитания. Как и у большинства варварских народов, основная тяжесть работы в общине ложится на них. Но в большинстве случаев основную часть продовольствия обеспечивают мужчины, которым часто приходится совершать долгие и трудные охотничьи экспедиции в поисках пропитания. Труд по посадке и выкапыванию семян, мотыжению, сбору и хранению урожая неизменно ложится на плечи женщин. Однако на более доступных индейских территориях Северной Америки земледелие сходит на нет, и аборигены привыкают в значительной степени полагаться на поставки зерновых из внешних источников.

В искусстве ткачества индейские женщины были и остаются чрезвычайно искусными. В южных регионах женщины племени хопи с незапамятных времен ткали одежду из хлопка.

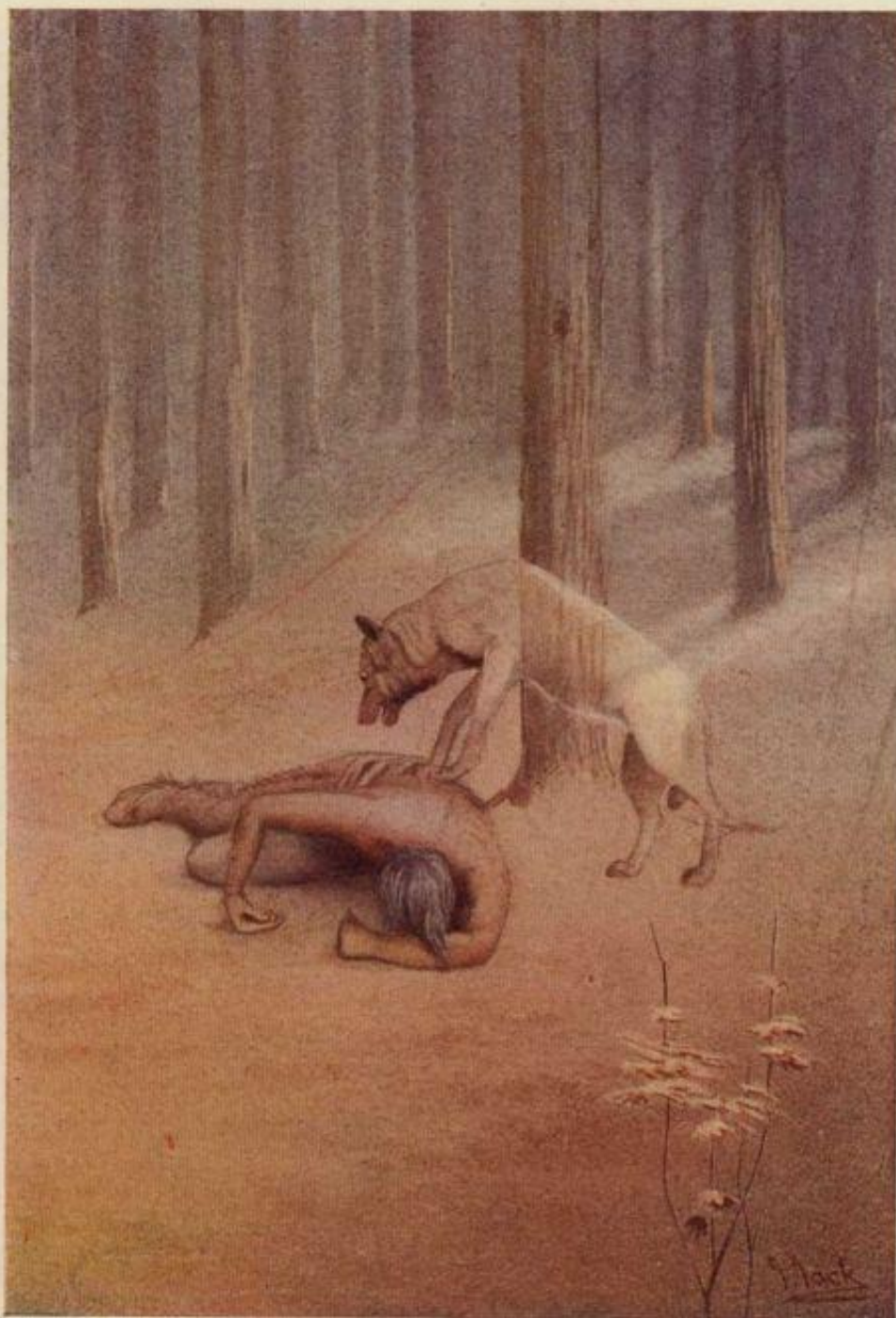
Среди различных племен институт брака во многом зависит от системы тотемизма - обычая, который будет подробно описан в главе, посвященной мифологии Красной Расы. Эта система накладывает табу на браки между членами одного клана или другого подразделения племени. Характер самой церемонии различается в зависимости от местности и расы. Среди равнинных индейцев было распространено многоженство, а неотъемлемой чертой церемонии было преподнесение подарков отцу невесты. В некоторых племенах муж обладал абсолютной властью, и разлуки и разводы были обычным делом. Но другие равнинные народы были свободны от системы купли-продажи, и с желаниями их женщин считались. К востоку от Миссисипи ирокезские, алгонкинские (за исключением севера и запада) и мускогские племена сохранили наследование имени и имущества по женской линии. У этих народов браку предшествовал обмен подарками. У гуронов совет матерей организовывал союзы членов племени. Моногамия в целом преобладала на всем континенте, и в целом брачные узы считались довольно слабыми.

Детская жизнь индейцев

Одна из самых приятных черт в жизни индейцев - это большая привязанность и забота родителей о своих детях. Как утверждает один из глубоких знатоков индийских обычаев и нравов, "отношения родителей с детьми демонстрируют все самые высокие черты индийского характера". При этом детская смертность чрезвычайно высока из-за отсутствия санитарных мер. Отец готовит деревянную колыбель, которая станет переносной кроватью

младенца, пока он не научится ходить. Сначала у *папуаса* появляется детское имя, которое позже сменяется прозвищем, которое он будет использовать всю жизнь. У детей обоих полов есть игрушки и игры: мальчики развлекаются верховой ездой и меткой стрельбой, а девочки играют с куклами и подражают своим матерям, которые "держат вигвам". В теплую погоду дети много времени проводят в плавании и гребле. Они очень любят домашних животных, особенно щенков, которых часто одевают и носят на спине, как младенцев. Среди некоторых южных народов маленькие фигурки, изображающие различные племенные божества, раздаются детям в виде кукол во время некоторых церемоний, и таким образом священные традиции расы передаются им в осязаемой форме. Ошибочно думать, что индейский ребенок не получает никакого высшего образования. Однако оно осуществляется исключительно моральным воздействием, а физические наказания применяются крайне редко. Среди детей преобладает добродушие, а драки и ссоры практически неизвестны.

Примерно в пятнадцать лет индейский мальчик берет на себя одиночный пост и бдение, во время которых его тотем или дух медицины, как предполагается, наставляет его относительно его будущей карьеры. Примерно в тринадцать лет девочка проходит подобное испытание, которое знаменует ее вступление в женскую жизнь.

Adventure with a Totem

74

Приключение с тотемом

Приключение с тотемом

В одном из рассказов о том, как молодой индеец увидел свой тотем, говорится, что отец послал его на вершину горы искать Утонаган, женский дух-хранитель его предков. В полдень, придя на гору, он услышал вой тотемного духа и начал подниматься по склону, леденея от страха по мере того, как крики становились все громче. Он взобрался на дерево, но все еще слышал крики и шорох духа в ветвях внизу. Тогда его охватил ужас, и он бросился бежать. Утонаган преследовала его. Она настигла его, завывая так, что у него подкосились колени и он не мог повернуться. Тогда он вспомнил об одном из своих духов-хранителей и, набравшись храбрости, оставил преследователя далеко позади. Он отбросил свое одеяло, Утонаган дотянулся до него и, понюхав, снова пустился в погоню. Тогда он подумал о своем духе-хранителе - волке, и к нему снова пришли новые силы. Все еще охваченный ужасом, он оглянулся назад. Утонаган следовал за ним с волчьей прытью. Тогда он вспомнил о своем духе-хранителе - суке - и снова понесся вперед. В конце концов, обессилив от напряжения, он опустился на землю в обморочном состоянии и заснул. Сквозь сон он увидел духа в образе волка. Она сказала ему: "Я та, кого твоя семья и индейцы называют Утонаган. Ты дорог мне. Посмотри на меня, индеец". Он посмотрел и потерял чувство страха. Когда он проснулся, солнце было высоко в небе. Он искупался в ручье и вернулся домой.

Бдение индейской девушки

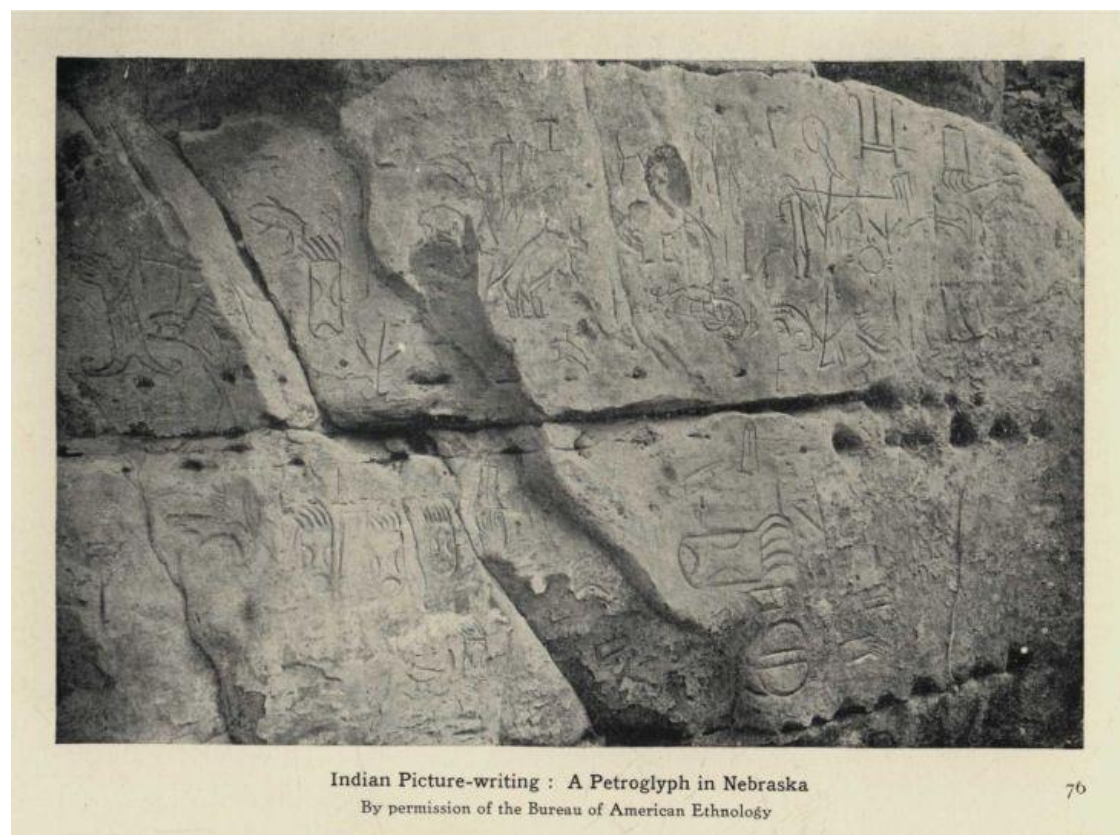
Еще одна история повествует о бдении индейской девушки. Кэтрин Вабозе, когда ей было около тринадцати лет, покинула домик своей матери и построила себе небольшой домик. После четырехдневного поста ее навестила мать, которая дала ей выпить немного снежной воды. Накануне шестого дня, когда она еще постилась, ей послышался нечеловеческий голос, который пригласил ее пройти по сияющей тропе, ведущей вперед и вверх. Там она впервые встретила "Вечно стоящую женщину", которая дала ей свое "сверхъестественное" имя. Затем она встретила "Духа Маленького Человека", который сказал ей, что его имя будет именем ее первого сына. Затем к ней обратилось "Ярко-голубое небо", наделившее ее даром жизни. Затем ее окружили яркие точки света и острые, безболезненные инструменты, но, взобравшись на рыбоподобное животное, она поплыла по воздуху обратно в свою хижину. На шестой день она пережила повторение видения. На седьмой день ее накормили небольшим количеством толченой кукурузы в снежной воде. После седьмого дня она увидела, как с неба спустился большой круглый предмет, похожий на камень, и вошел в домик. Он наделил ее даром пророчества, и благодаря этому по возвращении в племя она получила звание пророчицы.

Нетрудно предположить, что сознание этих несчастных детей было временно нарушено длительным постом, который они вынуждены были соблюдать.

Написание картинок

Большинство племен Северной Америки выработали грубую систему написания рисунков. По большей части она состояла из фигур природных объектов, соединенных символами, имеющими произвольное или фиксированное значение. Таким образом, система была одновременно идеографической и пиктографической, то есть в той или иной степени

представляла как абстрактные идеи, так и конкретные объекты. В этих письменах было так много произвольных знаков, а также символов, которые в разных обстоятельствах имели разные значения, что их интерпретация представляла собой сложнейшую задачу. Обычно они использовались при составлении сезонных календарей, а иногда с их помощью сохранялись записи племени.

Индийская картинная письменность: Петроглиф в Небраске.
По разрешению Бюро американской этнологии

Возможно, самым известным образцом индейской письменности является дакотский "Зимний счет одиноких собак", который, как предполагается, был первоначально нарисован на буйволином халате. Считается, что это летопись, охватывающая период в семьдесят один год с начала девятнадцатого века. Аналогичные хроники - "*Валлум-олум*", представляющие собой рисованные записи алгонкинского народа лени-ленапе, и календарная история киова. Первая состоит из нескольких серий, одна из которых описывает действия племен вплоть до прибытия европейских колонистов в начале семнадцатого века. Мы прилагаем выдержку из "*Валлум-олум*" как образец подлинного сочинения аборигенов. Перевод сделан покойным профессором Бринтоном.

После того как бурные воды утихли, черепахи Ленапе расположились близко друг к другу, в полых домах, и живут там вместе.

Там, где они обитают, - мороз: там, где они обитают, - снег: там, где они обитают, - буря: там, где они обитают, - холод.

В этом северном месте они положительно отзываются о мягких, прохладных землях, где много оленей и буйволов.

По мере путешествия одни из них, будучи сильными, другие богатыми, разделились на строителей домов и охотников:

Самыми сильными, самыми сплоченными, самыми чистыми были охотники.

Охотники проявляли себя на севере, на востоке, на юге, на западе.

В той древней стране, в той северной стране, в той Черепашьей стране, лучшими из Ленапе были люди-черепахи. (То есть, вероятно, люди с тотемом Черепахи).

Все костры той земли были встревожены, и все сказали своему жрецу: "Отпусти нас".

В Змеиную страну, на восток, они отправились, уходя, искренне скорбя.

Разделенные на части, слабые, дрожащие, их земля горела: они шли, разорванные и сломленные, к Змеиному острову.

Те, кто с севера, будучи свободными, без забот, отправились из страны снегов в разные стороны.

Отцы Лысого Орла и Белого Волка остались вдоль моря, богатого рыбой и силой.

Плывя вверх по течению на своих каноэ, наши отцы были богаты, они были в свете, когда были на тех островах.

Главный Бобр и Большая Птица сказали: "Давайте отправимся на Змеиный остров", - сказали они.

Все говорят, что пойдут с ними, чтобы уничтожить всю землю.

Северяне согласились,
А те, что с востока, согласились.
Над водой - замерзшее море,
Они пошли, чтобы насладиться им.

По чудесной скользкой воде,
По каменно-твердой воде все пошли,
По великому приливному морю, по мускулистому морю.

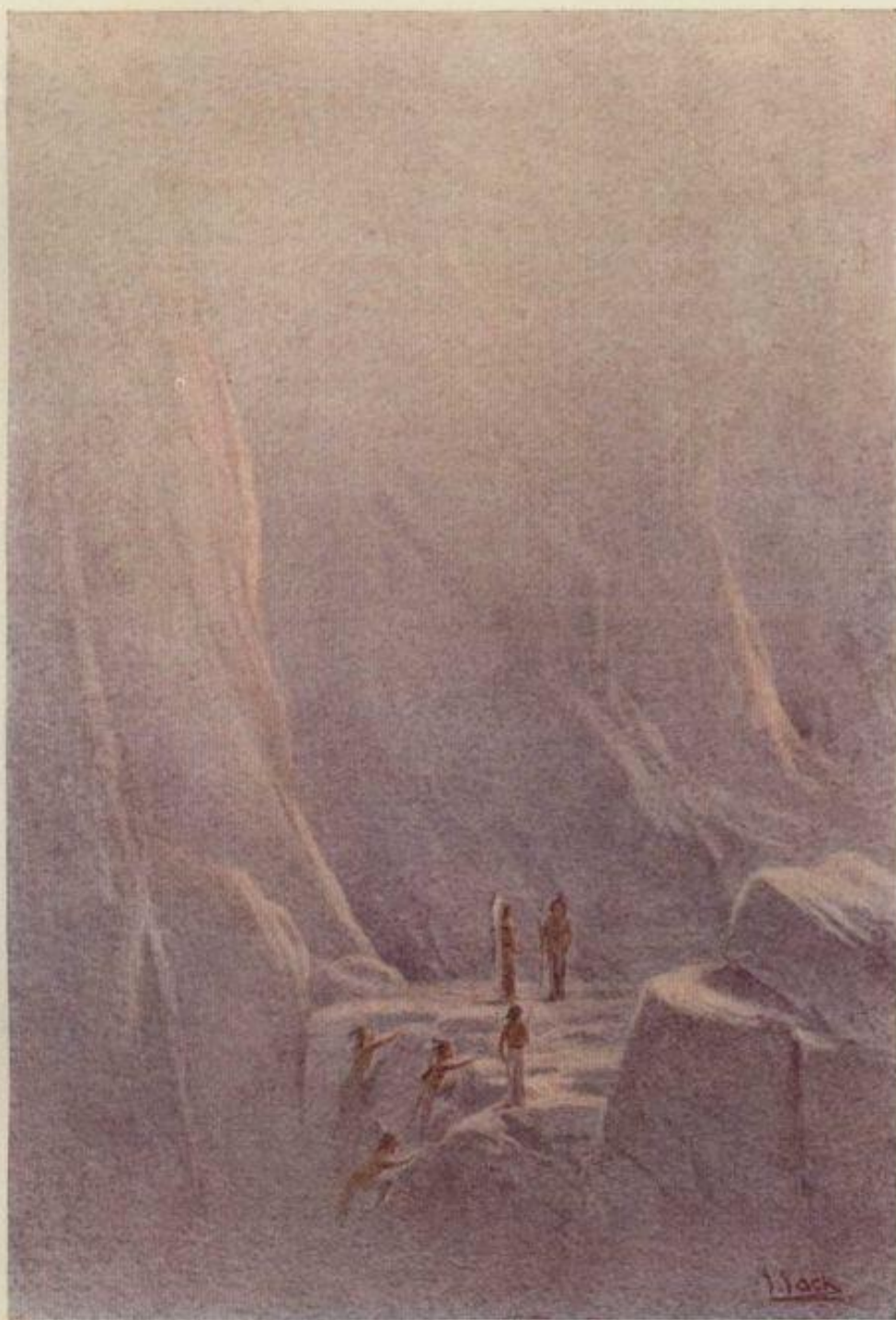
Десять тысяч ночью,
Все за одну ночь,
На Змеиный остров, на восток, ночью,
Они идут и идут, все они.

Люди с севера, востока, юга:
Орлиный клан, Бобровый клан, Волчий клан,
Лучшие мужчины, богатые мужчины, главные мужчины,
Кто с женами, кто с дочерьми, кто с собаками.

Все они приходят и останавливаются в стране еловых сосен:
Те, кто пришел с запада, приходят с колебаниями,
высоко ценя свой старый дом в Черепашьей стране.

Там не было ни дождя, ни кукурузы, и они двинулись дальше к морю.

В месте пещер, в земле Буйволов, они наконец-то получили пищу, на приятной равнине.

The Lenâpé come to the Place of Caves

Ленапе приходят к месту пещер

Современное образование и культура

После создания правительства Соединенных Штатов ряд христианских и светских организаций занялись образованием и просвещением аборигенов. До 1870 года вся правительственная помощь на эти цели шла через руки миссионеров, но в 1775 году [примечание переводчика: 1875?] Конгресс назначил комитет по делам индейцев, который выделил средства на поддержку индейских студентов в Дартмутском и Принстонском колледжах. Для индейцев было организовано множество дневных школ, целью которых было подготовить их к гражданству, прививая им социальные манеры и этические идеи белых. Школа, основанная капитаном Р. Х. Праттом в Карлайле, штат Пенсильвания, с целью обучения индейских мальчиков и девочек, выпустила много полезных членов общества. Около 100 студентов получают высшее образование в Хэмптонском институте. В настоящее время существует 253 государственных школы для обучения индейской молодежи, на которые ежегодно расходуется пять миллионов долларов, и можно сказать, что терпеливые усилия правительства Соединенных Штатов увенчались триумфом и успехом, если просмотреть список культурных индейских мужчин и женщин, которые учились в этих учебных заведениях. Многие из них добились заметных успехов в промышленности и в высших сферах жизни.

ГЛАВА II: МИФОЛОГИЯ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Анимизм

Все мифологические системы берут начало в одной и той же фундаментальной основе. Боги - дети почитания и необходимости. Но их генеалогия простирается еще дальше в прошлое. Дикарь, не способный отличить одушевленное от неодушевленного, воображает, что каждый окружающий предмет, как и он сам, одушевлен жизнью. Деревья, ветер, река (которую он называет "Длинный человек") - все в его глазах обладает жизнью и сознанием. Деревья стонут и шелестят, значит, они говорят или, возможно, являются обиталищем могущественных духов. Ветры полны слов, вздохов, предупреждений, угроз, шумов, несомненно, блуждающих сил, дружественных или недружественных существ. Вода движется, артикулирует, пророчествует, как, например, перуанские Римак и Ипуримак - "оракулы", "прорицатели". Даже абстрактные качества должны были обладать атрибутами живых существ. Свет и тьма, тепло и холод рассматривались как активные и бдительные силы. Небо рассматривалось как Всеотец, от сотрудничества которого с Матерью-Землей произошли все живые существа. Это состояние веры известно как "анимизм".

Тотемизм

Если неодушевленные предметы и природные явления воображение дикарей наделяло свойствами жизни и мысли, то существа животного мира ставились на еще более высокий уровень. Индеец, соприкасавшийся с обитателями лесов и прерий, был высокого мнения об их качествах и инстинктивных способностях. Он заметил, что они обладают большей хитростью в лесном деле, чем он сам, что их охотничий инстинкт гораздо надежнее, что они редко страдают от недостатка провизии, что у них более быстрые ноги. Короче говоря, он считал их выше себя в тех способностях, которые были ему наиболее желанны и которыми он восхищался. Различные человеческие качества и характеристики стали олицетворяться и даже преувеличиваться в некоторых из его соседей по лесу и равнине. Так, лиса стала олицетворять хитрость, дикая кошка - скрытность, медведь - глупость, сова - загадочную мудрость, олень - быстроту. В каждом из этих качеств несколько животных, к которым они принадлежали, казались дикарю более одаренными, чем он сам, и так сильно на него влияло это кажущееся превосходство, что если он жаждал определенного качества, то ставил себя под защиту того животного или птицы, которые его символизировали. Опять же, если племя или клан обладали какими-то особыми качествами, например свирепостью или хитростью, соседи обычно называли их по имени птицы или зверя, который символизировал их характер. Племя узнавало свое прозвище от пленников, захваченных на войне, или даже само присваивало себе такое прозвище. По прошествии нескольких поколений члены племени считали животное, качествами которого они обладали, своим прямым предком и полагали, что все представители его вида являются их кровными родственниками. Это верование известно как тотемизм, и его принятие послужило основой для создания широко распространенной системы племенных правил и обычаев, с помощью которых полностью регулировались и регулируются браки и многие жизненные вопросы. Вероятно, все европейские и азиатские народы прошли через эту стадию, и ее остатки можно найти глубоко внедренными в нашу современную социальную систему.

Тотемический закон и обычай

Пройдет немного поколений, прежде чем чувство преданности предков тотему или одноименному прародителю племени станет настолько сильным, что перерастет в развитую систему поклонения ему как божеству. О том, что тотем перерастает в бога, свидетельствуют звериное подобие и атрибуты многих божеств в широко разделенных землях. Это объясняет шакало- и ибисоголовых богов Египта, быкоподобных божеств Ассирии, звероподобных богов Индостана - возможно, даже сову, сопровождавшую греческую Палласу, ведь разве Гомер не говорит о ней как о "совоглазой"? Не могла ли эта богиня развиться из тотема совы, и не могла ли сопровождающая ее ночная птица, сидящая на ее плече, остаться в качестве уловки для ее почитателей в ее более древней форме, которые возражали против ее изображения в виде человека и хотели, чтобы сохранилось какое-то напоминание о ее прежнем облике? То, что наши британские предки обладали тотемической системой, не вызывает сомнений. Разве клан Чаттан из Шотландского нагорья не был "сыновьями кошки"? В книге декана Лисморского мы читаем о племени, включенном в состав "сыновей короля Руалай", один из батальонов которого был "кошачьеголовым", или носил тотемный гребень кошки. Боги-свиньи и другие животные божества, которыми обладали британские кельты,

подтверждают эту теорию, как и остатки многих народных обычаев в Англии и Шотландии. Наши гербы - это всего лишь семейные символы, дошедшие до нас с тех далеких времен, когда наши предки рисовали их на своих щитах или носили на шлемах в качестве знака своего племени, а значит, и его предполагаемого зверя-прародителя или защитника.

Как уже говорилось, обширная и запутанная система племенных законов и обычаев возникла в результате принятия тотемизма. Животное, от которого племя получило свое название, нельзя было убивать или употреблять в пищу из-за его кровного родства с кланом. Происхождение от этого предка предполагало родство между различными членами племени, мужчинами и женщинами; поэтому женщины не могли вступать в брак с мужчинами, которые вынуждены были искать себе жен в других местах. Это часто приводило к частичному принятию другого племени или семьи поблизости и его тотема, чтобы в случае необходимости произвести подходящий обмен женщинами, и, таким образом, к включению двух *родов* или подразделений в племя, каждый из которых имел свое тотемное имя, но каждый рассматривал себя как подразделение племенной семьи. Так, член *рода* "лис" не может жениться на женщине из своего рода, а должен искать невесту среди "медведей", и точно так же член рода "медведей" должен искать жену среди "лис".

Строгость тотемических правил

Соблюдение тотемических законов и обычаев, нарушение которых считалось тяжким преступлением, требовало максимальной строгости. Действительно, никому и в голову не приходило нарушать его, настолько сильны привычка и сила ассоциации. Нет необходимости перечислять многочисленные обычаи, которые можно рассматривать как результат тотемической системы, поскольку многие из них имеют мало общего с собственно мифологией. Достаточно сказать, что они соблюдались с такой строгостью, по сравнению с которой правила религий цивилизованных народов кажутся расхлябанными и снисходительными. Поскольку эта система оказала столь сильное влияние на жизнь и мысли индейцев, можно с пользой процитировать следующий отрывок из книги одного из авторитетных специалистов по индийскому тотемизму:[1]

[1] Дж. Р. Суонтон, в *"Справочнике североамериканских индейцев"*.

"Коренные американские индейцы, придерживаясь своеобразных эгоцентрических взглядов на единство и непрерывность всей жизни и вытекающие из этого неизбежные взаимосвязи нескольких тел и существ в природе, особенно человека с существами и телами его опыта и окружающей среды, которым он приписывал различные антропоморфные атрибуты и функции в дополнение к естественно присущим им, разработали некоторые фундаментально важные культы, основанные на этих взглядах, которые глубоко влияют на его социальные, религиозные и гражданские институты. Одна из этих доктрин заключается в том, что люди и организации людей находятся под защитой и опекой некоего воображаемого существа или

духа. Эти опекающие или покровительствующие существа могут быть сгруппированы, по способу и мотиву их приобретения и их функциям, в две достаточно хорошо определенные группы или классы: (1) те, которые защищают только отдельных людей, и (2) те, которые защищают организации людей. Но с этими двумя классами опекающих существ нередко смешивают еще один класс защитных воображаемых существ, обычно называемых фетишами, которые считаются могущественными духовными союзниками их обладателей. Каждый из этих нескольких классов существ-хранителей имеет свои особые традиции, верования и соответствующий культ. Способы приобретения и мотивы приобретения этих нескольких классов существ-хранителей отличаются в некоторых фундаментальных и существенных аспектах. Точный способ обретения покровителей или опекунов из клановой или языческой группы до сих пор остается нерешенной проблемой, хотя проницательные ученики выдвинули несколько правдоподобных теорий, объясняющих вероятный способ их обретения. Что касается личного опекуна и фетиша, то данные достаточно ясны и полны, чтобы позволить удовлетворительное описание и определение этих двух классов опекаемых и вспомогательных существ. Из имеющихся данных по этому вопросу следует, что большая путаница в использовании и приобретении личных и общинных опекунов или существ-покровителей возникла из-за того, что определенные социальные, политические и религиозные действия считаются обусловленными в первую очередь влиянием этих божеств-покровителей, в то время как на самом деле эти особенности были факторами социальной организации, на которую впоследствии был наложен культ духа-покровителя или духа-хранителя. Экзогамия, имена и названия классов, а также различные табу существуют там, где нет "тотемов" и "тотемизма" - культов духов-хранителей.

"Некоторые считают кланового или языческого группового покровителя или опекуна простым развитием личного опекуна, но из имеющихся, но недостаточных данных, касающихся этого вопроса, следует, что в некоторых своих аспектах он более тесно связан по происхождению или, скорее, по способу его приобретения с фетишем, ирокезским *otchina ken'da*, "эффективным агентством колдовства", чем с любой формой личного опекуна. Этот дух-покровитель, конечно, относится к группе, рассматриваемой как организм, поскольку в отношении каждого человека в группе клановый или языческий опекун наследуется, или, скорее, приобретается по рождению, и его нельзя изменить по желанию. С другой стороны, личный опекун обретается в результате обряда видения во сне или трансе, и его нужно беречь во что бы то ни стало, как одно из самых ценных достояний. Фетиш приобретается по личному выбору, путем покупки, по наследству или в результате каких-то случайных обстоятельств или чрезвычайных обстоятельств, и в большинстве случаев его можно продать или выбросить по желанию владельца; исключения составляют случаи, когда человек заключил договор с каким-то злым духом или существом, согласно которому в обмен на человеческие или иные жертвы в его честь в определенные периоды времени указанный дух обязуется выполнять определенные обязательства перед этим мужчиной или женщиной, и в случае невыполнения которых человек теряет право на жизнь.

"Тотемизм" - это чисто философский термин, который современная антропологическая литература нагроутила огромной массой ненужных противоречивых спекуляций и мнений. Доктрина и использование духов-кураторов или духов-покровителей отдельными людьми и организованными группами людей определяются Пауэллом как "метод именования" и как "доктрина и система именования". Но мотив, лежащий в основе приобретения и использования духов-хранителей или духов-покровителей, будь то отдельным человеком или организованной группой людей, всегда один и тот же - получение благополучия и избежание

несчастья. Поэтому ошибочно определять этот культ как "доктрину и систему наречения имен". Это скорее признание, эксплуатация и регулирование воображаемого мистического отношения индивида или совокупности организованных людей к постулируемым *орендам*, мистическим силам, окружающим каждую из этих единиц родного общества. За редким исключением, признанные отношения между кланом или *родом* и его божеством-покровителем не являются отношениями происхождения, а скорее отношениями защиты, опеки и поддержки. Отношение к источнику между этими двумя классами высших существ еще не определено; поэтому, чтобы избежать путаницы в понятиях, лучше использовать для них разные имена, пока их связь, если таковая существует, не будет точно установлена: этот вопрос не должен быть предreshен. Гипотетическое включение этих нескольких классов в один общий, обозначенный рубрикой "тотем" или ее эквивалентом, привело к ненужной путанице. В родных языках для этих объектов существуют отдельные названия, и пока не будет достоверно доказано, что туземная классификация ошибочна, представляется целесообразным обозначать их отличительными именами. Несмотря на большое количество литературы, посвященной социальным особенностям коренного американского общества, существует множество данных по этому вопросу, которые были упущены или проигнорированы."

Фетишизм

Бок о бок с анимизмом и тотемизмом процветает третий тип первобытных верований, известный как "фетишизм". Это слово происходит от португальского *feitiço*, "очарование", "нечто, сделанное искусством", и применяется к любому предмету, большому или маленькому, естественному или искусственному, считающемуся обладающим сознанием, волей и сверхъестественными качествами, и особенно *orenda*, или магической силой.

Как уже было сказано, индийский интеллект рассматривает все вещи, животных, воду, землю, деревья, камни, небесные тела, даже ночь и день, а также такие свойства, как свет и тьма, как обладающие одушевленностью и силой воли. Однако, по общему мнению индейцев, многие из них находятся под действием заклинаний или сильных чар. Индеец уверен, что скалы и деревья - это живые гробницы заключенных в них духов, похожих на дриады из греческого фольклора, так что ему нетрудно представить себе более или менее мощный разум в любом предмете, каким бы необычным он ни был - более того, чем он необычнее, тем больше вероятность того, что он является обителью какого-то мощного разума, заключенного в тюрьму из мести или по другим подобным мотивам под воздействием чар могущественного чародея.

Короче говоря, фетиш - это талисман, приносящий удачу. Цивилизованный человек, прикрепляющий свастику или маленький талисман к цепочке часов или браслету, бессознательно идет по стопам многих языческих предков; но с той разницей, что идея о том, что "удача" живет в безделушке, слаба в цивилизованном сознании, тогда как в дикарских верованиях "удача", живущая в фетише, - это могущественная и живая вещь - разум, который должен быть умиротворен молитвами, пирами и жертвоприношениями. Фетиши, утратившие репутацию приносящих удачу, обычно превращаются в простые амулеты или талисманские украшения, а их место занимают другие. Фетиш отличается от класса опекаемых или "домашних" богов тем, что его можно продать или обменять, в то

время как опекаемые или домашние божества никогда не покупаются и даже не одалживаются.

Предметы фетиша

Почти все вещи *шамана*, или знахаря, североамериканские индейцы относят к категории фетишей. Обычно они состоят из шкур зверей, птиц и змей, корней, коры, порошка и множества других предметов. Но фетиш должен быть полностью отделен от идеи религии, с которой он практически не связан, находясь бок о бок с религиозными фазами многих типов. Фетишем может быть кость, перо, наконечник стрелы, палка, вырезанная или раскрашенная, окаменелость, пучок волос, ожерелье из пальцев, набитая кожа, рука врага - все, что может привидеться первоначальному владельцу во сне или в порыве воображения. Иногда его прикрепляют к скальпу, к платью, к уздечке, прячут между слоями щита или специально помещают в святилище в вигваме. Идея, заложенная в сознании создателя, обычно носит символический характер и раскрывается только тому, кто официально избран наследником магического владения и, в свою очередь, обязуется хранить такую же тайну.

Несмотря на то, что культ фетишизма, строго говоря, не является отделом религиозной деятельности, существует момент, когда фетиш начинает превращаться в бога. Это происходит, когда объект выдерживает испытание опытом и достигает более чем личной или племенной популярности. Тем не менее фетиш больше похож на тех духов, которые подчиняются человеку (например, на арабских *джиннов*), чем на богов, и если ему молятся и приносят жертвы по случаю, то "молитвы" носят скорее характер магического призыва, а "жертвы" не более, чем это было бы принято по отношению к любому другому помощнику. Таким образом, мы должны проводить четкое различие между фетишем или плененным духом и богом. Но следует также помнить, что фетиш - это не обязательно личная собственность. Он может принадлежать всей общине. Это не обязательно небольшой предмет, он может иметь все признаки полноценного идола. Однако идол - это обитель бога, образ, в который может материализоваться божество. Фетиш же - *это место заточения подвластного духа*, который не может вырваться на свободу и, если хочет обрести звание божества, должен сделать это путем долгой череды приношений удачи или, по крайней мере, путем совершения ряда чудес защитного или гадательного характера. Не исключено, что в сознании индейцев существует вера в то, что существует множество блуждающих духов, которые в обмен на пищу и другие удобства готовы материализоваться в том облике, который им придаст дикарь, и помогать ему в погоне и других жизненных делах.

Фетиши апачей

Среди индейцев атапасков апачи, как мужчины, так и женщины, носят фетиши, которые они называют *тзи-дальтаи*, изготовленные из дерева, пронизанного молнией, обычно сосны, кедра или пихты с гор. Они высоко ценятся и никогда не продаются. Они выструганы очень тонко, грубо вырезаны в подобии человеческой формы и украшены вырезанными линиями, изображающими молнию. Они небольшого размера, и лишь немногие из них раскрашены. Бурке описывает один из них, который вождь апачей носил с собой: он был сделан из куска

рейки, некрашеной, с нарисованной на ней фигурой желтого цвета, с узкой черной полосой и тремя змеиными головами с белыми глазами. Она была украшена жемчужными пуговицами и маленькими орлиными перьями. Реверс и аверс были идентичны.

Многие апачи прикрепляли кусочек малахита к своим ружьям и лукам, чтобы те стреляли точно. Бурке упоминает класс фетишей, которые он называет "филактерии". Это куски бакшиша или другого материала, на которых начертаны определенные знаки или символы религиозного или медицинского характера, и их носят при себе, прикрепляя к человеку, который ищет от них пользы. От обычного фетиша они отличаются тем, что скрыты от посторонних глаз. Эти "филактерии", по словам Бурке, "сами являются лекарством", могут использоваться для обертывания других "лекарств" и "таким образом увеличивать их собственные возможности". Он описывает несколько таких предметов. Один из них, который носил индеец по имени Та-уль-цу-дже, "был туго закручен по меньшей мере в полмили шорного шелка, и когда его достали на свет, оказалось, что он состоит из небольшого куса кожи квадратной формы в два дюйма, на котором были нарисованы красные и желтые кривые линии, представляющие красную и желтую змею. Внутри находились кусочек малахита и небольшой крест из сосны, пронзенной молнией, а также две маленькие перфорированные раковины. Крест они обозначали как "черный разум". Еще один "филактерий" состоял из крошечного мешочка с ходдентином, в котором находился маленький кристалл кварца и четыре перышка орлиного пуха. Этот амулет, как объяснил один из индейцев, содержал не только "лекарства" кристалла и орла, но и черного медведя, белого льва и желтой змеи.

Ирокезские фетиши

Гуруны, племя ирокезов, считают необычные вещи *оки*, или сверхъестественными, и поэтому считают, что найти их - удача. На охоте, если они находят в кишках животного камень или другой предмет, то сразу же делают из него фетиш. Любой предмет необычной формы они ценят по той же причине. Они очень боятся, что демоны или злые духи похитят их фетиши, которые они почитают так высоко, что умиляют их на пирах и призывают в песнях. Самым высоким фетишем, который мог получить гурон, была часть оннионта, или огромной бронированной змеи, мифологического животного, почитаемого многими североамериканскими племенами.

Фетишизм у алгонкинов

Гофман утверждает, что в "медицинских" домиках некоторых алгонкинских племен сохранились фетиши или амулеты, которые носят выше локтей, состоящие из нитей бисера, металлических лент или шкур скусса, а также браслеты из раковин, кожи или металла. Большим племенным фетишем шайенов была их "медицинская" стрела, которую у них отобрали пауны в бою. Головка этой стрелы выступает из сумки, в которой она хранится, и покрыта тонкими волнистыми или спиральными линиями, которые обозначают ее

священный характер. Это был поистине палладиум племени. Особый вид фетиша представлял собой мантию из шкуры оленя, покрытую перьями, смешанными с головными уборами. Он изготавливался и использовался знахарями как мантия-невидимка или зачарованный покров, позволяющий шпионам безопасно передвигаться по вражеской стране. В этом случае фетишистская сила зависела от нарисованных на изделии приспособлений. Основными фетишами среди племени хидатса, принадлежащего к племени сиу, являются шкуры лисиц и волков, причем любимым фетишем является полоса на спине волчьей шкуры, хвост которой свисает до плеч. В шкуре делается прорезь, через которую воин просовывает голову, так что шкура волка свисает вниз на грудь. Наиболее распространенными племенными фетишами сиу являются или являлись головы бизонов, шейные кости которых они сохраняют, полагая, что таким образом стада бизонов будут предотвращены от удаления на слишком большое расстояние. В определенные периоды они проводят церемонию с этими костями, которая заключается в том, что они берут горшок, наполненный углями, бросают в него сладко пахнущую жижу и окуривают кости дымом. Есть некоторые деревья и камни, которые считаются фетишами. Им делают подношения из красной ткани, красной краски и других предметов. У каждого человека есть свой личный фетиш, который он берет с собой на все охоты и военные походы. Обычно он состоит из головы, когтей, набитой шкуры или другого представителя животного-фетиша. Даже лошади снабжены фетишами в виде оленьего рога, чтобы обеспечить их быстроту. Зубы грызуна бобра считаются мощным талисманом, и маленькие девочки носят их на шее, чтобы сделать их трудолюбивыми.

В Сикиятки, в Аризоне, территориальном поселении индейцев хопи, мистер Фьюкс имел возможность осмотреть множество интересных фетишей. Многие из них, обнаруженные в могилах туземцев, представляли собой камешки с полированной поверхностью или причудливо напоминающие форму какого-то животного. Многие из личных фетишей хопи состоят из окаменелостей, некоторые из которых достигают ранга племенных фетишей и заворачиваются в священные свертки, которые очень почитаются. В одной могиле был найден один большой фетиш в форме горного льва, сделанный из песчаника, в котором представлены лапы, уши, хвост и глаза, а пасть все еще демонстрирует красный пигмент, которым она была окрашена. Это почти идентично некоторым фетишам, используемым хопи в настоящее время.

Тотемизм и фетишизм встречаются

Фетишизм у южных индейцев зуни возник из представления о родстве с животными, иными словами, их фетиши были тотемистическими. Тотемизм и фетишизм ни в коем случае не были несовместимы друг с другом, а часто процветали бок о бок. Фетишизм в описании зуни, действительно, является естественным сопутствующим элементом тотемической системы. Фетиши зуни - это, как правило, вкрапления извести или предметы, в которых естественное сходство с животными было усилено искусственным путем. Древние фетиши очень ценятся этим народом, их часто находят вблизи деревень, где жили их предки, и как племенное имущество передают из поколения в поколение. Знахари считают, что это настоящие окаменелости животных, которых они изображают.

Дети-Солнце

Философия фетиша у зуны изложена в "Сказке о двух детях-солнцах" следующим образом: "Теперь, когда поверхность земли затвердела, даже хищные звери, сильные и подобные самим отцам [богам], пожрали бы детей человеческих, и двое подумали, что нехорошо, если им всем будет позволено жить, ибо, сказали они, "Как дети человеческие, так и дети хищных зверей размножаются". У хищных зверей есть когти и зубы, а люди - всего лишь бедняки, ничтожные существа земли, поэтому они слабее". Как только на их пути попадался один из этих зверей, будь то огромный горный лев или простой крот, они поражали его огнем молний, которые носили на своих волшебных щитах. И тотчас же он сморщивался и превращался в камень. Тогда они сказали животным, которых превратили в камень: "Чтобы вы не были злом для людей, но чтобы вы были великим благом для них, мы превратили вас в камень вечный". Волшебным дыханием хищника, сердцем, которое будет вечно в вас, вы будете служить, а не пожирать людей". Таким образом, поверхность земли была ожесточена и выжжена, а многие из всех видов существ превратились в камень. Так и мы находим по всему миру их формы, иногда большие, как сами существа, иногда сморщенные и искаженные, и часто видим среди камней формы многих существ, которые больше не живут, что показывает нам, что в "дни новые" все было иначе. Об этих окаменелостях, которые, конечно же, являются просто конкрециями или странными формами скал, зуны говорят: "Кто бы из нас ни встретил свет столь великой удачи, он может увидеть их и должен дорожить ими ради священной [магической] силы, которая была дана им в дни нового". "[2].

[2] Cushing's *Zuñi Fetiches* (1883).

Боги-жертвы

Эта традиция представляет собой дополнительное доказательство предыдущего утверждения и должна просветить индейцев зуны относительно того, в чем заключается сила фетишей. Считается, что сердца огромных хищных животных наделены "лекарственным" или магическим воздействием на сердца животных, которых они преследуют, и что они побеждают их своим дыханием, пронзая их сердца и полностью оцепеняя их. Кроме того, их рев смертелен для чувств низших зверей. Горный лев впитывает кровь охотничьих животных, поэтому он обладает их острыми чувствами. И опять же, эти способности, происходящие из его сердца, сохраняются в его фетише, поскольку его сердце продолжает жить, даже если его тело превратится в камень. Поэтому использование этих фетишей в основном связано с погоней. Но есть и исключения. Великие животные погони, хотя и являются фетишами, также рассматриваются как сверхъестественные существа, мифологическое положение которых абсолютно определено. В Городе Туманов живет По-шай-ан-К'иа, отец "медицинских" обществ, божество-культурный герой, обитель которого охраняют шесть существ, известных как "боги-добытчики", и именно их поддельные присутствия используются в качестве фетишей. К северу от Города Туманов обитает бог-жертва Горный Лев, к западу - Медведь, к югу - Барсук, к востоку - Волк, выше - Орел, ниже - Крот. Этим животным принадлежит не только опека над шестью регионами, но и власть над "лекарствами" или магическими силами, которые от них исходят. Они являются посредниками между По-Шай-ан-К'иа и человеком. Боги-добытчики, как "Создатели жизненного пути", занимают высокое положение среди богов, но, несмотря на это, их

фетиши "держат как в плену" жрецы различных орденов "медицины" и очень почитают их как посредников между собой и животными, которых они представляют. В этом качестве их увещевают с помощью тщательно продуманных молитв, ритуалов и церемоний, а иногда и умиротворяют с помощью жертвоприношений богам охоты (*we-ma-a-ha-i*). Их особые жрецы - члены Великого народа койотов, то есть они состоят из одиннадцати членов кланов Орла и Койота, а также жрецов Братьев Хищников. Эти боги-хищники кажутся почти уникальными, и их можно рассматривать как пример того, как фетишизм становится союзником религиозной веры. Они изображают, за двумя исключениями, те же виды хищных животных, что и те, которые должны охранять шесть регионов; исключениями являются койот и дикая кошка. Эти шесть хищных животных подразделяются на шесть разновидностей. Строго говоря, они являются собственностью жрецов, а члены и жрецы священных обществ обязаны сдавать свои фетиши, когда они не используются, на хранение Хранителю лекарств оленя. Только эти "лекарства" или члены общества могут совершенствовать форму фетишей и поклоняться им.

Совет фетишей

День Совета фетишей проходит немного раньше или позже зимнего солнцестояния или национального Нового года. Фетиши достают из мест их хранения и расставляют по видам и цветам в виде символического алтаря, причем четвероногих ставят вертикально, а птиц подвешивают к крыше. Над фетишами возносят молитвы и рассыпают молитвенную пищу. Произносятся песнопения, исполняется танец, в котором имитируются крики зверей-фетишей. Затем следует молитва с ответами. Наконец все собираются вокруг алтаря и повторяют великое заклинание.

Фетиш на охоте

Использование фетишей на охоте у зуни чрезвычайно любопытно и связано с их природой. Охотник отправляется в дом Оленьего Лекаря, откуда выносят сосуд с фетишем и ставят перед ним. Он окропляет священный сосуд едой в том направлении, в котором собирается охотиться, выбирает из него фетиш и с вдохновением прижимает его к губам. Затем он кладет фетиш в мешочек из кожи над сердцем. Приступая к охоте, он кладет узел из листьев юкки на то место, где отдыхало животное, имитирует его крик и таким образом должен ограничить его движения в узком кругу. Затем он глубоко вдыхает из ноздрей фетиша, как бы вдыхая магическое дыхание бога добычи, а затем долго и громко пыхтит в том направлении, куда ведут следы зверя, полагая, что дыхание, которое он позаимствовал у бога добычи, сковывает конечности животного, на которого он охотится. Когда зверь пойман и убит, он вдыхает его удушающее дыхание, которое вдыхает в ноздри фетиша. Затем он окунает фетиш в кровь убитого зверя, сам пьет кровь и пожирает печень, чтобы перенять все качества животного. Затем фетиш помещают на солнце, чтобы он высох, и, наконец, с благословением кладут в мешочек из кожи, после чего должным образом возвращают хранителю оленьей медицины.

Индейская теология

Покойный профессор Бринтон, пишущий об отношении индейцев к вечным истинам, пишет:
]3

[3] *Мифы Нового Света.*

"Природа для язычника - это не гармоничное целое, управляемое вечными принципами, а хаос беспричинных эффектов, бессмысленная игра капризных призраков. Он не исследует ее, потому что не сомневается. Все события для него - чудеса. Поэтому его вера не знает границ, и те, кто учит его, что сомнение греховно, должны созерцать его с восхищением.....

"Естественные религии редко предлагают нечто большее, чем это негативное противостояние разуму. Они терпимы до степени. Дикарь, лишенный ясного представления о высшем божестве, не утверждает, что его церковь - единственная истинная. Если его побеждают в бою, он считает, что это происходит из-за неполноценности его собственных богов по сравнению с богами победителя, и поэтому ему редко требуются какие-либо другие причины, чтобы стать новообращенным.

"В этом взгляде на относительные силы божеств заключалась мощная коррекция доктрины, согласно которой судьба человека зависела от капризов богов. Ведь ни одно верование не было более универсальным, чем то, которое приписывало каждому человеку духа-хранителя. Этот невидимый наблюдатель всегда помогал в беде. Он подсказывал решения, давал советы и предупреждал во сне, защищал в опасности и был готов пресечь козни врагов, божественных или человеческих.

"Безгранично веря в этого покровителя, приписывая ему решения, подсказанные собственным быстрым умом и счастливыми случаями жизни, дикарь избавлялся от гнетущей мысли, что он раб демонических сил, и без тревоги преодолевал опасности леса и тропы войны.

"Самая мрачная сторона такой религии - та, которую она представляет для морали. Религиозное чувство отнюдь не является голосом совести. Индеец Такахли, когда болен, делает полное и свободное признание в грехах, но убийство, каким бы неестественным и неспровоцированным оно ни было, он не упоминает, не считая его преступлением. Сцены разврата одобрялись и поддерживались на всем континенте как акты поклонения; девичество во многих частях свободно предлагалось или требовалось жрецами как право; в Центральной Америке близнецов убивали по религиозным мотивам; человеческие жертвоприношения были распространены в тропиках и не были редкостью в более высоких широтах; каннибализм часто поощрялся; в Перу, Флориде и Центральной Америке не редкостью было убийство родителями своих собственных детей по приказу жреца.

"Философский моралист, созерцая подобные зрелища, счел возможным найти в них одну утешительную черту. Вся история, говорят, показывает человека, живущего под гнетом Бога и стремящегося умиротворить его кровавыми жертвами; суть всей религии, добавляют, заключается в том, символом чего является жертва, а именно: в принесении себя в жертву, в подчинении нашей воли воле Бога.

"Но жертвоприношение, если оно не является знаком благодарности, не может быть объяснено таким образом. Это не принесение себя в жертву, а *замена* нашей воли на волю Бога. Божество разгневано пренебрежением к своим обязанностям; оно мстит, конечно, ужасно, мы не знаем, как и когда. Но поскольку наказание - это все, чего он желает, если мы сами себя накажем, он будет удовлетворен; и гораздо лучше такая самонаказанная пытка, чем страшное ожидание грядущего суда. В основе этого лежит безумный страх, не лишенный некоторого смутного чувства неумолимости законов природы.

"Рассматривая только эту сторону религии, древний философ утверждал, что боги существуют исключительно в представлениях их почитателей, а современные люди заявляют, что "страх - отец религии, любовь - ее поздно рожденная дочь"; что "первая форма религиозной веры есть не что иное, как ужас перед неизвестным", и что "ни одна естественная религия, похоже, не смогла развить из зародыша внутри себя ничего, что могло бы принести реальную пользу цивилизации".

"Если поискать другие стандарты, которыми можно было бы измерить прогресс познания божественного в Новом Свете, то *молитва* представляется одним из наименее обманчивых. Молитва, - цитируя слова Новалиса, - является в религии тем же, чем мысль является в философии. Религиозное чувство молится, как и разум мыслит". Гизо, продолжая анализ, считает, что она вызвана болезненным убеждением в неспособности нашей воли подчиниться велениям разума.

"Первоначально она была связана с верой в то, что вселенной управляет божественный каприз, а не божественный закон, и что следует желать материальных благ, а не духовных даров. Постепенное признание ее ограничений и надлежащих целей знаменует собой религиозный прогресс. Молитва "Отче наш" содержит семь прошений, и только одно из них касается временных благ, и это самое малое, о чем можно просить.

"Какой неизмеримый промежуток между ней и молитвой индейца племени нутка, готовящегося к войне:

"Великий Куахотзе, дай мне жить, не болеть, найти врага, не бояться его, найти его спящим и убить много его".

"Или, опять же, между этим и обращением гурона к местному богу, услышанным отцом Бребефом:

"Оки, ты, живущий в этом месте, я предлагаю тебе табак. Помоги нам, спаси нас от кораблекрушения, защити нас от наших врагов, дай нам хорошую торговлю и верни нас целыми и невредимыми в наши деревни".

"Это пример мольбы из самых низких религий. Другой, столь же достоверный, приводится отцом Аллуэзом. В 1670 году он проник в отдаленную деревню алгонкинов, которую никогда прежде не посещал белый человек. Жители, пораженные его бледным лицом и длинным черным платьем, приняли его за божество. Они пригласили его в зал совета, вокруг него собрался круг стариков, и один из них, подойдя к нему с двойной горстью табака, обратился к нему, а остальные одобрительно хрюкнули:

"Воистину, хорошо, Чернобог, что ты посетил нас. Помилуй нас. Ты - Манито. Мы даем тебе курить.

"Наудовеси и ирокезы пожирают нас. Смилуйся над нами.

"Мы часто болеем, наши дети умирают, мы голодаем. Смилуйся над нами. Услышь меня, о Манито, я даю тебе дым.

"Пусть земля дает нам кукурузу, реки дают нам рыбу, болезни не убивают нас, голод не мучает нас. Услышь нас, о Манито, мы даем тебе дым".

"В этом грубом, но трогательном прошении, вырвавшемся из сердца несчастного народа, не видно ничего, кроме его убогости. Ни малейшего следа стремления к духовному просвещению, радующего глаз филантропа, ни малейшего представления о том, что через страдания мы очищаемся".

Индийская идея Бога

Мифологии нескольких родов Красной расы сильно отличаются друг от друга по концепции и деталям, что привело многих поспешных исследователей к выводу о том, что они имеют раздельное происхождение. Но тщательное изучение доказало, что в своих основополагающих принципах они соответствуют всем великим мифологическим системам, а значит, и друг другу. Идея Бога, возможно, часто странная и гротескная, тем не менее была мощно выражена в индийских мифологиях. Каждое подразделение расы имело свое собственное слово для обозначения "духа". Некоторые из этих слов означали "то, что выше", "высший", "невидимый", и эти атрибуты, которыми наделялось божество, показывают, что первоначальное представление индейцев о нем практически не отличалось от того, которое сложилось у примитивных народов Европы и Азии. Представление о Боге было представлением о великой господствующей силе, обитающей "на небе". Дикарь или первобытный человек замечает, что вся яркость исходит от небесной тверди над ним. Его глаза ослеплены его великолепием. Поэтому он делает вывод, что это должно быть обиталище источника всей жизни, всего духовного совершенства.

Добро" и "зло

Пока человек не открыл для себя возможности использования этого высшего механизма разума, философии, и не научился выстраивать свои теологические идеи в ее свете, божества, которым он поклоняется, в значительной степени соответствуют его собственным этическим стандартам. Они отражают его мораль или ее отсутствие. Они, как и он сам, дики, жестоки, ненасытны в своих аппетитах. Вполне вероятно, что звериные черты тотемических богов прилипли и к тем божествам, которые вышли из этой системы. Среди дикарей не существует понятий добра и зла в нашем понимании. Для них "добро" означает лишь то, что им выгодно, а "зло" - то, что причиняет им вред или страдания. Только когда принимается

такая система, как тотемизм, с ее сложными табу и строгими законами, касающимися различных жизненных отношений, возникает "моральный" порядок. Убийство тотемного животного становится "преступлением" - sacrilege. Убийство члена тотемного клана, кровного брата, должно быть искуплено, потому что он тотемной крови. Брак с женщиной той же тотемной крови становится преступлением. Пренебрежение должным почтением и жертвоприношением богам или тотему рассматривается со всей строгостью, особенно когда достигнута эволюция жреческой касты. Поскольку тотем - это предок, то все предки рассматриваются с благоговением, а почтение к живым прародителям становится добродетелью. Таким образом, медленно, но верно вырабатывается кодекс "морали".

Нет "хороших" или "плохих" богов

Но, как ни странно, боги обычно не подпадают под действие этих законов, которыми связаны их поклонники. Мы видим их убийственными, неверными, аморальными, полигамными и часто непочтительными. Это можно объяснить тем, что их общие очертания появились до того, как тотемизм стал полностью развитой системой, или же это может означать, что дикарь не верил, что божественные существа могут быть ограничены такими законами, которым он сам считал себя обязанным подчиняться. Как бы то ни было, мы находим американских богов не лучше и не хуже, чем боги других мифологических систем. Некоторые из них склонны к своеобразной пакистанской хитрости и любят практические шутки: они не достигли возвышенного благородства пантеона Олимпа. Но что еще более примечательно - и это относится к богам всех примитивных рас, - мы обнаруживаем, что у них нет представлений о добре и зле. Мы видим, что иногда они поклоняются своим собственным богам - как правило, творческим - и это, возможно, считается праведностью. Но они "хороши" для своих поклонников только в той мере, в какой обеспечивают им обильные урожаи или дичь, и "плохи" только тогда, когда перестают это делать. Им поклоняются не потому, что они - источники истины и справедливости, а по той более веской причине, что, если их не успокоить жертвоприношениями, они перестанут обеспечивать человека достаточным количеством пищи и могут злонамеренно насыпать разрушения на своих нерадивых поклонников. В отношениях между богом и человеком у ранних народов подразумевается определенный договор: "Приносите нам жертвы, обеспечивайте нас теми жертвоприношениями, пар от которых является нашей пищей, продолжайте делать это, и мы позаботимся о том, чтобы вы не испытывали недостатка в урожае, дичи и самом необходимом для жизни. Не соблюдайте эти обычаи - и вы погибнете". При такой системе можно легко признать, что такие ужасы, как человеческие жертвоприношения, совершались только потому, что считались абсолютно необходимыми для существования расы в целом, и не были вызваны просто беспричинным удовольствием от кровопролития.

Покойный профессор Бринтон в своей книге *"Мифы Нового Света"* говорит по этому поводу следующее:

"Путаница этих разных идей [монотеизма и политеизма] привела к тому, что туземные верования были восприняты неверно. Но другой и более фатальной ошибкой было то, что они искажали их в дуалистическую форму, представляя, с одной стороны, доброго духа с его легионом ангелов, с другой - злого с его роем извергов, представляя мир как сцену их бесконечного конфликта, а человека - как неудачливый футбольный мяч, получающий все удары".

"Это представление, имеющее историческое происхождение у парсов древнего Ирана, неизвестно диким народам. Хидатсы, - говорит доктор Мэтьюс, - не верят ни в ад, ни в дьявола". Идея дьявола, - справедливо замечает Якоб Гримм, - чужда всем примитивным религиям". Однако профессор Мюллер в своем объемном труде о религиях Америки, одобрительно процитировав это высказывание, самодовольно переходит к классификации божеств как добрых или злых духов!

"Эта точка зрения, получившая бесспорное признание в более ранних работах о туземных религиях Америки, возникла отчасти из-за привычки думать, которую трудно сломать, отчасти из-за неправильного перевода туземных слов, отчасти из-за глупой аксиомы первых миссионеров: "Боги язычников - это дьяволы". Однако их собственные труды служат убедительным доказательством того, что такого различия не существовало в их собственных фантазиях. То же самое слово (*otkon*), которое отец Бруйас использует для перевода на ирокезский язык термина "дьявол" в фразе "Дьявол принял на себя облик змея", он вынужден использовать для обозначения "духа" во фразе "При воскресении мы будем духами", что является довольно забавной иллюстрацией того, насколько невозможно было передать идею духа зла с помощью любого туземного слова.

"Когда в 1570 году отец Рогель начал свою работу среди племен у реки Саванна, он сказал им, что божество, которое они обожают, - это демон, который любит все плохое, и они должны ненавидеть его; на что его слушатели ответили, что это далеко не так, что тот, кого он называл злым существом, - это сила, которая посылает им все хорошее, и возмущенно оставили миссионера проповедовать всем ветрам".

"В поддержку этого ошибочного мнения часто цитируют отрывок из книги Уинслоу *"Благая весть из Новой Англии"*, написанной в 1622 году. Автор говорит, что индейцы поклоняются доброй силе, называемой Киетан, и еще одной, "которая, насколько мы можем понять, является Девиллом", по имени Хоббамок, или Хоббамоки. Первое из этих имен - просто слово "великий" на их алгонкинском диалекте с конечным *N*, и, вероятно, это сокращение от Kittanitowit, великого Маниту, неясного термина, упоминаемого Роджером Уильямсом и другими ранними писателями, произведенного, вероятно, ими самими, а не обозначением какого-либо персонифицированного божества. Последнее, отнюдь не соответствующее силе зла, было, по собственному утверждению Уинслоу, добрым богом, который лечил болезни, помогал им в погоне и являлся им во снах как их защитник. Поэтому доктор Джарвис с большой справедливостью объяснил, что это означает "оке или божество-покровитель, которому поклоняется каждый индеец", как и само слово.

"Таким образом, во многих случаях оказывается, что то, о чем говорят как о злом божестве народа, которому они молятся, пренебрегая лучшим, на самом деле является высшей силой, которую они признают".

Мифы о сотворении мира

Мифология краснокожих бесконечно богаче мифами о творении и потопе, чем мифы любой другой расы двух полушарий. Сказки о происхождении человека встречаются очень часто и демонстрируют каждую фазу типа творческой истории. Хотя многие из них похожи на

европейские и азиатские мифы того же класса, другие демонстрируют большую оригинальность и поражают воображение особенностями мышления американских аборигенов.

Мифы о сотворении различных индейских племен отличаются друг от друга так же сильно, как и европейские и азиатские. В одних мы видим великих богов, создающих вселенную, в других - просто открывающих ее. Другие ведут свой народ из подземных глубин в верхние слои земли. Во многих индийских мифах мы видим, что мир создан Всеотцом-Солнцем, который сгущает облака в воду, которая становится морем. В описании сотворения мира у индейцев зуни Авонавилон, создатель, оплодотворяет море своей плотью и вынашивает его своим теплом. Из него образуются зеленые ошметки, которые становятся четырехслойной матерью Землей и всепокрывающим отцом Небом, от которого произошли все существа. "Затем из самой нижней из четырех пещер мира семя людей и тварей приняло форму и выросло; как из яиц в теплых местах быстро образуются и появляются черви, которые, вырастая, вскоре прорывают свою скорлупу и там появляются, как может случиться, птицы, головастики или змеи: так и человек и все твари росли многообразно и размножались во многих видах. Так самый нижний мир-пещера переполнился живыми существами, полными недоделанных тварей, ползающих друг по другу в черной тьме, как рептилии, теснясь и наступая друг на друга, один плюет на другого и делает другие непристойности, так, что ропот и плач стали громкими, и многие среди растущего смятения стремились спастись, становясь мудрее и человекоподобнее. Тогда По-Шай-ан-К'иа, величайший и мудрейший из людей, появившись из самого нижнего моря, пришел среди людей и живых существ и, жалея их, выбрался из той первой мировой пещеры по такому темному и узкому пути, что некоторые, видя это, толпились за ним, но не могли последовать за ним, так сильно они стремились друг к другу. Так в одиночку По-Шай-ан-К'иа перешел из одной пещеры в другую в этот мир, похожий на остров, лежащий среди мировых вод, обширный, влажный и зыбкий. Он искал и нашел Отца-Солнце, и просил его избавить людей и существ от того, самого нижнего мира"[4].

[4] Кушинг, 13-й отчет, Бюро американской этнологии.

Алгонкинский миф о сотворении мира

Во многих других индейских мифологиях мы видим ветер, дующий над первобытным океаном в виде птицы. В некоторых мифах о сотворении мира земноводные животные ныряют в воду и поднимают с собой достаточно грязи, чтобы положить начало новой земле. В ряде этих сказаний не зафиксирован реальный акт творения, а лишь воссоздание материи. Алгонкины рассказывают, что их великий бог Михабо, охотясь однажды с волками за собаками, был удивлен, увидев, как животные вошли в большое озеро и исчезли. Он последовал за ними в воду с целью спасти их, но когда он это сделал, озеро внезапно переполнилось и затопило всю землю. Михабо послал ворона с указанием найти клочок земли, который мог бы послужить основой для нового мира, но птица вернулась с поисков безрезультатно. Тогда бог послал выдру с аналогичным поручением, но и она не смогла вернуть необходимые земные

микроорганизмы. Наконец, с той же миссией отправили мускусную крысу, и она вернулась с достаточным количеством земли, чтобы Михабо смог воссоздать твердую землю. Деревья лишились своих ветвей, и бог выпустил в них стрелы, которые дали им новые ветви. После этого Михабо женился на мускусной крысе, и от их союза произошел род человеческий.

Мускогейская история сотворения мира

Индейцы мускоги верят, что вначале была видна только первобытная водная пустошь. Над унылыми просторами летали туда-сюда два голубя или горлицы и со временем заметили, как над поверхностью поднялась одна-единственная травинка. Постепенно появилась твердая земля, и земная сфера приобрела свои нынешние очертания. Посредине возвышался большой холм, Нунне Чаха, в центре которого находился дом божества Эсаугетух Эмиси, "Владыки Дыхания". Он взял глину, окружавшую его жилище, и вылепил из нее первых людей, а поскольку воды все еще покрывали землю, он был вынужден построить огромную стену, чтобы высушить созданный им народ. Постепенно мягкая грязь превращалась в кости и плоть, и Эсаугетуху удалось направить воды в их правильное русло, оставив сухую землю для созданных им людей.

Этот миф очень похож на историю, изложенную в Книге Бытия. Голуби кажутся аналогом задумчивого творческого Духа, а изготовление людей из грязи также поразительно. Сходство настолько велико, что мы почти вынуждены заключить, что это один из случаев, когда евангельские представления были наложены на туземную легенду.

Космология сиуанцев

Манданские племена сиу обладают типом мифа о сотворении мира, который характерен для нескольких американских народов. Они полагают, что их народ жил в подземной деревне у огромного озера. Вскоре из-под земли пробились корни большой виноградной лозы, и, взобравшись по ним, некоторые из них смогли увидеть верхний мир, который показался им богатым и изобилующим животной и растительной пищей. Те из них, кто увидел вновь обретенный мир, вернулись к себе домой с такими восторженными отзывами о его богатстве и приятности, что остальные решили оставить свое унылое подземное жилище ради прелестей солнечной сферы наверху. Все жители отправились в путь и начали карабкаться вверх по корням лозы, но не более половины племени уже поднялось, когда растение сломалось под тяжестью крупной женщины. Манданы считают, что после смерти они вернутся в подземный мир, в котором жили изначально, причем достойные доберутся до деревни через озеро, а плохим придется отказаться от прохода из-за тяжести своих грехов.

Миннетари верили, что их первопредок вышел из вод озера, неся в руке колос кукурузы, а у манданов был миф, очень похожий на миф мускогеев о происхождении мира.

Поклонение птицам и змеям и их символы

В североамериканской мифологии змея и птица появляются то по отдельности, то в странном сочетании. Птица всегда непостижима для дикаря. Сила ее полета, появление в небесах, где обитают боги, и музыкальная песня делают ее в его глазах существом загадочным, обладающим возможностями, намного превосходящими его собственные. Из нее он черпает идею крылатого духа или бога, и часто рассматривает ее как посланницу из светлых областей солнца или небесного божества. Первобытные люди всегда внимательно следили за полетом и песнями птиц, считая их предзнаменованиями, имеющими серьезное значение. Эти суеверия преобладали среди краснокожих не меньше, чем среди наших собственных ранних предков. Многие племена считали, что птицы - это видимые духи умерших. Так, паухатаны из Вирджинии верили, что пернатая раса принимает души их вождей после смерти, и, соответственно, старались не причинять им вреда. Алгонкины верили, что птицы вызывают феномен ветра, что они создают водяные струи, а облака - это размах и волнение их крыльев. Навахо считали, что в каждой из четырех точек компаса сидит большой белый лебедь, который и вызывает бури, а дакоты верили, что на западе находится дом Вакинъян, "летунов", которые насылают бури. Гром также рассматривается некоторыми индейскими народами как хлопанье шестерен большой птицы, чьи следы видны в молниях, "как искры, которые бизон разбрасывает, когда проносится по каменистой равнине". Многие племена северо-западного побережья придерживаются того же мнения и считают, что молния - это вспышка глаза громовой птицы.

Поклонение орлу

Красные люди севера, по-видимому, относились к орлу с особым почтением. "Его перья составляли военный флаг криков, а его изображение, вырезанное из дерева, или набитая шкура украшали их домики для совета. У чероков его не смел носить никто, кроме проверенного воина, а дакоты разрешали такую честь только тому, кто первым прикоснулся к трупам общего врага"[5] Натчезы и другие племена почитали его почти как божество. Зуны из Нью-Мексико использовали четыре его перышка, чтобы изобразить четыре ветра, когда обращались к богу дождя. Действительно, его почитали практически все племена Северной Америки. Сова также использовалась как символ мудрости, а иногда, как у алгонкинов, изображалась в качестве помощника Владыки мертвых. Знахари из племени криков носили чучело совы как знак своего братства и символ мудрости, а чероки помещали его над камнем "медицины" в своей ложе совета. Голубь также считался священным у гуронов и манданов".

[5] Бринтон, *Мифы Нового Света*.

Змея и солнце

Некоторые индейские племена приняли змею как символ времени. Они вели счет по "солнцам", а поскольку очертания солнца, круг, ни с чем в природе так не соотносится, как со змеей с хвостом во рту, пожирающей, так сказать, саму себя, это, возможно, и послужило источником символа. Некоторые авторы считают, что змея символизировала индейскую идею вечности, но маловероятно, чтобы столь утонченная концепция понравилась примитивному народу.

Змея-молния

Среди индейцев змея также олицетворяла молнию. Стремительность и извилистость ее движений, быстрая пружина и резкий отскок подтверждают правильность иллюстрации. Блеск взгляда василиска и общий интеллект его повадок быстро создали бы ему репутацию мудрого, а значит, и обладателя *orenda*, или магической силы. Вскоре эти два представления слились воедино. Змея как тип молнии, символ копья бога войны, привела бы к мысли, что это божество также имеет власть над урожаем или летней растительностью, поскольку именно в то время года, когда молния наиболее распространена, они приносят плоды. Опять же, благодаря этой ассоциации с богом войны змея приобрела бы значение в глазах воинов, которые рассматривали бы ее как мощную боевую физику. Так, рог великого князя змей, который, как считалось, обитает в Великих озерах, считался самым мощным боевым талисманом, и жрецы или знахари утверждали, что имеют в своем распоряжении фрагменты этого могущественного талисмана.

Алгонкины верили, что молния - это огромная змея, извергнутая Манито, или Творцом, и говорили, что она оставляет змеиные изгибы и складки на деревьях, которые поражает. Пауни называли гром "шипением великого змея".

В змеином очаровании как доказательстве магического мастерства, как олицетворении молнии, которая, будучи змеиным копьем бога войны, приносит победу в битве, и в его сельскохозяйственной связи кроется большая часть секрета силы змеиного символа. Как эмблема оплодотворяющих летних ливней, змей-молния был богом плодородия; но как предвестник наводнений и губительных дождей его боялись и страшились.

Поклонение змеям

О поклонении рептилиям ("офиолатрии", как называли это мифологи полвека назад) написано, наверное, больше глупостей, чем о любой другой смежной теме. Но, несмотря на это, нет никаких сомнений в том, что змея по-прежнему занимает высокое место в суеверных представлениях многих народов, как азиатских, так и американских. Как мы уже видели, она часто олицетворяет дневное светило, и это особенно характерно для зуни и других племен

южной части Северной Америки, где поклонение солнцу более привычно, чем в менее благодатных регионах. У краснокожих он также обычно олицетворял воду. Извилистые движения рептилии в достаточной степени объясняют ее принятие в качестве символа этой стихии. И дикарю не составит труда представить себе змею как бога воды, помня о сходстве ее движения с извилистым течением реки. Кеннебек, название ручья в штате Мэн, означает "змея", а Антиетам, ручей в Мэриленде, имеет то же значение на ирокезском диалекте. И алгонкины, и ирокезы верили в могучего змея Великих озер. Гнева этого божества следовало опасаться, и считалось, что, если его не успокоить должным образом, он обрушивает свой гнев на безрассудных искателей приключений, осмелившихся приблизиться к его владениям, поднимая бурю или проламывая лед под их ногами и утаскивая их в свои мрачные чертоги.

Гремучая змея

Гремучая змея - змея, которую почти все почитали в Красной расе. Она медлительна в нападении, но чрезвычайно ядовита и обладает способностью василиска притягивать к себе мелких птиц и белок. Она обладает той же странной восприимчивостью к воздействию ритмичных звуков, что и гадюки, и в этом кроется секрет заклинания змей". Большинство индийских магов были знакомы с этой особенностью. Они использовали ее, чтобы поставить под сомнение свое общение с невидимыми силами и подтвердить силу своих духов-хранителей, которые позволяли им безнаказанно обращаться с самыми ядовитыми рептилиями. Известная антипатия этих змей к некоторым растениям, например, к лещине, которая, обвешанная вокруг лодыжек, якобы защищает от их нападений, а возможно, и является противоядием от их яда, используемого магами, привела к тому, что их часто включали в религиозные церемонии. Такие представления должны были производить глубокое впечатление на зрителей и в соответствующей степени приносить славу исполнителю. Кто такой *манито*?" - спрашивает мистик Меда Чант у алгонкинов. Он, - отвечает тот, - тот, кто ходит со змеей, ступая по земле; он - *манито*". Тесный союз этого символа с тайнами религии, мрачными загадками Неведомого отражен в их языке, а также в языке их соседей, дакотов, в обоих из которых те же слова *manito*, *wakan*, которые выражают сверхъестественное в самом широком смысле, также используются как термины для обозначения этого вида животных! Благочестивый основатель Моравского братства, граф Цинцендорф, однажды был обязан своей жизнью этому глубоко укоренившемуся суеверию. Он посещал миссионерскую станцию среди племени шауни в долине Вайоминг. Недавние ссоры с белыми необычайно раздражали этот непокорный народ, и они решили сделать его своей первой жертвой. Когда он удалился в свою уединенную хижину, несколько храбрецов подкрались к нему и, осторожно приподняв угол домика, заглянули внутрь. Почтенный человек сидел перед небольшим костром, положив на колени томик Священного Писания, и погрузился в чтение священных слов. Пока они смотрели, огромная гремучая змея, незаметно для него самого, прошла по его ногам и свернулась калачиком в уютном тепле костра. Тут же потенциальные убийцы отказались от своей цели и бесшумно удалились, убедившись, что это действительно человек Божий"[6].

[6] Brinton, *Myths of the New World*, pp. 131-133.

Сакральное происхождение курения

Курение, конечно, изначально является американским обычаем, а у индейцев Северной Америки имеет священное происхождение. Об употреблении табака варварами говорит один из авторитетов: [7]

[7] Schoolcraft, *op. cit.*

"В священном происхождении табака индейцы не сомневаются, хотя едва ли два племени точно согласны в деталях того, как это бесценное благо было даровано человеку. Однако по сути легенда одинакова для всех. Много веков назад, в те времена, когда духи считали мир еще достаточно пригодным для своего периодического обитания, один очень великий и могущественный дух прилег у своего костра, чтобы поспать в лесу. В то время как он лежал, его заклятый враг пришел туда и решил, что это хороший шанс для злодейства; поэтому, осторожно подойдя к спящему, он перевернул его к огню, пока его голова не оказалась среди тлеющих углей, а волосы не загорелись. Рев огня в ушах разбудил доброго духа, и, вскочив на ноги, он в испуге бросился через лес, а ветер подхватил его опаленные волосы и, унося их, разбросал по земле, в которую они погрузились, пустили корни и выросли табаком.

"Если что и превосходит веру дикаря в табак, так это то, что прикрепляется к его трубке. В жизни это его самый дорогой спутник, а в смерти - неотъемлемый; ведь, что бы еще ни было забыто на похоронах, его трубку кладут в могилу вместе с ним, чтобы утешить его на пути к "счастливому месту охоты". Первая трубка" - одна из самых священных их традиций; и это вполне обоснованно, если искренне верить, что первым курильщиком был не кто иной, как сам Великий Дух.

"Много лет назад Великий Дух создал весь свой народ, и, стоя на обрыве скалы Красной Трубы, отломил кусок от стены и, разминая его в руках, сделал огромную трубку, которую раскурил над ними, на север, юг, восток и запад. Он сказал им, что этот камень красный, что это их плоть, что из него они могут делать свои трубки мира; но он принадлежит всем в равной степени, и на этой земле нельзя поднимать боевую дубину и скальпированный нож. И он курил свою трубку и разговаривал с ними до последнего вздоха, а потом его голова исчезла в облаке, и тут же вся поверхность скалы на несколько миль была расплавлена и покрыта глазурью. Внизу были открыты две большие печи, и две женщины (духи-хранители этого места) вошли в них, пылая огнем; их слышно там до сих пор, и они отвечают на призывы жрецов или знахарей, которые обращаются к ним во время посещения этого священного места".

"Священное место", о котором здесь говорится, - это место, где находится всемирно известная "Каменоломня". Из этого места североамериканские индейцы всегда получали материал для своих трубок, и ни из какого другого. Кэтлин утверждает, что во всех племенах, которые он посетил (а их около сорока, и они простираются на тысячи миль страны), трубки были сделаны из этого красного трубчатого камня. Кларк, великий американский

путешественник, рассказывает, что, общаясь со многими племенами, которые до сих пор почти не общались с белыми, он узнал, что почти каждый взрослый совершил паломничество к священной скале и извлек оттуда свою трубку. Этот "карьер" настолько своеобразен, что Кэтлин постарался описать его очень подробно и наглядно, и из его рассказа следует следующее:

"Мы подошли к нему с востока, и на протяжении пятидесяти миль поднимались по непрерывной череде склонов и террас, почти незаметно возвышающихся один над другим, которые, казалось, возносили нас на огромную высоту. С самой высокой вершины хребта не видно ни деревца, ни кустика, хотя взгляд может простираться на восток и запад, почти до бесконечности, по поверхности, покрытой короткой травой, которая зеленеет у ног и вокруг, но вдали переходит в синеву, похожую не на что иное, как на синеву и простор океана.

"На самой вершине этого кургана или хребта мы обнаружили знаменитый карьер или фонтан Красной трубы, который поистине является аномалией в природе. Главной и наиболее поразительной особенностью этого места является перпендикулярная стена из плотного кварца высотой от двадцати пяти до тридцати футов, идущая почти на север и юг, лицом на запад, и представляющая собой фронт длиной почти в две мили, когда она исчезает с обоих концов, уходя под прерию, которая становится там немного более возвышенной и, вероятно, покрывает ее на многие мили, как на севере, так и на юге. Углубление хребта в этом месте было вызвано течением небольшого ручья, бьющего из нескольких источников на вершине, немного в стороне от стены, который постепенно унес с собой вышележащую землю и, обнажив стену на расстояние двух миль, теперь остается скользить на некоторое расстояние по идеально ровной поверхности кварцевой породы; А затем спрыгивает с вершины стены в глубокую котловину внизу, и оттуда стремится к Миссури, образуя крайний исток известного и мощного притока, называемого "Большой Сиу"."

"У основания этой стены находится ровная прерия шириной в полмили, идущая параллельно ей, в любой и во всех частях которой индейцы добывают красный камень для своих труб, выкапывая почву и несколько слоев красного камня на глубину четырех или пяти футов. Судя по многочисленным следам древних и современных раскопок, к этому месту на протяжении многих веков прибегали за красным камнем; а судя по большому количеству могил и остатков древних укреплений в окрестностях, а также по их реальным традициям, индейские племена издавна высоко ценили это место; кроме того, сюда регулярно приезжали различные племена, чтобы обновить свои трубы".

"Насколько можно судить по различным и немного противоречивым рассказам об индейских обычаях курения, кажется, что каждому племени, или, если оно обширное, каждому отряду племени, принадлежит мощный инструмент, известный как "трубка-стебель". Это не что иное, как табачная трубка, великолепно украшенная дикарскими атрибутами, но она считается священной вещью, которую следует использовать только в самых торжественных случаях или при совершении таких важных дел, которые у нас могут быть завершены только с санкции совета кабинета министров и скреплены королевской подписью".

Боги краснокожих

Большинство североамериканских племен обладали постоянным пантеоном божеств. О них, учитывая их количество, невозможно говорить подробно, и будет достаточно, если мы

ограничимся рассказом о наиболее выдающихся фигурах. Как и во всех мифологиях, божество часто связывается с концепцией носителя культуры, разумного существа, которое первым обучает человечество искусству жизни, земледелия и религии. В американских мифологиях много таких богов-героев, и не всегда легко сказать, принадлежат ли они к истории или мифологии. Конечно, обстоятельства, связанные с зачатием некоторых из этих существ, доказывают, что они не могут быть ничем иным, как мифологическими, но, несомненно, некоторые из них изначально были простыми смертными героями.

Michabo

К первому классу мы относим Михабо, Большого Зайца, главное божество алгонкинов. В рассказах старых путешественников мы находим его описание как властителя ветров, изобретателя картин и даже создателя и хранителя мира. Взяв песчинку со дна океана, он создал из нее остров, который запустил в первобытные воды. Этот остров быстро вырос до огромных размеров; более того, он стал настолько обширным, что молодой волк, которому удалось на нем укрепиться и попытаться пересечь его, умер от старости, так и не завершив своего путешествия. Предполагается, что Мичабо основал великое "медицинское" общество под названием Меда. Он сделал множество изобретений. Наблюдая за тем, как паук плетет свою паутину, он придумал, как вязать сети для ловли рыбы. Он снабдил охотника многими знаками и чарами для использования во время погони. Осенью, перед зимним сном, он набивает свою большую трубку и курит, а возникающий дым можно увидеть в облаках, которые наполняют воздух дымкой бабьего лета.

Среди различных алгонкинских племен существовала некоторая неопределенность относительно того, где обитает Михабо: одни считали, что он живет на острове в озере Верхнем, другие - на айсберге в Северном Ледовитом океане, третьи - на небосводе, но преобладало мнение, что его дом находится на востоке, где солнце восходит на берегах великой реки Океан, которая окружает сухую землю.

То, что существо, обладающее такими качествами, должно было принять имя и облик пугливого животного, такого как заяц, действительно любопытно, и нет сомнений в том, что корень, от которого образовано имя Михабо, не означает "заяц". На самом деле, корень *wab*, который является начальным слогом алгонкинского слова "заяц", означает также "белый", и от него произошли слова "восток", "рассвет", "свет" и "день". Их названия происходят от одного и того же корня, поэтому представления о зайце и рассвете спутались, и более осязаемый объект стал символом бога. Таким образом, Михабо был духом света и, как заря, приносил ветры. Как повелитель света он также владеет молнией. Тем не менее он постоянно враждует со своим отцом Западным ветром, и в этой борьбе мы видим суточную борьбу между востоком и западом, светом и тьмой, характерную для многих мифологий.

Современные индейские сказки о Михабо делают его просто хитрым духом, злобным шутком, но в них мы видим, как его характер портится под воздействием современных условий, накладывающих отпечаток на жизнь индейцев. Именно в рассказах старых путешественников и миссионеров он предстает перед нами в своем истинном облике великого культурного героя, властелина дня и провозвестника света и цивилизации.

Битва богов-близнецов

Среди ирокезов мы находим похожий миф. В нем рассказывается о двух братьях, Иоскехе и Тавискаре, или Белом и Темном, близнецах, чьей бабушкой была Луна. Когда они выросли, то жестоко поссорились друг с другом и в конце концов сошлись в поединке. Иоскеха взял в качестве оружия рога оленя, а Тавискара - дикую розу, чтобы защититься. Последняя оказалась лишь слабым оружием, и, тяжело раненный, Тавискара обратился в бегство. Капли крови, упавшие с него, превратились в кремневые камни. Позднее Иоскеха построил себе домик на дальнем востоке и стал отцом человечества и главным божеством ирокезов, истребляя чудовищ, населявших землю, снабжая леса дичью, обучая индейцев выращивать урожай и разводить костры, а также обучая их многим другим жизненным искусствам. Этот миф, по-видимому, был принят позднее ирокезами и тускарорами.

Авонавилона

Мы уже упоминали в мифе о сотворении Зуньи о божестве туземцев Авонавилоне. Этот бог выделяется как один из самых совершенных примеров божества в его конструктивном аспекте, который можно найти в мифологиях Америки. Кажется, что он в какой-то степени отождествляется с солнцем, а из отдаленных аллюзий на него и того, как о нем говорят как об архитекторе вселенной, мы понимаем, что он не был в тесном контакте с человечеством.

Ахсоннутли

Близко похожим на него был Асоннутли, главное божество индейцев навахо из Нью-Мексико, которого считали создателем неба и земли. Считалось, что он поставил двенадцать человек на каждой из кардинальных точек, чтобы поддерживать небеса. Считалось, что он обладает качествами обоих полов, и его называют Бирюзовым мужчиной-женщиной.

Атиус Тирава

Атиус Тирава был великим богом пауни. Он также был творческим божеством и управлял движением солнца, луны и звезд. В современном понимании он считается всемогущим и нематериальным, но насколько это представление о нем было изменено под влиянием миссионеров, сказать трудно. Однако в других индийских мифологиях, которые, как мы знаем, не были изменены христианской верой, мы находим множество упоминаний о

божествах, обладающих подобными атрибутами, и нет никаких причин, по которым мы должны сделать вывод, что Атиус Тирава - это не что иное, как чисто аборигенная концепция.

Эсаугетух Эмисси

Великим богом, дарующим жизнь, у криков и других мускогеев был Эсаугетух Эмисси, чье имя означает "Владыка дыхания". Звук имени представляет собой дыхание изо рта. Он был богом ветра, и, как и многие другие божества в американской мифологии, его власть над этим элементом была связана с его властью над дыханием жизни - одной из форм ветра или воздуха. Дикари считают ветер великим источником дыхания и жизни. Действительно, во многих языках слова "ветер", "душа" и "дыхание" имеют общее происхождение. Подобную концепцию мы находим у ацтекского бога ветра Тескатлипоки, на которого смотрели как на первоисточник существования.^[8]

[8] См. книгу автора *"Мифы Мексики и Перу"* в этой серии.

Бог койотов

Среди жителей крайнего запада, калифорнийцев и чинуков, выдающимся божеством является, как ни странно, Койот. Но если у чинуков он считался благодущным существом, то майду и другие калифорнийские племена представляли его озорным, хитрым и разрушительным. Кодоянпе, создатель племени майду, открыл мир вместе с Койотом и с его помощью сделал его пригодным для жизни людей. Пара создала людей из маленьких деревянных изображений, как это делали боги киче из Центральной Америки в мифе *"Пополь Вух"*. Но манники оказались непригодными для их целей, и они превратили их в животных. Намерения Кодоянпе были благотворными, но поскольку дела шли неважно, он пришел к выводу, что во всем виноват Койот. В этом он был прав, и, поразмыслив, решил уничтожить Койота. На стороне злоумышленника было грозное множество чудовищ и прочей нечисти. Но Кодоянпе оказало мощную помощь существо по имени Завоеватель, избавившее вселенную от многих чудовищ и злых духов, которые могли оказаться недружелюбными к жизни еще не родившегося человека. В течение долгого времени шла ожесточенная борьба, но в конце концов благодетельный Кодоянпе был побежден хитрым Койотом. Кодоянпе похоронил многих деревянных манникинов, которых он сначала создал, и теперь они поднялись со своих мест и стали индейской расой.

Это, конечно, миф о дне и ночи или свете и тьме. Кодоянпе - это солнце, дух дня, который после дневной борьбы с силами тьмы улетает на запад в поисках убежища. Койот - дух ночи,

олицетворяемый ночным животным , которое выскальзывает из своей норы, когда на землю опускаются сумерки. Похожую концепцию мы находим в египетской мифологии, где Анубис, шакалоголовый, проглатывает своего отца Осириса, блестящего бога дня, как ночь проглатывает солнце.

Другая версия мифа о Койоте, бытующая в Калифорнии, описывает, что вначале были только первобытные воды, на которые Кодоянпе и Койот опустились в каноэ. Койот пожелал, чтобы прибой под ними превратился в песок.

"Койот шел. Он пришел в Гот'ат. Там его встретил сильный прибой. Он испугался, что его может унести в море, и пошел к елям. Там он пробыл долгое время. Затем он взял немного песка и бросил его на прибой: "Это будет прерия и никакого прибоя. Будущие поколения будут ходить по этой прерии! Так Клэтсоп стал прерией. Прибой стал прерией"[9].

[9] Boas, *Chinook Texts*.

Но у других племен, а также у чинуков Италapas, Койот, является благодетельным божеством. Так, в мифах индейцев шушвап и кутенай Британской Колумбии он выступает в роли творца, а в народных сказках ашочими Калифорнии он появляется после потопа и высаживает в землю перья различных птиц, которые в соответствии с их цветом становятся несколькими индейскими племенами.

Голубая сойка

Еще одно озорное божество чинуков и других западных народов - Голубая сойка. Это буйный хвастун, интриган и озорник. Он - самый настоящий клоун богов и неизменно попадает в беду сам, если не создает ее для других. У него форма птицы-сойки, которую ему подарили Сверхъестественные люди , потому что он проиграл им в состязании по стрельбе из лука. Они наложили на него проклятие, сказав, что записка, которую он использовал в качестве птицы, приобретет незавидную славу дурного предзнаменования. У Голубой сойки есть старший брат - Робин, который постоянно укоряет его за озорство в сентиментальных выражениях. Рассказ о многочисленных проделках и розыгрышах, которые Голубая Сойка устраивает не только с многострадальными членами своего племени, но и с обитателями сверхъестественного мира, должно быть, доставляет массу удовольствия у костра многих индейских лагерей. Даже пресловутая серьезность краснокожего едва ли могла устоять перед комичными приключениями этого американского Совиного Глаза.

Боги-громовержцы

Северная Америка богата богами-громовержцами. Типичным примером является Хаока, бог племени сиу. Лицо этого божества было разделено на половины, одна из которых выражала печаль, а другая - веселье, то есть по случаю он мог либо плакать вместе с дождем, либо улыбаться вместе с солнцем. Жара влияла на него как холод, а холод был для него как жара. Он бил татуировкой грома по своему большому барабану, используя ветер как барабанную палочку. В некоторых фазах он напоминает Юпитера, поскольку бросает на землю молнии в виде громовых шаров. Он носит пару рогов, что, возможно, символизирует его связь с молнией, а может быть, и с погоней, ведь многие американские боги грома - могучие охотники. Такое двойное представление возникает из-за владения молнией-копьем или стрелой, что также придает им в некоторых случаях характер бога войны. Как ни странно, такие боги погони часто внешне напоминали животных, на которых они охотились. Например, Тсуи 'Калу (Косые Глаза), бог-охотник индейцев чероки, кажется похожим на оленя. Он гигантских размеров и обитает на большой горе Голубого хребта в северо-западной Вирджинии. По-видимому, он владел всей дичью в округе как своей частной собственностью. Бог грома у чероки - Асгайя Гигагей (Красный человек). Тот факт, что он описывается как человек красного цвета, олицетворяющий молнию, и то, что чероки изначально были горным народом, не оставляет сомнений в том, что это бог грозы, поскольку именно вокруг горных вершин собираются тяжелые грозовые тучи, и красные молнии, вспыхивающие из их глубин, похожи на движущиеся конечности полусокрытого божества. В религиозных формулах чероки иногда упоминается пара божеств-близнецов, известных как "Маленькие люди" или "Мальчики-громовержцы". Это напоминает нам о том, что в Перу близнецы всегда считались священными для молнии, поскольку они олицетворяли громовых и молниеносных близнецов, Апокатекиля и Пигуэрао. Все эти боги грома аналогичны ацтекскому Тлалоку, киче-хуракану и отоми-микскоатлю.^[10] Известный пример бога грома или охотника, обладающего звериными чертами, покажется знакомым со старой английской легендой о Херне-охотнике с его оленьей головой и рогами.

^[10] См. *Мифы Мексики и Перу*.

Индейцы дакота поклонялись божеству, которое они называли Ваухеон (Громовая птица). Это существо постоянно враждовало с водным богом Унктахе, который был хитрым колдуном и управлял снами и колдовством. Их конфликт, вероятно, символизирует атмосферные изменения, которые сопровождают различные времена года.

Идея будущей жизни

Идея будущей жизни была очень широко распространена среди племен Северной Америки. Общее представление о таком существовании сводилось к тому, что это лишь теневое продолжение земной жизни, в которой происходит тот же круг охоты и родственных занятий. Представление индейцев о вечном блаженстве, по-видимому, заключалось в существовании в Стране Солнца, куда, однако, обычно допускались только те, кто прославился на войне.

О том, что индейцы твердо верили в будущее существование, свидетельствуют их высказывания в адрес первых моравских миссионеров, которым они сказали: "Мы, индейцы, не умрем вовек. Даже зерна кукурузы, которые мы кладем под землю, вырастают и становятся живыми существами". Старый миссионер добавляет: "Они считают, что после того, как душа пробудилась с Богом, она может, если захочет, вернуться на землю и родиться снова". Однако эта идея возрождения, по-видимому, означала, что душа вернется в кости, те облекутся плотью, и человек вновь присоединится к своему племени. Каким путем они пришли к такому выводу, установить трудно, но почти повсеместная практика сохранения костей умерших среди индейцев Северной и Южной Америки явно указывает на то, что у них были какие-то серьезные религиозные основания для этой веры. Многие племена, жившие к востоку от Миссисипи, раз в десятилетие собирали кости тех, кто умер в течение этого периода, тщательно очищали их и помещали в усыпальницу, устланную красивыми цветами, над которой возводили курган из дерева, камня или земли. Древние египтяне также не были более внимательны к останкам своих отцов.

Надежда на воскрешение

Американские погребальные ритуалы и практика на всем северном субконтиненте явно указывают на сильную и яркую веру в воскрешение души после смерти. Среди многих племен преобладала практика погребения вместе с умершим тех предметов, которые, как предполагалось, могли понадобиться ему в потустороннем мире. Среди них были оружие войны и погони для мужчин, а также домашняя утварь и женские наряды в случае с женщинами.

Среди примитивных народов распространено поверье, что неодушевленные предметы обладают двойниками, или, как сказали бы спиритуалисты, "астральными телами", или душами, и некоторые индейские племена полагали, что если такие предметы не сломать или не изуродовать, то есть не "убить", то их двойники не будут сопровождать дух умершего в его путешествии.

Погребальные обычаи индейцев

Среди американских индейцев существовало и существует множество способов избавления от трупа. Наиболее распространенными из них были обычное захоронение в земле или под курганами, погребение в пещерах, погребение на деревьях, поднятие мертвых на платформы и захоронение кремированных останков в урнах.

Бальзамирование и мумификация в определенной степени практиковались некоторыми вымершими племенами восточного побережья, а некоторые северо-западные племена, в частности чинуки, хоронили своих умерших в каноэ, которые поднимали на столбах. Обряды, сопровождавшие погребение, помимо помещения в могилу полезных вещей и пищи, обычно состояли из торжественного танца, во время которого родственники умершего резали себя и чернили лица, после чего рыдали ночь и утро в уединенных местах. Упоминание имени умершего считалось несчастливой, и, чтобы избежать подобной ситуации, семья, понесшая утрату, часто брала себе другое имя.

Путешествие души

Большинство племен, по-видимому, верили, что душа должна совершить долгое путешествие, прежде чем достигнет места назначения. Верования чинуков в этом отношении, пожалуй, типичны. Они представляют, что после смерти дух умершего пьет в большой яме в земле, после чего уменьшается и переходит в страну призраков, где его кормят пищей и питьем духа. После этого акта общения с миром духов он может не возвращаться. Они также верят, что каждый человек обладает двумя духами - большим и меньшим. Во время болезни меньшую душу уносят с собой обитатели Страны призраков. Навахо придерживаются аналогичной веры и утверждают, что душа не обладает ни жизненной силой, оживляющей тело, ни способностями разума, а является неким третьим качеством, или личностью, как ка у древних египтян, которая может покинуть своего владельца и потеряться, к его опасности и дискомфорту. Гуроны и ирокезы верят, что после смерти душа должна пересечь глубокий и стремительный поток по мосту, образованному одним стройным деревом, на котором ей приходится отражать атаки свирепой собаки. Атапасканцы считают, что душа должна переправиться через большую воду в каменном каноэ, а алгонкины и дакоты верят, что ушедшие духи должны пересечь поток, переброшенный огромной змеей.

Рай и сверхъестественные люди

Красный человек, по-видимому, обладал двумя совершенно разными представлениями о сверхъестественной жизни. В индейских мифах мы находим упоминания как о "Стране призраков", так и о "Стране сверхъестественных людей". Первая, по-видимому, является местом назначения человеческих существ после смерти, а вторая - местом обитания духовной расы, стоящей на несколько ступеней выше человечества. Оба эти региона находятся в пределах досягаемости смертных и кажутся простым продолжением земной сферы. Их обитатели едят, пьют, охотятся и развлекаются так же, как и земные люди, и ни в коем случае не являются неуязвимыми или бессмертными. Инстинктивный страх перед сверхъестественным, которым обладает первобытный человек, хорошо прослеживается в

мифах, в которых он вступает в контакт с обитателями Страны Призраков или Мира Духов. Эти мифы, несомненно, создавались с той же целью, что и старая валлийская поэма об адских муках или история о путешествии братьев-близнецов в Сибальбу в центральноамериканском *"Пополь Вух"*. Иными словами, возникло желание получить некую гарантию того, что человек, вступая в духовную сферу, будет ступать по стопам предшествующих ему героических существ, которые победили силы смерти и ада и лишили их ужасов.

В мифологии североамериканских индейцев нет места наказания, равно как и божеств, откровенно недоброжелательно относящихся к человечеству. Если в современной индейской мифологии можно обнаружить место мучений, его можно без колебаний отнести к продукту миссионерской изощренности. Отец Бребеф, ранний французский миссионер, смог найти только то, что души самоубийц и погибших на войне должны были обитать отдельно от остальных. "Что же касается душ негодяев, - добавляет он, - то они далеко не закрыты, а являются желанными гостями; хотя, если бы это было не так, их рай был бы полной пустыней, поскольку "индеец" и "негодяй" - это одно и то же".

Священное число четыре

По всей длине и ширине американского континента аборигены придают особую святость четырем точкам компаса. Это объясняется тем, что именно из этих точек приходят ветры, несущие оплодотворяющие дожди. Краснокожий, житель обширных волнистых равнин, где мало ориентиров, осознал необходимость такого руководства в своих странствиях, которое можно было бы получить только благодаря строгому соблюдению положения четырех кардинальных точек. Он стал относиться к ним с почтением, как к своим личным оберегам, и признал в них обиталища могущественных существ, под чьей опекой он находился. Большинство его праздников и торжеств символически или прямо указывали на четыре точки компаса. Церемония курения, без которой не мог быть заключен или ратифицирован ни один договор, обычно начиналась с того, что вождь племени выдыхал табачный дым в сторону четырех четвертей земли. Среди некоторых племен признавались и другие точки, например, одна на небе и одна на земле. Все эти точки имели свои символические цвета, а возглавляли их различные животные или другие божества. Так, у апачей черным цветом обозначался восток, белым - юг, желтым - запад и синим - север, у чероков - красный, белый, черный и синий цвета, а у навахо - белый, синий, желтый и черный, причем белый и черный - нижние регионы, а синий - верхний или эфирный мир.

Индейское время и фестивали

У североамериканских племен существуют различные способы исчисления времени. Некоторые из них полагаются лишь на смену времен года и рост урожая, чтобы узнать, когда должны проходить их ежегодные фестивали и сезонные праздники. Другие основывают свою систему праздников на изменениях луны и повадках животных и птиц. Однако именно

от луны зависела информация о ходе времени у большинства этих народов. Большинство из них приписывали году двенадцать лун, в то время как другие считали более правильным число тринадцать. Киова считали, что год состоит из двенадцати с половиной лун, а вторая половина переносится на следующий год.

Зуны из Нью-Мексико называют год "ходом времени", а времена года - "шагами года". Первые шесть месяцев года у зуны носят названия, имеющие сельскохозяйственное или природное значение, а последние шесть - ритуальные. Капитан Джонатан Карвер, путешествовавший среди сиу в конце XVIII века, рассказывает, что некоторые племена исчисляли свои годы по лунам и считали их состоящими из двенадцати лунных месяцев, замечая, когда тридцать лун убывали, чтобы добавить еще один, который они называли "потерянной луной". Они дали название каждому месяцу следующим образом: год начинался в первое новолуние после весеннего равноденствия: Март - луна червей; апрель - луна растений; май - луна цветов; июнь - жаркая луна; июль - луна баксов; август - луна осетров; сентябрь - луна кукурузы; октябрь - луна путешественников; ноябрь - луна бобров; декабрь - луна охоты; январь - холодная луна; февраль - снежная луна. У этих людей не было деления на недели, но дни считались по "снам", полусутки - по указанию на солнце в полдень, а четвертьсутки - по восходу и заходу солнца, для всего этого у них были символические знаки. Многие племена вели записи о событиях с помощью таких знаков, как уже было указано. Восточные сиу измеряют время с помощью завязанных кожаных шнурков, похожих на *кипо* древних перуанцев. У других племен есть еще более примитивные методы. Хупа из Калифорнии определяют возраст человека, изучая его зубы. Майду делят времена года на сезон дождей, сезон листьев, сухой сезон и сезон опадающих листьев. Пима из Южной Аризоны записывают события с помощью палочек с зарубками, которые никто, кроме тех, кто их отмечает, не может понять.

Главной причиной исчисления времени у диких народов является правильное соблюдение религиозных праздников. С помощью имеющихся в их распоряжении грубых методов они не всегда могут точно определить дату, когда они должны состояться. Эти праздники часто имеют весьма сложный характер и занимают много дней, причем самое пристальное внимание уделяется правильному исполнению различных обрядов, связанных с ними. По большей части они состоят из предварительного поста, за которым следуют символические танцы или магические церемонии, а завершаются они оргией чревоугодия. Большинство этих обрядов очень похожи друг на друга, а видимые различия могут быть объяснены обстоятельствами окружающей среды или сезонными колебаниями.

Когда белый человек впервые вступил в контакт с алгонкинской расой, было замечено, что они проводят регулярно повторяющиеся праздники в честь созревания фруктов и зерна, а также более нерегулярные пиры в честь возвращения диких птиц и сезона охоты в целом. На них устраивались танцы и исполнялись героические песни. По сути, все празднование в общих чертах было идентично сегодняшнему фестивалю.

Один из самых примечательных праздников - тот, что у криков называется "Буск", сокращение от его родного названия "Пушкита". Начинается он со строгого поста, который длится три дня, а на четвертый день все племя собирается вместе, чтобы посмотреть, как верховный жрец добывает новый огонь путем трения. От этого огня питаются члены племени, а затем в течение трех дней устраиваются пиры и танцы. Четыре бревна укладываются в форме креста, указывающего на четыре четверти земли, и сжигаются в качестве жертвы четырем ветрам.

Танец буйвола

Манданы, племя дакота, каждый год отмечают в качестве своего главного праздника Танец буйвола - праздник, знаменующий возвращение сезона охоты на буйволов. Восемь мужчин, носящих на спине буйволиные шкуры и раскрашенные в черный, красный или белый цвет, имитируют действия буйволов. Каждый из них держит в правой руке погремушку, в левой - тонкий прут длиной в шесть футов, а на спине несет пучок зеленых ивовых веток. Церемония проводится в то время года, когда ива находится в полном цвету. Танцоры занимают свои позиции в четырех разных точках каноэ, представляя четыре кардинальные точки компаса. Двое мужчин в костюмах медведей гризли стоят рядом с каноэ, рыча и угрожают наброситься на любого, кто вмешается в церемонию. Прохожие бросают им кусочки еды, на которые тут же набрасываются двое других мужчин и уносят их в прерию. Во время церемонии старики племени бьют по мешкам, распевая молитвы об успехе охоты на буйвола. На четвертый день в лагерь приходит человек в облике злого духа, и его изгоняют из окрестностей камнями и проклятиями.

Объяснить эту церемонию можно следующим образом : Из какой-то из четырех точек компаса должен прийти буйвол; поэтому всех просят прислать хорошие запасы. Люди в костюмах медведей символизируют диких зверей, которые могут препятствовать движению стада буйволов к территории племени, и поэтому их необходимо умиротворить. Демон, который посещает лагерь после церемонии, - это, конечно же, голод.

Танцевальные фестивали хопи

Наиболее развитая система праздников в Северной Америке - у хопи, или моки, из Аризоны, и их проведение носит почти театральный характер. Все индейцы пуэбло, к которым относятся хопи, имеют схожие праздники, которые повторяются в разное время года или под эгидой различных тотемных кланов или тайных обществ. Большинство этих "танцев" организуются кланом Катчина и проходят в танцевальных домах, известных как *кива*. Эти церемонии берут свое начало во всеобщем почитании змеи в Америке - почитании, основанном на идее, что символ змеи, хвост в пасти, представляет круглое, полное солнце августа. В летних "танцах" совершаются змеиные подвиги, но в церемонии Катчины змеи никогда не используются.

Танцы с дьяволом - отнюдь не редкость среди индейцев. Их цель - изгнать злых духов из окрестностей племени.

Люди-медики

Жречество коренных американцев, называемое знахарями, *шаманами* или волшебниками, в большинстве племен было отдельной кастой, выполнявшей не только жреческие функции, но также функции врача и пророка. Поэтому название "знахари" вряд ли можно считать ошибочным. Они были искусны в обращении с оккультными силами, такими как гипноз, и

таким образом осуществляли неограниченную власть над рядовыми членами племени. Но сначала мы рассмотрим их в религиозном аспекте. Во многих индейских племенах священство передавалось по наследству, в других его получали благодаря природной пригодности или откровениям во сне. У чероков, например, седьмой сын в семье обычно выделялся как подходящий для священства человек. Как правило, религиозная организация не принимала участия в общей жизни племени, от которой в значительной степени изолировалась. Например, Бартрам в своих *"Путешествиях по Каролинам"* описывает младших жрецов криков как одетых в белые одежды и носящих на голове или на руках "большую совиную шкуру, набитую очень изобретательно как знак мудрости и прорицания". Этих холостяков также можно отличить от других людей по их неразговорчивости, серьезному и торжественному лицу, степенному шагу и пению песен или гимнов низким, приятным голосом, когда они прогуливаются по городам". Чтобы усилить чувство благоговения, которое они внушали мирянам племени, жрецы общались друг с другом на тайном языке. Так, магические формулы некоторых алгонкинских жрецов были написаны не на обычном языке, а на диалекте их собственного изобретения. Чоктавы, чероки и зуны использовали аналогичные эзотерические диалекты, которые, как теперь известно, были всего лишь модификациями языков нескольких племен, обогащенными устаревшими словами, или просто заимствованиями из идиоматики других племен.

Люди-медики как целители

Однако именно в качестве целителей знахари занимали главенствующее положение. Индеец приписывает все болезни или телесные неудобства сверхъестественному воздействию. Он не может понять, что недомогание может возникнуть внутри его собственного организма, но считает, что оно обязательно должно исходить из какого-то внешнего источника. Какое-то сверхъестественное существо, которое он обидел, душа убитого им животного или, возможно, злобный колдун мучают его. Если бы тела людей не страдали таким загадочным образом, их владельцы жили бы вечно. Когда индеец заболевает, он отправляется к знахарю, которому рассказывает о своих симптомах, одновременно знакомя его со всеми обстоятельствами, которые, как он подозревает, привели к его состоянию. Если он зарезал оленя и после этого не выполнил обычную формулу успокоения, он подозревает, что дух зверя активно вредит ему. Если он подстрелил птицу и впоследствии заметил вблизи своего жилища кого-либо из представителей того же вида, он почти неизменно придет к выводу, что они решили отомстить и каким-то образом нанесли ему вред. В первую очередь знахарь может дать пациенту какое-нибудь простое местное средство. Если такое лечение не поможет, он отправится в жилище страдальца, чтобы провести более тщательный осмотр. Найдя очаг боли, он несколько раз подует на него, а затем приступит к энергичному массажу, призывая при этом на помощь естественного врага духа, который, по его мнению, мучает больного. Так, если подозревается дух оленя, он призовет горного льва или Большую собаку, чтобы прогнать его, а если птица из числа мелких, то вызовет Большого орла, обитающего в зените, чтобы убить или поглотить его. При предполагаемом приближении этих могущественных существ он еще больше возбуждается и, энергично хлопая пациента, громким и звучным голосом произносит заклинания, которые должны ускорить приход вызванных им дружелюбных существ. Наконец, изготовив ловким движением руки изображение тревожного духа, выточенное из кости, он призывает сосуд с кипящей водой, в который немедленно погружает

предполагаемую причину болезни своего пациента. Через некоторое время костяная фигурка извлекается из кипятка, и при ближайшем рассмотрении на ее поверхности можно обнаружить одну или несколько отметин. Каждый из них свидетельствует о том, что он уже убил своего человека, и пациента уверяют, что если бы уроженец Эскулапия не принял суровых мер, злой дух добавил бы его к числу своих жертв.

Если эти методы не приводят к излечению, прибегают к другим. Пациента потчуют самыми изысканными блюдами и напитками, произносят заклинания и исполняют музыку, чтобы отпугнуть вредоносное влияние.

Профессиональный этикет

Жреческое сословие не склонно взимать непомерную плату со своих пациентов. Как правило, индийский знахарь решительно отвергает любые намеки на плату. Если плата имеет скоропортящийся характер, например еда, он обычно делится ею со своими родственниками, братьями-священниками или даже пациентами, но если она состоит из чего-то, что можно сохранить, например ткани, ожерелья из зубов или шкуры, он тщательно хранит ее, чтобы обеспечить себе старость. Индеец-практик твердо убежден, что белые врачи мало помогают в лечении туземных болезней. Белая медицина, говорит он, хороша только для белых людей, а индейская - для краснокожих; в этом заключении он, вероятно, прав.

Путешествия в страну духов

Во многих индейских мифах мы читаем о том, как *шаманы*, поодиночке или компаниями, отправляются в страну духов, чтобы найти души тех, кто болен, но еще не умер, или чтобы получить совет от сверхъестественных существ. Этими тауматургическими практиками обычно занимались три знахаря, действующие согласованно. Впадая в транс, в котором их души, как предполагалось, временно отделялись от тел, они отправлялись по следу духа больного в мир духов. Порядок их следования определялся относительной силой их духов-хранителей: самые сильные были первыми и последними, а тот, у кого был самый слабый, располагался в середине. Если след больного сворачивал влево, говорили, что он умрет, а если вправо - выздоровеет. По следу также можно было определить, не приближается ли какая-нибудь сверхъестественная опасность, и самый главный жрец произносил магическое заклинание, чтобы предотвратить это зло, если оно надвигалось спереди, а если опасность приходила сзади, то заклинание пел тот жрец, который шел последним. Обычно их пребывание длилось одну-две ночи, и, вызволив душу больного, они возвращались, чтобы поместить ее в его тело.

Шаман был наделен не только способностью проецировать свое собственное "астральное тело" в Страну духов. Вкладывая амулеты из кедрового дерева в руки тех, кто еще не получил духа-хранителя, он мог передать им свои дары ясновидения, позволяя посещать страну духов и делать любые необходимые наблюдения.

Души вождей, вместо того чтобы следовать обычным путем, отправлялись прямо к морскому побережью, где только самые одаренные *шаманы* могли пройти по их следу. Море считалось дорогой в сверхъестественные области. Больной человек подвергался наибольшей опасности в половодье, но во время отлива опасность была меньше.

Чтобы отвлечь призраков от погони за душой, знахари создавали "астрального" оленя. Призраки переставали охотиться за душой человека и отправлялись за душой зверя.

Дикарь и религия

Нельзя сказать, что религиозное чувство было исключительно сильным в сознании североамериканского индейца. Но это объясняется главным образом той ступенью культуры, на которой он находился, а в некоторых случаях находится и сейчас. У человека в его дикарском или варварском состоянии чувство благоговения, как мы его понимаем, невелико, а его место в значительной степени занимают страх и суеверие. Только на более поздней стадии, когда цивилизационное влияние в какой-то степени изгнало грубые ужасы анимизма и фетишизма, боги проявляют себя в более духовном аспекте.

ГЛАВА III: АЛГОНКИНСКИЕ МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ

Глооскап и Малсум

Индейцы алгонкины имеют, пожалуй, более обширную мифологию, чем большинство индейских народов, а поскольку они известны цивилизации уже несколько столетий, их мифы имеют то преимущество, что они были тщательно изучены.

Одна из самых интересных фигур в их пантеоне - Глооскап, что означает "Лжец"; но это прозвище отнюдь не оскорбляет божество, а является комплиментом его хитрости, которая считается одной из добродетелей у всех диких народов.

Глооскап и его брат Малсум, Волк, были близнецами, из чего можно сделать вывод, что они были противоположностями в дуалистической системе: Глооскап обозначал то, что кажется дикарю "хорошим", а Малсум - все, что "плохо".¹ Их мать умерла при их рождении, и из ее тела Глооскап создал солнце и луну, животных, рыб и человеческую расу, а злобный Малсум - горы, долины, змей и все, что, по его мнению, могло бы причинить неудобства человеческой расе.

[1] Однако эти "доброта" и "злость" чисто относительны и имеют современное происхождение: такие божества, как уже объяснялось, являются фигурами в мифе о свете и тьме.

Каждый из братьев владел секретом, что его убьет, как и многие другие существа в мифах и сказках, в частности, Лью Ллав Гиффес в валлийских романах.

Малсум спросил Глооскапу, каким способом его можно убить, и старший брат, чтобы проверить его искренность, ответил, что единственным способом лишить его жизни является прикосновение совиного пера - или, как некоторых вариантов мифа, прикосновение цветущего камыша. Малсум, в свою очередь, признался Глооскапу, что может погибнуть только от удара корнем папоротника. Злобный Волк, взяв свой лук, спустил сову и, пока Глооскап спал, ударил его пером, вырванным из крыла. Глооскап тут же умер, но, к огорчению Малсума, ожил вновь. Эта сказка удивительно напоминает скандинавский миф о Бальдере, который умирал, только если его брат Ходур ударял его веточкой омелы. Как и Бальдер, Глооскап - бог солнца, что подтверждается тем обстоятельством, что, умирая, он не перестает возрождаться.

Но Малсум решил узнать тайну брата и уничтожить его при первой же возможности. После первой попытки Глооскап сказал ему, что убить его может только сосновый корень, и Малсум, как и прежде, ударил его, пока тот спал, но Глооскап, поднявшись и смеясь, прогнал Малсума в лес и уселся у ручья, где пробормотал, как бы размышляя про себя: "Только цветущий камыш может убить меня". Он говорил так, потому что знал, что среди камышей на берегу ручья притаился Куа-би, Великий Бобр, и услышит каждое его слово. Бобер сразу же отправился к Малсуму и рассказал ему о том, что считал главной тайной своего брата. Злой Малсум так обрадовался, что пообещал дать Бобру все, что тот попросит. Но когда зверь попросил крылья, как у голубя, Малсум разразился издевательским смехом и воскликнул: "Хо, ты с хвостом, как у напильника, зачем тебе крылья?". На это бобер рассердился и, отправившись к Глооскапу, чистосердечно признался в содеянном. Глооскап, разозлившись, выкопал корень папоротника и, бросившись в глубь леса, разыскал своего вероломного брата и ударом смертоносного растения сразил его насмерть.

Скандинавские аналогии

Но хотя Малсум был убит, впоследствии он появляется в алгонкинских мифах как Локс, или Локи, вождь волков, озорной и беспокойный дух. В своем изложении алгонкинской мифологии Чарльз Годфри Леланд, похоже, считает, что вся система была усложнена норвежской мифологией, просочившейся через эскимосов. Хотя вероятность такой теории невелика, между двумя системами, как мы увидим позже, есть много общих моментов, и среди них мало более поразительных, чем тот факт, что скандинавское и алгонкинское злые влияния носят одно и то же имя.

Когда Глооскап завершил создание мира, он создал человека и более мелких сверхъестественных существ, таких как феи и гномы. Человека он сформировал из ствола ясеня, а эльфов - из его коры. Как и Один, он приучил двух птиц приносить ему новости о мире, но их отсутствие было столь продолжительным, что он выбрал себе в помощники черного и белого волков. Он вел упорную и истребительную войну со злыми чудовищами, населявшими тогда мир, а также с колдунами и ведьмами, вредившими людям. Он сровнял с землей холмы и обуздал силы природы в своих могучих битвах, в которых он возвышался до гигантского роста, а его голова и плечи возвышались над облаками. Однако в общении с людьми он был мягок и сдержанно юмористичен, чтобы не сказать бесхитростен.

Однажды он обратился за помощью к колдуну-великану по имени Вин-пе, одному из самых могущественных злых сил, обитавших тогда на земле. Вин-пе стрелял вверх, пока его голова не стала выше самой высокой сосны в лесу, но Глооскап с богоподобным смехом вырос, пока его голова не достигла звезд, и легонько стукнул волшебника прикладом своего лука, так что тот замертво упал к его ногам.

Но хотя он истребил множество чудовищ и сдержал наступление сил зла, Глооскап не обнаружил, что род человеческий стал лучше или мудрее. Более того, чем больше он делал для них, тем хуже они становились, пока, наконец, не достигли такого уровня дурного поведения, что бог решил совсем покинуть этот мир. Но, не теряя чувства заботы о созданных им существах, он объявил, что в течение следующих семи лет удовлетворит любую их просьбу. Очень многие захотели воспользоваться этим предложением, но им с огромным трудом удалось узнать, где находится Глооскап. Те, кто все же находил его и делал выбор неразумно, подвергались суровому наказанию, а те, чьи желания были разумными, получали значительное вознаграждение.

Дары Глоускапа

Четверо индейцев, отправившихся в обитель Глооскапа, обнаружили, что это место волшебных наслаждений, земля более справедливая, чем может представить разум. На вопрос бога, что привело их туда, один из них ответил, что сердце его злое и что гнев сделал его своим рабом, но он хочет стать кротким и благочестивым. Второй, бедняк, пожелал разбогатеть, а третий, низкого происхождения и презираемый людьми своего племени, захотел стать всеми почитаемым и уважаемым. Четвертый был тщеславным человеком, сознающим свою привлекательность, и его внешность красноречиво говорила о тщеславии. Хотя он был высок, он набил свои мокасины мехом, чтобы казаться еще выше, и его желанием было стать больше любого человека из своего племени и жить вечно.

Глооскап достал из своей лекарственной сумки четыре маленькие коробочки и дал каждому по одной, попросив не открывать их до тех пор, пока они не доберутся до дома. Когда первые трое прибыли в свои домики, каждый открыл свою коробочку и нашел в ней благовоние, обладающее большим ароматом и богатством, которым он натер себя. Злой человек стал кротким и терпеливым, бедный быстро разбогател, а презираемый стал статным и уважаемым. А тщеславный человек по дороге домой остановился на поляне в лесу и, достав свою шкатулку, помазался мазью, которая в ней была. Его желание тоже исполнилось, но не

совсем так, как он ожидал, - он превратился в сосну, первую в роду, и притом самую высокую в лесу.

Глооскап и ребенок

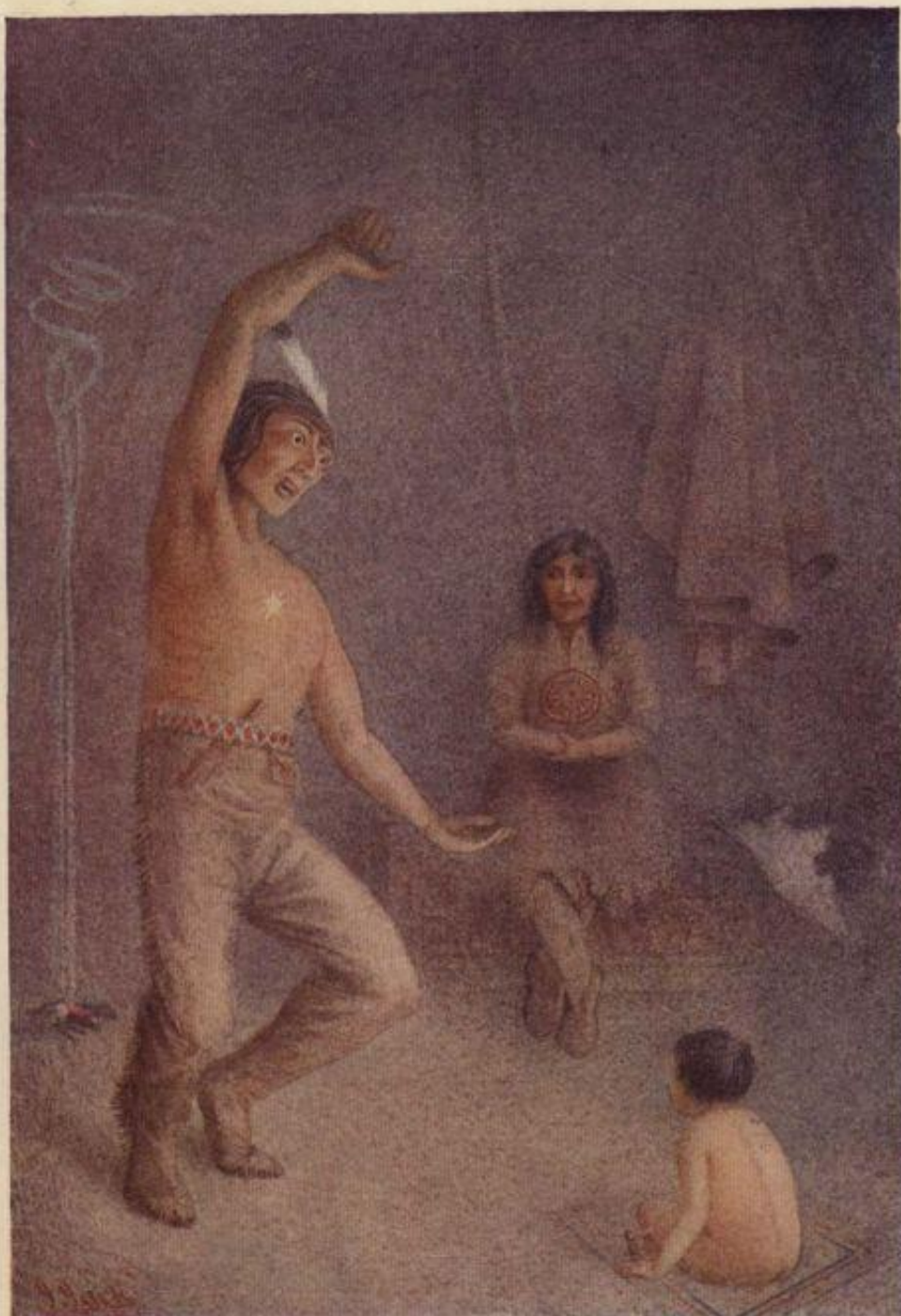
Глооскап, покорив кевуков, великанов и магов, и медеколинов, хитрых колдунов, и Памолу, злого ночного духа, а также целые сонмы чудовищ, гоблинов, каннибалов и ведьм, почувствовал себя великим и похвастался одной женщине, что ему больше нечего покорять.

Но женщина рассмеялась и сказала: "Вы уверены, учитель? Есть еще один, кто остался непобежденным, и ничто не может его одолеть".

С некоторым удивлением Глооскап спросил, как зовут этого могущественного человека.

"Его зовут Васис, - ответила женщина, - но я настоятельно советую вам не иметь с ним никаких дел".

Васис был всего лишь младенцем, который сидел на полу, сосал кусочек кленового сахара и напевал про себя песенку. Глооскап никогда не был женат и совсем не знал, как управляют детьми, но с полной уверенностью улыбнулся младенцу и попросил его подойти к нему. Ребенок улыбнулся ему в ответ, но не двинулся с места, и тогда Глооскап стал подражать прекрасной песне одной птицы. Васис, однако, не обратил на него никакого внимания, а продолжал сосать свой кленовый сахар. Глооскап, не привыкший к такому обращению, впал в ярость и грозными словами приказал Васису немедленно приползти к нему. Но Васис разразился ужасным воем, который заглушил громовые раскаты бога, и, несмотря на все угрозы божества, не сдвинулся с места. Тогда Глооскап, основательно разбуженный, привлек на помощь все свои магические ресурсы. Он произнес самые страшные заклинания, самые жуткие заклинания. Он пел песни, воскрешающие мертвых и отправляющие дьявола в самые глубины ямы. Но Васису, видимо, казалось, что все это какая-то игра, потому что он лишь устало улыбался и выглядел немного скучающим. Наконец Глооскап в отчаянии бросился из хижины, а Васис, сидя на полу, кричал "Гу-гу-гу" и торжествующе каркал. И по сей день индейцы говорят, что когда малыш кричит "Гу-гу", он вспоминает о том времени, когда победил могучего Глооскапа.

“Glooskap brought all his magical resources to his aid”

146

"Глооскап привлек на помощь все свои магические ресурсы".

Прощание Глооскапа

Наконец настал день, когда Глооскап должен был покинуть землю, и в честь этого события он устроил большой пир на берегу озера Минас. На нем присутствовали все животные, а когда он подошел к концу, Глооскап сел в свое огромное каноэ и медленно скрылся из виду. Когда его уже не было видно, они все еще слышали его прекрасное пение, которое становилось все слабее и слабее вдали, пока, наконец, не стихло совсем. И тут произошло странное событие. Звери, которые до сих пор говорили на одном языке, перестали понимать друг друга и в смятении разбежались, чтобы никогда больше не встретиться в дружеской беседе, пока Глооскап не вернется и не возродит прекрасные дни Золотого века.

Эта традиция Глооскапа поразительно напоминает традицию мексиканского бога Кецалькоатля, который дрейфовал от берегов Мексики на восток к сказочной земле Тлапаллана, откуда он изначально пришел. Глооскап, как и упомянутое мексиканское божество, является, как уже было сказано, богом солнца, или, правильнее говоря, сыном солнца, который пришел на землю с миссией просвещения и цивилизации, чтобы сделать мир пригодным для жизни человечества и посеять семена искусств, домашних и сельскохозяйственных. Кецалькоатль исчез на востоке, потому что это изначальная родина его отца, солнца, а не на западе, который является всего лишь местом ночного отдыха солнца. Но Глооскап, как и большинство детей солнца, улетел на запад.

Как Глооскап поймал лето

Очень красивый миф рассказывает о том, как Глооскап поймал лето. Он сохранился в виде поэзии, обладающей чем-то вроде метра, которую еще несколько поколений назад читали у костра многие алгонки. Давным-давно Глооскап забрел очень далеко на север, в Ледяную страну, и, почувствовав усталость и холод, нашел приют в вигваме, где жил великан - великан Зима. Зима радушно приняла бога, набила ему трубку табаком и, пока он курил, развлекала его очаровательными историями о былых временах. Все это время Винтер накладывал на Глооскапа свои чары, потому что, когда он говорил сонно и монотонно, от него исходила ледяная атмосфера, так что Глооскап сначала задремал, а потом погрузился глубокий сон - тяжелую дрему зимнего сезона. Целых шесть месяцев он спал, а потом чары мороза покинули его мозг, и он проснулся. Он отправился домой, все дальше и дальше на юг, и чем дальше на юг, тем теплее ему становилось, и цветы распускались вокруг его шагов.

В конце концов он пришел в огромный, безбрежный лес, где под первобытными деревьями танцевало множество маленьких человечков. Королевой этого народа была Лето, самое изысканно красивое, хотя и очень крошечное создание. Глооскап подхватил королеву в свою огромную руку и, отрезав длинное лассо из шкуры лося, закрепил его вокруг ее крошечной фигурки. Затем он побежал прочь, оставив шнур свободно висеть за спиной.

Эльфы Света

Крошечные человечки, которые были Эльфами Света, с пронзительным криком бросились за ним, неистово дергая за лассо. Но пока Глооскап бежал, шнур кончился, и, как они ни тянули, остались далеко позади.

Он снова отправился на север и пришел к вигваму Зимы. Великан снова принял его радушно и начал рассказывать старые истории, чье смутное очарование так привлекло бога. Но Глооскап, в свою очередь, заговорил. Лето лежало у него на груди, и от ее силы и тепла исходила такая мощная магия, что в конце концов Зима начала подавать признаки беды. Пот обильно струился по его лицу, и постепенно он начал таять, как и его жилище. Постепенно природа пробудилась, слышалась песня птиц, сначала слабая, потом все более отчетливая и радостная. Появились тонкие зеленые побеги молодой травы, а увядшие листья прошлой осени были унесены к реке тающим снегом. Наконец, феи вышли, и Глооскап, оставив с ними Лето, снова направил свои шаги на юг.

Очевидно, что это природный миф, придуманный народом, живущим в климате, где суровая зима на более или менее короткий срок уступала место ласкам лета. Для них зима была великаном, а лето - эльфом с пороссячими пропорциями. Истории, рассказанные в зимний сезон, красноречиво говорят о жизни людей, живущих в субарктическом климате, где традиционная сказка, отец эпической поэзии, коротает долгие темные часы, в то время как зимняя буря неистово ревет за окном, а нагромождение снега делает невозможным повседневное занятие охотника.

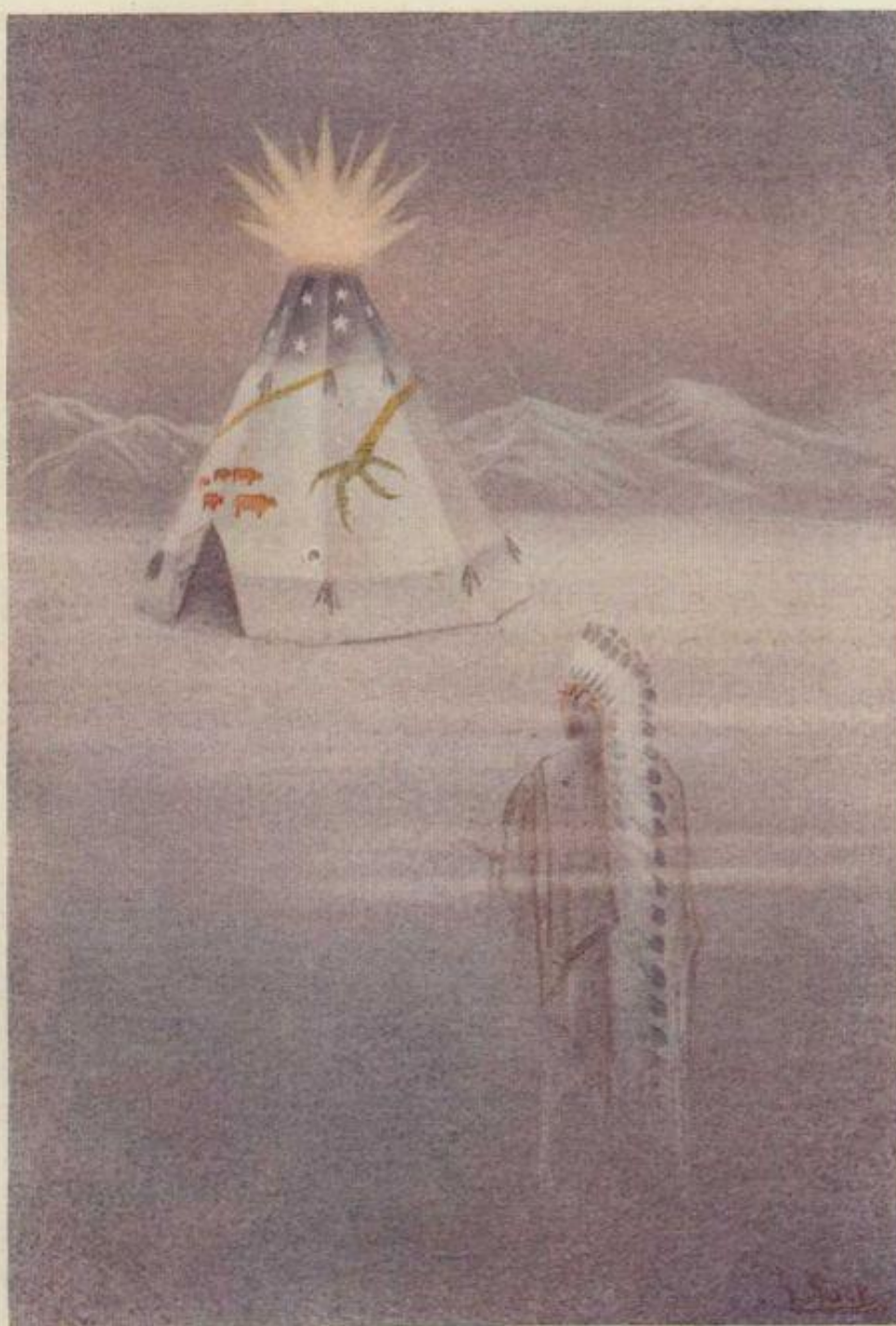
Вигвам Глооскапа

Индейцы говорят, что Глооскап живет далеко-далеко, никто не знает где, в очень большом вигваме. Его главное занятие - изготовление стрел, и кажется, что каждая из них стоит целый день. Одна сторона его вигвама покрыта стрелами, и когда его жилище будет заполнено ими, наступит последний великий день. Тогда он призовет армию добрых духов и отправится нападать на Малсум в чудесном каноэ, которое с помощью магии можно расширить, чтобы вместить целую армию, или сжать, чтобы его можно было нести на ладони. Война с его злым братом будет истребительной, и ни с одной стороны не останется ни одного человека. Но добрые отправятся в прекрасную обитель Глооскапа, и все наконец-то будет хорошо.

Снежный домик

Прохладные ветры давно предупреждали гусей о наступлении холодов, а постоянные крики сверху "Хонк, хонк" говорили индейцам о том, что миграция птиц продолжается.

Охотники на буйволов из алгонкинского племени блэкфитов отправились в путь, чтобы раздобыть толстые одежды и сытное мясо, которые согреют их и обеспечат хорошим пропитанием в течение безлюдной зимней поры. Священной Выдре везло. Ему досталось много буйволов, и он был занят тем, что снимал с них шкуры. Но пока храбрецы быстро и ловко орудовали ножом, они не обращали внимания на мрачные, тяжелые от бури тучи, нависшие, как черный занавес, над северным горизонтом. Внезапно тучи сорвались со своего места в небесах, словно полет черных орлов, и с ревом обрушились на них.

“He descried a great *teepee*”

150

" Он увидел большой *вигвам*.

Священная Выдра и его сын присели под тушей убитого бизона, чтобы укрыться. Но воздух был холодным, как вода, в которой плавает лед, и он знал, что они быстро погибнут, если не найдут лучшей защиты от жестокого ветра. Поэтому он сделал из шкуры бизона небольшой *вигвам*, или палатку, и оба забрались внутрь. Против этого безумного убежища быстро наметало снег, и вскоре обитатели крошечного домика погрузились в уютную дремоту,

навеванную мягким теплом. Пока Священная Выдра спал, ему снились сны. Вдалеке виднелся большой *вигвам*, увенчанный золотом солнечного света и украшенный скоплением звезд, символизирующих Север. Сзади был изображен румяный диск солнца, а к нему прикреплен хвост священного буйвола. Юбки *вигвама* были расписаны под лед, а по бокам были нарисованы четыре желтые ноги с зелеными когтями, характерные для птицы-громовержца. Над дверью нахмурился буйвол в ослепительно-красном, а на ветру покачивались и позвякивали пучки вороньих перьев с прикрепленными к ним маленькими колокольчиками.

Священная Выдра, удивленный необычностью рисунков, стоял перед *вигвамом* и любовался его украшениями, как вдруг услышал голос, который произнес:

"Кто ходит вокруг моего *вигвама*? Входите, входите!"

Повелитель холодной погоды

Священная Выдра вошла и увидела высокого беловолосого человека, одетого во все белое, сидящего в задней части домика, в котором он был единственным обитателем. Священная Выдра присел, но хозяин *вигвама* даже не взглянул в его сторону, а лишь молча курил. Перед ним стоял глиняный алтарь, на котором лежал можжевельник, как в церемонии Солнца. Его лицо было выкрашено в желтый цвет, с красной линией в области рта и еще одной - через глаза к ушам. На груди он носил шкуру норки, а вокруг талии - небольшие полоски шкуры выдры, к которым были прикреплены колокольчики. Долгое время он молчал, но в конце концов отложил свою трубку из черного камня и обратился к Священной Выдре следующим образом:

"Я - Эс-тонеа-песта, повелитель холодной погоды, а это мое жилище - Снежный вигвам, или домик Желтой Краски. Я управляю и посылаю снег и пронизывающие ветры из Северного края. Ты здесь, потому что я сжалился над тобой и над твоим сыном, который попал в метель вместе с тобой. Возьми этот снежный вигвам с его символами и лекарствами. Возьми также этот кисет для табака из норковой шкуры, трубку из черного камня и мою сверхъестественную силу. По возвращении в лагерь ты должен сделать *вигвам*, похожий на этот".

Затем Повелитель Холодной Погоды подробно объяснил Священной Выдре символы, которые он должен использовать при росписи домика, и рассказал ему о песнях и церемониях, связанных с этим. В этот момент Священная Выдра проснулся. Он заметил, что буря немного стихла, и, как только стало достаточно светло, они с сыном выползли из своего убежища и протопали домой по пояс в мягком снегу. Священная Выдра провел долгие холодные ночи за изготовлением модели Снежного вигвама и его раскрашиванием, как было велено ему во сне. Он также собирал "лекарства", необходимые для церемонии, а весной, когда были построены новые домики, он построил и раскрасил Снежный вигвам.

Сила Священной Выдры росла благодаря тому, что он завладел Снежным домиком, который Владыка Холода обещал ему во сне. Вскоре это подтвердилось. В очередной раз во время охоты на бизонов он и несколько его спутников попали в снежную бурю за много миль от лагеря. Они обратились к Священной Выдре с просьбой использовать "лекарство" Повелителя холода. Распорядившись, чтобы несколько женщин и детей, находившихся с ними, усадили на сани, а мужчины пошли вперед и пробили проход в снегу для лошадей, он

взял норковый кисет с табаком и трубку из черного камня, полученную им от Мастера Холода, и принялся курить. Он выпустил дым в ту сторону, откуда пришла буря, и взмолился Господу Холода, чтобы тот сжалился над людьми. Постепенно грозовые тучи разошлись и рассеялись, и со всех сторон показалось голубое небо. Люди поспешили дальше, так как знали, что вьюга задерживается лишь на время. Но их лагерь был совсем рядом, и вскоре они благополучно добрались до него.

Однако Священная Выдра никогда больше не использовал свою мистическую силу. Он боялся, что может оскорбить Повелителя холода. А кто может себе это позволить?

Звездная дева

Красивая легенда чиппевеев, алгонкинского племени, рассказывает о том, как охотник Алгон завоевал себе в невесты дочь звезды. Прогуливаясь по прериям, он обнаружил круговую тропинку, истертую, как будто по ней ступало множество ног, хотя за ее пределами не было видно следов. Молодой охотник, никогда прежде не сталкивавшийся с такими "кольцами фей", был немало удивлен своим открытием и спрятался в длинной траве, чтобы узнать, не появится ли объяснение. Ждать пришлось недолго. Через некоторое время он услышал звуки музыки, такой слабой и приятной, что она превосходила все, о чем он когда-либо мечтал. Звуки становились все полнее и насыщеннее, а когда они, казалось, донеслись до него сверху, он поднял глаза к небу. Далеко в синеве он увидел крошечное белое пятнышко, похожее на плывущее облако. Оно приближалось все ближе и ближе, и изумленный охотник увидел, что это не облако, а изящная машина из озера, в которой сидели двенадцать прекрасных дев. Музыка, которую он слышал, была звуком их голосов, когда они пели странные и волшебные песни. Спустившись в заколдованное кольцо, они танцевали по кругу с такой изысканной грацией и непринужденностью, что смотреть на них было одно удовольствие. Но после первых мгновений ошеломленного удивления Алгон обратил внимание только на самую юную из них, маленькое, живое создание, такое хрупкое и нежное, что, казалось, от одного ее дуновения у выносливого охотника снесет крышу.

И действительно, его охватила неистовая страсть к этой прелестной крошке, и он быстро решил подняться с травы и унести ее. Но прелестные создания были слишком быстры для него. Выбранная им фея ловко вырвалась из его рук и бросилась к машине. За ней последовали остальные, и через мгновение они уже парили в воздухе, исполняя сладкую, неземную песню. Удрученный охотник вернулся в свой домик, но как ни старался, не мог выбросить из головы мысли о Деве-звезде, и на следующий день, задолго до часа приезда фей, он лежал в траве, ожидая сладких звуков, возвещающих об их приближении. Наконец машина появилась. Двенадцать бесплотных существ танцевали, как и прежде. Алгон снова предпринял отчаянную попытку схватить самого младшего, и снова безуспешно.

"Давайте останемся, - сказала одна из Звездных дев. "Возможно, смертный хочет научить нас своим земным танцам". Но младшая сестра и слышать об этом не хотела, и все они скрылись из виду в своей корзине из озера.

Стратегия Алгона

Бедный Алгон вернулся домой еще более несчастным, чем прежде. Всю ночь он пролежал без сна, мечтая о прекрасном, неуловимом существе, опутавшем его сердце и мозг, а рано утром отправился в заколдованное место. Оглядываясь в поисках средств достижения цели, он наткнулся на полый ствол дерева, в котором резвилось несколько мышей. С помощью чар из своей "лекарственной сумки" он превратился в одного из этих зверьков, думая, что прекрасные сестры никогда не смогут пробить его маскировку.

Algon carries the Captured Maiden home to his Lodge

154

Алгон несет плененную девицу домой в свой домик

В тот день, когда спустилась осиновая повозка, ее обитатели вышли из нее и весело танцевали в волшебном кругу, пока самая младшая не увидела полый ствол дерева (которого не было в предыдущий день) и не собралась лететь. Сестры посмеялись над ее страхами и попытались успокоить ее, перевернув ствол. Мыши разбежались во все стороны, и их быстро

преследовали Звёздные девы, которые убили их всех, кроме Алгона. Последний вновь обрел свой облик как раз в тот момент, когда младшая фея подняла руку, чтобы ударить его. Схватив ее на руки, он понес ее в свою деревню, а ее испуганные сестры отправились в свою Звездную страну.

Прибыв в свой дом, Алгон женился на девушке и своей добротой и мягкостью вскоре завоевал ее расположение. Однако ее мысли по-прежнему были заняты родным народом, и хотя она предавалась печали лишь втайне, чтобы не беспокоить мужа, она не переставала оплакивать свой потерянный дом.

Бегство Звездной Девы

Однажды, гуляя с маленьким сыном, она сделала корзину из осины, подобную той, в которой впервые попала на землю. Собрав цветы и подарки для Звездного народа, она взяла ребенка с собой в корзину, спела волшебные песни, которые помнила до сих пор, и вскоре прилетела в свою страну, где ее встретил король, ее отец.

Горе Алгона было поистине горьким, когда он узнал, что его жена и ребенок покинули его. Но у него не было возможности преследовать их. Каждый день он приходил к магическому кругу в прерии и давал волю своему горю, но годы шли, и не было никаких признаков того, что его близкие вернулись.

Тем временем женщина и ее сын почти забыли Алгона и страну-землю. Однако когда мальчик достаточно подрос, чтобы услышать эту историю, он захотел поехать к отцу. Мать согласилась и согласилась пойти с ним. Когда они готовились к спуску, Звездный народ сказал:

"Возьми с собой Алгона, когда вернешься, и попроси его принести какую-нибудь особенность от каждого зверя и птицы, которых он убил во время охоты".

Алгон, который в последнее время почти все время проводил в заколдованном круге, был несказанно рад возвращению жены и сына и охотно согласился отправиться с ними в Звездную страну. Он много работал, чтобы собрать образцы всех редких и диковинных птиц и зверей, обитающих в его стране, и когда наконец собрал реликвий - коготь одного, перо другого и так далее, - сложил их в озировую повозку, забрался сам с женой и мальчиком и отправился в Звездную страну.

Тамошние жители были в восторге от диковинных подарков, которые привез им Алгон, и, получив разрешение своего короля взять по одному, так и поступили. Тот, кто брал хвост или коготь любого зверя, сразу становился четвероногим, изображенным на фрагменте, а тот, кто брал крылья птиц, сам становился птицей. Алгон с женой и сыном взяли перья белого сокола и улетели в прерии, где их потомков можно увидеть до сих пор.

Облаконосец и Звездный народ

Однажды красивый юноша жил со своими родителями на берегу озера Гурон. Старики очень гордились своим мальчиком и хотели, чтобы он стал великим воином. Когда он достаточно подрос, чтобы подготовить свой "лекарственный мешок", он отправился в лес с этой целью. В пути он устал и прилег поспать, а когда задремал, услышал нежный голос, который прошептал:

"Облакоход, я пришел за тобой. Следуй за мной".

Юноша поднялся на ноги.

"Я сплю. Это всего лишь иллюзия", - пробормотал он про себя, глядя на обладательницу мягкого голоса, которая оказалась девицей такой дивной красоты, что сонные глаза Облакохода были совершенно ослеплены.

"Следуй за мной, - повторила она и мягко поднялась с земли, словно чертополох. К своему удивлению, юноша поднялся вместе с ней, так же легко и непринужденно. Они поднимались все выше и выше, все выше над верхушками деревьев и в небо, пока наконец не прошли через отверстие в расстилающемся своде, и Облакоход увидел, что он в стране Звездного народа и что его прекрасная проводница - не смертная дева, а сверхъестественное существо. Он был так очарован ее миловидностью и нежностью, что беспрекословно следовал за ней, пока они не пришли к большому домику. Войдя в него по приглашению Девы-Звезды, Облакоход обнаружил, что он заполнен оружием и украшениями из серебра, выполненными в странных и гротескных узорах. Некоторое время он бродил по домику, восхищаясь и восхваляя все, что видел, и его воинская кровь бурлила при виде редкого оружия. Вдруг госпожа воскликнула:

"Тише! Мой брат приближается! Позвольте мне спрятать вас. Быстрее!"

Юноша спрятался в углу, и девица накинула на него богатый цветной шарф. Едва она успела это сделать, как в домик вошел серьезный и величественный воин.

"Немисса, моя дорогая сестра, - сказал он после минутной паузы, - разве тебе не запрещено разговаривать с землянами? Возможно, ты думаешь, что спрятала юношу, но это не так". Затем, повернувшись от покрасневшей Немиссы к Облаконосу, он добродушно добавил:

"Если вы останетесь там надолго, то очень проголодаетесь. Выйди и дай нам поговорить".

Юноша поступил так, как ему было велено, и брат Немиссы подарил ему трубку, лук и стрелы. Он также дал ему в жены Немиссу, и долгое время они жили вместе очень счастливо.

Звездная страна

Молодой человек заметил, что его шурин имеет привычку каждый день уходить один, и, желая узнать, что у него за дела, спросил однажды утром, не может ли он сопровождать его.

Шурин охотно согласился, и оба отправились в путь. Путешествовать по Звездной стране было очень приятно. Листва была богаче земной, цветы нежнее, воздух мягче и ароматнее, а птицы и звери грациознее и безобиднее. День клонился к полудню, и Облакоход очень проголодался.

"Когда мы сможем поесть?" - спросил он своего шурина.

"Очень скоро", - обнадеживающе ответил тот. "Мы как раз собираемся устроить трапезу". Пока он говорил, они подошли к большому проему, через который виднелись домики, озера и леса земли. В одном месте охотники готовились к погоне. На берегу реки женщины собирали тростник, а в одной из деревень весело играли дети.

"Видишь того мальчика в центре группы?" - сказал брат Немиссы и, заговорив, бросил что-то в ребенка. Бедный мальчик тут же упал, и его, скорее мертвого, чем живого, отнесли в ближайшую хижину.

Жертвоприношение

Облакоход был сильно озадачен поступком своего сверхъестественного родственника. Он видел, как знахари собрались вокруг ребенка и читали молитвы о его выздоровлении.

"Такова воля Маниту, - сказал один из жрецов, - чтобы мы принесли в жертву белую собаку".

Тогда они раздобыли белую собаку, сняли с нее шкуру, зажарили и положили на блюдо. Она взлетела в воздух и накормила голодного Облакохода и его спутницу. Ребенок поправился и вернулся к своим играм.

"Твои знахари, - сказал брат Немиссы, - пользуются репутацией мудрых только потому, что направляют людей ко мне. Вы думаете, что они очень умны, но все, что они делают, - это советуют вам приносить жертвы мне. Это я исцеляю больных".

Облакоход нашел в этом месте новый источник интереса, но в конце концов прелести небесных просторов стали ему надоедать. Он тосковал по общению с родными, по старым обыденным занятиям земной страны. Короче говоря, он очень затосковал и попросил у жены разрешения вернуться на Землю. С большой неохотой она согласилась.

"Помни, - сказала она, - что я буду иметь право отозвать тебя, когда захочу, ведь ты по-прежнему будешь моим мужем. И прежде всего не женись на земной женщине, иначе тебя постигнет моя месть".

Юноша с готовностью пообещал соблюдать ее предписания. И он лег спать, а проснувшись немного позже, обнаружил себя лежащим на траве неподалеку от отцовского жилища. Родители радостно приветствовали его. По их словам, он отсутствовал уже больше года, и они не надеялись увидеть его снова.

Воспоминания о его пребывании среди Звездного народа постепенно поблекли и превратились в тусклое воспоминание. Постепенно, забыв оставленную там жену, он женился на молодой и красивой женщине из своей собственной деревни. Через четыре дня после свадьбы она умерла, но Облакоход не извлек урока из этого прискорбного случая. Он женился на третьей жене. Но однажды он пропал, и о нем больше не было слышно. Его жена-Звезда отозвала его на небо.

Муж снежного человека

В одной из северных деревень алгонкинов жила молодая девушка, настолько изысканно красивая, что привлекала множество поклонников. Слава о ее красоте распространилась далеко и широко, и воины и охотники стекались к жилищу ее отца, чтобы посмотреть на нее. По всеобщему согласию она получила имя "Красавчик". Один из храбрецов, который наиболее усердно обращался к ней, был прозван "Изящным" за богатство костюма и благородство черт лица. Желая узнать свою судьбу, юноша открыл тайну своей любви к Красавчику другому своему жениху и предложил, чтобы они вдвоем в тот же день подошли к ней и попросили руки невесты. Но кокетливая девица презрительно отмахнулась от молодых храбрецов и, чтобы усугубить унижительность своего отказа, повторила его прилюдно у отцовского дома. Элегант, отличавшийся повышенной чувствительностью, был так унижен и оскорблен, что слег с нездоровьем. На его душе поселилась глубокая меланхолия. Он отказывался от пищи и часами сидел, устремив глаза в землю, в угрюмом созерцании. Глубокое чувство позора овладело им, и, несмотря на доводы родственников и товарищей, он все больше погружался в летаргию. В конце концов он улегся в постель, и даже когда его семья готовилась к ежегодной миграции, обычной для племени, он отказался подняться с нее, хотя они сняли палатку с его головы и упаковали ее для транспортировки.

Месть влюбленного

После отъезда семьи Элегант обратился к своему духу-хранителю или тотему с просьбой отомстить ему за девицу, которая повергла его в уныние. Переходя от домика к домику, он собрал все тряпки, которые смог найти, и, размяв снег на каркасе из костей животных, слепил из него фигуру человека, которого облачил в собранные лоскуты, покрыв все блестящими бусами и перьями так, что он предстал в очень внушительном виде. С помощью волшебного искусства он оживил эту необычную фигуру, вложил в ее руки лук и стрелы и дал ей имя Моовис.

Вместе они отправились к новому лагерю племени. Благодаря блестящей внешности Моовиса все приняли его с особым почетом. Вождь племени попросил его войти в его жилище и принимал его как почетного гостя. Но ни один из них не был так поражен благородной походкой незнакомца, как Красавчик. Ее мать попросила его принять гостеприимство в ее доме, который он должным образом украсил своим присутствием, но, не имея возможности подойти слишком близко к очагу, на котором горел большой огонь, он поставил между собой и пламенем мальчика, чтобы не рисковать расплавиться. Вскоре по лагерю разнеслась весть о том, что Моовис собирается жениться на Красавчике, и свадьба была отпразднована. На следующий день Моовис объявил о своем намерении отправиться в дальнее путешествие. Красавица умоляла разрешить ей сопровождать его, но он отказался, сославшись на то, что расстояние слишком велико, а усталость и опасности пути окажутся непосильными для ее сил. Однако в конце концов она преодолела его сопротивление, и они отправились в путь.

Странное превращение

Непростой и суровый путь пришлось преодолеть новоиспеченной супружеской паре. На каждом шагу они встречали препятствия, и несчастному Красавчику, чьи ноги были изрезаны и кровоточили, было труднее всего поспевать за своим более активным мужем. Сначала было жутко холодно, но вскоре выглянуло солнце и засияло во всю свою мощь, так что девушка забыла о своих бедах и начала весело петь. Но с появлением светила с ее супругом постепенно произошла странная перемена. Сначала он пытался держаться в тени, чтобы избежать золотых лучей, которые, как он знал, означали для него смерть, но все было без толку. Воздух постепенно становился теплее, и постепенно он растворился и рассыпался на части, так что его обезумевшая жена теперь видела только его одежду, кости, составлявшие его каркас, и вульгарные плюмажи и бусы, которыми он был украшен. Долго искала она его настоящего, думая, что ее разыграли; но в конце концов, изнемогая от усталости и горя, она упала на землю и с его именем на устах испустила последний вздох. Так Элегант был отомщен.

Дух-невеста

Рассказывают историю о молодом алгонкинском храбреце, чья невеста умерла в день, назначенный для их свадьбы. До этого печального события он был самым смелым и энергичным из воинов и самым искусным охотником, но после этого его гордость и храбрость, казалось, покинули его. Друзья тщетно уговаривали его отправиться в погоню и умоляли проявлять больший интерес к жизни. Чем больше они на него давили, тем больше он становился меланхоличным, и в конце концов большую часть времени он проводил у могилы своей невесты.

Moowis has melted in the Sun

162

Моовис растаял на солнце

Однако однажды он был выведен из состояния апатии, услышав, как несколько стариков обсуждают существование пути в мир духов, который, по их мнению, лежит на юге. В груди молодого храбреца зажегся огонек надежды, и он, измученный горем, вооружился и отправился на юг. Долгое время он не замечал заметных изменений в окружающей обстановке - реки, горы, озера и леса были такими же, как в его родной стране. Но после

многодневного изнурительного путешествия ему показалось, что он увидел разницу. Небо было более голубым, прерия - более плодородной, пейзаж - более великолепным. По разговору, который он подслушал перед тем, как отправиться в путь, молодой храбрец понял, что приближается к миру духов. Только выйдя из раскинувшегося леса, он увидел перед собой маленький домик, стоящий на холме. Подумав, что его обитатели могут указать ему путь к цели, он забрался в домик и обратился к пожилому человеку, стоявшему в дверях.

"Не подскажете ли вы мне дорогу в мир духов?" - спросил он.

Остров блаженных

"Да, - серьезно ответил старик, отбрасывая плащ из лебединой шкуры. "Всего несколько дней назад та, кого ты ищешь, покоилась в моем домике. Если ты оставишь здесь свое тело, то сможешь последовать за ней. Чтобы добраться до Острова блаженных, вы должны пересечь тот залив, который видите вдали. Но я предупреждаю, что переправа будет нелегким делом. Вы все еще хотите идти?"

"О, да, да", - с нетерпением воскликнул воин и, произнеся эти слова, почувствовал, как ему стало неожиданно легче. Да и вся обстановка вокруг изменилась. Все выглядело более ярким и неземным. Через мгновение он обнаружил, что идет сквозь заросли, которые не оказывают ему никакого сопротивления, и понял, что он - дух, путешествующий в мире духов. Когда он добрался до залива, на который указал старик, то, к своему восторгу, обнаружил на берегу готовое чудесное каноэ. Оно было вырезано из одного белого камня и сверкало и переливалось на солнце, как драгоценный камень. Воин не терял времени, чтобы сесть в него, и, отплыв от берега, увидел, как его прекрасная невеста садится в такое же каноэ, как у него, и подражает всем его движениям. Бок о бок они направились к Острову блаженных, очаровательному лесистому островку, расположенному посреди воды, словно изумруд в серебре. Когда они прошли примерно половину пути, внезапно поднялась буря, и огромные волны грозили поглотить их. К этому времени многие другие люди уже отправились в опасные воды, и некоторые из них погибли в неистовой буре. Но юноша и дева по-прежнему храбро сражались, не теряя друг друга из виду. Поскольку они были добры и невинны, Хозяин Жизни распорядился, чтобы они благополучно добрались до прекрасного острова, и после изнурительной борьбы они почувствовали, как их каноэ причалило к берегу.

Рука об руку влюбленные шли среди прекрасных пейзажей и звуков, которые отовсюду доносились до их глаз и ушей. От недавнего шторма не осталось и следа. Море было гладким, как стекло, а небо - чистым, как хрусталь. Юноше и его невесте казалось, что они могут бродить так вечно. Но в конце концов слабый, приятный голос велел юноше вернуться в свой дом на Земле.

Хозяин жизни

"Ты должен закончить свой смертный путь, - тихо прошептал он. "Ты станешь великим вождем среди своего народа. Управляй мудро и хорошо, и когда твоя земная карьера

закончится, ты вернешься к своей невесте, которая навеки сохранит свою молодость и красоту".

Юноша узнал в этом голосе голос Хозяина жизни и с грустью простился с женщиной. Однако теперь он не терял надежды и с нетерпением ждал нового, более прочного воссоединения.

Вернувшись к домику старика, он вновь обрел свое тело, отправился домой, как велел ему нежный голос с острова, и на долгие годы стал отцом своего народа. Своим справедливым и добрым правлением он завоевал сердца всех, кто его знал, и обеспечил себе безопасный путь на Остров блаженных, куда он, наконец, прибыл, чтобы обрести вечное счастье со своей прекрасной невестой.

Сердце выдры

В сердце огромного леса лежало безымянное маленькое озеро, а у его берега жили двое детей. Злые колдуны убили их родителей, когда те были еще в нежном возрасте, и маленьким сиротам пришлось выживать самим. Младший из них, мальчик, научился стрелять из лука и стрел, и вскоре приобрел такое мастерство, что редко возвращался с охоты без образца своего мастерства в виде птицы или зайца, которых его старшая сестра одевала и готовила.

Когда мальчик подрос, он, естественно, почувствовал необходимость в каком-то другом товариществе, кроме сестры. Во время долгих одиноких путешествий в поисках пищи он много думал о большом мире за барьером тихого, безмолвного леса. Он жаждал услышать человеческие голоса, которые заменили бы шелест деревьев и крики птиц.

"Неужели во всем мире нет индейцев, кроме нас самих?" - с тоской спрашивал он.

"Не знаю", - неизменно отвечала его сестра. Занятая своими домашними делами, она ничего не знала о странных мыслях, которые роились в голове брата.

Но однажды он вернулся из погони в таком недовольном настроении, что его волнения уже не могли остаться незамеченными. В ответ на просьбы сестры он резко сказал:

"Сделай мне десять пар мокасин. Завтра я собираюсь отправиться в большой мир".

Девушка была сильно встревожена этим сообщением, но, как хорошая индейская дева, выполнила его просьбу и хранила почтительное молчание.

Рано утром следующего дня юноша, которого звали Выдра-сердце, отправился на поиски. Вскоре он пришел на поляну в лесу, но, к своему разочарованию, обнаружил, что пни старые и гнилые.

"Давно, очень давно, - печально сказал он, - здесь не было индейцев".

Чтобы найти дорогу назад, он повесил на ветку дерева пару мокасин и продолжил путь. Через некоторое время он добрался до других вырубок, на каждой из которых были следы более недавних занятий, чем на предыдущей, но все равно ему казалось, что прошло много времени с тех пор, как деревья были срублены, поэтому он вешал пару мокасин на каждом этапе своего путешествия и продолжал свой путь в поисках людей.

Наконец он увидел перед собой индейскую деревню, к которой подошел со смешанным чувством радости и трепета, что вполне естественно, если вспомнить, что с раннего детства он не разговаривал ни с кем, кроме своей сестры.

Игроки в мяч

На окраине деревни несколько подростков примерно его возраста играли в мяч, и они вежливо пригласили незнакомца присоединиться. Очень скоро он забыл о своей природной застенчивости настолько, что включился в игру с искренним интересом и удовольствием. Его новые товарищи, в свою очередь, были поражены его мастерством и ловкостью и, желая оказать ему честь, привели его в большой дом и представили своему вождю.

У вождя было две дочери, одну из которых звали "Добрая", а другую - "Злая". Для гостя эти имена звучали весьма многозначительно, и он был несколько смущен, когда вождь попросил его жениться на девушках.

"Я женюсь на "Доброй", - заявил он.

Но вождь не согласился.

"Ты должен жениться на обеих", - твердо сказал он.

Перед героем встала дилемма: он не хотел жениться на крестовой, уродливой сестре. Он изо всех сил пытался придумать, как выкрутиться.

"Я собираюсь навестить такого-то и такого-то", - сказал он наконец, назвав имя одного из своих товарищей по балу, и тщательно оделся, как будто собирался нанести торжественный визит.

Но как только он скрылся из виду, он сорвался с места и изо всех сил побежал в лес. А девы тем временем сидели и ждали своего суженого. Когда прошло несколько часов, а он все не появлялся, они встревожились и отправились на его поиски.

Ближе к ночи юный Выдра-сердцеед сбавил скорость. "Теперь я в полной безопасности", - подумал он. Он не знал, что в распоряжении сестер есть все возможности магии. Вдруг он услышал позади себя дикий хохот. Узнав пронзительный голос Злыдни, он понял, что его обнаружили, и бросился искать убежище. Единственным подходящим местом оказались ветви густой ели, и почти сразу же, как только эта мысль пришла ему в голову, он оказался на вершине. Его удовлетворение было недолгим. Через мгновение женский смех разразился с новой силой, и они принялись валить дерево. Но и сам Выдра-Сердце был не без некоторого знакомства с магическим искусством. Сорвав с верхушки дерева небольшую еловую шишку, он подбросил ее в воздух, вскочил на нее и проскакал вниз ветра полмили или больше. Сестры, поглощенные работой по спиливанию дерева, не заметили, как их птица улетела. Когда, наконец, огромная ель рухнула на землю, а юноши нигде не было видно, преследователи в ярости и разочаровании рвали на себе волосы.

Хитрость Выдры-Сердца

Только на следующий вечер они снова настигли Выдриное Сердце. На этот раз он зашел в дупло кедра, твердая древесина которого, как он думал, не выдержит их топоров. Но он недооценил энергию сестер. Через некоторое время на дереве проявились последствия их ударов, и Выдра-Сердце призвал своего духа-хранителя сломать один из топоров.

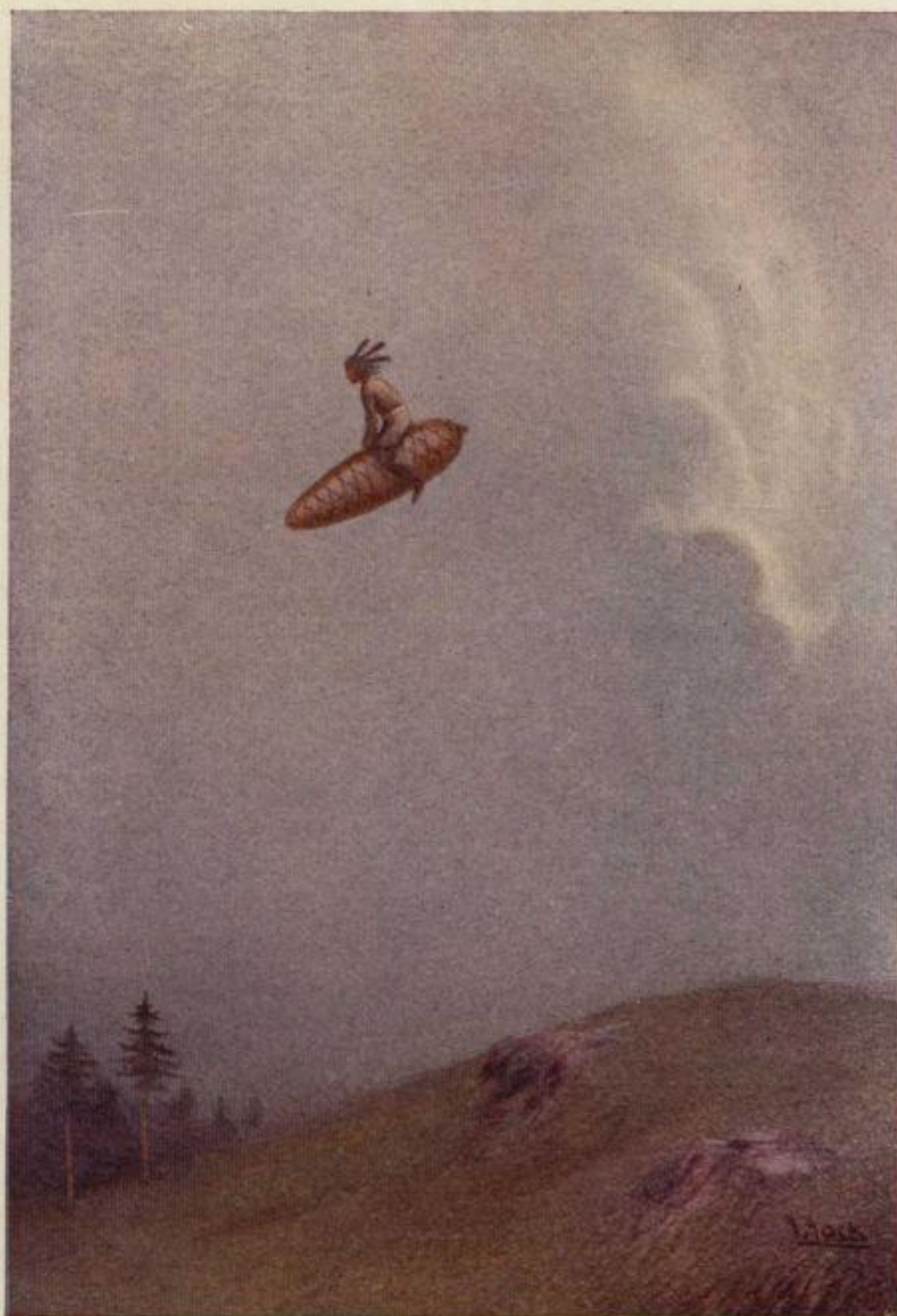
Его желание было быстро исполнено, но вторая сестра продолжила работу с еще большей энергией. Выдра-сердце пожелал, чтобы сломался другой топор, и его желание снова исполнилось. Сестры были в растерянности, не зная, что делать.

"Мы не можем взять его силой, - сказала одна из них, - мы должны взять его хитростью. Пусть каждая сделает все, что в ее силах, и та, кому он достанется, оставит его себе".

И они ушли, а Выдровое Сердце смог выйти из своей тюрьмы. Он прошел еще день пути от этого места и, наконец, добравшись до места, где, по его мнению, он был в безопасности, положил свое одеяло и отправился на поиски пищи. Удача благоволила охотнику, и вскоре он вернулся с прекрасным бобром. Каково же было его изумление, когда на месте оставленного им одеяла он увидел красивый домик!

"Наверное, это опять те женщины", - пробормотал он, собираясь улететь. Но от домика исходил такой теплый свет, а он так устал и проголодался, что поборол свой страх и вошел внутрь. Внутри он обнаружил высокую, худую женщину, бледную и с голодными глазами, но довольно симпатичную. Взяв бобра, она принялась его готовить. По мере того как она это делала, Выдра-Сердце заметил, что она сама съела все лучшие части, а когда еда была убрана, ему остались только самые бедные куски. Это было так не похоже на индейскую хозяйку, что он бросил ей упрек и обвинил в жадности. Пока он говорил, с ней произошла любопытная перемена. Черты ее лица стали длиннее и тоньше. В одно мгновение она превратилась в волка и скрылась в лесу. Это была Злая, которая с помощью магии сделала себя красивой, но не смогла скрыть свою прожорливую натуру.

Выдра-сердце был рад, что узнал ее. Он отправился еще дальше, постелил одеяло и пошел искать дичь. На этот раз несколько бобров вознаградили его за ловкость, и он отнес их к тому месту, где оставил свое одеяло. Там был построен еще один красивый домик! Как никогда ему хотелось убежать, но голод и усталость снова задержали его.

“He rode down the wind”

168

"Он ехал против ветра".

"Возможно, это Добро, - сказал он. "Я войду внутрь, и если она положит мое одеяло рядом со своей кушеткой, я приму это за знак, и она станет моей женой".

Женщина-бобр

Он вошел в домик и обнаружил там маленькую симпатичную женщину, занятую домашними делами. Конечно же, она положила его одеяло рядом со своей кушеткой. Когда она одела и приготовила бобров, то отдала самые вкусные кусочки мужу, который был очень доволен своей женой.

Услышав ночью какой-то звук, Выдра-сердце проснулся и ему привиделось, что жена жует бересту. Когда утром он рассказал ей об этом сне, она не рассмеялась, а выглядела очень серьезной.

"Скажи мне, - спросил Выдра-Сердце, - почему ты вчера так внимательно рассматривала бобров?"

"Это были мои родственники, - ответила она, - мой двоюродный брат, моя тетя и мой двоюродный дедушка".

Выдра-сердце обрадовался как никогда, ведь выдры, его тотемные родственники, и бобры всегда были в очень хороших отношениях. Он пообещал больше никогда не убивать бобров, а только оленей и птиц, и они с женой, Доброй, долго и счастливо жили вместе.

Жены фей

Жили-были в лесу два храбреца, одного из которых звали Лось, а другого - Куница. Лось был большим охотником и никогда не возвращался с охоты без прекрасного оленя или буйвола, которых он отдавал своей старой бабушке, чтобы она приготовила из них еду. Куница же, напротив, был лентяем и никогда не охотился, если мог добыть пищу другим способом. Когда Лось приносил домой трофей, подтверждающий его мастерство в охоте, Мартен отправлялся в домик своего друга и выпрашивал порцию мяса. Лось, будучи добродушным парнем, обычно давал ему то, что он просил, к негодованию старой бабушки, которая заявляла, что ленивому существу лучше научиться работать на себя.

"Не поощряй его безделье, - сказала она внуку. "Если ты перестанешь давать ему еду, он пойдет и будет охотиться сам".

Лось согласился со старухой и, убив в очередной экспедиции медведя, велел бабушке спрятать его, чтобы Мартен ничего об этом не узнал.

Однако когда пришло время готовить медвежатину, бабушка обнаружила, что ее котелок не держать воду, и, вспомнив, что у Мартена только что появился новый хороший котелок, пошла одолжить его.

"Я хорошенько вымою его, прежде чем вернуть, - подумала она. "Он никогда не узнает, для чего он мне нужен".

Но Мартен очень хорошо догадался, поэтому, прежде чем отдать чайник, он наложил на него заклинание, а после отправился к домику Лося. Заглянув туда, он увидел огромное количество медвежьего мяса.

"Завтра у меня будет отличный пир", - сказал он, смеясь, и тихонько ушел, чтобы его не заметили.

На следующий день старая бабушка Лося взяла одолженный чайник, тщательно вымыла его и отнесла хозяйке. Ей и в голову не приходило, что он может что-то заподозрить.

"О, - сказал Мартен, - какой прекрасный котелок медвежьего мяса ты мне принесла!"

"Я ничего вам не принесла", - изумленно начала старуха, но, взглянув на чайник, увидела, что он полон дымящегося медвежьего мяса. Она была сильно смущена и поняла, что Мартен разгадал ее замысел с помощью магического искусства.

Лось требует жену

Хотя Мартен был далеко не так храбр и не так трудолюбив, как Лось, у него было две очень красивые жены, а у его товарища - ни одной. Лосю это показалось несправедливым, и он решил попросить у Мартена одну из своих жен. На это Мартен не согласился, как и на то, чтобы отдать одну из женщин Лосю, так что храбрецам ничего не оставалось, как сражаться за жен, которые, как неизвестно их мужу, были феями. И они сражались, и в тот день, и на следующий, и на следующий, пока это не вошло у них в привычку, и они дрались так же регулярно, как спали.

Утром Лось говорил: "Отдай мне одну из своих жен". "Сам греби на каноэ", - отвечал Мартен, и начиналась драка. На следующее утро Лось снова сказал: "Отдай мне одну из своих жен". "Лови рыбу сам", - отвечали ему, и ссора продолжалась, а аргументами служили томагавки.

"Отдай мне одну из своих жен", - упорствовал Лось.

"Снимай шкуру с кроликов!"

Тем временем женам Мартена надоели постоянные стычки. И они решили сбежать. Лось и Мартен их не заметили: они были слишком заняты исправлением ситуации.

Весь день супруги феи, которых звали Проныра, путешествовали так быстро, как только могли, потому что не хотели быть пойманными. А когда наступила ночь, они улеглись на берегу ручья и стали смотреть на звезды, сияющие сквозь ветви сосен.

"Если бы ты была Девой-Звездой, - сказал один из них, - и хотела бы выйти замуж за звезду, какую бы ты выбрала?"

"Я бы вышла замуж за ту маленькую, ярко-красную", - ответила другая. "Я уверена, что он должен быть веселым парнем".

"А я, - сказала ее спутница, - хотела бы выйти замуж за большую желтую. Думаю, он должен быть великим воином". И с этими словами она заснула.

Красная звезда и желтая звезда

Проснувшись утром, феи обнаружили, что их желания исполнились. Одна из них стала женой большой желтой звезды, а другая - женой маленькой красной.

Это была работа индейского духа, в обязанности которого входит наказывать неверных жен, и который подслушал их разговоры предыдущей ночью. Зная, что исполнение их желаний будет лучшим наказанием, он перенес их в Звездную страну, где они сочетались браком со звездами по своему выбору. И это было наказание, потому что Желтая звезда была свирепым воином, который напугал свою жену почти до смерти, а Красная звезда была раздражительным стариком, и жена была вынуждена ждать его с рук до ног. Вскоре феи обнаружили, что их жизнь в Звездной стране очень утомительна, и пожалели, что не покинули свой дом.

Недалеко от их домиков лежал большой белый камень, к которому мужья запрещали им прикасаться, но однажды любопытство побудило их снять его. Далеко внизу они увидели Земную страну, и им стало еще грустнее и тоскливее, чем прежде. Звездные мужья, чья волшебная сила подсказывала им, что их жены были непослушны, на самом деле не были жестокими или недобрыми в душе, поэтому они решили позволить феям вернуться на землю.

"Нам не нужны жены, которые не слушаются, - сказали они, - поэтому вы можете отправиться в свою страну, если хоть раз будете послушны".

Феи с радостью пообещали сделать все, что от них потребуется, если они смогут вернуться домой.

"Очень хорошо", - ответили звезды. "Ночью вы должны спать, а утром проснетесь и услышите песню чикады, но не открывайте глаза. Затем ты услышишь голос белки-землеройки, но не вставай. Рыжую белку вы тоже услышите, но успех нашей затеи зависит от того, будете ли вы молчать. Только когда услышите полосатую белку, можете вставать".

Возвращение на Землю

Феи легли на свой диван и уснули, но сон их был нарушен нетерпением. Утром их разбудил своей песней жаворонок. Младшая фея нетерпеливо поднялась, но другая удержала ее.

"Давай подождем, пока не услышим полосатую белку", - сказала она.

Когда раздалась нота рыжей белки, младшая фея уже не могла сдерживать свое нетерпение. Она вскочила на ноги, увлекая за собой свою спутницу. Они действительно достигли Земной страны, но это мало им помогло: они оказались на самых верхних ветвях самого высокого дерева в лесу, и у них не было никакой возможности спуститься вниз. Напрасно они звали на помощь птиц и зверей: все существа были слишком заняты, чтобы обращать внимание на их беду. Наконец под деревом прошел россомах Локс, и, хотя он был самым злым из зверей, ласки обратились к нему за помощью.

"Если вы пообещаете прийти в мой домик, - сказал Локс, - я помогу вам".

"Мы построим для вас домики", - воскликнула старшая фея, которая думала о том, как бы сбежать.

"Хорошо, - сказал Локс, - я спущу вас вниз".

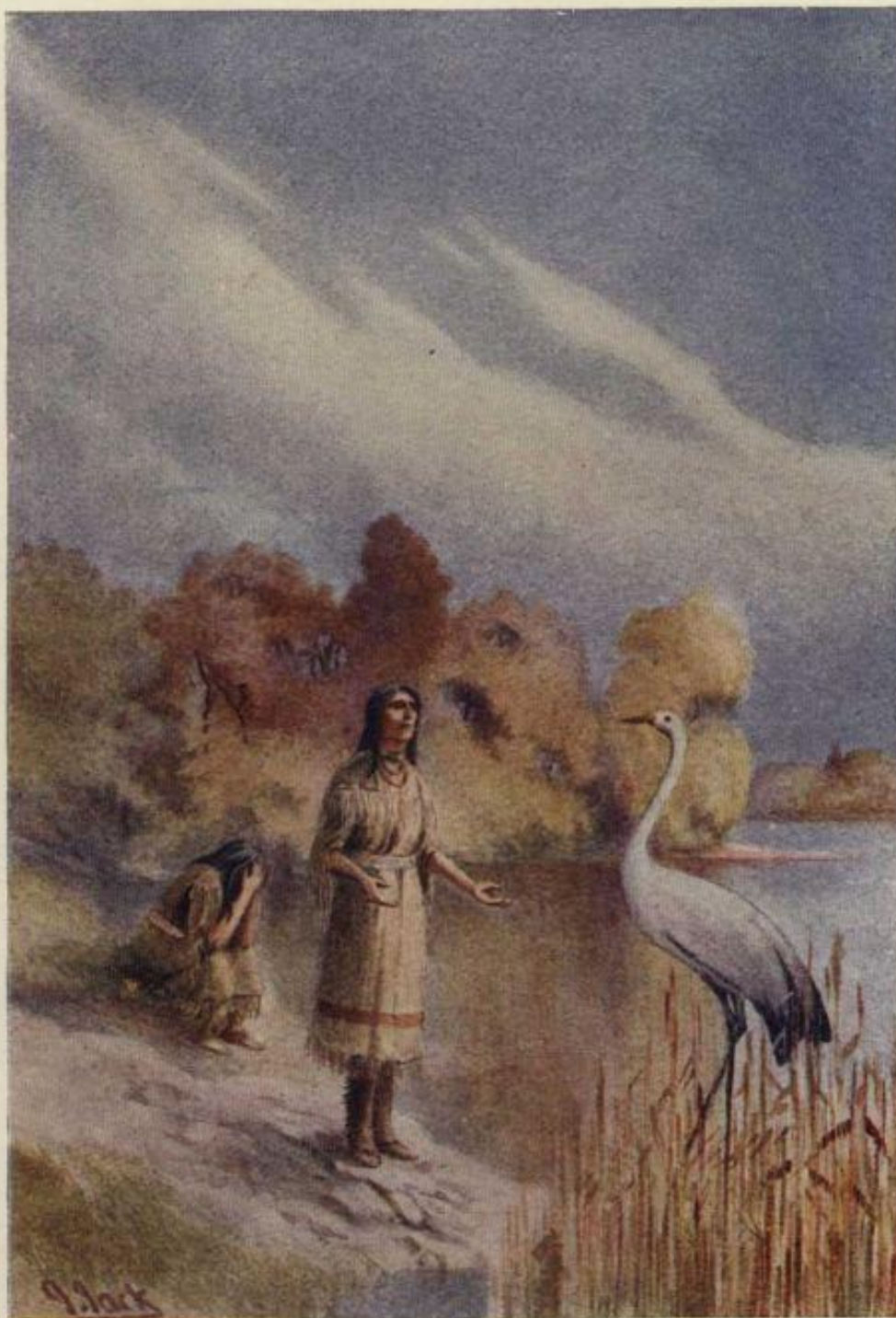
Пока он спускался с дерева вместе с младшей из фей, старшая намотала на ветки свою волшебную веревку для волос, искусно завязав ее узлом, так что распутать ее было не легкой задачей. Когда ее, в свою очередь, спустили на землю, она попросила Локса вернуться за своей прядью, которая, по ее словам, запуталась в ветвях.

"Только не порви ее, - добавила она, - потому что, если ты порвешь ее, мне не будет удачи".

Побег от Локса

Локс снова взобрался на высокую сосну и стал бороться с узлами, которые завязала хитрая фея. Тем временем ласки построили ему вигвам. Они набили его колючками, кустарниками и всякими колючими штуками и уговорили своих друзей - муравьев и шершней - свить внутри гнезда. Локсу потребовалось так много времени, чтобы развязать завязанный узлом шнурок, что когда он спустился, было уже совсем темно. Он был в очень плохом настроении и со злостью протиснулся в новый домик. Все маленькие существа тут же набросились на него, муравьи кусали его, колючки кололи, так что он закричал от злости и боли.

Феи убежали так быстро, как только могли, и в конце концов оказались на берегу широкой реки. Младшая села на землю и начала плакать, думая, что Локс обязательно их догонит. Но старшая оказалась находчивее. Она увидела журавля, который был паромщиком, стоящим неподалеку, и спела очень милую песенку, восхваляя его длинные ноги и мягкие перья.

“ ‘Will you carry us over the river ?’ she asked ”

174

"Перевезешь ли ты нас через реку?" - спросила она.

"Перевезешь ли ты нас через реку?" - спросила она в конце концов.

"Охотно", - ответил журавль, который был очень восприимчив к лести, и переправил их через реку.

Они успели как раз вовремя. Едва они достигли противоположного берега, как на сцене появился Локс, очень сердитый и запыхавшийся.

"Переправь меня на другой берег, Старый Кривоногий", - сказал он и добавил другие, еще более нелицеприятные слова.

Журавль был в ярости, но ничего не сказал и понес Локса по реке.

"Я вижу вас, - крикнул Локс дрожащим феем. "Скоро ты будешь у меня!"

"Не получишь, злюка", - сказал Журавль и бросил Локса в самую глубину потока.

Феи повернулись лицом к дому и больше его не видели.

Злая свекровь

Легенда оджибвеев или чиппевеев рассказывает об охотнике, который был очень предан своей жене. В доказательство своей привязанности он дарил ей самые нежные кусочки убитой им дичи. Это вызывало ревность и зависть его матери, которая жила с ними и считала, что эти маленькие лакомства должны доставаться ей, а не молодой женщине. Та, совершенно не понимая отношения свекрови, готовила и ела подарки, которые приносил ей муж. Будучи женщиной мягкого и приятного нрава, которая большую часть времени уделяла домашним делам и присмотру за своим ребенком и маленьким мальчиком-сиротой, которого она усыновила, она попыталась подружиться со старой дамой, и была огорчена и разочарована, когда та не ответила на ее ухаживания.

Свекровь лелеяла свою обиду до тех пор, пока она не стала казаться ей гигантских размеров. Ее сердце все больше и больше чернело от обиды на жену сына, и в конце концов она решила убить ее. Некоторое время она не могла придумать, как привести свой злой умысел в действие, но в конце концов ей пришел в голову план.

Однажды она исчезла из домика и вернулась через некоторое время очень счастливой и благодушной. Младшая женщина была удивлена и обрадована этой переменой. Это был совсем другой человек, нежели ворчливая, раздражительная старая тварь, которая превратила ее жизнь в тяжкое бремя! После этого старуха неоднократно уходила из дома, но каждый раз возвращалась с довольной и счастливой улыбкой на морщинистом лице. В конце концов жена позволила своему любопытству взять верх, и она спросила, в чем смысл счастья свекрови.

Смертельный взмах

"Если хочешь знать, - ответила старуха, - я сделала красивые качели у озера, и всегда, когда я качаюсь на них, мне так хорошо и радостно, что я не могу не улыбаться".

Молодая женщина попросила, чтобы ей тоже разрешили покачаться на качелях.

"Завтра ты можешь сопровождать меня", - был ответ. Но на следующий день у старухи нашлась отговорка, и так день за днем, пока любопытство жены ее сына не стало очень острым. И вот, когда старуха сказала однажды: "Пойдем со мной, я отведу тебя на качели. Привяжи своего малыша и оставь его на попечение сироты", - та охотно согласилась и через мгновение уже была готова идти со свекровью.

Когда они дошли до берега озера, то обнаружили свесившуюся над водой тонкую сажень.

"Вот мои качели, - сказала старуха, откинула халат, прикрепила к поясу и к сажени ремешок и стала раскачиваться над озером. Она так много смеялась и, казалось, находила это занятие таким приятным, что ее невестке как никогда захотелось попробовать самой.

"Давай я завяжу тебе шнурок, - сказала старуха, когда ей надоело качаться. Ее спутница скинула халат и позволила завязать кожаный шнурок вокруг своей талии. Когда все было готово, ей приказали раскачиваться. Она бесстрашно поплыла по воде, но в этот момент ревнивая свекровь перерезала ремешок, и она упала в озеро.

Ликуя от успеха своего жестокого замысла, старая тварь переоделась в одежду своей жертвы и вернулась в домик. Но ребенок плакал и не хотел, чтобы она его кормила, и мальчик-сирота тоже плакал, ведь эта женщина была ему почти матерью с тех пор, как умерли его родители.

"Где же мать ребенка?" - спросил он, когда прошло несколько часов, а она все не возвращалась.

"На качелях", - грубо ответила старуха.

Когда охотник вернулся с охоты, он, как обычно, взял с собой несколько кусочков дичи для жены и, даже не подумав о том, что женщина, склонившаяся над ребенком, может быть не она, отдал их ей. В домике было темно, так как наступил вечер, а мать была одета в одежду его жены и подражала ее голосу и движениям, так что его ошибка не была удивительной. Она с жадностью схватила нежные куски мяса, приготовила и съела их.

Сердце маленького сироты так болело, что он не мог уснуть. Среди ночи он встал и пошел искать свою приемную мать. Внизу у озера он нашел качели с перерезанными ремешками и понял, что ее убили. Горько плача, он прокрался домой к своей кушетке, а утром рассказал охотнику обо всем, что видел.

"Ничего не говори, - сказал вождь, - но иди со мной на охоту, а вечером возвращайся с ребенком на берег озера, пока я буду молиться Маниту, чтобы он вернул мне жену".

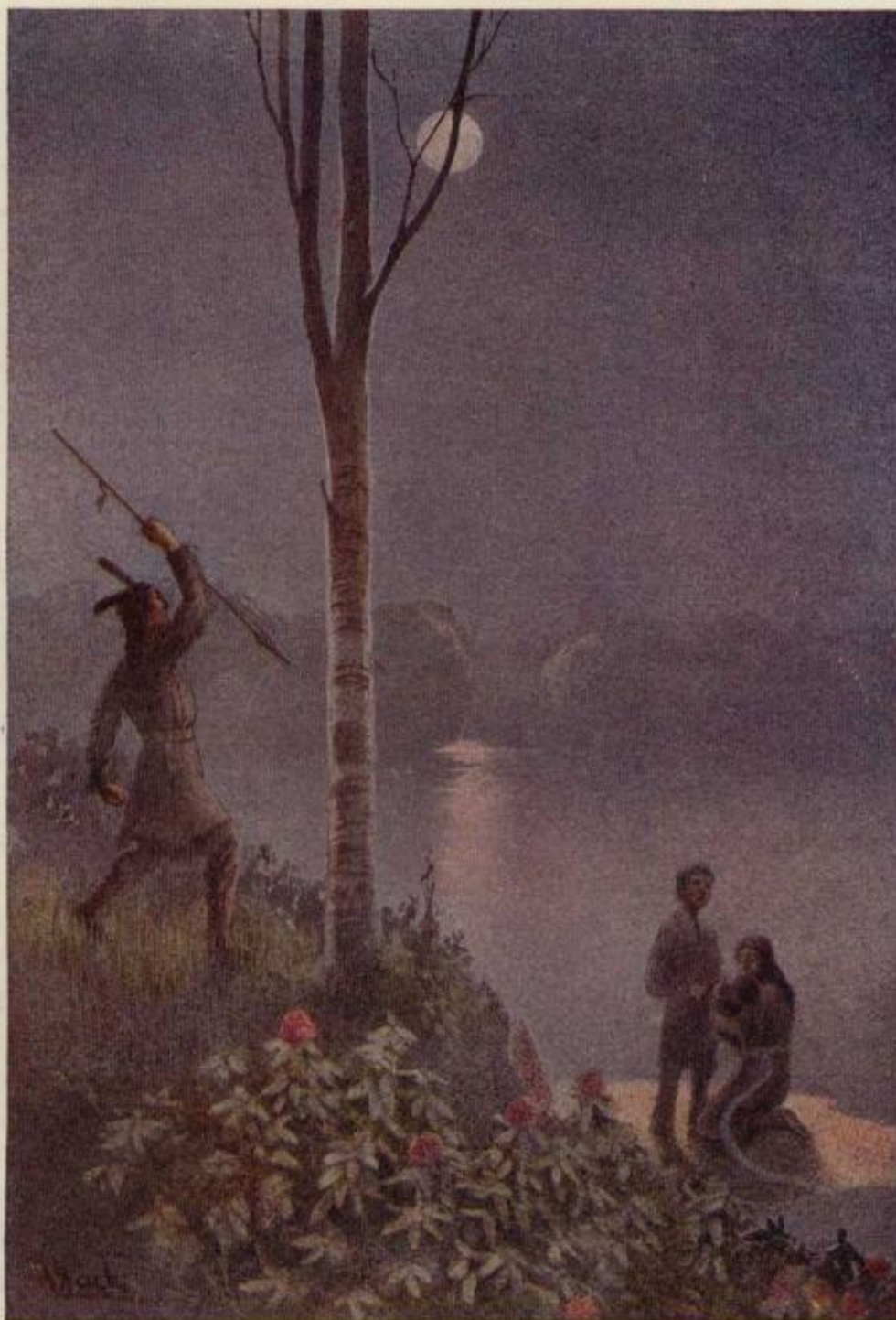
Серебряный пояс

И они отправились на поиски дичи, не сказав старухе ни слова; не стали задерживаться, чтобы поесть, а отправились в путь сразу же, как только стало светать. На закате они добрались до берега озера, и сирота понесла ребенка. Здесь охотник наложил на лицо черную повязку и стал истово молиться, чтобы Великий Маниту вернул ему жену. Пока он молился, сирота развлекал ребенка, напевая причудливые песенки, но в конце концов малыш устал и проголодался и начал плакать.

Далеко в озере его мать услышала этот звук и пронеслась над водой в облике большой белой чайки. Когда она коснулась берега, то снова стала женщиной и обняла ребенка от всего сердца. Мальчик-сирота умолял ее вернуться к ним.

"Увы!" - сказала она, - "я попала в руки Водяного Маниту, и он обвинил меня своим серебряным хвостом, так что я никогда не смогу убежать".

Пока она говорила, маленький мальчик увидел, что ее талию опоясывает лента из сверкающего серебра, один конец которой находился в воде. В конце концов она заявила, что ей пора возвращаться в дом бога воды, и, взяв с мальчика обещание, что он будет каждый день приносить ей туда ребенка, снова превратилась в чайку и улетела. Охотнику сообщили обо всем, что произошло, и он сразу же решил, что будет присутствовать при этом на следующий вечер. Весь следующий день он постился и молил Маниту о доброй воле, а когда наступила ночь, спрятался на берегу, пока не появилась его жена. Поспешно выйдя из укрытия, охотник поднял копье и со всей силой ударил по поясу. Серебряная лента разошлась, и женщина смогла вернуться домой вместе с мужем.

“He poised his spear and struck the girdle”

178

"Он поднял копье и ударил по поясу".

Обрадованный ее восстановлением, он бережно повел ее к домику, где у огня сидела его мать. При виде невестки, которую она считала утонувшей в озере, она вскочила от страха и удивления, споткнулась, перевесилась и упала в огонь. Прежде чем ее успели вытащить, пламя поднялось до дымового отверстия, а когда огонь утих, женщины там уже не было,

только большая черная птица, которая медленно поднялась из дымящихся углей, вылетела из домика, и больше ее никогда не видели.

Что касается остальных, то они жили долго и счастливо, не тревожимые ревностью и ненавистью злобной короны.

Дух маиса

Чиппевеи рассказывают очаровательную историю о происхождении кукурузы зеа, которая выглядит следующим образом:

Парень четырнадцати или пятнадцати лет жил со своими родителями, братьями и сестрами в прекрасно расположенном маленьком домике. Семья, хотя и бедная, была очень счастлива и довольна. Отец был охотником, не лишенным храбрости и мастерства, но бывали времена, когда он с трудом обеспечивал потребности семьи, а поскольку никто из детей не был достаточно взрослым, чтобы помогать ему, дела у них шли туго. Парень был весел и доволен, как и его отец, и его большим желанием было приносить пользу своему народу. Пришло время соблюдать начальный пост, предписанный всем индейским мальчикам его возраста, и мать устроила для него небольшой постный домик в отдаленном месте, где он не мог бы прервать свое испытание.

Мальчик отправился туда, размышляя о доброте Великого Духа, который создал все прекрасное в полях и лесах для удовольствия людей. Его охватило желание помочь своим товарищам, и он молился, чтобы во сне ему открылись средства для достижения этой цели.

На третий день поста он был слишком слаб, чтобы бродить по лесу, и когда он лежал в состоянии между сном и бодрствованием, к нему подошел прекрасный юноша, богато одетый в зеленые одежды, а на голове у него были чудесные зеленые плюмажи.

"Великий Дух услышал твои молитвы, - сказал юноша, и голос его был подобен вздоху ветра в траве. "Слушай меня, и ты исполнишь свое желание. Встань и поборись со мной".

Борьба

Юноша повиновался. Хотя его конечности были слабы, мозг был ясен и активен, и он чувствовал, что не может не подчиниться мягкому голосу незнакомца. После долгой, молчаливой борьбы тот сказал:

"На сегодня хватит. Завтра я приду снова".

Юноша в изнеможении лег на спину, но на следующее утро незнакомец в зеленом одеянии появился снова, и противостояние возобновилось. По мере борьбы юноша чувствовал, что становится все сильнее и увереннее в себе, и перед тем как покинуть его во второй раз, сверхъестественный посетитель сказал ему несколько слов похвалы и ободрения.

На третий день юноша, бледный и слабый, был снова вызван на поединок. Когда он схватился со своим противником, само соприкосновение, казалось, придало ему новые силы, и он боролся все смелее и смелее, пока его стройный товарищ не был вынужден воскликнуть, что с него хватит. Перед уходом гость сказал парню, что следующий день положит конец его испытаниям.

"Завтра, - сказал он, - твой отец принесет тебе еду, и это поможет тебе. А вечером я приду и поборюсь с тобой. Я знаю, что тебе суждено добиться успеха и исполнить желание своего сердца. Когда ты бросишь меня,ними с меня одежду и плюмаж, похорони меня там, где я упаду, и держи землю надо мной влажной и чистой. Раз в месяц присыпай мои останки свежей землей, и ты снова увидишь меня в моих зеленых одеждах и плюмажах". Сказав так, он исчез.

Заключительное состязание

На следующий день отец юноши принес ему еду, но тот попросил отложить ее до вечера. И снова появился незнакомец. Хотя он ничего не ел, силы героя, как и прежде, росли по мере борьбы, и в конце концов он повалил своего противника. Затем он снял с него одежду и плюмаж и закопал в землю, не без печали в сердце за убийство столь прекрасного юноши.

Выполнив свою задачу, он вернулся к родителям и вскоре полностью восстановил свои силы. Но он никогда не забывал могилу своего друга. Ни одной травинке не позволялось расти на ней, и в конце концов он был вознагражден, увидев, как зеленые плюмажи поднимаются над землей и разрастаются в изящные листья. Когда наступила осень, он попросил отца съездить с ним на это место. К этому времени растение достигло своего полного роста, высокое и красивое, с развевающимися листьями и золотыми кистями. Старший мужчина был переполнен удивлением и восхищением.

"Это мой друг, - прошептал юноша, - друг моей мечты".

"Это Мон-да-мин, - сказал его отец, - зерно духа, дар Великого Духа".

Так маис был подарен индейцам.

Семь братьев

У блэкфитов есть любопытная легенда, объясняющая созвездие, известное как Плуг или Большая Медведица. Однажды в деревне жили вместе девять детей, семь мальчиков и две девочки. Пока шестеро старших братьев находились на тропе войны, старшая дочь, которую звали Женщина в Медвежьей Шкуре, вышла замуж за медведя гризли. Ее отец был так разгневан, что собрал своих друзей и приказал им окружить пещеру гризли и убить его. Когда девушка узнала, что ее супруг убит, она взяла кусок его шкуры и носила его как амулет. Пользуясь сверхъестественной силой своего мужа, однажды темной ночью она превратилась в медведя гризли и пронеслась по лагерю, убивая и разрывая людей, даже

собственных отца и мать, пощадив лишь младшего брата и сестру, Окинаи и Синопу. Затем она приняла свой прежний облик и вернулась в домик, где жили две сироты, которые были сильно напуганы, услышав, как она бормочет про себя, планируя их гибель.

Однажды Синопа отправилась к реке, когда встретила шестерых своих братьев, возвращавшихся с тропы войны. Она рассказала им о том, что произошло в их отсутствие. Они успокоили ее и велели собрать большое количество колючих груш. Она должна была разбросать их перед домиком, оставив лишь небольшую дорожку. В темноте ночи Окинай и Синопа вылезли из домика, пробрались по маленькой тропинке, свободной от колючих груш, и встретили своих шестерых братьев, которые ждали их. Женщина в Медвежьей шкуре услышала, как они выходят из домика, и бросилась на открытое пространство, но наступила на колючие груши. Заревев от боли и гнева, она тут же приняла облик медведицы и яростно бросилась на своих братьев. Но Окинай был на высоте. Он пустил стрелу в воздух, и пока она летела, братья и сестра оказались на таком же расстоянии перед диким зверем, стоявшим позади них.

Погоня

Зверь настигал их, но Окинай взмахнул волшебным пером, и на его пути выросли густые заросли. И снова Женщина в Медвежьей шкуре вырвалась вперед. Окинай вызвала перед собой озеро. И снова она приблизилась к братьям и сестре, и на этот раз Окинай поднял огромное дерево, на которое и забрались беженцы. Однако женщине-гризли удалось стащить с дерева четырех братьев, и тогда Окинай пустил в воздух стрелу. И тут же его младшая сестра взлетела в небо. Еще шесть раз он пускал стрелу, и каждый раз поднимался брат, а за ним и сам Окинай, когда последняя стрела взмывала в синеву. Так сироты стали звездами, и видно, что они заняли на небе то же место, что и на дереве, потому что маленькая звезда на одной стороне кучки - это Синопа, а четверо, сгрудившиеся внизу, - те, кого стащила с ветвей Женщина в Медвежьей шкуре.

Легенда о Бобровом Лекаре[]²

В давние времена жили вместе два брата. Старший, которого звали Нопатсис, был женат на женщине, которая была очень злой и ненавидела его младшего брата Акаяна. Жена ежедневно упрашивала мужа избавиться от Акаяна, но тот не соглашался расстаться со своим единственным братом, ведь они прошли вместе долгие годы лишений - ведь родители оставили их вместе маленькими беспомощными сиротами - и были друг для друга всем. Поэтому жена Нопатсиса прибегла к уловке, хорошо известной женщинам, чьи сердца злы. Однажды, когда муж вернулся из погони, он застал ее в разорванной одежде и в беспорядочном виде. Она рассказала ему, что Акайян жестоко обошелся с ней. Ложь вошла в сердце Нопатсиса и отяжелила его, так что со временем он проникся ненавистью к своему невинному брату и заспорил с самим собой, как ему избавиться от Акаяна.

[2] Первая часть этой легенды имеет точный аналог в египетской истории. См. Wiedemann, *Popular Literature of Ancient Egypt*, p. 45.

Наступило лето, а вместе с ним и сезон линьки, когда дикие водоплавающие птицы сбрасывают свои перья, которыми индейцы оперяют свои стрелы. Недалеко от жилища Нопатсиса находилось большое озеро, куда в большом количестве прилетали эти птицы, и братья отправились туда, чтобы собрать перья для оперения своих дротиков. Чтобы добраться до острова посреди озера, они построили плот из бревен, надежно связанных буйволово́й шкурой. Погрузившись на плот, они приплыли к островку, вдоль берегов которого ходили в поисках подходящих перьев. В поисках они расстались, и через некоторое время Акайян, забредший далеко на берег, вдруг поднял голову и увидел своего брата на плоту, плывущего к материку. Он громко позвал его вернуться, но Нопатсис ответил, что он заслуживает гибели за то, что так жестоко обошелся со своей невесткой. Акайян торжественно поклялся, что не причинил ей никакого вреда, но Нопатсис лишь насмеялся над ним и уплыл. Вскоре он пропал из виду, а Акайян сел и горько заплакал. Он истово молился духам природы, солнцу и луне, после чего почувствовал огромное облегчение. Затем он соорудил укрытие из веток и устроил себе удобную постель из перьев. Он хорошо питался утками и гусями, которые часто посещали остров, и сшил из их шкур теплый халат на зимний сезон. Он также заботился о том, чтобы сохранить многих прирученных птиц для своего зимнего пропитания.

Однажды он наткнулся на домик бобра и, с любопытством разглядывая его, обнаружил, что в нем живет маленький бобренок.

"Мой отец хочет, чтобы ты вошел в его жилище", - сказал зверек. Акайян принял приглашение и вошел в домик, где его принял Великий Бобр в сопровождении жены и семьи. Он действительно был вождем всех бобров и белым от снега бесчисленных зим. Акайян рассказал Бобру, как жестоко с ним обошлись, и мудрый зверь посочувствовал ему и пригласил провести зиму в его домике, где он научится многим удивительным и полезным вещам. Акайян с благодарностью принял приглашение, и когда бобры закрыли свой домик на зиму, он остался с ними. Они согрели его, положив на его тело свои толстые мягкие хвосты, и научили его секретам искусства врачевания, использованию табака и различным церемониальным танцам, песням и молитвам, относящимся к великой тайне "медицины".

Вернулось лето, и при расставании Бобр попросил Акайяна выбрать подарок. Он выбрал младшего ребенка Бобра, с которым у него завязалась крепкая дружба; но отец очень дорожил своим малышом и поначалу не разрешал ему ехать. Однако в конце концов Великий Бобр поддался на уговоры Акайяна и разрешил ему взять с собой Маленького Бобра, посоветовав по прибытии в родную деревню соорудить священный Бобровый Узелок.

В свое время Нопатсис приплыл на плоту к острову и, убедившись, что его брат мертв, начал искать его останки. Но пока он искал, Акайян подхватил Маленького Бобра на руки и, сев на плот, отправился на материк, за которым его заметил Нопатсис. Прибыв в родную деревню, Акайян рассказал свою историю вождю, собрал бобровый пучок и начал обучать людей таинству "медицины" с сопутствующими песнями и танцами. Затем он пригласил вождя

звериных племен поделиться своими знаниями с Бобровым Лекарством, что многие из них и сделали.

Выполнив свою задачу по обучению, которая занимала его всю зиму, Акайян вернулся на остров с Маленьким Бобром, который оказал ему огромную услугу в обучении индейцев песням и танцам "медицины". Он вернул Маленького Бобра родителям и получил взамен священную трубку, а также обучил его сопутствующим песням и церемониальным танцам. На острове он нашел кости своего доверчивого и мстительного брата, которого постигла участь, предначертанная им для невинного Акайяна. Каждую весну Акайян навещал бобров и так же регулярно получал что-то для пополнения бобрового медка, пока тот не достиг огромных размеров. Он женился и основал род знахарей, которые передают традиции и обряды Бобровой медицины по сей день.

Священное медвежье копьё

Интересный миф черноногих рассказывает о том, как племя получило свое священное медвежье копьё. Много поколений назад, еще до того, как блэкфиты стали использовать лошадей в качестве ноши, племя совершало осеннюю миграцию, когда однажды вечером, перед тем как разбить лагерь на ночь, стало известно, что пропала собачья упряжка или повозка, принадлежащая вождю. Что еще хуже, в маленькую тележку были упакованы горностаевая мантия вождя и платье из гречневой кожи его жены, а также ее священное одеяние из лосиной шкуры. Странно, но никто не мог вспомнить, что заметил собаку во время похода. К месту ночевки были отправлены гонцы, но безрезультатно. Наконец сын вождя, Сокумапи, мальчик лет двенадцати, попросил разрешения поискать пропавшую собаку, на что его отец, после некоторых колебаний, согласился. Сокумапи отправился один к последнему месту стоянки, которое находилось под тенью Скалистых гор, и тщательно осмотрел место. Вскоре он обнаружил единственную колею от собачьей упряжки, ведущую в глубокий овраг, у входа в который он обнаружил большую пещеру. Перед пещерой лежала куча свежей земли, а рядом с ней - пропавшая телега. Когда он стоял и смотрел на нее, гадая, что стало с собакой, которая ее запрягла, оттуда внезапно выскочил огромный медведь-гризли. Нападение было столь стремительным, что Сокумапи не успел ни защититься, ни укрыться в бегстве. Медведь, издавая самые страшные рыки, втащил его в пещеру, обняв с такой силой, что он потерял сознание. Когда он пришел в себя, огромная голова медведя находилась в футе от его головы, и ему показалось, что в его больших карих глазах появилось доброе, почти человеческое выражение. Долгое время он лежал неподвижно, пока наконец, к его огромному удивлению, медведь не нарушил тишину, обратившись к нему с человеческой речью.

"Не бойся, - сказал гризли. "Я - Великий Медведь, и власть моя обширна. Мне известны обстоятельства твоих поисков, и я привел тебя в эту пещеру, потому что хочу помочь тебе. Наступила зима, и вам лучше остаться со мной на время холодов, во время которых я открою вам секрет своей сверхъестественной силы".

Медвежья магия

Заметим, что обстоятельства этой сказки почти идентичны тем, что связаны с тем, как Бобровое лекарство было открыто человечеству. Герой обеих историй остается на зиму с животным, вождем своего вида, который в период спячки наставляет его в некоторых могущественных тайнах.

Медведь, успокоив Сокумапи, показал ему, как превращать различные вещества в пищу. Его странный хозяин проспал почти всю зиму, но когда вернулись теплые весенние ветры и снег сошел с холмов, гризли стал беспокойным и сказал Сокумапи, что пора покинуть пещеру. Однако прежде чем они покинули ее, он научил парня секрету своей сверхъестественной силы. Среди прочего он показал ему, как сделать медвежье копье. Он велел ему взять длинный посох, к одному концу которого прикрепить острое, символизирующее клыки медведя. К посоху нужно прикрепить медвежий нос и зубы, а остальную часть копья обтянуть медвежьей шкурой, окрашенной в священный красный цвет. Медведь также велел ему украсить рукоять орлиными перьями и когтями гризли, а во время войны носить в волосах коготь гризли, чтобы сила Великого Медведя сопровождала его в бою, и подражать шуму, который издает гризли, когда нападает. Кроме того, Медведь научил его, какими песнями следует исцелять больных, как раскрасить лицо и тело, чтобы быть неуязвимым в бою, и, наконец, рассказал о священной природе копья, которое должно использоваться только на войне и для лечения болезней. Таким образом, если человек был болен до смерти, а его родственник приобретал медвежье копье, его сверхъестественная сила возвращала больному здоровье. Вооружившись этими знаниями, Сокумапи вернулся к своему народу, который долгое время оплакивал его как мертвого. После пира в честь его возвращения домой он начал изготавливать Медвежье копье, как велел ему его друг.

Как работает магия

Вскоре после его возвращения вороны начали войну с блэкфитами, и во время встречи двух племен в битве Сокумапи появился перед своими людьми, неся на спине Медвежье копье. Его лицо и тело были раскрашены, как велел ему Большой Медведь, и он пел боевые песни, которым его научил гризли. После этих церемоний он стремительно бросился на врага, а за ним все его храбрецы сплошной фалангой, и такова была эффективность медвежьей магии, что вороны тут же обратились в бегство. Победоносные блэкфиты с триумфом вернули Сокумапи в свой лагерь под аккомпанемент медвежьих песен. Его сделали вождем, и впоследствии копье, которым он орудовал, считалось палладиумом черноногих индейцев. Весной медвежье копье вынимают из чехла при первых раскатах грома и когда медведь начинает покидать свои зимние жилища; когда же медведь возвращается в свою берлогу, чтобы залечь в спячку, копье снова сворачивают и убирают. Его тщательно оберегают от травм. У него есть специальный хранитель, и ни одной женщине не разрешается прикасаться к нему.

Танец молодой собаки

Танец, напоминающий танец Солнца, был известен индейцам племени пауни, которые называли его танцем молодой собаки. По их словам, он был заимствован у кри, которые придумали следующий миф для его объяснения.

Однажды молодой храбрец из племени кри отправился из своей деревни ловить орлов, чтобы обеспечить себя перьями для боевого чепца или завязать волосы. Теперь кри ловили орлов подобным образом. На вершине холма, который часто посещают эти птицы, они выкапывали яму и накрывали ее крышей из жердей, хитро скрывая сооружение травой. К жердям прикрепляли кусок мяса, чтобы орлы не смогли его унести. Затем индеец, сняв одежду, спускался в яму и оставался там несколько часов или дней, в зависимости от обстоятельств, пока орла не привлекала приманка, тогда он просовывал руку между жердями, хватал птицу за ноги и быстро отправлял ее.

Молодой храбрец, которому посчастливилось открыть Танец молодой собаки, подготовил ловушку таким образом и лежал в яме, молясь, чтобы прилетел орел и положил конец его неуютному бдению. Вдруг он услышал звук барабанов, далекий, но вполне отчетливый, хотя и не мог определить, с какой стороны он доносится. Всю ночь продолжался этот таинственный шум. На следующую ночь, лежа в той же позе, он снова услышал его и решил выяснить его происхождение, поэтому вылез из ямы и отправился в том направлении, откуда, как ему показалось, доносился барабанный бой. Наконец, когда рассвело, он добрался до берега большого озера. Здесь он остановился, так как звуки явно доносились со стороны озера. Весь тот день он просидел у воды, сетуя на свою невезучесть и молясь о лучшей судьбе. Когда наступила ночь, барабанный бой возобновился, и юноша увидел бесчисленное множество животных и птиц, плавающих в озере. Четыре дня он оставался на берегу озера, пока наконец, изнемогая от усталости и голода (ведь прошло уже много дней, как он не ел), не уснул.

Логово животных

Когда он проснулся, то обнаружил, что находится в большом домике, окруженном множеством людей, одни из которых танцевали, а другие сидели вокруг стен. Все эти люди были одеты в одежды, сшитые из шкур различных животных или птиц. На самом деле это были те самые животные, которых молодой индеец видел плавающими в воде и которые приняли человеческий облик. Вождь в задней части ложи встал и обратился к нему следующим образом:

"Мой друг, мы услышали твои молитвы и хотим помочь тебе. Видишь этих людей? Они представляют животных. Я - Собака. Великий Дух очень любит собак. У меня много силы, и свою силу я передам тебе, чтобы ты стал таким же, как я, и мой дух всегда будет защищать тебя. Возьми этот танец домой к своим людям, и он принесет им удачу в войне". И он передал индейцу суть обряда с помощью действий.

Пес отвернулся от храбреца кри, и его взгляд окинул всю компанию.

Подарок

"Братья, - сказал он, - я передал ему свою силу. Не пожалеете ли вы его и не отдадите ли ему ту силу, которой обладаете сами?"

Некоторое время стояла тишина. Казалось, никто не готов откликнуться на призыв вождя. Наконец Сова поднялся.

"Я помогу тебе, - сказал он юноше. "У меня есть способность видеть в темноте, куда бы я ни пошел. Когда ты выйдешь ночью на улицу, я буду рядом с тобой, и ты будешь видеть так же хорошо, как я. Возьми эти перья и повяжи их себе на волосы". И, отдав ему пучок перьев, Сова села.

Наступила пауза, и следующим поднялся Бык Буйвол, который передал молодому индейцу свою силу и выносливость, а также способность топтать врагов ногами. В знак этого он подарил ему наплечный ремень из дубленой буйволиной шкуры и велел носить его, когда он отправится в путь на войну.

Вскоре Дикобраз встал и обратился к гостю . Дав ему несколько своих перьев, которыми можно украсить кожаный пояс, он сказал:

"Я тоже помогу тебе. Я могу сделать своих врагов слабыми, как женщины, чтобы они бежали передо мной. Когда ты будешь сражаться, твои враги обратятся в бегство, а ты победишь их".

Наступило долгое молчание, и когда наконец Орел поднялся, все прислушались, чтобы услышать, что он скажет.

"Я тоже, - величественно сказал он, - буду с вами, куда бы вы ни пошли, и передам вам свою воинскую доблесть, чтобы вы могли убивать своих врагов так же, как я". Говоря это, он вручил храбрецу несколько орлиных перьев, чтобы тот повязал их на волосы.

За ним последовал журавль-кликун, который дал ему кость из своего крыла для боевого свистка, чтобы отпугивать врагов.

Затем пришли Олень и Медведь: один подарил ему быстроту с погремушкой, а другой - выносливость и полоску меха на пояс.

Получив от животных эти дары, храбрец лег и снова заснул. Когда он проснулся, то обнаружил, что снова находится на берегу озера.

Вернувшись домой, он научил кри танцу молодых собак, который должен был сделать их искусными в войне, и показал им полученные вещи. Так молодые люди создали Общество молодых собак, которое практиковало танец и получало от него пользу.

Лекарственный волк

Среди индейцев племени блэкфут рассказывают причудливую историю о "медицинском" волке. Однажды, когда черноногие двигались лагерем, на них напали несколько индейцев кроу, которые поджидали их. Блэкфиты медленно двигались в длинном, растянутом строю , в центре которого были старики, женщины и дети, а впереди и сзади - группа воинов. Вороны, как уже говорилось, устроили засаду для своих врагов и бросились на среднюю часть строя.

Прежде чем одна из сторон черноногих воинов смогла добраться до места схватки, многие женщины и дети погибли, а другие были взяты в плен нападавшими. Среди пленников была молодая женщина по имени Ситс-Бу-дверь. Между ними и лагерем воронов на реке Йеллоустон пролегли долгие мили, но конце концов усталые пленники вместе со своими похитителями на измученных лошадях добрались до места назначения. Воин, взявший в плен Ситса, отдал ее своему другу, а тот, в свою очередь, отдал ее на содержание своей жене, которая была несколько старше своей подопечной. Ворон, во владения которого она перешла, жестоко обращался с молодой черноногой женщиной. Каждую ночь он связывал ей ноги, чтобы она не могла убежать, а также обвязывал веревкой вокруг ее талии, другой конец которой прикреплял к своей жене. Однако женщину Ворона не оставляла мысль о несчастьи ее пленницы. Пока мужа не было дома, ей удавалось поговорить с ней и показать, что она сочувствует ее несчастьям. Однажды она сообщила Сидящей-в-двери, что подслушала, как муж и его товарищи замышляют убить ее, но добавила, что с наступлением темноты поможет ей бежать. Когда наступила ночь, женщина-ворон подождала, пока глубокое дыхание мужа не подсказало ей, что он крепко спит; затем, осторожно поднявшись, она ослабила веревки, связывавшие пленницу, и, дав ей пару мокасин, кремь и небольшой мешочек с пеммиканом, велела поспешить и спастись от участи, которая непременно постигнет ее, если она останется на месте. Дрожащая женщина послушалась и всю ночь шла в хорошем темпе. На рассвете она спряталась в густом подлеске, надеясь избежать наблюдения, если бы похитители стали ее преследовать. Те тем временем обнаружили ее отсутствие и стали рыскать в поисках, но следов не было видно, и наконец, устав от бесполезных поисков, они отказались от погони и вернулись в свои дома.

Дружелюбный волк

Когда женщина прошла четыре ночи, она перестала прятаться днем и пошла дальше. Однако она не избежала опасности, так как запас пеммикана вскоре был исчерпан, и она оказалась лицом к лицу с голодной смертью. Кроме того, ее мокасины были изношены до дыр, ноги изрезаны и кровоточили, а в довершение всех бед огромный волк преследовал ее каждое движение. Тщетно пыталась она убежать; силы ее иссякли, и она опустилась на землю. Все ближе и ближе подходил огромный волк и, наконец, лег у ее ног. Всякий раз, когда женщина шла по дороге, волк следовал за ней, а когда она ложилась отдохнуть, он тоже ложился.

В конце концов она умоляла своего странного спутника помочь ей, так как знала, что если в ближайшее время не раздобудет еды, то умрет. Животное ушло рысью, а вскоре вернулось с убитым им теленком бизона и положило его к ногам женщины. С помощью кремня - одного из подарков, которыми женщина-ворон снабдила свою несчастную гостью, - она развела костер и приготовила немного мяса бизона. Освежившись, она продолжила свой путь. Снова и снова волк приносил еду подобным образом, пока, наконец, они не достигли лагеря черноногих. Женщина привела животное в свой домик и рассказала своим друзьям обо всем, что случилось с ней в лагере воронов, и о том, как ей удалось спастись. Она также рассказала, как волк подружился с ней, и попросила их относиться к нему по-доброму. Но вскоре она заболела, и бедный волк был изгнан из деревни индейскими собаками. Каждый вечер он приходил на вершину холма, возвышавшегося над лагерем, и наблюдал за домиком, в котором жила Сидящая За Дверью. Хотя его по-прежнему подкармливали ее друзья, через некоторое время он исчез и больше его не видели.[3

[3] Читатель не может не заметить поразительного сходства между этим эпизодом и эпизодом с Уной и львом в *"Королеве фей"* Спенсера.

История Шрамолицего

Шрам-лицо был храбр, но беден. Его родители умерли, когда он был еще мальчиком, и у него не было близких родственников. Но сердце его было высоко, и он был могучим охотником. Старики говорили, что у Шрамолицего большое будущее, но молодые храбрецы высмеивали его за отметину на лице, оставленную когтем огромного гризли, которого он зарубил в ближнем бою.

У вождя его племени была прекрасная дочь, которую все юноши желали взять в жены. В нее влюбился и Шрамолицый, но из-за своей бедности он стеснялся признаться в своей страсти. Дева уже отбила половину храбрецов его племени. Почему, рассуждал он, она должна принять его, бедного и обезображенного?

Однажды он прошел мимо нее, когда она сидела у своего домика. Он бросил на нее пронизательный взгляд - взгляд, который заметил один из ее неудачливых женихов и с усмешкой заметил:

"Шрам-лицо женится на дочери нашего вождя! Ей не нужен мужчина без изъяна. Ха, Шрам-лицо, сейчас у тебя есть шанс!"

Лицо со шрамом повернулся к джирру и в своей спокойной, но достойной манере заявил, что намерен попросить дочь вождя стать его женой. Его заявление вызвало насмешки, но он не обратил на них внимания и отправился на поиски девушки.

Он нашел ее у реки, когда она тянула камыш для изготовления корзин. Подойдя, он почтительно обратился к ней.

"Я беден, - сказал он, - но мое сердце богато любовью к тебе. У меня нет богатства в виде мехов или пеммикана. Я живу луком и копьем. Я люблю тебя. Поселишься ли ты со мной в моей хижине и станешь ли моей женой?"

Указ Бога-Солнца

Девушка смотрела на него яркими, застенчивыми глазами, проглядывающими сквозь ресницы, как утреннее солнце сквозь ветви.

"Мой муж не был бы бедным, - замялась она, - ведь мой отец, вождь, богат и имеет изобилие в своем доме. Но Бог-Солнце запретил мне выходить замуж".

"Это тяжелые слова", - печально сказал Шрам-лицо. "Можно ли их отменить?"

"Только при одном условии", - ответила девушка. "Обратись к богу Солнца и попроси его освободить меня от данного обещания. Если он согласится, попроси его убрать шрам с твоего лица в знак того, что я могу знать, что он отдает меня тебе".

На душе у Шрамолицего было грустно, ибо он не мог поверить, что бог Солнца, избрав для себя такую прекрасную деву, откажется от нее. Но он дал дочери вождя обещание, что разыщет бога в его светлой стране и попросит исполнить его просьбу.

Много лун искал Шрамолицый дом бога Солнца. Он пересекал широкие равнины и густые леса, переправлялся через реки и высокие горы, но ни разу не увидел следов золотых ворот жилища бога света.

Много раз он расспрашивал диких обитателей леса - волка, медведя, барсука. Но никто из них не знал дороги к дому Бога-Солнца. Он расспрашивал птиц, но и они, хотя и летали далеко, тоже не знали дороги туда. Наконец он встретил росомуху, которая рассказала ему, что сама была там, и пообещала указать ему путь. Долго и нудно шли они вперед, пока наконец не пришли к большой воде, слишком широкой и глубокой, чтобы ее перейти.

Пока Шрам-лис сидел на берегу, уныло размышляя о своем положении, два прекрасных лебедя вышли из воды и, попросив его сесть к ним на спину, перевезли его в целости и сохранности. Высадив его на другом берегу, они показали ему, в какую сторону идти, и покинули его. Он не успел далеко уйти, как увидел перед собой лук и стрелы. Но Шрамолицый был пунктуален и не стал их подбирать, потому что они ему не принадлежали. Вскоре после этого он встретил прекрасного юношу красивой формы и улыбчивого вида.

"Я потерял лук и стрелы", - сказал он Шрам-лицу. "Не видел ли ты их?"

Лицо со шрамом сказал ему, что видел их немного назад, и прекрасный юноша похвалил его за честность, что он не присвоил их себе. Далее он спросил его, куда тот направляется.

"Я ищу Солнце в его доме, - ответил индеец, - и полагаю, что нахожусь недалеко от места назначения".

"Ты прав", - ответил юноша. "Я сын Солнца, Аписирахтс, Утренняя Звезда, и я приведу тебя к моему величественному отцу".

Они прошли немного вперед, а затем Аписирахтс указал на большой дом, сияющий золотым светом и украшенный с искусством, более диковинным, чем все, что когда-либо видел Скарфейс. У входа стояла прекрасная женщина, мать Утренней Звезды, Кокомикис, Лунная богиня, которая приветствовала босоногого индейца ласково и радостно.

Погоня за дикими птицами

Затем появился великий бог Солнце, дивный в своей силе и красоте, как и могучая планета, которой он управлял. Он тоже приветствовал Шрам-лица и попросил его стать его гостем и поохотиться вместе с его сыном. Шрам-лицо и юноша с радостью отправились в погоню. Но, уходя, бог Солнца предупредил их, чтобы они не приближались к Великой воде, так как там обитают дикие птицы, которые могут убить Утреннюю звезду.

Шрамолицый остался с Солнцем, его женой и ребенком, опасаясь слишком поспешных просьб и желая быть как можно более уверенным в том, что благодеяние будет даровано.

Однажды они с Утренней Звездой охотились, как обычно, и юноша улизнул, так как хотел убить диких птиц, о которых говорил его отец. Но Шрамолицый последовал за ним, спас юношу, которому грозила опасность, и убил чудовищ. Солнце было благодарно ему за то, что он спас его сына от страшной смерти, и спросило, по какой причине он искал его домик. Шрамолицый рассказал ему об обстоятельствах своей любви к дочери вождя и о своих поисках. Бог Солнца тотчас же исполнил его желание.

"Вернись к женщине, которую ты так любишь, - сказал он, - вернись и сделай ее своей. И в знак того, что по моей воле она должна стать твоей женой, я сделаю тебя целым".

Взмахом светлой руки божество удалило неприглядный шрам. Покидая Страну Солнца, бог, его жена и сын преподнесли Шрам-лицу множество хороших подарков и указали ему короткий путь, по которому он сможет вернуться на Землю.

Вскоре Шрам-лицо добрался до своего дома. Когда он пришел к дочери своего вождя, она сначала не узнала его, настолько богатым было сверкающее одеяние, которое он приобрел в Стране Солнца. Но когда она наконец узнала его, то с радостным криком упала ему на грудь. В тот же день она стала его женой. Счастливая пара возвела богу Солнца "лекарственный" домик, и отныне Шрам-лицо стал называться Гладким-лицом.

Легенда о Пойе

Вариант этой красивой истории таков:

Однажды летним утром прекрасная девушка по имени Женщина-перо, спавшая у своего домика среди длинной прерийной травы, проснулась как раз в тот момент, когда над горизонтом взошла Утренняя звезда. Она пристально смотрела на нее, и она показалась ей такой прекрасной, что она глубоко влюбилась в нее. Она разбудила свою сестру, которая лежала рядом с ней, и заявила ей, что не выйдет замуж ни за кого, кроме Утренней звезды. Люди ее племени высмеивали ее за нелепое, по их мнению, предпочтение, поэтому она избегала их как можно больше и бродила в одиночестве, втайне выедавая свое сердце из любви к Утренней Звезде, которая казалась ей неприступной.

Однажды она пошла одна к реке за водой, а когда возвращалась, увидела перед собой юношу. Сначала она приняла его за одного из юношей племени и хотела бы обойти его стороной, но он сказал:

"Я - Утренняя звезда. Я видел, как ты смотрела на меня снизу вверх, и понял, что ты любишь меня. Я ответил твою любовь и спустился, чтобы попросить тебя отправиться со мной в мою обитель на небе".

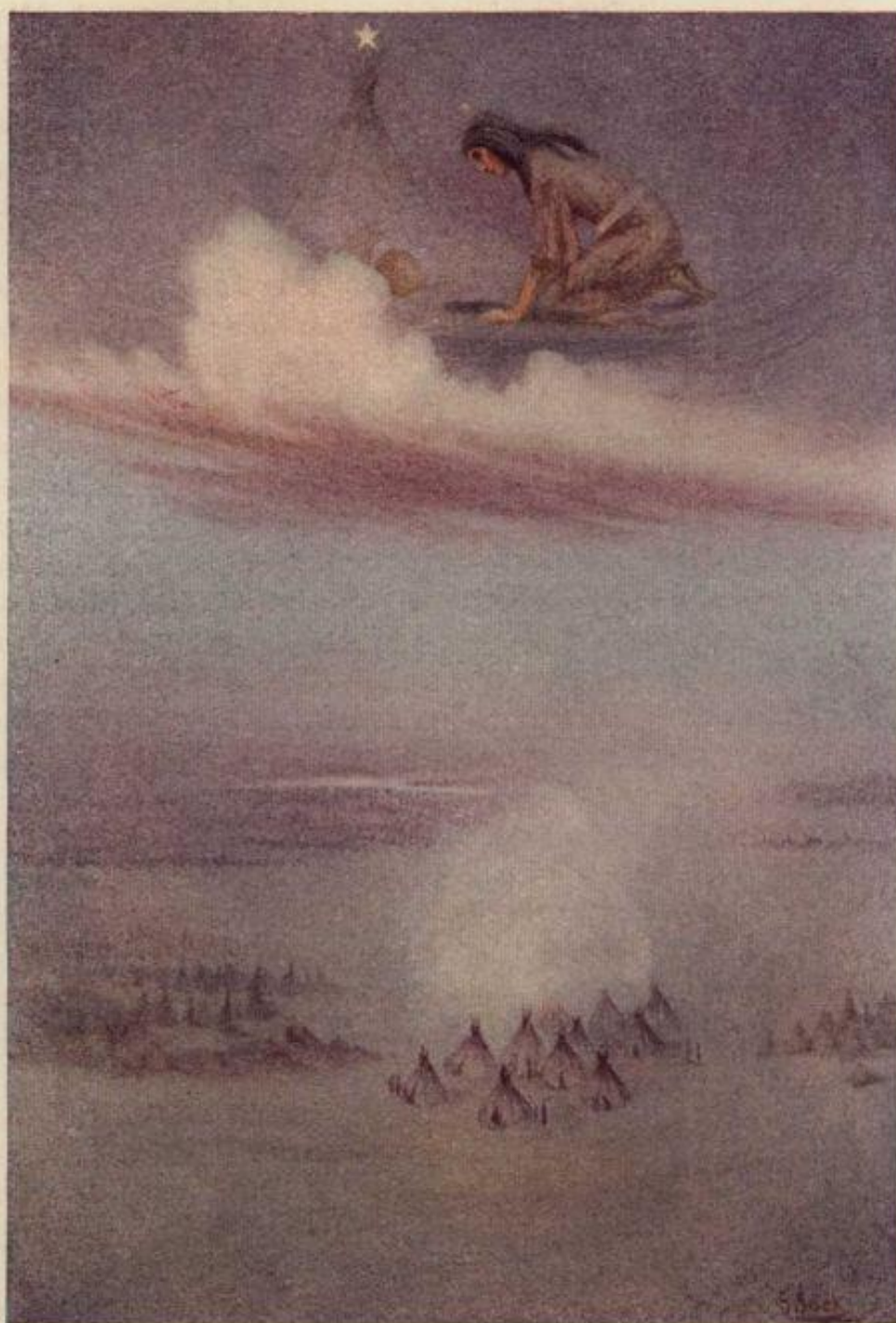
Женщина-перо сильно задрожала, ибо знала, что говорящий с ней - бог, и нерешительно ответила, что должна проститься с отцом и матерью. Но Утренняя Звезда не позволил этого сделать. Он снял с волос богатый желтый плюмаж и велел ей держать его в одной руке, а в другой - ветку можжевельника. Затем он велел ей закрыть глаза, а когда она снова открыла их, то оказалась в Небесной стране и стояла перед большим и сияющим домом. Утренняя

Звезда сказал ей, что это дом его родителей, Солнца и Луны, и попросил ее войти. Сейчас был день, поэтому Солнце было в отъезде, а Луна находилась дома. Она приветствовала Женщину-Перо как жену своего сына, как и само Солнце, когда оно вернулось. Луна одела ее в мягкое одеяние из шкуры, отделанное зубами лося. Женщина-Перо была очень счастлива и беззаботно жила в домике Утренней Звезды. У них родился маленький сын, которого они называли Звездным мальчиком. Луна подарила Женщине-Пуху корнекопалку и сказала, что она может выкапывать любые корни, но предупредила, чтобы она ни в коем случае не выкапывала большую репу, которая росла возле дома Человека-Паука, сказав, что если она это сделает, то принесет несчастье всем им.

Большая репа

Женщина-перо часто видела большую репу, но всегда избегала прикасаться к ней. Но однажды любопытство взяло верх, и ей захотелось посмотреть, что под ней. Она положила своего маленького сына на землю и копала до тех пор, пока корнеплод не уперся в землю. Тут над головой пролетели два больших журавля. Она попросила их помочь ей. Они так и сделали и запели волшебную песню, которая позволила им выкорчевать репу.

Теперь, хотя она и не подозревала об этом, именно эта репа заполняла отверстие, через которое Утренняя звезда перенесла ее в Небесную страну. Посмотрев вниз, она увидела лагерь черноногих, где жила раньше. Из домиков поднимался дым, слышались песни женщин, которые занимались своими делами. От этого зрелища ей стало тоскливо и одиноко, и, возвращаясь в свой домик, она тихонько плакала про себя. Когда она пришла, Утренняя Звезда пристально посмотрела на нее и со скорбным выражением лица сказала: "Ты выкопала священную репу".

“Gazing downward, she saw the camp of the Blackfeet”

202

"Посмотрев вниз, она увидела лагерь черноногих".

Луна и Солнце тоже встревожились и спросили ее о смысле ее печали, а когда она рассказала им, они сказали, что, поскольку она ослушалась их предписания, она должна вернуться на землю. Утренняя Звезда отвела ее к Человеку-пауку, который спустил ее на землю на паутине, и люди смотрели, как она спускается на землю, словно падающая звезда.

Возвращение на Землю

Ее встретили родители, и она вместе со своим ребенком, которого привезла с собой из Небесной страны, вернулась в дом своей юности. Но счастье так и не вернулось к ней. Она беспрестанно оплакивала своего мужа и однажды утром, поднявшись на вершину высокого кургана, увидела, как над горизонтом восходит прекрасная Утренняя звезда, как в тот день, когда она впервые полюбила его. Протянув руки к восточному небу, она страстно умоляла его вернуть ее. В конце концов он заговорил с ней.

"Это из-за твоего собственного греха, - сказал он, - ты навсегда закрыта для Небесной страны. Своим непослушанием ты навлекла горе на себя и на весь свой народ".

Ее мольбы были тщетны, и в отчаянии она вернулась в свой домик, где ее несчастная жизнь вскоре подошла к концу. Ее маленький сын, Звездный мальчик, стал сиротой, а смерть бабушки и дедушки лишила его всех земных родственников. Это был застенчивый, замкнутый, робкий мальчик, живший в глубочайшей нищете, несмотря на свое возвышенное положение внука Солнца. Но самым заметным в нем был шрам, обезобразивший его лицо, из-за которого мудрецы племени дали ему имя Пойа (Лицо со шрамом). По мере взросления шрам становился все более заметным, и на него сыпались насмешки и оскорбления. Когда он стал мужчиной, то влюбился в девушку необыкновенной красоты, дочь великого вождя своего племени. Однако она высмеяла его и сказала, что выйдет за него замуж, когда он удалит шрам со своего лица. Пойа, сильно опечаленный ее недоброжелательностью, обратился к старой знахарке, чтобы узнать, нельзя ли удалить шрам. Она лишь сказала ему, что шрам был нанесен на его лицо Солнцем, и только Солнце может его удалить. Это была печальная новость для Пуа. Как он сможет добраться до обители Солнца? Тем не менее, воодушевленный старухой, он решил предпринять попытку. С благодарностью приняв ее прощальный подарок - пеммикан и мокасины, он отправился в путь, который должен был продлиться много дней.

Большая вода

Поднявшись на горы, пройдя через леса и блуждая по бескрайним прериям, он добрался до Большой воды (то есть Тихого океана), на берегу которой сел, молясь и постясь в течение трех дней. На третий день, когда солнце опустилось за край океана, он увидел светлую тропинку, ведущую прямо к обители Солнца. Он решил пойти по сияющей тропе, хотя и не знал, что может ждать его в великой Небесной стране. Однако он вполне благополучно добрался до чудесного домика Солнца. Всю ночь он прятался возле домика, а утром Солнце, собиравшееся отправиться в свой ежедневный путь, увидело, что у его дверей лежит оборванный путник. Он не знал, что незваный гость - его внук, но, увидев, что тот пришел из земной страны, решил убить его и сказал об этом своей жене Луне. Но она умоляла пощадить чужака, и Утренняя Звезда, вышедшая в этот момент из домика, также предоставила Пойа свою защиту. Пойа очень счастливо жил в домике Солнца и, убив однажды семь птиц, которые собирались уничтожить Утреннюю Звезду, заслужил благодарность своих бабушки и дедушки. По просьбе Утренней Звезды Солнце удалило

шрам на лице Пойа и велело ему вернуться с посланием к блэкфитам. Если они будут раз в год чествовать его в Танце Солнца, он согласится исцелять их больных. Пойа обучили секретам Танца Солнца, вложили в его волосы два вороньих пера и дали ему одеяние из лосиной шкуры. Последний, как ему сказали, должна носить только добродетельная женщина, которая затем должна станцевать танец Солнца, чтобы больные могли вернуть себе здоровье. От своего отца Пойа получил заколдованную флейту и волшебную песню, которая должна была покорить сердце любимой девушки.

Пойа спустился на землю по Млечному пути, или, как его называют индейцы, Волчьей тропе, и передал черноногим все, чему научился в Стране неба. Когда они досконально изучили танец Солнца, он вернулся в Небесную страну, на родину своего отца, в сопровождении своей прекрасной невесты. Здесь они счастливо жили вместе, а Пола и Утренняя Звезда вместе путешествовали по небу.

Миф о дне и ночи у черноногих

Индейцы племени черноногих рассказывают много историй о своем творце Напи, и в основном они касаются того, как он создал мир и его обитателей.

Один из мифов, связанных с этим божеством, рассказывает о том, как бедный индеец, у которого были жена и двое детей, жил в величайшей нужде на кореньях и ягодах. Этому человеку приснился сон, в котором он услышал голос, приказавший ему раздобыть большую паутину, которую он должен был вешать на тропы животных, когда они проходили через лес, и таким образом получать много пищи. Он так и сделал, а вернувшись к месту, где повесил паутину, обнаружил оленей и кроликов, запутавшихся в ее волшебных сетях. Их он убил, чтобы прокормиться, и теперь никогда не испытывал недостатка в еде.

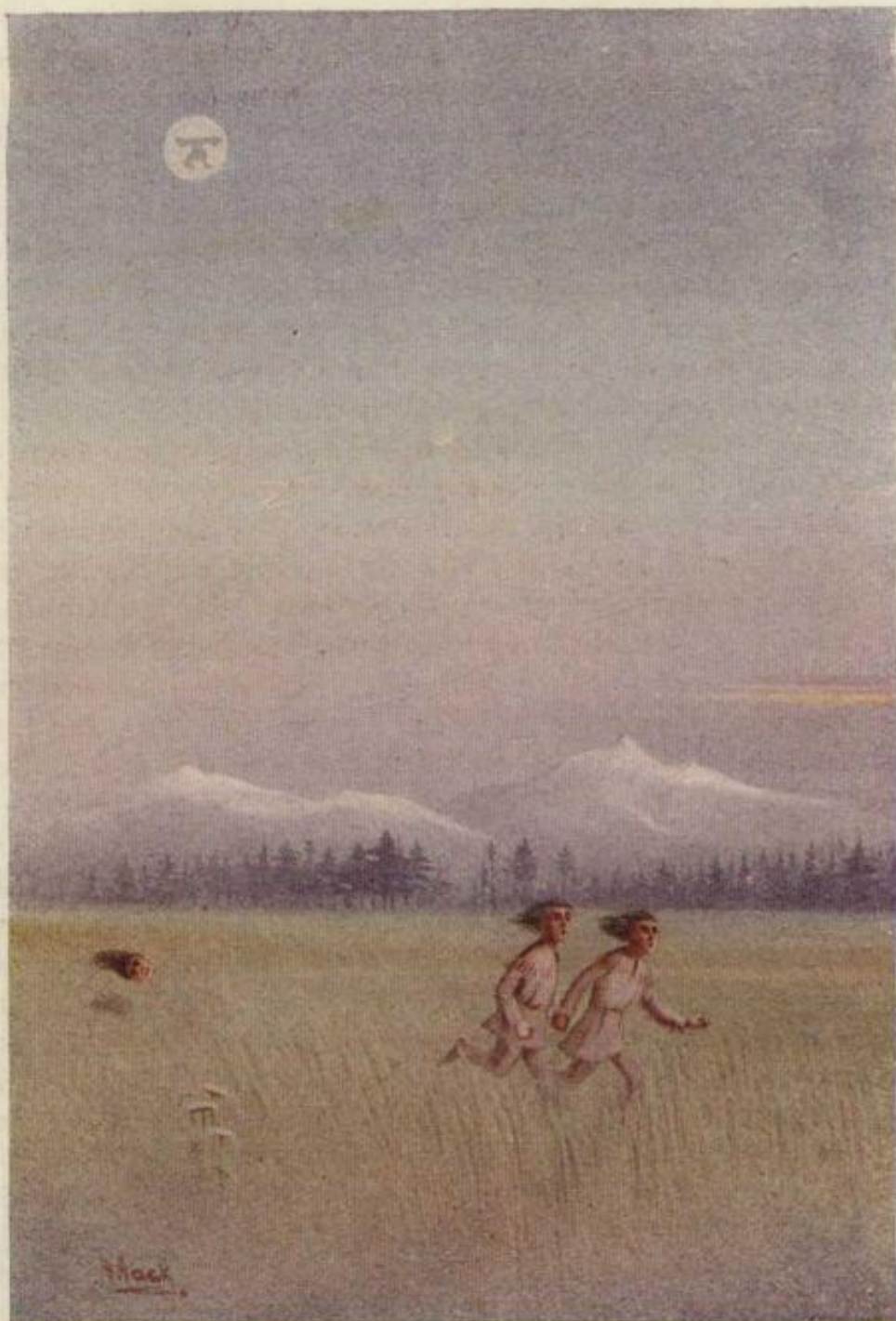
Однажды утром, возвращаясь с дичью на плечах, он обнаружил, что его жена надушилась хвоей, которую она сжигала в костре. Он заподозрил, что она таким образом прихорашивается для кого-то другого, но, сохраняя молчание, сказал ей, что на следующий день поставит свою паутину на большем расстоянии, так как дичь в соседнем лесу уже слишком хорошо знает ловушку. Поэтому он отправился дальше и поймал оленя, которого разделал и часть мяса унес с собой в домик. Он сказал жене, где можно найти оставшуюся часть туши, и попросил ее сходить за ней.

Однако его жена была не лишена подозрений и, решив, что за ней наблюдает муж, остановилась на вершине ближайшего холма и оглянулась, чтобы посмотреть, не идет ли он за ней. Но он сидел там, где она его оставила, и она продолжила свой путь. Когда она скрылась из виду, индеец сам поднялся на холм и, убедившись, что ее нет поблизости, вернулся в лагерь. Он спросил у своих детей, куда их мать ходит за дровами, и они указали на большой участок мертвого дерева. Подойдя к куче безлистных деревьев, мужчина начал тщательный поиск и через некоторое время обнаружил логово гремучих змей. Именно в одну из этих рептилий была влюблена его жена, поэтому индеец в гневе собрал куски сухого дерева и поджег всю плантацию. Затем он вернулся в свою хижину и рассказал детям о своем поступке, предупредив при этом, что их мать будет очень сердита и, возможно, попытается убить их всех. Он также сказал, что будет ждать ее возвращения, но что им лучше убежать, и что он даст им три вещи, которые им пригодятся. Затем он вручил детям палку, камень и пучок мха, которые они должны были бросить позади себя, если мать будет их

преследовать. Дети тут же убежали, а их отец повесил паутину над дверью домика. Тем временем женщина увидела со значительного расстояния пламя, разгоревшееся от сухого дерева, и в сильном гневе повернулась и побежала обратно к домику. Попытавшись войти в него, она тут же запуталась в сетях паутины.

Преследующая голова

Однако ей удалось просунуть голову в отверстие, после чего муж отрубил ее от плеч своим каменным топором . Затем он выбежал из домика и побежал вниз по долине, горячо преследуемый телом женщины, а ее голова покатила по земле в погоне за детьми. Вскоре они увидели, что по их следам с огромной скоростью катится страшный предмет, и один из них быстро бросил палку за спину, как ему было велено. Мгновенно сзади возник густой лес, который на некоторое время задержал их ужасного преследователя. Дети значительно продвинулись вперед, но тут снова показалась отрубленная голова, которая в ярости скрежетала зубами, страшно закатывала глаза и выкрикивала угрозы, от которых у детей кровь превращалась в воду.

The Pursuing Head

206

Преследующая голова

Тогда другой из мальчиков бросил за спину камень, который ему дали, и тут же выросла огромная гора, которая заняла всю землю от моря до моря, так что путь голове был прегражден. Она не могла понять, как преодолеть эту огромную преграду, пока не встретила двух кормящихся баранов, которых попросила проложить ей путь через гору, сказав им, что если они сделают это, то она выйдет замуж за вожака овец. Бараны доблестно пытались выполнить эту просьбу и снова и снова яростно бросались на гору, пока их рога не

раскололись и не сломались, и они не могли больше упираться. Тогда глава, не выдержав, обратился к колонии муравьев, обитавших поблизости, с просьбой пробить проход через препятствие и предложил в случае успеха жениться на главном муравье в качестве вознаграждения за труды. Насекомые сразу же взялись за дело и трудились не покладая рук, пока не пробили туннель, по которому могла бы катиться голова.

Судьба головы

Дети все еще бежали, но чувствовали, что голова не оставила преследования. Наконец, после долгого перерыва, они увидели, что она катится за ними, очевидно, такая же свежая, как всегда. Ребенок, у которого был пучок мха, намочил его и вытряхнул воду на тропу, и тут же огромный пролив отделил их от земли, где они были всего мгновение назад. Голова, не в силах остановиться, упал в эту огромную воду и утонул.

Дети, видя, что опасность миновала, сделали плот и поплыли обратно к земле, откуда они пришли. Прибыв туда, они отправились на восток через множество стран, населенных разными племенами индейцев, чтобы добраться до своей собственной территории. Когда они прибыли туда, то обнаружили, что она занята неизвестными им племенами, и решили разделить: один пошел на север, а другой - на юг. Один из них был проникательным и умным, а другой - простым и находчивым. Проникательный мальчик - это тот, кто создал белых людей и обучил их своим искусствам. Другой, простой мальчик, создал блэкфитов, но, будучи очень глупым, не смог их ничему научить. Именно его называли Напи. Что касается тела матери, то оно продолжало преследовать своего мужа, и до сих пор преследует его, потому что она - Луна, а он - Солнце. Если ей удастся поймать его, она убьет его, и ночь воцарится навеки, но пока ему удастся ускользнуть от нее, день и ночь будут следовать друг за другом.

Напи и похититель буйволов

Однажды среди блэкфитов был сильный голод. В течение нескольких месяцев не убивали ни одного бизона, и слабые члены племени вымирали один за другим, а сильные храбрецы и охотники начали тонуть под тяжестью лишений. Вождь в отчаянии молился, чтобы создатель, Напи, послал им пищу. Напи, в то время находившись далеко на юге, раскрашивая оперение птиц в великолепные цвета. Тем не менее он услышал голос вождя через все расстояние и поспешил на север.

"Кто вызвал меня?" - спросил он.

"Это я, - смиренно ответил вождь. "Мой народ голодает, и если в ближайшее время не придет помощь, боюсь, мы все погибнем".

"У вас будет еда, - ответил Напи. "Я обеспечу вас дичью".

Взяв с собой сына вождя, Напи отправился на запад. По дороге юноша истово молился Солнцу, Луне и Утренней звезде, но его спутник упрекнул его в нетерпении и велел держать

себя в руках. Они пересекли холмы Сладкой травы, которые Напи сделал из огромных горстей травы и где он любил отдыхать. Но дичи не было видно. Наконец они добрались до маленького домика на берегу реки, и Напи объявил привал.

"Там обитает причина ваших несчастий, - сказал он. "Тот, кто живет в этом домике, - похититель буйволов. Именно он увел все стада из прерий, так что ни одного не осталось".

Чтобы осуществить свой замысел, Напи принял облик собаки, а юношу превратил в палку. Вскоре после этого маленький сын Буффало-крадуна проходил мимо и сразу же захотел взять маленькую собачку с собой домой.

"Очень хорошо, - сказала его мать, - возьми эту палку и веди ее в домик".

Но отец мальчика сердито нахмурился.

"Мне не нравится вид этого зверя, - сказал он. "Отправь его прочь".

Мальчик отказался расстаться с собакой, а его мать хотела взять палку, чтобы собирать коренья, так что отец был вынужден уступить. Однако он не проявил к собаке никакой доброй воли. На следующий день он вышел из домика и через некоторое время вернулся с бизоном, с которого снял шкуру и приготовил ее. Его жена, которая была в лесу и собирала ягоды, вернулась домой ближе к вечеру и по просьбе мужа приготовила часть мяса буйвола. Маленький мальчик снова навлек на себя гнев отца, отдав кусок мяса собаке.

"Разве я не говорил тебе, - гневно воскликнул похититель буйвола, - что он злая тварь? Не трогай его".

В ту ночь, когда все затихло, Напи и сын вождя вернули себе человеческий облик и откушали буйволиного мяса.

"Это Буффало-крадун не дает стадам приблизиться к лагерю черноногих", - сказал Напи. "Подождите до утра и увидите".

Стада Буффало-крадуна

Утром они снова были собакой и палкой. Когда женщина и ее ребенок проснулись, они снова отправились в лес: первая взяла палку, чтобы копать корни, а вторая позвала с собой маленькую собачку. Но, увы, когда они добрались до места, которое выбрали для сбора корней, и собака, и палка исчезли! А причина их исчезновения была вот в чем. Когда собака рыскала по лесу, она заметила отверстие, похожее на устье пещеры, но скрытое густым подлеском, и в этом отверстии увидела бизона. Его короткий, резкий лай привлек внимание палки, которая, извиваясь змеей, устремилась за ним. Внутри пещеры находились огромные стада оленей и бизонов, которых хватило бы, чтобы обеспечить блэкфитов пищей на долгие годы. Напи бегал среди них, лаял, и они были выгнаны в прерию.

Когда Буйвол-похититель вернулся и обнаружил свою потерю, его гнев не знал границ. Он допросил жену и сына, но они отрицали свою осведомленность о случившемся.

"Значит, - сказал он, - это ваша жалкая собачонка. Где он сейчас?"

Но ребенок не мог сказать ему.

"Мы потеряли его в лесу", - сказал он.

"Я убью его, - закричал мужчина, - и палку тоже сломаю!"

Напи подслушал угрозу и вцепился в длинную шерсть старого буйвола; он посоветовал палке спрятаться в шерсти буйвола, и так они незаметно выбрались из пещеры, как Улисс из пещеры циклопа. Снова приняв облик людей, они погнали стадо буйволов к лагерю черноногих, а Буффало-похититель и его семья тщетно искали их.

Люди встретили их восторженными возгласами, и голод прекратился. Однако на пути все же возникли некоторые трудности: когда они попытались завести стадо в загон, большая серая птица так напугала животных своим угрюмым криком, что они отказались входить. Это происходило так часто, что Напи заподозрил, что серая птица - не кто иной, как буйвол-крадун. Переодевшись в выдру, он лег на берегу реки и притворился мертвым. Жадная птица увидела то, что приняла за мертвую выдру, и набросилась на нее, после чего Напи схватил его за ногу и отнес в лагерь. В наказание его привязали над дымовой трубой вигвама, где его серые перья вскоре стали черными, а жизнь - обузой.

"Пощадите меня!" - взывал он. "Позвольте мне вернуться к жене и ребенку. Они наверняка умрут от голода".

Его жалобные мольбы тронули сердце Напи, и он отпустил его, но не без напутствия.

"Иди, - сказал он, - и добывай пищу, чтобы прокормить жену и ребенка. Но не бери больше, чем тебе нужно, иначе ты умрешь".

Птица сделала то, что ей было велено. Но и по сей день перья ворона черные, а не серые.

История Кутоиса

Однажды на берегу Миссури жила пожилая пара, у которой была одна дочь, их единственный ребенок. Когда она выросла и стала женщиной, у нее появился жених, жестокий и властный, но поскольку она любила его, родители не стали возражать против их брака. Они отдали невесте в приданое лучшую часть своего имущества, так что она и ее муж были богаты, а ее отец и мать жили в бедной хижине и почти ничего не ели. Злой зять всячески пользовался их добротой. Он заставлял старика сопровождать его в охотничьих походах, а потом отказывался делить с ним дичь. Иногда один убивал бизона, иногда другой, но всегда именно младшему доставалось лучшее мясо, а из шкур он шил себе халаты и мокасины.

Таким образом, пожилая пара едва не погибла от холода и голода. Только когда муж уходил на охоту, дочь решалась отнести родителям хоть кусочек мяса.

Однажды младший мужчина в своей властной манере обратился к тестю с просьбой помочь ему в охоте на буйвола. Старик, превратившийся от нужды почти в скелет, слишком сильно боялся тирана, чтобы послушаться его, и пошел с ним в погоню. Вскоре они встретили прекрасного буйвола, после чего оба натянули луки и выстрелили. Но стрела старшего

пронзила животное и повалила его на землю. Старик принялся снимать шкуру с буйвола, поскольку его зять никогда не участвовал в этих делах, а предоставил их своему спутнику. Пока он занимался этим, тот заметил каплю крови на одной из своих стрел, упавших на землю.

Подумав, что даже капля крови лучше, чем ничего, он вернул стрелу в колчан и отправился домой. Так случилось, что на его долю досталось не больше буйвола, а остальное присвоил зять.

Вернувшись, старик позвал жену, чтобы та подбросила топлива в огонь и поставила чайник. Она, решив, что он принес домой мясо буйвола, поспешила исполнить его просьбу. Она с любопытством ждала, пока вода в котелке закипит, а потом, к своему удивлению, увидела, что он положил в него стрелу с капелькой крови.

Как Кутоис родился

"Зачем ты это делаешь?" - спросила она.

"Из этого что-то выйдет", - ответил он. "Мой дух говорит мне об этом".

Они ждали в тишине.

Затем в их одиноком домике раздался странный звук - детский плач. С опаской и любопытством пожилые супруги подняли крышку чайника, и там оказался маленький мальчик.

"Он принесет нам удачу", - сказал старый индеец.

Они называли ребенка Кутоис, то есть "Капля крови", и завернули его, как это принято у индейских младенцев.

"Скажем нашему зятю, - сказал старик, - что это девочка, и он оставит ее в живых. Если же мы скажем, что это мальчик, он непременно убьет его".

Кутоис стал большим любимцем в маленьком домике, куда он пришел. Он постоянно смеялся, и его веселье покорило сердца стариков. Однажды, когда они считали его слишком юным, чтобы говорить, они с удивлением услышали его голос.

"Привяжите меня к столбу, - сказал он, - и я стану мужчиной".

Когда они оправались от изумления, то привязали его к столбу. Через мгновение он разорвал плети и на глазах превратился в высокого, сильного мужчину. Оглядев домик, который казался едва ли достаточно большим, чтобы вместить его, Кутоис понял, что в нем нет еды.

"Дайте мне несколько стрел, - сказал он, - и я принесу вам еду".

"У нас нет стрел, - ответил старик, - только четыре наконечника для стрел".

Кутоис принес немного дерева, из которого вырезал прекрасный лук и древко для кремневых наконечников стрел. Он попросил старого индейца привести его на хорошее место для охоты, и когда тот это сделал, они быстро убили великолепного бизона.

Тем временем старый индеец рассказал Кутоису о том, как плохо с ним обошелся зять, и когда они снимали шкуру с бизона, кто бы мог пройти мимо, кроме предмета их разговора. Кутоис спрятался за убитым животным, чтобы посмотреть, что произойдет, и через мгновение раздался гневный голос зятя.

Не получив ответа, трусливый охотник приладил к луку стрелу и пустил ее в тестя. Разгневанный таким жестоким поступком, Кутоис поднялся из своего укрытия за мертвым буйволом и выпустил все свои стрелы в молодого человека, которого и убил. После этого он обильно накормил старика и его жену и велел им вернуться в свой дом. Они обрадовались, обнаружив, что снова свободны от преследований, но их дочь так сильно плакала, что в конце концов Кутоис спросил ее, хочет ли она иметь другого мужа или последовать за своим первым супругом в Страну Теней, как она должна сделать, если будет продолжать оплакивать его.

Дама выбрала первый вариант как меньшее зло, и Кутоис нашел ей прекрасного мужа, с которым она счастливо прожила долгое время.

Кутоис в путешествии

Вскоре Кутоис устал от однообразной жизни и захотел увидеть больше мира. Хозяин направил его в дальнюю деревню, где его встретили две старухи. Они поставили перед своим красивым гостем лучшее, что было в их распоряжении, - буйволиное мясо довольно непривлекательного вида.

"Неужели здесь нет хорошего мяса?" - спросил Кутоис.

Старухи объяснили, что в одном из домиков живет свирепый медведь, который забирает все хорошее мясо и оставляет соседям только сухие, бедные куски. Не раздумывая, Кутоис отправился в путь, убил теленка буйвола и преподнес его женщинам, попросив их положить лучшие части мяса на видное место возле хижины, где большой медведь не мог бы не увидеть его.

Они так и сделали, и, конечно же, один из медвежат вскоре прошел мимо и схватил мясо. Затаившийся Кутоис выскочил и изо всех сил ударил зверя. Детеныш рассказал о своем горе отцу, и большой медведь, угрожая мстостью, собрал вокруг себя всю семью и бросился к домику старухи, намереваясь убить смелого охотника.

Однако Кутоис оказался сильнее всех них, и очень скоро медведи были убиты. И все же он был неудовлетворен и жаждал новых приключений.

"Скажи мне, - сказал он, - где мне найти другую деревню?"

Женщина-борец

"Есть деревня у Большой реки, - сказали старухи, - но ты не ходи туда, потому что в ней живет злая женщина, которая борется и убивает всех, кто к ней подходит".

Не успел Кутоис это услышать, как решил отправиться в деревню, ведь его миссия заключалась в уничтожении злых существ, представляющих опасность для его соплеменников. И вот, несмотря на отговоры старух, он отправился в путь.

Как его и предупреждали, женщина вышла из своего домика при приближении незнакомца и предложила ему побороться с ней.

"Я не могу", - сказал он, притворившись испуганным.

Женщина насмеялась и издевалась над ним, а он придумывал различные оправдания, но все это время наблюдал за тем, как лежит земля. Когда он приблизился, то увидел, что она усыпала землю острыми кремнями, поверх которых набросала травы. Наконец он сказал: "Хорошо, я поборюсь с тобой".

Неудивительно, что она убила многих храбрецов, ведь она была очень сильной. Но Кутоис был еще сильнее. При всем своем умении она не могла сбросить его, и в конце концов она устала и сама была брошена на острые кремни, на которых и истекла кровью до смерти. Народ очень обрадовался, узнав о ее смерти, а Кутоис был прославлен как герой.

Кутоис совершил еще много высоких поступков, прежде чем ушел в Сумеречную страну, а когда ушел, то оставил печаль во многих ложах.

ГЛАВА IV: ИРОКЕЗСКИЕ МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ

Ирокезские боги и герои

Мифы ирокезов представляют исключительный интерес благодаря портретам нескольких полуисторических героев. Самый ранний субстрат мифов этого народа посвящен приключениям его главного божества, Хи'нуна, бога-громовержца, который вместе со своим братом, Западным ветром, в конце концов победил и истребил могущественную расу каменных великанов. Переходя к более позднему периоду, мы обнаруживаем, что вокруг имен вождей Атотархо и Хиаваты, которые, по всей вероятности, когда-то действительно существовали, сплелось множество легенд. Они представляют собой хороший пример того, как быстро миф собирается вокруг знаменитого имени. Атотархо, могучий воин, сегодня считается волшебником *par excellence* среди ирокезов, но, вероятно, это объясняется не тем, что он был хитрым и жестоким, как считают некоторые авторы, пишущие об этом племени, а тем, что, будучи великим воином, он был облачен в одежду из змей, а эти

рептилии, помимо того, что рассматривались как мощная боевая физика, обладали еще и глубоким магическим значением. Изначально Хиавата (Тот, кто ищет пояс Вампум) изображается как отец длинной череды людей с таким же именем, которые, по-видимому, были важными функционерами в племенном правительстве. Ему приписывается честь создания великой конфедерации ирокезов, которая так долго делала их грозными противниками для окружавших их племен. Как и многие другие герои мифов - например, кельтский Мананан - Хиаватха обладал волшебным каноэ, которое повиновалось малейшему его приказу, и на котором он в конце концов покинул земную сферу и отправился в ту теневую область, куда в конце концов уходят все герои.

Хи'нун

Существует множество интересных мифов о том, как Хи'нун уничтожил чудовищ и великанов, населявших ранний мир. Охотник, застигнутый сильным грозным ливнем, укрылся в лесу. Присев под укрытием большого дерева, он услышал таинственный голос, который призывал его следовать за ним. Он почувствовал, что медленно поднимается с земли, и вскоре обнаружил, что смотрит вниз из точки, расположенной вблизи облаков, на высоте многих деревьев от земли. Его окружали существа, похожие на людей, и один из них, похоже, был их вождем. Они попросили его бросить взгляд на землю и сказать, видит ли он огромного водяного змея. Не найдя такого чудовища, вождь помазал глаза священной мазью, которая дала ему сверхъестественное зрение и позволила увидеть в водных глубинах далеко внизу драконоподобную фигуру. Вождь приказал одному из своих воинов расправиться с чудовищем, но стрела за стрелой не смогла поразить его, и тогда охотнику предложили продемонстрировать свое мастерство лучника. Выхватив лук, он тщательно прицелился. Стрела просвистела в глубине и быстро пропала из виду, но в озере внизу поднялся страшный переполох: тело огромного змея выпрыгнуло из окрашенной кровью воды с ужасными извивами и конвульсиями. До них донесся такой ужасающий грохот, что даже небесные существа, которыми был окружен охотник, впали в сильный трепет; но постепенно буря звуков стихла, и огромная масса смертельно раненного змея опустилась обратно озеро, поверхность которого постепенно становилась все более спокойной, пока наконец все снова не успокоилось. Вождь поблагодарил охотника за оказанную услугу, и его проводили обратно на землю. Так человек впервые вступил в контакт с благодетельной Хи'нун и узнал о существовании силы, которая защитит его от недружественных человеческих сил.

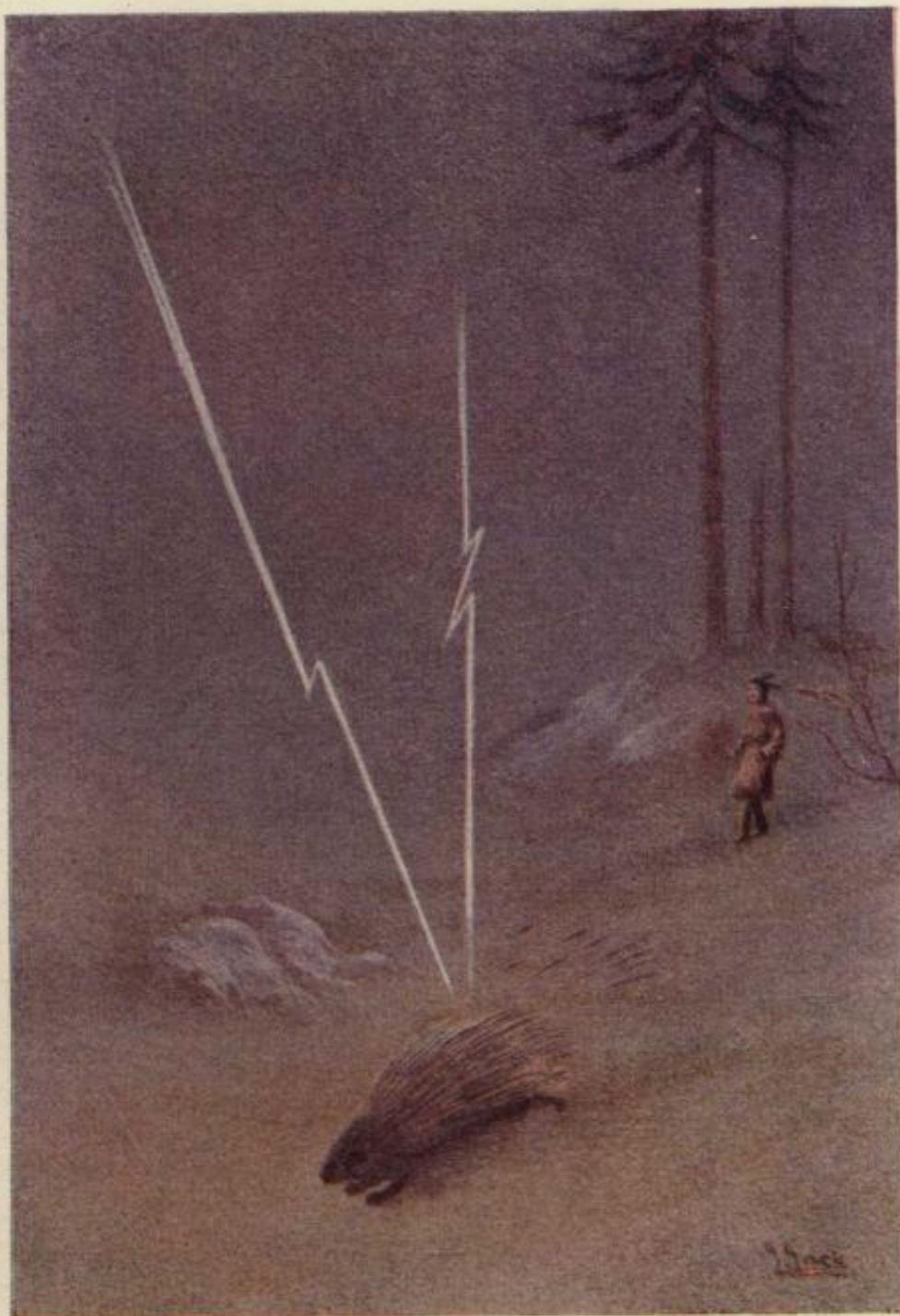
Громовержцы

Однажды в ранние времена ирокезов три храбреца отправились в экспедицию. После того как они прошли некоторое время, случилось несчастье: один из них сломал ногу. Остальные сделали подстилку, чтобы, согласно индейскому обычаю, донести его до дома. Возвращаясь назад, они подошли к горному хребту, крутые склоны которого до предела истощили их силы. Чтобы отдохнуть, они положили инвалида на землю и отошли на небольшое расстояние.

"Зачем нам этот раненый?" - сказал один другому.

"Ты верно говоришь", - ответил тот. "Действительно, зачем нам это, ведь он пострадал по собственной неосторожности?"

Пока они говорили, их глаза встретились в многозначительном взгляде, и один из них указал на глубокую яму, открывшуюся в склоне горы на небольшом расстоянии от того места, где они сидели. Вернувшись к раненому, они подняли его, как будто собираясь продолжить путь, и, пройдя по краю ямы, вдруг с силой бросили его в нее. Затем, не теряя времени, они отправились в обратный путь. Когда они прибыли в лагерь, то сообщили, что их товарищ скончался от полученных в бою ран, но не попал в руки врага, получив в предсмертные минуты внимательное и почетное погребение. Престарелая мать несчастного скончалась от горя, но с некоторым облегчением подумала о том, что ее сыну в конце концов была оказана любезная помощь.

“He suddenly assumed the shape of a gigantic porcupine”

220

"Он внезапно принял облик гигантского дикобраза".

Когда брошенный в яму храбрец пришел в себя после тяжелого падения, он увидел, что над ним заботливо склонился человек почтенного вида. Увидев, что юноша пришел в себя, он спросил его, с какой целью его товарищи так жестоко бросили его в пропасть. Юноша ответил, что его товарищи устали нести его и таким образом избавились от него. Старый отшельник - а именно таким он казался - поспешно осмотрел раны индейца и объявил, что

быстро вылечит его при одном условии. Индеец пообещал согласиться на это, каким бы оно ни было, и тогда отшельник сказал ему, что все, что ему нужно, - это чтобы он охотился за ним и приносил домой дичь, которую он убьет. На это храбрец с готовностью согласился. Старик не терял времени, чтобы выполнить свою часть сделки. Он прикладывал травы к ранам и усердно ухаживал за своим гостем, который быстро и благополучно выздоровел. Благодарный воин, вновь получивший возможность отправиться в погоню, принес в пещеру на склоне горы множество трофеев, подтверждающих его охотничье мастерство, и вскоре между ними возникла крепкая дружба. Однажды, находясь в лесу, воин встретил огромного медведя, которого ему удалось убить после отчаянной борьбы. Раздумывая, как лучше отнести его в пещеру, он услышал позади себя шум голосов и, оглянувшись, увидел трех мужчин или существ в форме мужчин, одетых в странные пеленой одежды. На его вопрос, что привело их сюда, они ответили, что являются Громовержцами, или людьми Хи'нуна, чья миссия - поддерживать землю в порядке на благо человечества, истреблять или уничтожать всех, кто вредит человечеству. Они рассказали ему, что старик, у которого он жил, был далеко не таким человеком, как он думал, и что они прибыли на Землю с явным намерением уничтожить его. В этом они попросили его помощи и пообещали, что, если он за нее поручится, его быстро доставят обратно в домик его матери. Обрадованный таким предложением, охотник не побрезговал вернуться в пещеру и рассказать отшельнику, что убил медведя, которого хотел бы с его помощью доставить домой. Старик выглядел очень встревоженным и попросил его посмотреть на небо и сказать, нет ли на нем хоть малейшего признака облаков. Молодой храбрец успокоил его и сказал, что не видно ни облачка, после чего, выйдя из своего убежища, направился к месту, где лежал медведь. Поспешно подняв тушу, он попросил товарища взвалить ее себе на плечи, что молодой человек и сделал, удивляясь своей силе. Он прошел со своей ношей некоторое расстояние, когда из грозных черных туч, быстро собравшихся над головой, раздался страшный раскат грома. В ужасе старик бросил свою ношу и начал бежать с ловкостью, не соответствовавшей его годам, но когда раздался второй раскат, он вдруг принял облик гигантского дикобраза, который пронесся сквозь подлесок, выпуская на бегу свои перья, как стрелы. Теперь на его колючую спину обрушился настоящий град громовых молний. Когда оно достигло входа в пещеру, одна из них, более крупная, чем остальные, ударила его с такой силой, что оно замертво скатилось в свое логово.

Тогда громовержцы с триумфом спустились с небес, довольные смертью своей жертвы. Молодой охотник попросил их выполнить данное им обещание и доставить его к матери, и, закрепив на его плечах облачные крылья, они быстро доставили его туда, осторожно пронеся по воздуху и опустив прямо у хижины. Вдова была счастлива увидеть своего сына, которого считала давно умершим, а Громовержцы были так довольны его помощью, что попросили его каждую весну сопровождать их в их миссии по уничтожению чудовищ. Он согласился, и в одну из таких экспедиций полетел на землю, чтобы напиться из определенного бассейна. Когда он вернулся к своим спутникам, они заметили, что от воды, которой были смочены его губы, они блестели, словно намазанные маслом. По их просьбе он указал бассейн, из которого пил, и они сообщили ему, что в его глубинах обитает чудовище, которое они искали долгие годы. С этими словами они метнули в бассейн огромную молнию, которая тут же высохла, обнажив огромную тушу, уничтожающую урожай. Это чудовище и в самом деле было Королем личинок, и его смерть отбросила заговоры его рода на много поколений назад. Впоследствии юноша вернулся на землю, и, рассказав членам своего племени об услугах, которые Хи'нун оказал им, они сочли нужным ввести особое поклонение божеству и, по сути, сделать его верховным богом своего народа. И по сей день многие ирокезы называют Хи'нуна своим дедом и проявляют необычайное почтение при упоминании его имени.

Hiawatha

Много путаницы существует в отношении истинного статуса легендарного ирокезского героя Хиаваты. Его представляют то как историческую личность, то как мифического полубога, то как принадлежащего к ирокезам и алгонкинам. В достоверной истории и в самых диких мифах он является фигурой одинаковой важности. Эта путаница во многом объясняется популярностью поэмы Лонгфелло *"Хиавата"*, которая своим превосходством придала большую известность содержащимся в ней заблуждениям. Дело в том, что Лонгфелло, следуя по пути Школкрафта, действительно спутал двух персонажей в образе Хиаваты, одного - полностью мифического Манабожо, или Мухабо - именно это имя он поначалу собирался дать своей поэме, - и другого - почти полностью исторического Хиавату. Манабожо, согласно традиции, был полубогом оджибвеев, и именно ему, а не Хиаватхе, следует приписать подвиги, описанные в поэме. Несомненно, вокруг имени ирокезского героя выросли мифы, ведь миф - это плюш, который связывает все исторические руины и делает их живописными для глаз; но доказано, что за легендарными историями о Хиавате стоит прочная структура фактов, и даже период его деятельности был установлен современными американскими историками с достаточной точностью.

Хиавата, или Хай-ен-Ват-ха, был вождем ирокезов, принадлежавшим то ли к племени онондага, то ли к племени могавков. Его самым важным подвигом стало объединение пяти наций ирокезов в Великую лигу - событие, имевшее не только национальное значение, но и во многом повлиявшее на судьбы европейских народов в их последующей борьбе за американское господство. Поскольку известно, что пять наций собрались вместе в шестнадцатом веке, следует, что Хиаватха жил и работал примерно в это время. В более поздние времена Лига называлась "Шесть наций", а еще позже - "Семь наций".

Когда ирокезы, или "люди длинного дома", были обнаружены французами и голландцами, они занимали западную часть нынешнего штата Нью-Йорк и находились на гораздо более высокой ступени культуры, чем большинство индейских племен. Они обрабатывали землю, выращивая кукурузу и табак, и были искусны в военном искусстве и дипломатии. Их значительно усилила Великая лига, или "Каянерен Кова", которую, как уже говорилось, основал вождь Хиавата, и они были самыми важными из североамериканских племен.

Если мы обратимся к традиции, чтобы узнать о происхождении Большой лиги, то узнаем, что союз был заключен Хиаватхой в четырнадцатом веке. Гуроны и ирокезы, как нам говорят, когда-то были одним народом, но позже они разделились, гуроны ушли к озеру, которое названо в их честь, а ирокезы - в Нью-Йорк, где их пять племен были объединены под началом Генерального совета. Но традиция явно ошибается, приписывая столь раннюю дату этому важному событию, поскольку одна из двух ветвей ирокезов (та, что включает ирокезов и онейда) оставила лишь несколько следов ранней оккупации, и эти следы, в виде некоторых старых городов, можно отнести ко второй половине шестнадцатого века.

Ранняя связь между ирокезами и гуронами и их последующее разделение остаются неоспоримыми. Род ирокезов делился на две ветви: синнеки (онондаги, каюги и сенеки) и

каниенга (ирокезы и онейдасы), из которых состояли пять наций. Синнеки обосновались в западной части Нью-Йорка, а каниенгас - в Хочелаге (Монреале) и других местах на берегу Святого Лаврентия, где они достаточно дружелюбно жили со своими соседями-алгонкинами. Но в 1560 году между каниенгас и алгонкинами возникла ссора, в которой последние призвали на помощь гуронов. Это стало началом долгой войны, в которой больше всего досталось каниенгам. Постепенно каниенгас были вытеснены вдоль берегов озер Шамплейн и Джордж, пока не достигли долины реки Мохок, где обосновались в стране, граничащей с страной онондагас.

Онондаги были грозным племенем, свирепым и воинственным, а каниенгас, давно привыкшие к войне, были не самым миролюбивым народом, и вскоре между ними начались раздоры, пока те и другие воевали с гуронами. Во главе онондагов стоял великий вождь Атотархо, чьи кровавые подвиги и хитроумные уловки наводили страх на соседние народы, а среди его воинов был великодушный Хиавата. Хиаватха пришел в ужас при виде страданий, причиняемых походами Атотархо, и его государственный ум уже разрабатывал проекты мира. Он видел, что в конфедерации кроются средства не только для сохранения мира среди его народа, но и для противостояния чужеземным врагам. Два года подряд он созывал собрание для рассмотрения своего плана, но каждый раз мрачное присутствие Атотархо делало обсуждение невозможным. В отчаянии Хиаватха бежал из земли онондагов, прошел на восток через страну онейдагов и, наконец, поселился среди ирокезов, в племя которых он был принят. Некоторые авторитеты утверждают, и эта идея не лишена вероятности, что Хиаватха изначально был ирокезом и что он провел некоторое время среди онондага, а затем вернулся к своему народу. Во всяком случае, ирокезы оказались более поддатливыми к разуму, чем онондаги. Среди вождей своего приемного племени Хиаватха нашел одного - Деканевида, который разделял его планы конфедерации и согласился работать вместе с ним. К онейдам были отправлены посланники, которые велели им вернуться через год, по истечении которого переговоры были возобновлены. В результате вожди онейда подписали договор, открывающий Каянерен-Кова. Посольство к онондагам было безрезультатным, так как Атотархо упорно препятствовал новому плану; но позже, когда Каянеренх Кова охватил каюгов, к могущественным онондагам снова были отправлены послания, дипломатично предлагавшие Атотархо возглавить Большой совет. Мрачный воин был умиротворен этой поблжкой своему тщеславию и снисходительно принял предложение. Мало того, вскоре он с энтузиазмом принялся за дело конфедерации и добился включения сенеков в Лигу.

Теперь конфедерация пяти народов была завершена, и "Серебряная цепь", как назывался их Большой совет, собралась на берегу Соленого озера. Число вождей, выбранных от каждого племени, в некоторой степени зависело от его численности, наибольшее число - четырнадцать - было у онондага. Должность представителя в Совете должна была быть наследственной, передаваться по женской линии, как у пиктов Шотландии и других примитивных народов, и никогда от отца к сыну.

Лига стала настолько могущественной, что название "Люди Длинного Дома" воспринималось с величайшим благоговением. Они уничтожили своих древних врагов, гуронов, напали и покорили микмаков, могижан, пауни, алгонкинов, чероки и многие другие племена. Влияние Лиги на британскую историю неисчислимо. Когда француз Шамплейн прибыл в 1611 году, он вмешался в дела гуронов - поступок, чьи далеко идущие последствия он не мог предвидеть, но именно с этого периода началась ненависть ирокезов к французам, которая обеспечила Британии успех в долгой борьбе между европейскими народами в Америке. Без помощи туземного фактора кто скажет, чем бы закончилась эта борьба?

Но ирокезы не были кровожадным народом. Между пятью народами существовали крепкие братские узы, между собой они были добры и мягки, и, по крайней мере, частично мечта Хиаваты о мире была реализована. Конечно, нелегко сказать, как далеко заходил Хиаватха в своих замыслах в плане всеобщего братства, которое ему приписывают. Задумывал ли он Великую лигу, охватывающую все народы земли, или же его амбиции полностью реализовались в союзе пяти наций - этот вопрос история не проясняет. Но даже в более ограниченном смысле его работа была великой, а возвышенный и благородный характер, которым Лонгфелло наделил своего героя, не кажется неподходящим для реального Хиаваты, который воплощает идеал "благородного дикаря" более полно, возможно, чем кто-либо другой в летописи первобытных народов.

Как и в случае с королем Артуром и Дитрихом Бернским, вокруг популярного и почитаемого имени Хиаваты вскоре сложилось множество мифов. Среди варваров обычно достаточно трех, а то и двух поколений, чтобы великая и выдающаяся личность стала мифической. Но мы предпочитаем думать об этом ирокезском государственном деятеле как о реальном человеке, яркой звезде на темном небосклоне дикости и невежества.

Каменные гиганты

Ирокезы верили, что в давние времена существовала злобная раса гигантов, чьи тела были вытесаны из камня. Трудно сказать, как возникла идея о таких существах, но возможно, что распространенное представление о гигантской расе, происходящей от Матери-Земли, в данном случае соединилось с другим верованием, согласно которому камни и скалы составляют костный каркас Земли. Пример такой веры мы находим в прекрасном древнегреческом мифе о Девкалионе и Пирре, который очень напоминает историю Ноя. Когда после великого потопа, затопившего Элладу, уцелевший корабль сел на гору Парнас, они спросили у оракула Фемиды, каким образом можно восстановить человеческий род. Оракул велел им повесить себя и бросить за спину кости матери. Они истолковали это как камни земли. Подбирая свободные куски камня, они бросали их себе на плечи, и из тех, что бросил Девкалион, появлялись мужчины, а те, что бросила Пирра, становились женщинами.

Эти каменные великаны ирокезов, обитавшие на далеком западе, посовещались между собой и решили вторгнуться на территорию индейцев и истребить род человеческий. Отряд индейцев, только что вступивших на тропу войны, был извещен о вторжении, и боги повелели им вызвать великанов на бой. Они так и сделали, и противоборствующие группы столкнулись в месте, расположенном у большого залива. Но когда чудовища надвигались на своих врагов-людей, бог западного ветра, который подстерегал их, обрушился на титанов, и они были переброшены через край залива, далеко вниз, в темную бездну внизу, где и погибли.

Пигмеи

В отличие от веры в великанов, ирокезы представляли себе существование расы пигмеев, которые обладали многими признаками тевтонских гномов. Они отвечали за красоту земных

пейзажей, которые они высекали и ваяли в скалах, шрамах и камнях, и, подобно богам-громовержцам, защищали человеческий род от многочисленных чудовищ, населявших мир в ранние времена.

Ведьмы и колдовство

У ирокезов была очень сильна вера в колдовство, а происхождение ведьм и колдовства объясняется следующей историей. Один мальчик на охоте нашел змею, цвет кожи которой был так красив, что он решил поймать ее. Он поймал ее и тщательно ухаживал за ней, кормил птицами и мелкой дичью и поселил в маленькой миске из коры, которую наполнил водой. На дно чаши он положил пух, мелкие перья и древесные волокна, а когда пошел кормить змею, то обнаружил, что все это превратилось в живые существа. Из этого он заключил, что рептилия наделена сверхъестественными способностями, и обнаружил, что и другие предметы, помещенные в воду вместе с ней, вскоре подали признаки жизни. Он раздобыл еще змей и положил их в чашу. Заметив, что некоторые мужчины из племени мажут глаза мазью, чтобы лучше видеть, он использовал немного воды из чаши, в которую были погружены змеи, для своих глаз, и lo! Взобравшись на высокое дерево, он обнаружил, что ничто не скрыто от его зрения, пронизывающего все преграды. Он мог заглянуть далеко в землю, где лежали драгоценные камни и богатые минералы. Его зрение пронзало стволы деревьев, он мог видеть сквозь горы и различать предметы, лежащие глубоко в русле реки.

Он пришел к выводу, что чем больше рептилий содержится в змеиной жидкости, тем сильнее она действует. Поэтому он поймал несколько змей и подвесил их над чашей таким образом, чтобы содержащееся в них эфирное масло капало в воду, в результате чего активность существ, которые были так странно выращены в ней, усилилась. Со временем он обнаружил, что, просто опустив один из пальцев в жидкость и направив его на любого человека, он может мгновенно околдовать его. Он добавил в воду в чаше несколько корней, часть которых затем выпил. Выдув его изо рта, он получал сильный свет, протирая им глаза, мог видеть в темноте, а с помощью других средств становился невидимым или принимал форму змеи. Если обмакнуть стрелу в жидкость и выпустить ее в любое живое существо, она убьет его, хотя может и не поразить. Не удовлетворившись открытием этой волшебной жидкости, юноша решил поискать противоядия от нее, и он собрал их.

Легенда о лекарстве

Похожую легенду рассказывают сенеки, чтобы объяснить происхождение своего "лекарства". Почти двести лет назад - по мнению дикарей, это очень большой промежуток времени - индеец отправился в лес на охоту. Однажды ночью, когда он спал в своем уединенном лагере, его разбудил сильный шум пения и ударов в барабан, как это бывает на праздниках. Встав, он направился туда, откуда доносились звуки, и, хотя никого не увидел, заметил кучу кукурузы, большую кабачковую лозу с тремя кабачками на ней и три колосья кукурузы, которые лежали отдельно от остальных. Почувствовав сильное беспокойство, он снова продолжил охоту, а когда наступила ночь, снова прилег отдохнуть. Но его сну суждено

было прерваться во второй раз, и, проснувшись, он увидел, что над ним склонился человек, который угрожающе произнес:

"Берегись: то, что ты видел, было священным. Ты заслуживаешь смерти".

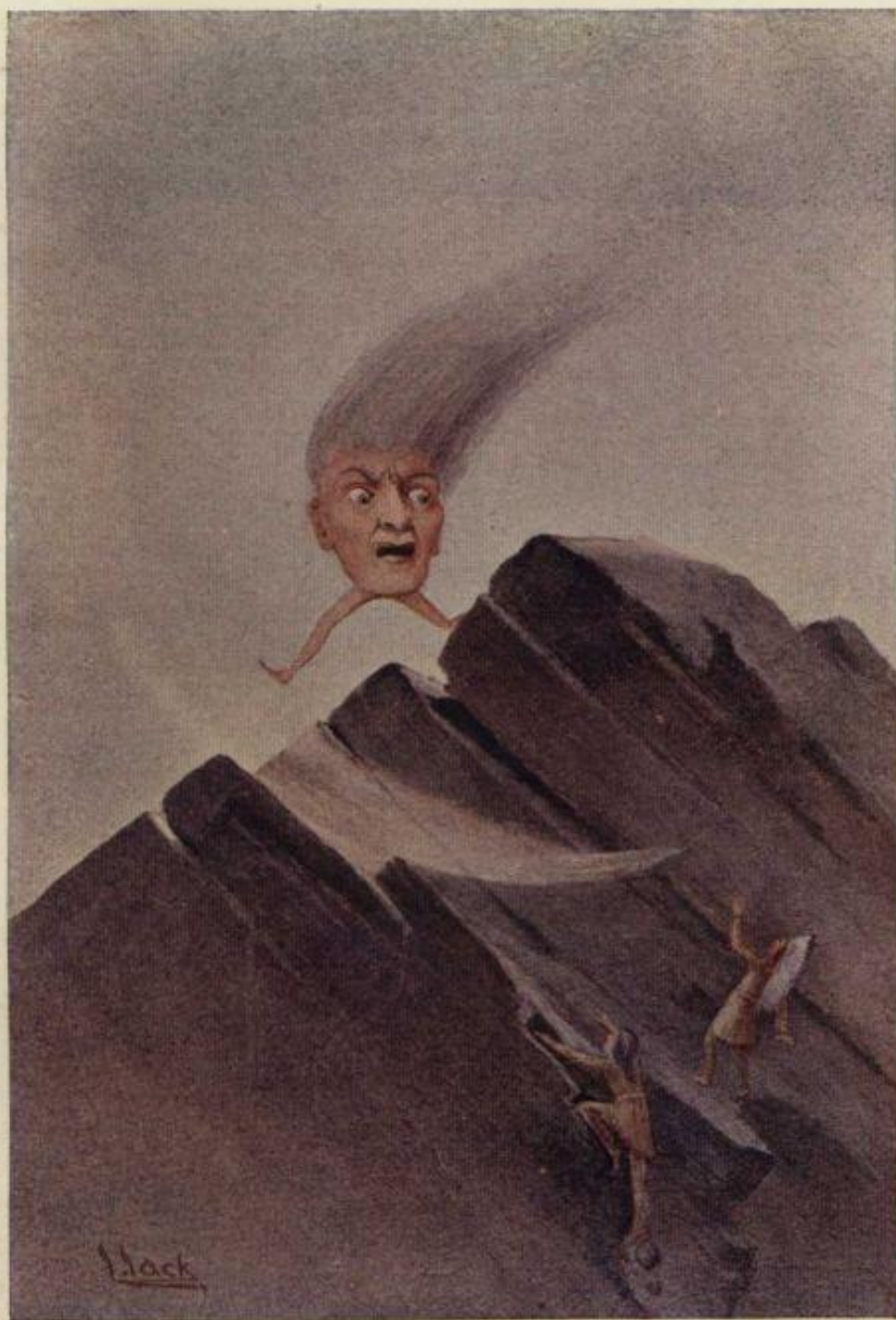
Шелест ветвей возвестил о присутствии нескольких человек, которые после некоторого колебания собрались вокруг охотника и сообщили ему, что простят его любопытство и откроют ему свой секрет. "Отличное лекарство от ран, - сказал человек, который первым разбудил его, - это кабачки и кукуруза. Пойдем со мной, и я научу тебя, как их делать и применять".

С этими словами он повел охотника к тому месту, где накануне вечером наблюдал за изготовлением лекарства, где он увидел большой костер и странного вида лавровый куст, который казался сделанным из железа. Напевая странную песню, люди медленно кружили вокруг куста под аккомпанемент бряцания тыквенных раковин. Когда охотник попросил их объяснить эту процедуру, один из них раскалил палку и воткнул ее ему прямо в щеку. Он тут же приложил немного "лекарства" к ране, и она мгновенно затянулась. Продемонстрировав таким образом силу лекарства, они запели мелодию, которую называли "лекарственной песней" и которую их ученик выучил наизусть.

Охотник повернулся, чтобы уйти, и тут же увидел, что окружавшие его существа были не людьми, как он думал, а животными - лисами, медведями и бобрами, которые убегали, когда он смотрел на них. Удивленный и даже напуганный таким поворотом событий, он со всей скоростью направился к дому, размышляя над рецептом, который дали ему странные существа. Они велели ему взять один стебель кукурузы, высушить початок и очень мелко истолочь его, затем взять один кабачок, разрезать его, истолочь и смешать все это с водой из ручья, протекающего недалеко от его истока. Этот рецепт он с большим успехом использовал среди своего народа, и именно он послужил основой для создания великого "лекарства" сенеков. Раз в год, в сезон, когда олень меняет свою шерсть, они готовят его так же, как и лесные жители, поют странную песню и танцуют вокруг него под ритмичный аккомпанемент погремушек из тыквенной скорлупы, а в это время сжигают табак для богов.

Великая голова и десять братьев

Среди индейцев ирокезов было распространено поверье о существовании диковинного и злобного существа, которое они называли Великой Головой. Это странное существо представляло собой огромную голову, стоящую на стройных ногах. Свое жилище он устроил на скале, и при виде приближающегося живого человека свирепо рычал, как настоящий людоед: "Я вижу тебя, я вижу тебя! Ты умрешь".

““ I see thee, I see thee ! Thou shalt die ’”

232

"Я вижу тебя, я вижу тебя! Ты умрешь".

Далеко-далеко в глухом местечке жила у дяди осиротевшая семья из десяти мальчиков. Старшие братья каждый день уходили на охоту, а младшие, еще не приспособленные к такой суровой жизни, оставались дома с дядей или, по крайней мере, не выходили далеко за пределы своего домика. Однажды охотники не вернулись в свой обычный час. С наступлением вечера, когда пропавшие молодые люди не подавали никаких признаков, домашняя компания забеспокоилась. В конце концов старший из оставшихся в домике

мальчиков вызвался отправиться на поиски своих братьев. Дядя согласился, и он отправился в путь, но не вернулся.

Утром другой брат сказал: "Я пойду искать своих братьев". Получив разрешение, он отправился в путь, но также не вернулся. Еще один и еще один взялись за поиски потерявшихся охотников, но как о тех, кто искал, так и о тех, кого искали, не было никаких вестей. В конце концов дома остался только самый младший из ребят, и на его мольбы разрешить ему разыскать братьев дядя ответил отказом, так как боялся потерять последнего из своих юных племянников.

Однажды, когда дядя и племянник были в лесу, последнему показалось, что он слышит глубокий стон, который, казалось, исходит из земли прямо под его ногами. Они остановились, чтобы прислушаться. Звук повторился - безошибочно человеческий стон. Они поспешно начали копать в земле и через минуту-другую наткнулись на человека, покрытого плесенью и, судя по всему, находившегося без сознания.

Пара отнесла несчастного в свой домик, где натирала его медвежьим жиром, пока он не пришел в себя. Когда он обрел способность говорить, то не смог объяснить, как его похоронили заживо. По его словам, он был на охоте, но внезапно его сознание помутилось, и он больше ничего не помнил, пока не оказался в домике со стариком и мальчиком. Хозяева умоляли незнакомца остаться с ними, и вскоре выяснилось, что он не простой смертный, а могущественный маг. Временами он вел себя очень странно. Однажды ночью, когда за окном бушевала сильная буря, он беспокойно ворочался на своем диване, но не засыпал. Наконец он обратился к старому дяде.

"Ты слышишь этот шум?" - спросил он. "Это мой брат, Великая Голова, скачет по ветру. Разве ты не слышишь, как он воет?"

Старик на мгновение задумался над этой удивительной речью, а потом спросил: "Придет ли он сюда, если ты пошлешь за ним?"

"Нет, - задумчиво ответил тот, - но мы можем привести его сюда с помощью магии. Если он придет, вы должны приготовить для него еду в виде огромных глыб кленового дерева, ведь именно на них он и живет".

Незнакомец отправился на поиски своего брата Великой Головы, взяв с собой лук, и по дороге наткнулся на дерево гикори, корни которого обеспечили его стрелами. Около полудня он приблизился к жилищу своего брата, Великой Головы. Чтобы видеть и не быть замеченным, он превратился в крота и пробирался сквозь траву, пока не увидел Великую Голову, сидящего на скале и свирепо нахмурившегося. "Я вижу тебя!" - прорычал он, устремив свои дикие глаза на сову. Человек-крот натянул лук и выпустил стрелу в Великого Голову. Стрела становилась все больше и больше, пока летела к чудовищу, но потом вернулась к тому, кто ее выпустил, и вновь обрела свой естественный размер. Человек схватил ее и бросился назад, в ту сторону, откуда пришел. Очень скоро он услышал, как Великая Голова пустился в погоню, пытая и фыркая на крыльях урагана. Когда тварь почти настигла его, он повернулся и выпустил еще одну стрелу. Так он снова и снова отбивался от преследователя, пока не заманил его в домик, где жили его благодетели. Когда Великая Голова ворвался в дом, дядя и племянник принялись энергично колотить его молотками. К их удивлению, чудовище разразилось хохотом, потому что узнало своего брата и было очень

радо его видеть. Он с аппетитом съел принесенные им кленовые бруски, после чего ему рассказали историю о пропавших охотниках.

"Я знаю, что с ними стало, - сказал Великая Голова. "Они попали в руки ведьмы. Если этот юноша, - указав на племянника, - пойдет со мной, я покажу ему ее жилище и кости его братьев".

Юноша, любивший приключения и к тому же очень желавший узнать судьбу своих братьев, сразу же согласился отправиться на поиски жилища ведьмы. И вот они с Великой Головой отправились в путь, не теряя времени, чтобы добраться до места. Они обнаружили, что пространство перед домиком усеяно сухими костями, а ведьма сидит в дверях и поет. Увидев их, она пробормотала волшебное слово, превращающее живых людей в сухие кости, но на Великого Голову и его спутника оно не произвело никакого эффекта. По заранее условленному сигналу Великая Голова и юноша напали на ведьму и убили ее. Не успела она умереть, как ее плоть превратилась в птиц, зверей и рыб. То, что от нее осталось, они сожгли в пепел.

Следующим делом было выбрать из кучи кости девяти братьев, и это оказалось нелегкой задачей. Но наконец они справились с задачей, и Великий Голова сказал своему спутнику: "Я возвращаюсь домой, к своей скале. Когда я буду проходить над головой в сильную бурю, я прикажу этим костям подняться, и они встанут и вернутся с тобой".

Юноша постоял немного в одиночестве, пока не услышал шум свирепой бури. Из урагана Великий Голова призвал братьев подняться. Через мгновение все они были уже на ногах, принимая поздравления младшего брата и друг друга, и переполненные радостью от воссоединения.

Мечь Сенеки

Удивительная история рассказывается о юноше из племени сенека, который в течение многих лет и в изнурительном плену питал надежду на мечь, столь дорогую индейской душе. Некое племя сенека обосновалось на берегах озера Эри, когда их застали врасплох древние враги - иллинойцы, и, несмотря на упорное сопротивление, многие из них были убиты, а женщина и мальчик взяты в плен. Когда победители остановились на ночлег, они развели большой костер и принялись праздновать свой успех, распевая триумфальные песни, в которых велели мальчику присоединиться к ним. Мальчик притворился, что не знает их языка, но сказал, что споет их песню на своем языке, на что они согласились, но вместо хвалебного песнопения он запел песню мести, в которой поклялся, что если его пощадят, то все они лишатся своих скальпов. Через несколько дней после этого женщина настолько обессилела, что не могла идти дальше, и иллинойцы убили ее. Но перед смертью она вырвала у мальчика обещание, что он отомстит за нее и никогда не перестанет быть сенека.

Через несколько дней они прибыли в лагерь иллинойсов, где состоялся совет по поводу судьбы пленного мальчика. Некоторые были за то, чтобы немедленно предать его смерти, но их вождь решил, что если он сможет пережить их пытки, то будет достоин стать иллинойцем. Они схватили несчастного и поднесли его босые ноги к пылающему костру совета, а затем,

пронзив их, велели ему бежать наперегонки. Он бросился вперед и бежал так быстро, что вскоре достиг Большого дома племени, где уселся на шкуру дикой кошки.

Состоялся еще один совет, и храбрецы Иллинойса согласились, что парень обладает высокой храбростью и станет великим воином; но другие утверждали, что он знает их военную тропу и может предать их, и в конце концов было решено сжечь его на костре. Когда ему предстояло погибнуть таким образом, один из пожилых воинов предложил, что если он сможет выдержать их последнюю пытку, то ему будет позволено жить. Он держал несчастного под водой в бассейне, пока в нем не осталась лишь искра жизни, но тот выжил и стал воином Иллинойса.

Прошли годы, юноша достиг зрелости и женился на дочери вождя. О его силе и выносливости ходили легенды, но воины племени, в котором он родился, не разрешали ему участвовать в своих военных походах. В конце концов было решено совершить набег на сенеков, и он так настойчиво умолял позволить ему сопровождать храбрецов, что они наконец согласились. И действительно, они были так восхищены тем, как ловко он разработал план кампании, что назначили его начальником экспедиции. В течение многих дней отряд шел к стране сенека, но когда они наконец приблизились к ней, разведчики доложили, что никаких следов племени не обнаружено и что сенека, должно быть, покинули свою территорию. Однако их вождь предложил отправиться на поиски врага самому, вместе с другим воином племени, и на это было получено согласие.

Когда пара прошла пять-шесть миль, вождь сказал своему спутнику, что будет лучше, если они разделятся, так как в этом случае они смогут преодолеть большее расстояние. Дойдя до места, где, как он знал, найдет сенека, он предупредил их об опасности и договорился, что засада его сородичей будет поджидать иллинойцев.

Вернувшись в лагерь иллинойсов, он сообщил, что ничего не видел, но хорошо запомнил место, где прятались сенека. Он попросил дать ему самых храбрых воинов и заверил совет, что скоро принесет им скальпы их врагов. Ничего не подозревая, они согласились на его предложение, и за ним последовали представители племени иллинойсов, не подозревая, что в долине их поджидают пятьсот сенека. Юноша повел своих людей прямо в сердце засады, а затем, притворившись, что не удержался на ногах, упал. Это послужило сигналом для сенеков подняться со всех сторон. С боевым кличем они выскочили из своих укрытий и обрушились на ошеломленных иллинойцев, которые со всех сторон бросились врассыпную. Резня была огромной. Месть окрылила храбрецов сенека, и из трехсот иллинойцев спаслись только двое. Вождь экспедиции был с триумфом доставлен в деревню сенека, где перед внимательными сотнями людей он рассказал историю своего пленения и давно задуманной мести. Он стал великим вождем среди своего народа, и до сих пор его имя произносится с почтением и благоговением.

Мальчик-маг

В самом сердце дикой природы жили старуха и ее маленький внук. Они не знали недостатка в занятиях изо дня в день: женщина занималась готовкой и уборкой, а мальчик - стрельбой и охотой. Бабушка часто говорила о том времени, когда ребенок вырастет и уйдет в мир.

"Всегда иди на восток", - говорила она. "Никогда не ходи на запад, потому что там тебя подстерегает опасность".

Но что это за опасность, она не говорила ему, несмотря на его настойчивые расспросы. Другие мальчики ходят на запад, думал он про себя, а почему бы и ему не пойти? Тем не менее бабушка заставила его пообещать, что он не поедет на запад.

Прошли годы, ребенок вырос и стал мужчиной, но все еще сохранял любопытство и бодрость духа своего детства. Его настойчивые расспросы заставили старую бабушку неохотно объяснить свое предостережение.

"На западе, - сказала она, - живет существо, которое хочет причинить нам зло. Если он увидит тебя, это будет означать смерть для нас обоих".

Это заявление, вместо того чтобы напугать молодого индейца, только укрепило в нем тайное решение отправиться на запад при первой же возможности. Не то чтобы он хотел навлечь на свою бедную старую бабушку несчастье больше, чем на себя, но он верил, что его сильная рука и ясная голова избавят их от врага. Так что со смехом на устах он отправился на запад.

Ближе к вечеру он пришел к озеру, где и отдохнул. Недолго он там пролежал, как вдруг услышал голос, сказавший: "Ага, мой прекрасный парень, я вижу тебя!".

Юноша огляделся вокруг и поднял глаза к небу, но никого не увидел.

"Я собираюсь послать ураган, - продолжал таинственный голос, - чтобы разбить на куски хижину твоей бабушки. Как тебе это понравится?"

"О, очень хорошо", - весело ответил юноша. "Нам всегда нужны дрова, а теперь у нас их будет много".

"Сходи домой и посмотри", - насмешливо сказал голос. "Смею предположить, что тебе не очень-то понравится".

Ничуть не обескураженный, юный искатель приключений отправился в обратный путь. Когда он приблизился к дому, поднялся сильный ветер, который, казалось, вырывал с корнем все деревья.

"Поторопитесь!" - крикнула бабушка с порога. "Мы оба погибнем!"

Затащив его внутрь и закрыв дверь, она от души отругала его за непослушание и посетовала на судьбу, постигшую их. Юноша успокоил ее страхи, сказав: "Не плачь, бабушка. Мы превратим домик в камень и спасемся".

Обладая некоторыми навыками в магии, он сделал все, как сказал, и ураган безвредно прошел над их головами. Когда он утих, они вышли из своего убежища и обнаружили вокруг себя множество дров.

Град

На следующий день юноша уже собирался снова отправиться на запад, но настоятельные просьбы бабушки заставили его на время отправиться на восток. Как только он оказался вне поля зрения домика, он снова повернулся лицом к западу. Прибыв к озеру, он снова услышал голос, хотя его обладателя по-прежнему не было видно.

"Я собираюсь послать сильный град на хижину твоей бабушки", - сказал он. "Что ты об этом думаешь?"

"О, - прозвучало в ответ, - думаю, мне это понравится. Мне всегда хотелось иметь связку копий".

"Иди домой и посмотри", - сказал голос.

Юноша пошел через лес. Небо становилось все темнее и темнее по мере приближения к дому, и как только он оказался на расстоянии выстрела из лука от маленькой хижины, разразился жестокий град, и он подумал, что погибнет, не дойдя до укрытия.

"Увы! - воскликнула старуха, когда он оказался в безопасном помещении, - на этот раз мы погибнем. Как же нам спастись?"

Юноша снова применил свои магические способности и превратил хлипкую хижину в полый камень, по которому тщетно били валы града. Наконец небо прояснилось, хижина приобрела прежний вид, и юноша увидел на земле множество острых, красивых наконечников копий.

"Я принесу шесты, - сказал он, - чтобы приспособить их для рыбалки".

Когда через несколько минут он вернулся с шестами, то обнаружил, что копья исчезли.

"Где мои прекрасные копья?" - спросил он у бабушки.

"Это были всего лишь ледяные копья, - ответила она. "Они все растаяли".

Юный индеец был очень разочарован и думал, как ему отомстить тому, кто сыграл с ним эту злую шутку.

"Вовремя опомнись, - сказала пожилая бабушка, покачав головой. "Послушайся моего совета и оставь его в покое".

Заколдованный камень

Но авантюрный дух юноши побуждал его довести дело до конца, поэтому он взял камень, повязал его на шею в качестве амулета и снова отправился на поиски озера. Внимательно следя за тем, откуда исходит голос, он увидел посреди озера огромную голову с лицом на каждой стороне.

"Ага! Дядя, - воскликнул он, - я вижу тебя! Как бы тебе понравилось, если бы озеро высохло?"

"Глупости!" - сердито сказал голос, - "этого никогда не случится".

"Иди домой и посмотри", - крикнул юноша, подражая насмешливому тону собеседника. В этот момент он взмахнул своим зачарованным камнем вокруг головы и подбросил его в

воздух. По мере падения он становился все больше и больше, и в тот момент, когда он попал в озеро, вода в нем закипела.

Парень вернулся домой и рассказал бабушке о своем поступке.

"Это бесполезно, - сказала она. "Многие пытались убить его, но все погибли при попытке".

На следующее утро наш герой снова отправился на запад и обнаружил, что озеро совсем высохло, а животные в нем мертвы, за исключением большой зеленой лягушки, которая на самом деле была тем злобным существом, что мучило индейца и его бабушку. Быстрый удар палкой покончил с этим существом, и торжествующий юноша принес радостную весть своей старой бабушке, которая с тех пор пребывала в мире и покое.

Дружелюбный скелет

Маленький мальчик, живший в лесу со своим старым дядей, получил от него предупреждение не ходить на восток, а играть рядом с домиком или идти на запад. Ребенок испытывал естественное любопытство узнать, что находится в запретном направлении, и однажды, воспользовавшись тем, что дядя ушел на охоту, забрел на восток. В конце концов он пришел к большому озеру, на берегу которого остановился отдохнуть. Здесь к нему обратился человек, который спросил, как его зовут и где он живет.

"Пойдем, - сказал незнакомец, закончив расспрашивать мальчика, - посмотрим, кто выше всех сможет пустить стрелу".

Они так и сделали, и стрела мальчика полетела гораздо выше, чем у его товарища.

Тогда незнакомец предложил устроить соревнование по плаванию.

"Посмотрим, - сказал он, - кто дальше всех проплывет под водой, не делая вдоха".

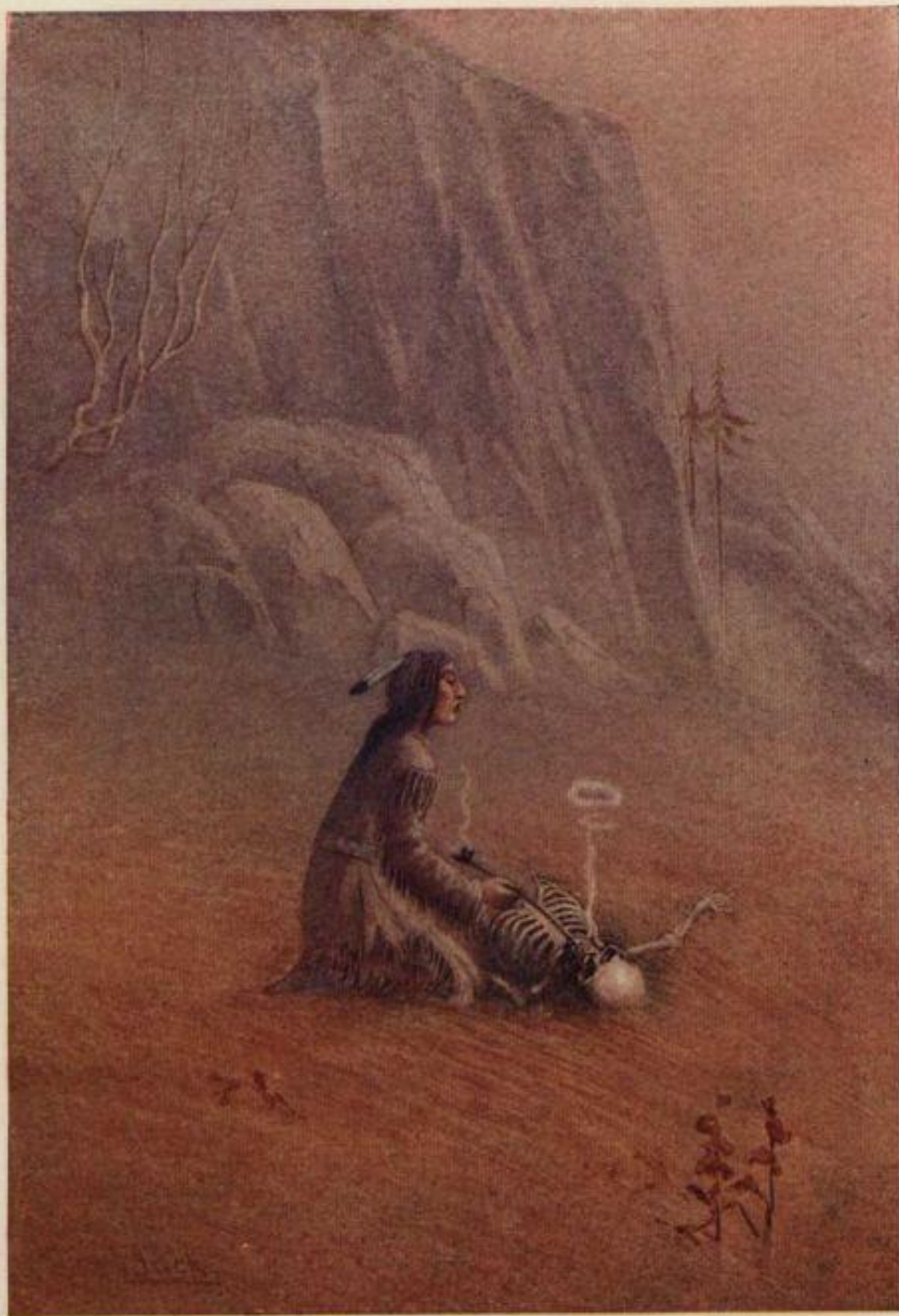
Мальчик снова победил своего соперника, и тогда тот предложил им поплыть на остров посреди озера, чтобы посмотреть на красивых птиц, которые там водятся. Ребенок охотно согласился, и они сели в диковинное каноэ, которое приводили в движение три лебедя, привязанные по обе стороны от него. Как только они заняли свои места, мужчина начал петь, и каноэ тронулось в путь. Через очень короткое время они достигли острова. Здесь маленький индеец понял, что его доверие к новообретенному другу было напрасным. Незнакомец забрал у него всю одежду, положил ее в каноэ, а сам запрыгнул в него, сказав:

"Пойдемте, лебеди, вернемся домой".

Послушные лебеди пустились в путь с хорошей скоростью и вскоре оставили остров далеко позади. Мальчик был очень зол на то, что его так плохо использовали, но когда стемнело, обида сменилась страхом, и он сел и заплакал от холода и страдания. Вдруг он услышал рядом хриплый голос и, оглянувшись, увидел на земле скелет.

"Мне очень жаль тебя, - хрипло произнес скелет. "Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе. Но сначала ты должен сделать кое-что для меня. Пойди и покопайся у того дерева, и ты найдешь кيسет с табаком, трубку и кремьнь".

Мальчик сделал все, что его попросили, и, набив трубку, зажег ее и поднес ко рту скелета. Он увидел, что в теле скелета полно мышей, а дым отпугивает их.

“He lit the pipe and placed it in the mouth of the skeleton”

244

"Он зажег трубку и положил ее в рот скелета".

"Сегодня ночью придет человек с тремя собаками", - сказал скелет. "Он идет искать вас. Ты должен проложить следы по всему острову, чтобы они тебя не нашли, а потом спрятаться в дупле дерева".

Мальчик снова послушался своего мрачного наставника, и когда он надежно спрятался, то увидел, как на берег вышел человек с тремя собаками. Всю ночь они охотились за ним, но он наделал столько следов, что собаки запутались, и в конце концов мужчина в гневе ушел. На следующий день дрожащий мальчик вышел из дома и подошел к скелету.

"Сегодня ночью, - сказал тот, - человек, который привел тебя сюда, придет выпить твоей крови. Ты должен вырыть яму в песке и спрятаться. Когда он выйдет из каноэ, ты должен войти в него. Скажите: "Идемте, лебеди, пойдемте домой", и если человек позовет вас, не оглядывайтесь".

Потерянная сестра

Все произошло так, как предсказывал скелет. Мальчик спрятался в песке, а как только увидел, что его мучитель вышел на берег, прыгнул в каноэ и поспешно сказал: "Лебеди, пойдемте домой". Затем он начал петь, как он слышал, когда они только высадились на берег. Напрасно мужчина звал его назад; он отказывался оглянуться. Лебеди отнесли каноэ к пещере в высокой скале, где мальчик нашел свою одежду, а также костер и еду. Надев одежду и утолив голод, он лег и заснул. Утром он вернулся на остров, где нашел тирана совершенно мертвым. Теперь скелет велел ему плыть на восток и искать свою сестру, которую унес свирепый человек. Он с радостью отправился в путь, и через три дня пути оказался там, где была его сестра. Он не терял времени, чтобы найти ее.

"Пойдем, сестра моя, - сказал он, - убежим вместе".

"Увы! Я не могу", - ответила девушка. "Злой человек держит меня здесь. Ему пора возвращаться домой, и он непременно поймает нас. Но давай я спрячу тебя сейчас, а утром мы уйдем".

И вот она вырыла яму и спрятала брата, но не медля ни минуты, потому что слышались шаги мужа, приближавшегося к хижине. Женщина приготовила ребенка и положила его перед мужчиной.

"У тебя гости, - сказал он, видя, что его собаки беспокойно шмыгают вокруг.

"Нет, - ответил мужчина, - я никого не видел, кроме вас".

"Я подожду до завтра, - сказал он себе. "Тогда я убью и съем его". Он уже догадался, что его жена сказала неправду. Однако он больше ничего не сказал, а дождался утра, когда, вместо того чтобы отправиться на дальнее болото в поисках пищи, как он притворялся, он затаился на небольшом расстоянии от хижины и в конце концов увидел, как брат и сестра идут к каноэ. Они едва успели сесть, как увидели, что он бежит к ним. В руке у него был большой крюк, которым он зацепил хлипкое суденышко; но парень сломал крюк камнем, и каноэ

вынырнуло на берег озера. Мужчина на мгновение растерялся и мог только выкрикивать бессвязные угрозы вслед этой парочке. Затем ему пришла в голову идея, и он, лежа на берегу, стал пить воду. Это заставило каноэ снова броситься назад, но мальчик снова оказался на высоте. Схватив большой камень, которым он сломал крюк, он бросил его в мужчину и убил его, а вода в это время устремилаь обратно в озеро. Так брат и сестра спаслись, а через три дня добрались до острова, где от души поблагодарили своего благодетеля - скелет. Однако у него было еще одно задание для молодого индейца.

"Отведи свою сестру домой, в дом своего дяди, - сказал он, - а сам возвращайся сюда и скажи многим костям, которые ты найдешь на острове: "Встань", и они снова оживут".

Когда брат и сестра добрались до своего дома, они обнаружили, что их старый дядя очень оплакивал потерю своего племянника и очень обрадовался, увидев их. По его рекомендации они построили большой домик, чтобы в нем могли разместиться люди, которых они должны были привезти с собой. Когда строительство было завершено, юноша вновь посетил остров, велел костям подняться и с радостью увидел, что они повинуются его приказу и превращаются в мужчин и женщин. Он привел их в построенный им домик, где они счастливо жили долгое время.

Пигмеи

Когда чероки жили на болотах Флориды, ирокезы практиковали набеги на их лагерь. В один из таких случаев налетчики отсутствовали дома почти два года. Накануне возвращения один из них, вождь, заболел, и остальные в растерянности не знали, что с ним делать. Очевидно, что если они понесут его с собой домой, то он значительно помешает их продвижению. Кроме того, существовала вероятность того, что он может не поправиться, и все их труды окажутся напрасными. Так они спорили до самой ночи и в конце концов решили бросить его на произвол судьбы и возвращаться самим. Больной, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, подслушал их решение, но перенес его стоически, как индейский воин. Тем не менее, услышав последний взмах весел, когда они пересекали реку, он не мог не подумать о друзьях и родственниках, которых он, вероятно, никогда больше не увидит.

Когда налетчики добрались до дома, их тщательно расспросили о местонахождении пропавшего вождя, и расспросы были тем более тревожными, что больной был очень любим в своем народе. Провинившиеся воины отвечали уклончиво. Они не знали, что стало с их товарищем, говорили они. Возможно, он потерялся или погиб во Флориде.

Тем временем больной лежал, умирая, на берегу реки. Вдруг он услышал совсем рядом мягкий шум каноэ. Судно приблизилось к берегу, и на глазах у воина из него высадились трое пигмеев. Они с некоторым удивлением рассматривали незнакомца. Наконец один из них, похоже, вождь, подошел к нему и заговорил с ним, попросив дожидаться их возвращения и пообещав присмотреть за ним. По его словам, они направлялись к некой "солонке", где водилось множество диких животных, чтобы убить нескольких из них для еды.

Солончак

Когда пигмеи прибыли на место, они обнаружили, что никаких животных еще не было видно, но очень скоро большой буйволовый бык пришел попить. Сразу же из водопоя появилась корова буйвола, и, утолив жажду, оба животных улеглись на берегу. Пигмеи решили, что настало время их убить, и, натянув луки, с успехом расправились с буйволами. Вернувшись к больному, они выполнили свое обещание позаботиться о нем и умело ухаживали за ним до полного выздоровления. Затем они отвезли его к друзьям, которые теперь узнали, что история, рассказанная им налетчиками, была ложной. Возмущенные обманом и бессердечной жестокостью этих людей, они обрушились на них и наказали их по заслугам.

Позже вождь возглавил группу людей, которым было любопытно взглянуть на лизу, и они обнаружили, что она окружена костями множества крупных животных, которых убили пигмеи.

Эта история интересна как свидетельство того, что, возможно, это были последние остатки народа пигмеев, который когда-то населял восточную часть Северной Америки до прихода краснокожих. Мы уже упоминали об этом народе на страницах, посвященных открытиям норманнов на этом континенте.

Магический змей

В семнадцатом веке среди гуронов появилась странная легенда об огромном змее, которая, вероятно, перешла к ним от соседних алгонкинов. У этого чудовища на голове был рог, который мог пронзить все, даже самый твердый камень. Считалось, что тому, кто завладеет его кусочком, будет сопутствовать удача. Гуроны не знали, где можно найти это существо, но говорили, что алгонкины имели обыкновение продавать им маленькие кусочки волшебного рога.

Возможно, наемники шауни позаимствовали этот миф у чероки для своих целей. Во всяком случае, среди обоих племен существовала похожая легенда о чудовищном змее, Короле Гремучих Змей, который обитал среди горных перевалов, сопровождаемый свитой из себе подобных. Вместо короны он носил на голове красивую драгоценность, которая обладала магическими свойствами. Многие храбрецы пытались завладеть этим драгоценным камнем, но все они становились жертвами ядовитых рептилий. В конце концов один более изобретательный воин облачился в кожу и стал неуязвим для их нападения. Добравшись до места обитания змей, он убил их чудовищного вождя. Затем, с триумфом завладев чудесной драгоценностью, он отнес ее в свое племя, где к ней относились с глубоким почтением и ревностно оберегали.

Происхождение медицины

Интересен миф чероки, повествующий о происхождении болезней и последующем появлении лечебной медицины. В давние времена, как нам рассказывают, представители животного мира были одарены речью и жили в дружбе с человеком, но человечество размножалось так быстро, что животные были вытеснены в леса и пустыни земли, так что старая дружба между ними была вскоре забыта. Пропать еще больше увеличилась с изобретением смертоносного оружия, с помощью которого человек начал массово истреблять зверей ради их плоти и шкур. Животные, поначалу удивленные, вскоре разозлились и решили принять меры возмездия. Племя медведей собралось на совет, на котором председательствовал их вождь Старый Белый Медведь. После того как несколько ораторов осудили человечество за кровожадность, было принято единогласное решение о войне, но отсутствие оружия было расценено как серьезный недостаток. Однако было предложено обратить орудия человека против него самого, а так как лук и стрелы считались главным орудием уничтожения человека, было решено изготовить образец. Был раздобыт подходящий кусок дерева, и один из медведей пожертвовал собой, чтобы обеспечить кишки для тетивы. Когда оружие было готово, выяснилось, что когти медведей портят стрельбу. Один из медведей, правда, обрезал когти и сумел попасть в цель, но Старый Белый Медведь мудро заметил, что без когтей они не смогут лазить по деревьям и сбивать дичь и что если их отрезать, то все они умрут с голоду.

Олени также собрались на совет под руководством своего вождя, Маленького Оленя, и решили, что те охотники, которые убили одного из них, не попросив прощения соответствующим образом, должны быть больны ревматизмом. Они сообщили об этом решении в ближайшее поселение индейцев и проинструктировали их о том, как следует приносить жертву, если приходится убивать одного из оленей. Так, когда охотник убивает оленя, Маленький Олень бежит к месту убийства и, склонившись над пятнами крови, спрашивает у духа оленя, слышал ли он молитву охотника о помиловании. Если ответ будет положительным, все будет хорошо, и Маленький Олень уйдет; если же ответ будет отрицательным, он выследит охотника до его хижины и поразит его ревматизмом, так что тот станет беспомощным калекой. Иногда охотники, не выучившие правильную формулу прощения, пытаются отвлечь Маленького Оленя от его преследования, разводя за собой на тропе костер.

Совет рыб

Затем рыбы и рептилии провели совместный совет и договорились преследовать тех людей, которые мучают их отвратительными снами о змеях, обвиняющих их в поедании разложившейся рыбы. Эти сны о змеях и рыбах, похоже, часто встречаются у чероки, и услуги *шаманов* по их изгнанию постоянно востребованы.

Наконец, птицы и насекомые, а также более мелкие животные собрались вместе с аналогичной целью, причем председательствовал на собрании червь-живодер. Каждый по очереди высказал свое мнение, и общее мнение было против человечества. Они придумали и назвали различные болезни.

Когда дружественные человеку растения услышали, что устроили животные, они решили расстроить их злые замыслы. Каждое дерево, кустарник и трава, вплоть до травинки и мхов, согласились предоставить средство от одной из названных болезней. Так появилась

медицина. Когда *шаман* сомневается, какое средство применить для облегчения состояния больного, дух растения подсказывает подходящее лекарство.

Чудесный чайник

Среди ирокезов есть история о двух братьях, которые жили в пустыне вдали от человеческого жилья. Старший брат уходил в лес охотиться на дичь, а младший оставался дома, присматривал за хижиной, готовил еду и собирал хворост.

Однажды вечером уставший охотник вернулся с охоты, и младший брат, как обычно, взял у него дичь и приготовил ее к ужину. "Прежде чем поесть, я немного покурю", - сказал охотник и некоторое время молча курил. Когда ему надоело курить, он лег и уснул.

"Странно, - сказал мальчик, - я думал, что он сначала захочет поесть".

Когда охотник проснулся, он обнаружил, что его брат приготовил ужин и ждет его.

"Ложись спать, - сказал он, - я хочу побыть один".

Мальчик, сильно удивляясь, сделал то, что ему велели, но не мог не задаться вопросом, как его брат может жить, если он не ест. Утром он заметил, что охотник ушел, так и не попробовав еды, и во многие последующие утра и вечера происходило то же самое.

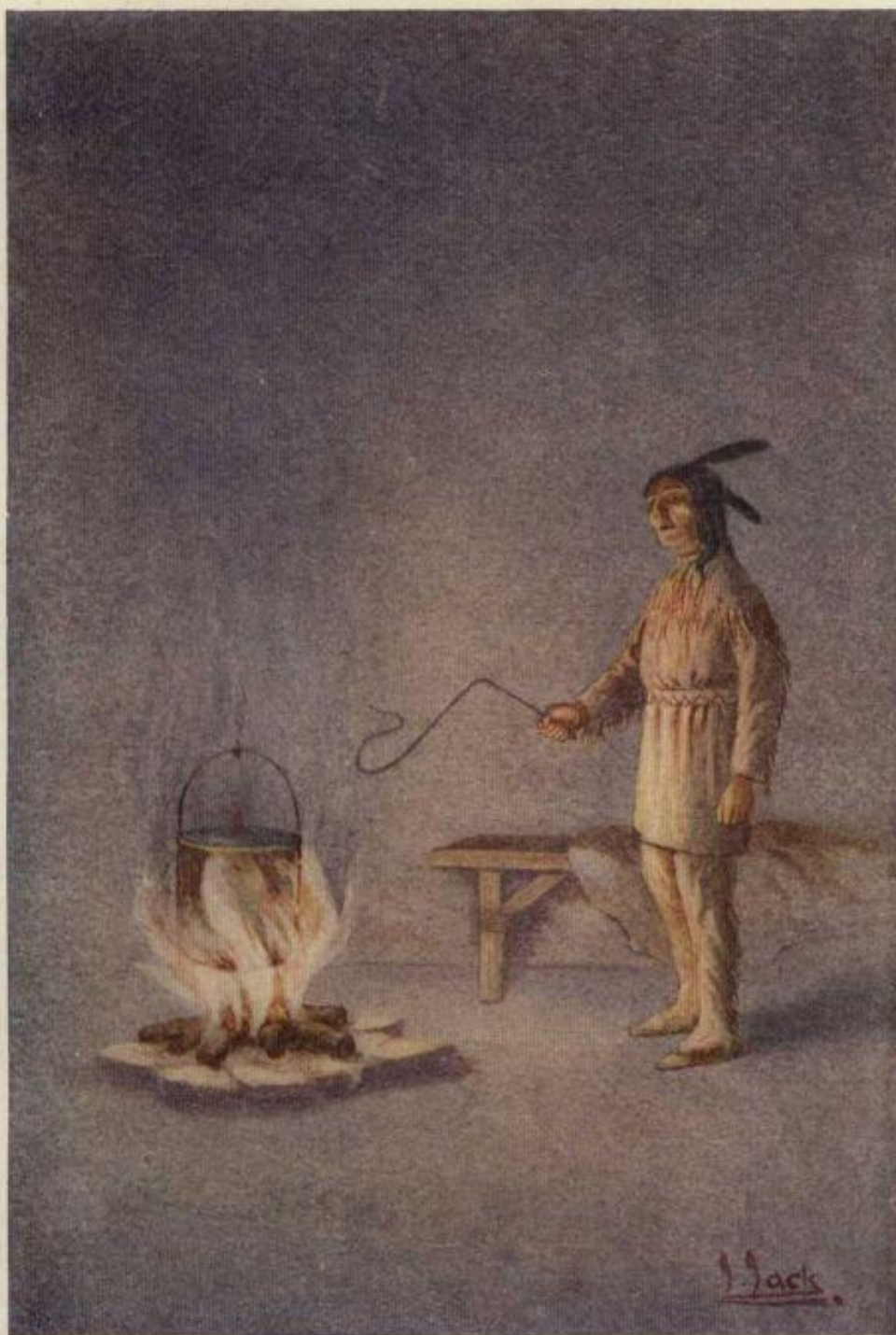
"Я должен следить за ним ночью, - сказал себе мальчик, - потому что он должен есть ночью, ведь в другое время он не ест".

В тот же вечер, когда мальчику, как обычно, велели ложиться спать, он лег и притворился крепко спящим, но все время один его глаз был открыт. Осторожно наблюдая за братом, он увидел, как тот поднялся с дивана и прошел через люк в полу, откуда вскоре вышел с ржавым чайником, дно которого он старательно скреб. Наполнив его водой, он поставил его на пылающий огонь. При этом он бил по нему кнутом, приговаривая при каждом ударе: "Расти, мой чайник!".

Послушный чайник стал гигантских размеров, и, отставив его в сторону, чтобы остыл, мужчина с явным удовольствием съел его содержимое.

Его бдительный младший брат, удовлетворенный результатом своих наблюдений, перевернулся на спину и лег спать.

Когда на следующее утро старший отправился в путь, мальчик, преисполненный любопытства, открыл дверцу ловушки и обнаружил чайник. "Интересно, что он ест, - сказал он, а внутри сосуда лежала половина каштана! Он был немало удивлен этим открытием, но про себя подумал, как обрадуется его брат, если по возвращении обнаружит, что его ждет еда по вкусу. Когда наступил вечер, он поставил чайник на огонь, взял кнут и, несколько раз ударив по нему, воскликнул: "Расти больше, мой чайник!"

““Grow larger, my kettle!””

252

""Расти больше, мой чайник!"".

Чайник становился все больше, но, к ужасу мальчика, продолжал расти, пока не заполнил всю комнату, и ему пришлось залезть на крышу и помешать ему через дымоход.

"Что ты там делаешь?" - крикнул охотник, оказавшись в пределах досягаемости.

"Я взял твой чайник, чтобы приготовить ужин", - ответил мальчик.

"Увы!" - воскликнул тот, - "теперь я должен умереть!".

Он быстро уменьшил чайник до прежних размеров и поставил его на место. Но при этом он оставался таким печальным и серьезным, что его брат пришел в ужас и взмолился, чтобы ему разрешили исправить то зло, которое он совершил. Когда прошло несколько дней, и он обнаружил, что его брат больше не ходит на охоту и не проявляет никакого интереса к жизни, а постепенно худеет и становится все более меланхоличным, его огорчение не знало границ.

"Позвольте мне принести вам каштанов, - серьезно попросил он. "Скажи мне, где их можно найти?"

Белая цапля

"Ты должен пройти целый день пути", - ответил охотник на его мольбы. "Затем вы доберетесь до реки, которую очень трудно перейти вброд. На противоположном берегу стоит домик, а рядом - каштановое дерево. Но и на этом ваши трудности только начинаются. Дерево охраняет белая цапля, которая ни на минуту не теряет его из виду. Его нанимают для этой цели шесть женщин, живущих в домике, и своими боевыми дубинками они убивают любого, кто имеет наглость приблизиться. Прошу тебя, не вздумай отправляться в столь безнадежное путешествие".

Но мальчик чувствовал, что, если бы шансы на успех были еще более ничтожными, он должен предпринять попытку ради брата, которого его безрассудство привело к гибели.

Он сделал маленькое каноэ длиной около трех дюймов и отправился в путь в направлении, указанном братом. Через день он подошел к реке, размеры которой не были недооценены. Достав из кармана свое маленькое каноэ, он вытянул его до нужной длины и пустил по огромному потоку. Через несколько минут он добрался до противоположного берега и увидел домик и каштановое дерево. По дороге ему удалось раздобыть несколько семян, которые очень любят цапли, и он рассыпал их перед красивой белой птицей, расхаживающей вокруг дерева. Пока цапля деловито их подбирала, молодой человек воспользовался случаем и набрал побольше каштанов, которые густо лежали на земле. Но прежде чем он закончил свою работу, цапля заметила незваного гостя и громко предупредила женщин в домике, которые не замедлили откликнуться. Они выскочили наружу с удочками в руках и бросились в погоню за вором. Но страх, как за брата, так и за себя, окрылил юношу, и он уже был на реке в своем каноэ, когда к берегу подплыли кричащие женщины. Старшая бросила свою леску и поймала его, но резким рывком оборвала ее. Та же участь постигла и другую, и так далее, пока все женщины не забросили свои лески. Больше они ничего не могли сделать и вынуждены были в бессильной ярости смотреть вслед удаляющемуся каноэ.

Наконец юноша, благополучно преодолев все опасности путешествия, вернулся домой со своей драгоценной ношей каштанов. Он нашел своего брата живым, но настолько слабым, что тот едва мог говорить. Однако еда из каштанов помогла ему прийти в себя, и он быстро поправился.

Каменная великанша

В давние времена было принято, чтобы жена охотника сопровождала мужа, когда он отправлялся в погоню. В таких случаях покорная жена приносила домой добытую охотником дичь, одевала и готовила ее для него.

Однажды среди ирокезов жил вождь, который был очень искусным охотником. Во всех его походах жена была его спутницей и помощницей. Во время одной экскурсии он нашел такое количество дичи, что построил на этом месте вигвам и поселился там на некоторое время со своей женой и ребенком. Однажды он отправился по новому пути, а его жена пошла по тропе, по которой они шли в предыдущий день, чтобы собрать добытую дичь. Когда женщина после тяжелого дня возвращалась домой, она услышала внутри хижины голос другой женщины. Удивленная, она вошла внутрь, но, к своему ужасу, обнаружила, что ее гостья - не кто иная, как каменная великанша. К ее тревоге добавилось то, что на руках у этой твари был ребенок вождя. Пока мать стояла в дверях и думала, как ей спасти ребенка из лап великанши, та сказала ей мягким и успокаивающим голосом: "Не бойся, заходи в дом".

Жена охотника больше не колебалась, а смело вошла в вигвам. Как только она оказалась внутри, ее страх сменился жалостью, ведь великанша явно была сильно измотана бедой и усталостью. Она рассказала жене охотника, доброй и отзывчивой, о том, как пришла из страны каменных великанов, спасаясь от жестокого мужа, который хотел ее убить, и как в конце концов нашла приют в одиноком вигваме. Она попросила молодую женщину позволить ей остаться на некоторое время, пообещав помогать ей в повседневных делах. Она также сказала, что очень голодна, но предупредила хозяйку, что та должна быть очень осторожна с едой, которую дает ей. Она не должна быть сырой или недоваренной, так как, попробовав крови, она может захотеть убить охотника, его жену и ребенка.

Поэтому жена приготовила для нее еду, позаботившись о том, чтобы она была тщательно прожарена, и они сели ужинать вместе. Каменная великанша знала, что женщина имеет привычку приносить домой дичь, и теперь заявила, что будет делать это вместо нее. Более того, она сказала, что уже знает, где ее можно найти, и настояла на том, чтобы отправиться туда немедленно. Она очень скоро вернулась, неся в одной руке груз дичи, который вряд ли смогли бы унести четверо мужчин, и женщина узнала в ней очень ценного помощника.

Приближалось время возвращения охотника, и Каменная великанша велела жене выйти навстречу мужу и рассказать ему о своей гостье. Мужчина очень обрадовался, узнав, как новоприбывшая помогла его жене, и сердечно поприветствовал ее. Утром он, как обычно, отправился на охоту. Когда он скрылся из виду в лесу, великанша быстро повернулась к женщине и сказала:

"Я должна открыть тебе секрет. За мной гонится мой жестокий муж, и через три дня он прибудет сюда. На третий день твой муж должен остаться дома и помочь мне убить его".

Когда наступил третий день, охотник остался дома, повинаясь указаниям своей гостьи.

"Теперь, - сказала наконец великанша, - я слышу, как он приближается. Вы оба должны помочь мне задержать его. Ударьте его, куда я велю, и мы непременно убьем его".

Охотник и его жена были охвачены ужасом, когда сильный шум снаружи возвестил о прибытии Каменного великана, но твердость и мужество великанши успокоили их, и они с чем-то похожим на спокойствие ждали приближения чудовища. Как только он появился в поле зрения, великанша бросилась вперед, схватила его и повалила на землю.

"Бейте его по рукам!" - крикнула она остальным. "А теперь по затылку!"

Дрожащая пара повиновалась, и очень скоро им удалось убить огромное существо.

"Я пойду и похороню его", - сказала великанша. Так закончилась жизнь каменного великана.

Странная гостья оставалась в вигваме до тех пор, пока охотнику и его семье не пришло время возвращаться в поселение, и тогда она объявила о своем намерении вернуться к своему народу.

"Мой муж мертв, - сказала она, - мне больше нечего бояться". Попрощавшись с ними, она ушла.

Целебные воды

У ирокезов есть трогательная история о том, как однажды храбрый представитель их расы спас свою жену и свой народ от вымирания.

Была зима, снег лежал толстым слоем на земле, и в лагере царила печаль, потому что с наступлением холодов народ посетила страшная чума. Не было ни одного человека, который не потерял бы кого-нибудь из родственников, а в некоторых случаях погибли целые семьи. Среди тех, кого постигла самая тяжелая утрата, был Некумонта, красивый молодой храбрец, чьи родители, братья, сестры и дети умирали один за другим на его глазах, а он был бессилен помочь им. А теперь его жена, прекрасная Шаневис, была слаба и больна. Страшная болезнь легла на ее лоб, и она знала, что скоро ей придется проститься с мужем и отправиться в мир мертвых. Она уже видела, как ее умершие друзья манят ее и приглашают присоединиться к ним, но ее ужасно огорчала мысль, что она должна оставить своего молодого мужа в печали и одиночестве. Когда она сообщила ему эту печальную новость, его отчаяние было ужасным, но после первой вспышки горя он мужественно перенес ее и решил бороться с чумой всеми своими силами.

"Я должен найти целебные травы, которые посадил Великий Маниту, - сказал он. "Где бы они ни были, я должен их найти".

Он устроил жену поудобнее на диване, укрыл ее теплыми мехами, а затем, нежно обняв ее, отправился выполнять свою нелегкую миссию.

Весь день он с нетерпением искал в лесу целебные травы, но везде лежал глубокий снег, и не было видно ни травинки. Когда наступила ночь, он пополз по мерзлой земле, думая, что обоняние поможет ему в поисках. Так три дня и ночи он блуждал по лесу, перебирался через холмы и реки в тщетной попытке найти средство, способное излечить болезнь Шаневиса.

Встретив на своем пути маленького кролика, он с нетерпением воскликнул: "Скажи, где мне найти травы, которые посадил Маниту?"

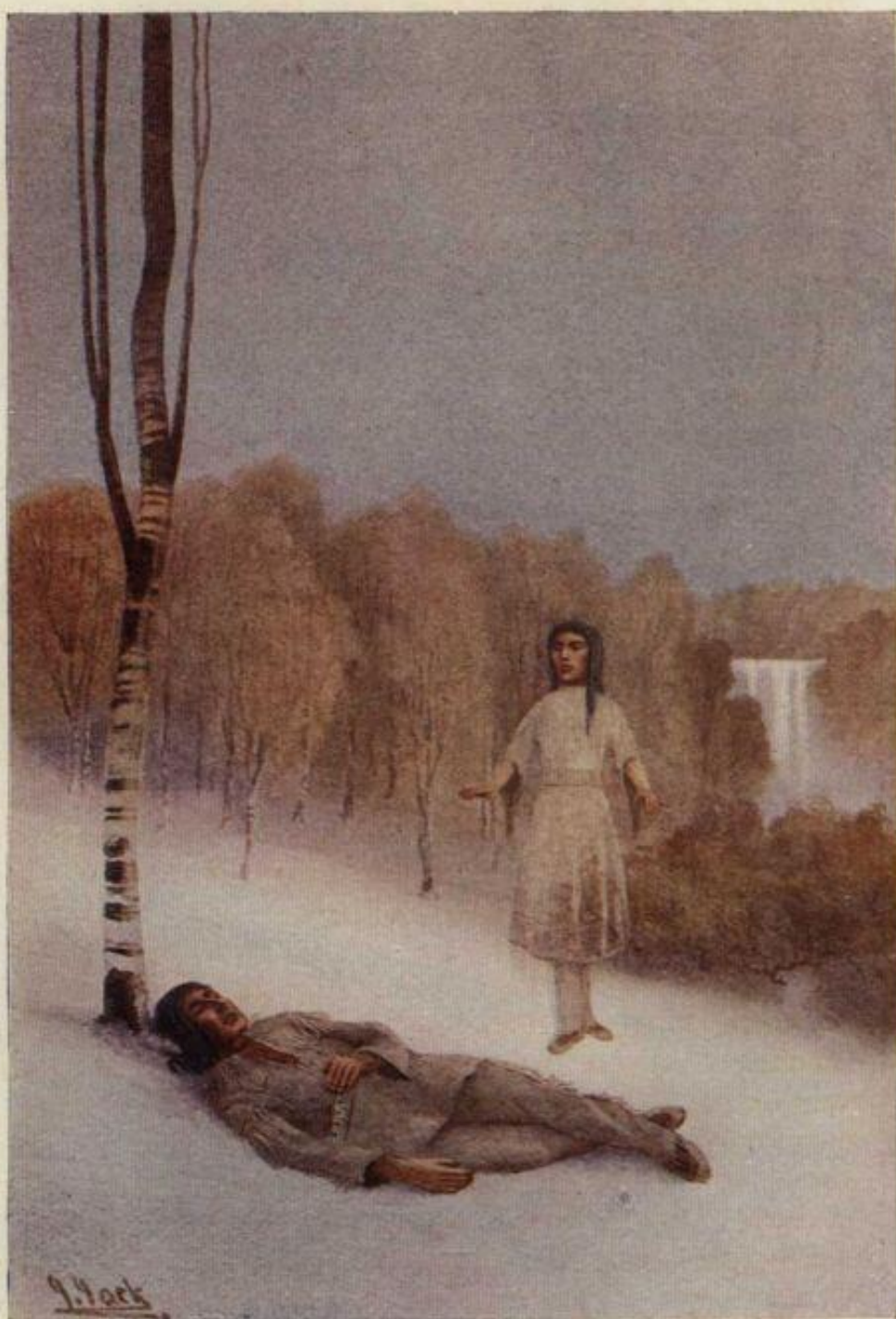
Но кролик поспешил прочь, ничего не ответив, так как знал, что травы еще не поднялись над землей, и ему было очень жаль храбреца.

Некумонта то и дело приходил к берлоге большого медведя и задавал ему тот же вопрос. Но медведь не смог дать ему ответа, и он был вынужден продолжить свой утомительный путь. Он

поочередно обратился ко всем зверям леса, но ни от одного не смог получить помощи. Да и как они могли сказать ему, что его поиски безнадежны?

Жалость деревьев

На третью ночь он очень ослабел и заболел, так как не ел с самого начала пути, оцепенел от холода и отчаяния. Он споткнулся о засохшую ветку, спрятанную под снегом, и так устал, что лег там, где упал, и тут же уснул. Все птицы и звери, все множество существ, населяющих лес, пришли посмотреть на его сон. Они вспоминали, как он был добр к ним в прежние времена, как никогда не убивал животных, если они не были ему нужны для еды или одежды, как любил и защищал деревья и цветы. Их сердца были тронуты его мужественной борьбой за Шаневиса, и они жалели о его несчастьях. Все, что они могли сделать, чтобы помочь ему, они сделали. Они взывали к Великому Маниту, чтобы он спас свою жену от чумы, охватившей ее, и Великий Дух услышал их многоголосый шепот и ответил на их молитвы.

“She sang a strange, sweet song”

258

"Она пела странную, сладкую песню".

Когда Некумонта спал, к нему пришел вестник Маниту, и он увидел сон. Во сне он увидел свою красавицу Шаневис, бледную и худую, но такую же прекрасную, как всегда, и когда он смотрел на нее, она улыбалась ему и пела странную, сладкую песню, похожую на журчание далекого водопада. Затем сцена изменилась, и он действительно услышал водопад. На

музыкальном языке она позвала его по имени, сказав: "Ищи нас, о Некумонта, и когда ты найдешь нас, Шаневис будет жить. Мы - Целебные воды Великого Маниту".

Некумонта проснулся от того, что слова песни все еще звучали в его ушах. Поднявшись на ноги, он огляделся во все стороны, но воды не было видно, хотя журчащий звук водопада был отчетливо слышен. Ему показалось, что он даже смог различить в нем слова.

Нахождение воды

"Освободи нас!" - казалось, говорило оно. "Освободи нас, и Шаневис будет спасен!"

Некумонта тщетно искал воды. И вдруг ему пришло в голову, что они должны быть под землей, прямо под его ногами. Схватив ветки, камни, кремни, он стал лихорадочно рыть землю. Работа была настолько тяжелой, что, прежде чем она закончилась, он совсем обессилел. Но наконец скрытый источник был открыт, и воды весело журчали по долине, неся с собой жизнь и счастье. Юноша омыл свои больные конечности в целебном потоке, и через мгновение он был здоров и силен.

Подняв руки, он поблагодарил Маниту. Жадными пальцами он слепил из глины кувшин и запек его в огне, чтобы он мог нести жизнь Шаневису. Когда он с сокровищами отправился в обратный путь, отчаяние сменилось ликованием, и он помчался как ветер.

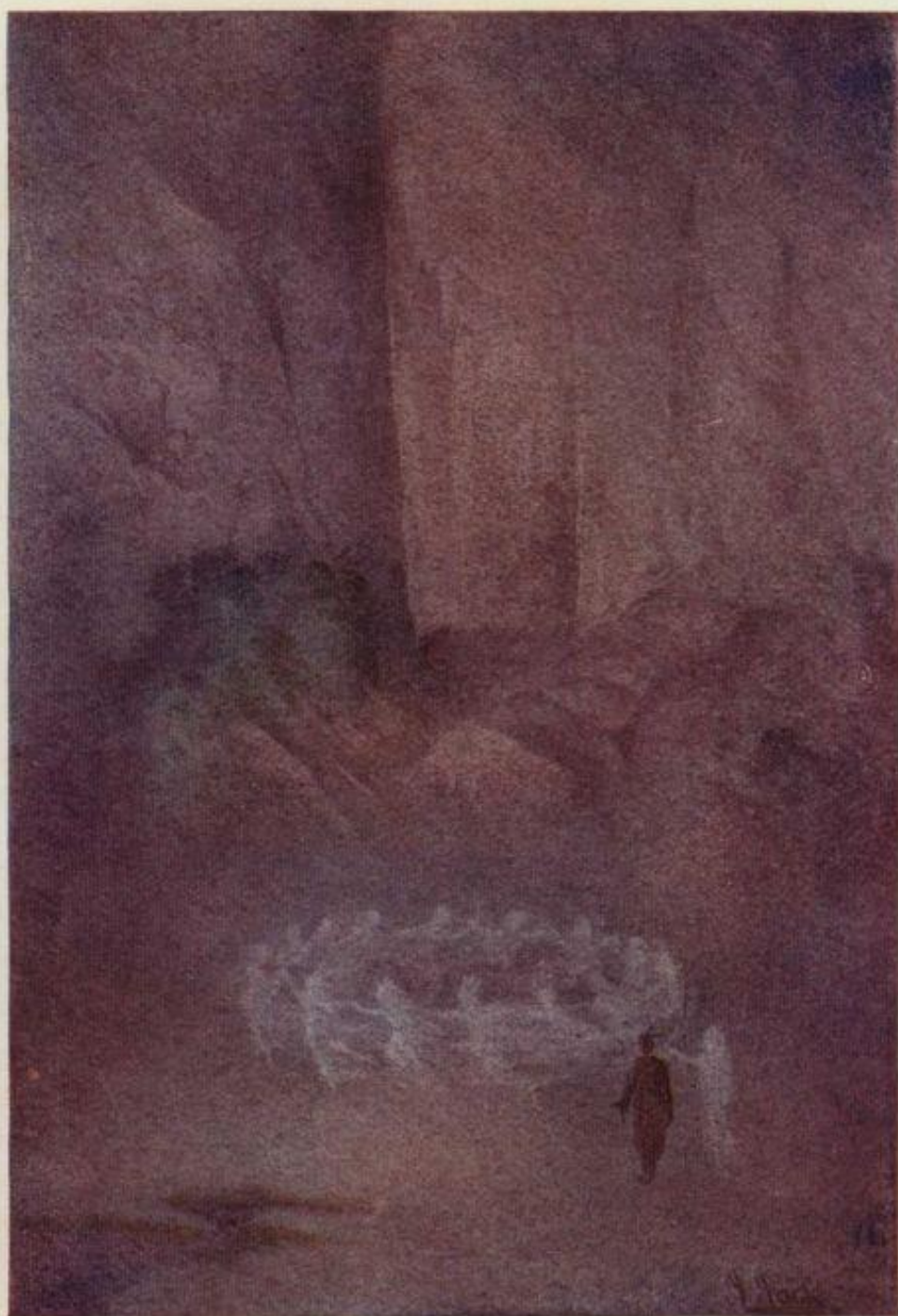
Когда он достиг своей деревни, его спутники выбежали встречать его. Их лица были печальны и безнадежны, ведь чума все еще свирепствовала. Однако Некумонта направил их к Целебным водам и вселил в них новую надежду. Шаневис он нашел на краю Страны Теней, и она едва смогла прошептать прощание с мужем. Но Некумонта не стал слушать ее отрывистых приветствий. Он влил немного Целебной воды в ее пересохшие губы, омыл ей руки и лоб, пока она не погрузилась в легкую дремоту. Когда она проснулась, лихорадка покинула ее, она была спокойна и улыбалась, и сердце Некумонта наполнилось великим счастьем.

Племя навсегда избавилось от страшной чумы, а люди дали Некумонте титул "Вождя Целебных Вод", чтобы все знали, что именно он принес им дар Маниту.

Саядио в стране духов

Легенда ирокезского племени виандот повествует о том, как молодой индеец Саядио сильно горевал о прекрасной сестре, которая умерла молодой. Он так сильно горевал по ней, что в конце концов решил искать ее в Стране духов. Долго искал он девицу, и много приключений встретил. Прошли годы в поисках, которые он уже собирался прекратить как полностью тщетные, когда ему повстречался старик, давший ему добрый совет. Этот почтенный человек также подарил ему волшебный калабаш, в котором он мог поймать и удержать дух своей сестры, если ему удастся ее найти. Впоследствии он узнал, что этот старик был хранителем той части страны духов, которую он искал.

Обрадованный тем, что добился многого, Саядио продолжил свой путь и в свое время достиг Страны Душ. Но, к своему ужасу, он увидел, что духи, вместо того чтобы выйти ему навстречу, как он ожидал, в ужасе бегут от него. Весьма удрученный, он подошел к Тареньяваго, духу-хозяину церемоний, который сжалился над ним и сообщил, что мертвые собрались на большой танцевальный праздник, подобный тому, который индейцы устраивают в определенные времена года. Вскоре начались танцы, и Саядио увидел духов, плывущих по кругу, словно венки из тумана. Среди них он увидел свою сестру и бросился вперед, чтобы обнять ее, но она ускользнула от его руки и растворилась в воздухе.

“Soon the dancing commenced”

260

"Вскоре начались танцы".

Сильно удрученный, юноша вновь обратился к сочувствующему церемониймейстеру, который дал ему волшебную погремушку огромной силы, звуком которой он мог вернуть ее. Снова зазвучала музыка духов для танца, и мертвый народ влился в круг. Саядио снова увидел свою сестру и заметил, что она настолько увлечена музыкой, что не обращает внимания на его присутствие. Быстро, как , молодой индеец окунул призрак в свой калабаш,

как вылавливают рыбу, и закрепил крышку, несмотря на все попытки захваченной души вновь обрести свободу.

Возвращаясь по земле, он без труда добрался до родной деревни, где созвал друзей, чтобы они пришли посмотреть на воскрешение его сестры. Труп девушки принесли с места упокоения, чтобы оживить ее дух, и все было готово к церемонии, когда безрассудная индейская девица из любопытства заглянула в калабаш, чтобы посмотреть, как выглядит развоплощенный дух. Мгновенно, как птица поднимается, когда открывают прутья клетки, и вылетает на свободу, дух сестры Саядио вылетел из калабаша, прежде чем испуганный юноша успел броситься вперед и закрыть крышку. Некоторое время Саядио не мог осознать свою потерю, но в конце концов напряженные глаза показали ему, что духа его сестры нет в пределах видимости. В одно мгновение он увидел крушение своих надежд и с разбитым сердцем без чувств опустился на землю.

Королева мира

Храбрец из племени онейда ирокезов охотился в лесу. Мимо него промелькнул рыжий олень, но не быстрее его стрелы: когда олень прыгнул, он отпустил древко, и оно пронзило пятнистую шкуру.

Юноша направился к туше с ножом в руке, но когда он схватился за рога, ветви расступились, и между ними опустилось гневное лицо воина племени онондага.

"Оставь этого парня, Онейда, - свирепо приказал он. "Это трофей моего лука. Я ранил зверя еще до того, как вы его увидели".

Онейда рассмеялся. "Мой брат, может, и стрелял в него, - сказал он, - но что толку, если он его не убил?"

"Туша принадлежит мне по праву лесного закона", - в ярости воскликнул другой. "Ты бросишь ее или будешь драться?"

Онейда поднялся и презрительно посмотрел на онондагу.

"Как пожелает мой брат", - ответил он. В следующий миг они сошлись в схватке не на жизнь, а на смерть.

Онондага был высок и силен, как огромное дерево леса. Онейда, ловкий, как пантера, сражался со всей отвагой молодости. Они качались туда-сюда, пока их дыхание не стало густым и быстрым, а выступивший пот не ослепил глаза. Наконец они больше не могли бороться и под действием взаимного порыва разбежались в стороны.

Ссора

"Хо! Онондага, - вскричал младший, - что за польза от этой борьбы за доллар? Неужели в домиках твоих людей нет мяса, и они должны драться за него, как горный лев?"

"Мир, юноша!" - ответил суровый Онондага. "Я не стал бы драться за бакса, если бы твой злой язык не разбудил меня. Но я старше тебя и, полагаю, мудрее. Давай поищем поблизости домик Королевы Мира, и она отдаст бакс тому, кто имеет на него больше прав".

"Хорошо", - сказал онейда, и бок о бок они отправились к домику Королевы Мира.

Пять народов в своей мудрости выделили девицу сенека, одиноко живущую в лесу, в качестве арбитра в ссорах между храбрецами. Эту деву мужчины всех племен считали священной и не похожей на других женщин. Как и древние весталки, она не могла стать невестой ни одного мужчины.

Когда Королева Мира слышала гневные крики храбрецов у своего жилища, она вышла вперед, недовольная тем, что они оскверняют окрестности ее дома.

"Мир!" - крикнула она. "Если у вас есть претензии, войдите и выскажите их. Не подобает храбрецам ссориться там, где живет Королева Мира".

При ее словах мужчины смутились. Они вошли в ложе и рассказали о своей встрече и обстоятельствах ссоры.

Когда они закончили, Королева Мира презрительно улыбнулась. "Значит, два таких храбреца, как вы, могут поссориться из-за бакса?" - сказала она. "Иди, Онондага, как старший, возьми половину добычи и отнеси ее своей жене и детям".

Но Онондага стоял на своем.

Предложения

"О королева, - сказал он, - моя жена сейчас в Стране духов, ее похитил у меня Демон Чумы. Но в моей хижине нет недостатка в еде. Я хочу снова стать женой, и твои глаза заглянули в мое сердце, как солнце пронзает тьму леса. Придешь ли ты в мой домик и приготовишь мне оленину?"

Но Королева Мира покачала головой.

"Ты знаешь, что Пять народов назначили Генетаску королевой мира, - твердо ответила она, - и что ее клятва не может быть нарушена. Иди с миром".

Онондага молчали.

Затем заговорил Онейда. "О Королева Мира, - сказал он, пристально глядя на Генетаску, чьи глаза опустились под его взглядом, - я знаю, что ты выделена Пятью Народами. Но мне пришлось в голову попросить тебя пойти со мной в мою обитель, ибо я люблю тебя. Что скажет Генетаска?"

Королева Мира покраснела и ответила: "И тебе я говорю: иди с миром", - но голос ее был шепотом, который закончился задушенным рыданием.

Два воина ушли, став добрыми друзьями после общего горя. Но Дева Мира навсегда потеряла покой. Ведь она не могла забыть юного храбреца Онейды, такого высокого, такого сильного и такого нежного.

Лето сменилось осенью, а осень побелела, превратившись в зиму. Бесчисленное множество воинов приходило в Ложу Мира для разрешения споров. Внешне Генетаска была спокойна и невозмутима, но, хотя она давала утешение другим, ее собственная грудь не могла найти его.

Однажды она сидела у костра в домике, который сгорел дотла. Она думала, мечтала о юном Онейде. Ее мысли устремились к нему, как птицы летят на юг в поисках солнца. Внезапно треск веток под твердым шагом вывел ее из задумчивости. Она быстро взглянула вверх. Перед ней стоял юноша из ее снов, бледный и измученный.

"Королева мира, - печально сказал он, - ты навела мрак на душу онейды. Больше он не может следить за охотой. Олень может спокойно идти на охоту. Он больше не может сгибать лук или метать томагавк в состязании, не может слушать рассказы долгими ночами у лагерного костра. Ты держишь его сердце в своих руках. Скажи, не отдашь ли ты ему свое?"

Королева Мира тихо прошептала: "Отдам".

Рука об руку, как два радостных ребенка, они направились к его каноэ, которое стремительно понесло их на запад. Генетаска больше не была Королевой Мира, ибо ее клятвы были нарушены силой любви.

Они были счастливы. Но не так было с мужчинами Пяти наций. Они были разгневаны тем, что Королева Мира нарушила свою клятву, и понимали, как глупо они поступили, доверившись слову молодой и красивой женщины. Поэтому они в один голос отменили должность Королевы Мира, и война и беспорядки вновь вернулись к ним.

ГЛАВА V: МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ СИУ

Индейцы сиу или дакота

Индейцы сиу или дакота живут к северу от реки Арканзас на правом берегу Миссисипи, простираясь до озера Мичиган и вверх по долине Миссури. Одно из их главных племен - айова.

Приключения Иктиника

Индейцы Айовы рассказывают множество историй об Иктинике, сыне бога Солнца, который обидел своего отца и был изгнан из небесных областей. Он пользуется среди индейцев очень плохой репутацией за обман и хитрость. Они говорят, что он научил их всему дурному, что они знают, и, похоже, считают его Отцом лжи. Омахи утверждают, что он дал им их военные обычаи, и по той или иной причине считают его своего рода богом войны. Ряд мифов повествует о его приключениях с некоторыми обитателями дикой природы. Первый из них гласит следующее.

Однажды Иктинике встретил Кролика, приветливо позвал его, назвал "внуком" и попросил оказать ему услугу. Кролик выразил готовность помочь богу в меру своих возможностей и спросил, что тот хочет от него.

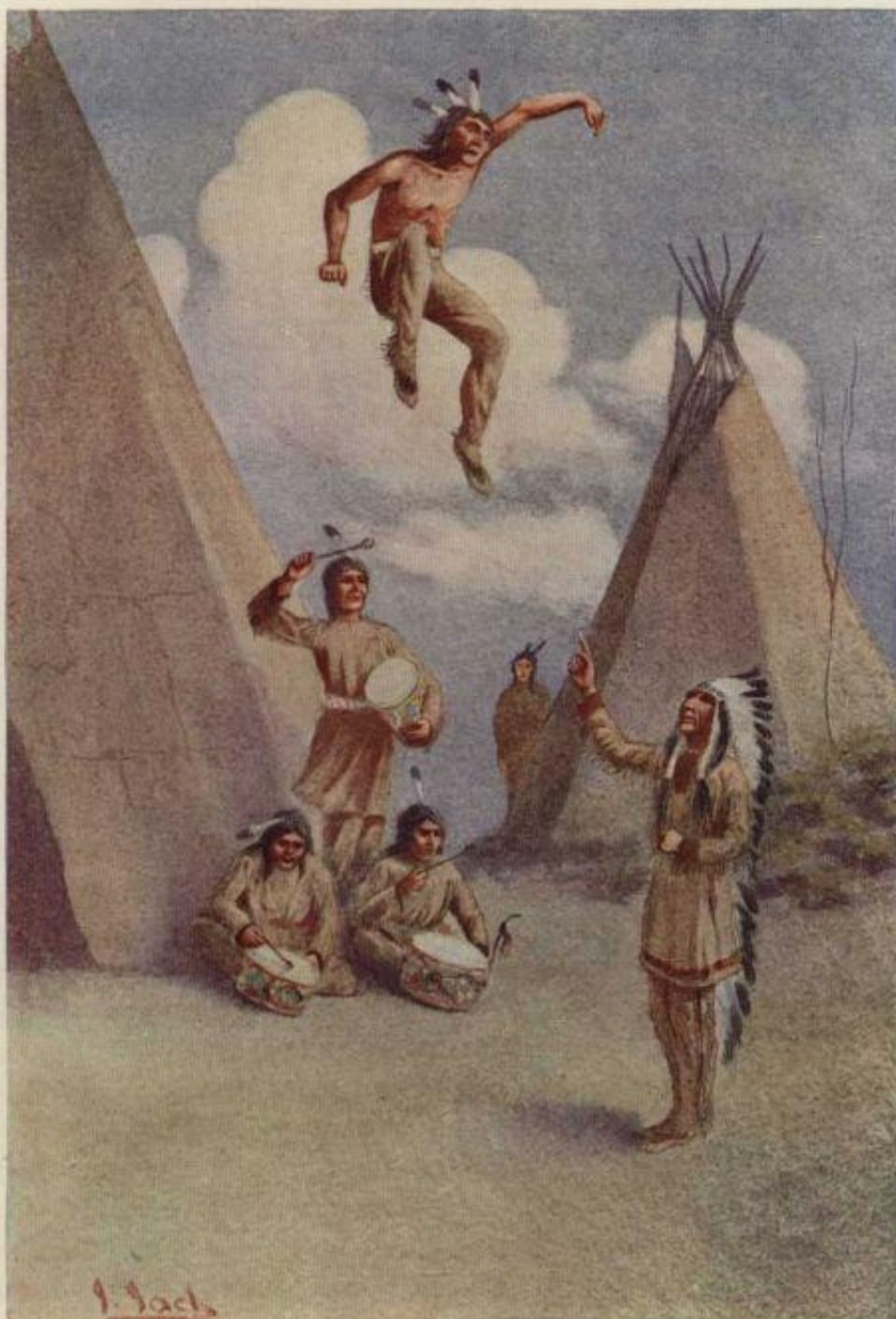
"О, внук, - сказал хитрец, указывая вверх, где в голубом своде над ними кружила птица, - возьми свой лук и стрелу и сбей эту птицу".

Кролик прикрепил стрелу к своему луку, и древко сшибло птицу, которая упала, как камень, и застряла в ветвях большого дерева.

"Теперь, внук, - сказал Иктинике, - иди на дерево и принеси мне дичь".

Однако Кролик сначала отказался это сделать, но в конце концов снял одежду и забрался на дерево, где прочно застрял среди извилистых ветвей.

Иктинике, видя, что ему не спуститься, надел на себя одежду несчастного Кролика и, немало позабавившись затруднительным положением животного, отправился в ближайшую деревню. Там он встретил вождя, у которого было две красавицы-дочери, старшую из которых он взял в жены. Младшая дочь, расценив это как оскорбление ее личной привлекательности, в порыве гнева ушла в лес. Когда она сердито расхаживала взад-вперед, то слышала, как кто-то зовет ее сверху, и, подняв голову, увидела несчастного Кролика, чей мех прилип к натуральной камеди, выделявшейся из коры дерева. Девушка срубила дерево и разожгла возле него огонь, который расплавил камедь и освободил Кролика. Кролик и дочь вождя сравнили записи и обнаружили, что существо, которое обмануло одного и оскорбило другого, одно и то же. Вместе они отправились к домику вождя, где над девушкой посмеялись из-за странного спутника, которого она привела с собой. Вдруг в воздухе над ними появился орел. Иктинике выстрелила в него и промахнулась, но Кролик с огромной силой выпустил стрелу и опустил его на землю. Каждое утро перо птицы превращалось в другого орла, и каждое утро Иктинике стреляла и промахивалась в эту вновь созданную птицу, которую Кролику неизменно удавалось убить. Так продолжалось до тех пор, пока Иктинике не износила одежду Кролика и не осталась в очень старой шкуре, но Кролик вернул ей одежду, которую он был вынужден надеть, когда Иктинике украла его. Затем Кролик приказал индейцам бить в барабаны, и каждый раз, когда они били, Иктинике подпрыгивал так высоко, что у него тряслись все кости в теле. В конце концов, после более чем обычной громкой серии ударов, он подпрыгнул на такую высоту, что, когда он спустился, оказалось, что при падении у него сломана шея. Кролик был отомщен.

“He jumped so high that every bone in his body was shaken”

268

"Он прыгнул так высоко, что у него затряслись все кости".

Икстиник и канюк

Однажды Иктиник, уставший и изможденный, встретил канюка, которого попросил оказать ему услугу и пронести его на спине часть пути. Хитрая птица тут же согласилась и, усадив Иктиника между крыльями, улетела с ним.

Не успели они далеко уйти, как пролетели над дуплистым деревом, и Иктинике начал беспокойно ерзать на своем месте, наблюдая за парящим над ним канюком. Он попросил птицу лететь дальше, но та в ответ швырнула его головой в ствол дерева, где он и оказался в плену. Долгое время он лежал там в нужде и убогости, пока наконец большая охотничья компания не разбила лагерь на этом месте. На Иктинике случайно оказались шкуры енотов, и он просунул хвосты сквозь щели в дереве. Три женщины, стоявшие неподалеку, решили, что в полном стволе оказались заточены несколько енотов, и проделали в нем большое отверстие, чтобы поймать их. Иктинике сразу же вылез, и женщины убежали. Иктинике лег на землю, притворившись мертвым, а поскольку он был покрыт енотовыми шкурами, хищные птицы - орел, грач и сорока - прилетели, чтобы съесть его. Пока они клевали его, появился канюк, чтобы присоединиться к пиршеству, но Иктинике, быстро поднявшись, вырвал перья из его скальпа. Поэтому у канюка нет перьев на голове.

Иктинике и творцы

Со временем Иктинике женился и поселился в собственном домике. Однажды он сообщил жене, что намерен навестить ее деда Бобра. Придя в домик бобра, он обнаружил, что его дед и его семья уже давно не едят и медленно умирают от голода. Стыдясь того, что им нечем угостить гостя, один из молодых бобров предложил себя в качестве еды для Иктинике, и она была должным образом приготовлена и подана гостю. Однако прежде чем Иктинике приступил к трапезе, бобер убедительно попросил его не ломать кости сына, но невольно расколол одну из костей на ногу. Закончив трапезу, он прилег отдохнуть, а Бобр собрал кости и положил их в шкуру. Он окунул их в реку, протекавшую рядом с его домиком, и через мгновение молодой бобер вышел из воды живым.

"Как ты себя чувствуешь, сын мой?" - спросил бобр.

"Увы, отец, - ответил молодой бобр, - у меня сломан один палец на ноге".

С тех пор у каждого бобра есть один палец на ноге - тот, что рядом с маленьким, - который выглядит так, как будто его раздробили от укуса.

Вскоре после этого Иктинике ушел от бобров, притворившись, что забыл свой кисет с табаком, который оставил. Бобр велел одному из своих детенышей бежать за ним с кисетом, но, зная коварный характер Иктиника, посоветовал своему отпрыску бросить его богу, когда тот окажется на некотором расстоянии. Взяв мешочек, молодой бобр поспешил за Иктинике и, повинувшись наставлениям отца, уже собирался бросить его ему со значительного расстояния, когда Иктинике позвал его: "Подойди ближе, подойди ближе".

Молодой бобр повиновался, и, взяв у него мешочек, Иктинике сказал: "Скажи своему отцу, что он должен навестить меня".

Придя домой, молодой бобер рассказал отцу о случившемся, и тот выказал сильную досаду.

"Я знал, что он так скажет, - прорычал он, - и поэтому не хотел, чтобы ты подходил к нему".

Но Бобер не смог отказаться от приглашения и со временем нанес ответный визит. Иктинике, желая сделать ему комплимент, уже собирался убить одного из своих детей, чтобы побаловать бобра, и шлепал его, чтобы заставить плакать, чтобы вызвать в себе достаточно убийственную страсть, чтобы лишить его жизни, как вдруг бобер резко заговорил с ним и сказал, что такая жертва не нужна. Спустившись к ручью, Бобр нашел у воды молодого бобра, которого принесли в домик, убили, приготовили и съели.

В другой раз Иктинике объявил жене о своем намерении позвать ее деда Мускусную Крысу. В домике Мускусной Крысы его встретил тот же рассказ о голоде, что и в доме Бобра, но Мускусная Крыса велел жене принести воды, налить ее в чайник и повесить чайник на огонь. Когда вода закипела, Мускусная Крыса достала котелок и обнаружила, что он полон дикого риса, которым и полакомился Иктинике. Как и прежде, он оставил свой кисет с табаком у хозяина, и мускусная крыса послала за ним одного из своих детей с этим предметом. Мускусная крыса пригласила его в гости, и визит был сделан. Иктинике, желая продемонстрировать свои магические способности, попросил жену повесить на огонь чайник с водой, но, к его огорчению, когда вода закипела и чайник опрокинулся, вместо дикого риса вылилась только вода. Тогда Мускусная Крыса велела наполнить котелок, и в нем появилось множество риса, что очень раздосадовало Иктинике.

Тогда Иктинике призвал деда своей жены - зимородка, который, чтобы обеспечить его едой, нырнул в реку и принес рыбу. Иктинике передал ему аналогичное приглашение, и визит был должным образом оплачен. Желая поквитаться со своим покойным хозяином, бог нырнул в реку в поисках рыбы. Однако вскоре он попал в затруднительное положение, и если бы не зимородок, то наверняка утонул бы.

Наконец, Иктинике отправился в гости к бабушке своей жены - Белке-летяге. Белка забралась на вершину своего домика и принесла вниз множество отличных черных орехов, которые Иктиник съел. Уходя из домика Белки, он специально оставил одну из своих перчаток, которую принесла за ним маленькая белка, и послал через этого гонца приглашение Белке посетить его в свою очередь. Желая показать свою сообразительность, Иктинике вскарабкался на вершину своего домика, но, не найдя там ни одного черного ореха, упал и сильно поранился. Так его самонадеянность была наказана в четвертый раз.

Четыре существа, упоминаемые в этой истории как Бобр, Мускусная крыса, Зимородок и Белка-летяга, - это четыре творческих бога сиу, с которыми Иктинике, очевидно, не мог сравниться по части репродуктивной магии.

История Вабаскаха

Интересна история Вабаскахи, храбреца из племени омаха, которая произошла примерно века назад. Партия пауни на тропе войны напала на лошадей, принадлежащих некоторым омахам, живущим у ручья Омаха. Большая часть животных принадлежала Вабаскахе, который немедленно отправился по их следу. Несколько омаха, пытавшихся спасти лошадей, также были уведены, и по прибытии отряда пауни к реке Репаблик несколько пауни предложили предать пленников смерти. Другие, однако, отказались участвовать в таком акте

и решительно выступили против этого предложения. Жена одного из вождей пауни накормила пленников, после чего ее муж разрешил им уйти.

После этого инцидента между двумя народами зародилось дружеское чувство, и пауни постоянно приглашали омаха на пиры и другие развлечения, но отказались вернуть украденных лошадей. Они сказали Вабаскахе, что если он придет за своими лошадьми осенью, то они обменяют их на определенное количество пороха, и это было лучшее соглашение, которое он мог с ними заключить. По дороге домой Вабаскаха громко оплакивал лошадей, которые составляли почти все его имущество, и призывал Ваканду, своего бога, помочь и отомстить за него. На пылком языке он поведал обстоятельства своей потери людям своего племени, и так сильно было их чувство несправедливости, допущенной по отношению к нему, что на следующий день в деревне состоялось общее собрание для рассмотрения его дела. Набили трубку, и Вабаскаха попросил мужчин своего племени поднести ее к губам, если они решат отомстить пауни. Все так и сделали, но задуманный набег отложили до ранней осени.

После летней охоты храбрецы вышли на тропу войны. Они едва успели отправиться в путь, как в их деревню прибыло несколько дакотов, которые привезли с собой табак. Дакоты объявили о своем намерении присоединиться к военному отряду омахов, по следу которого они и двинулись. Через несколько дней омахи прибыли в деревню пауни, на которую напали при свете дня. После энергичной обороны пауни были почти истреблены, а все их лошади захвачены. Дакоты, решившие помочь отряду омахов, были, однако, перебиты до единого человека. Такова была месть Вабаскахи.

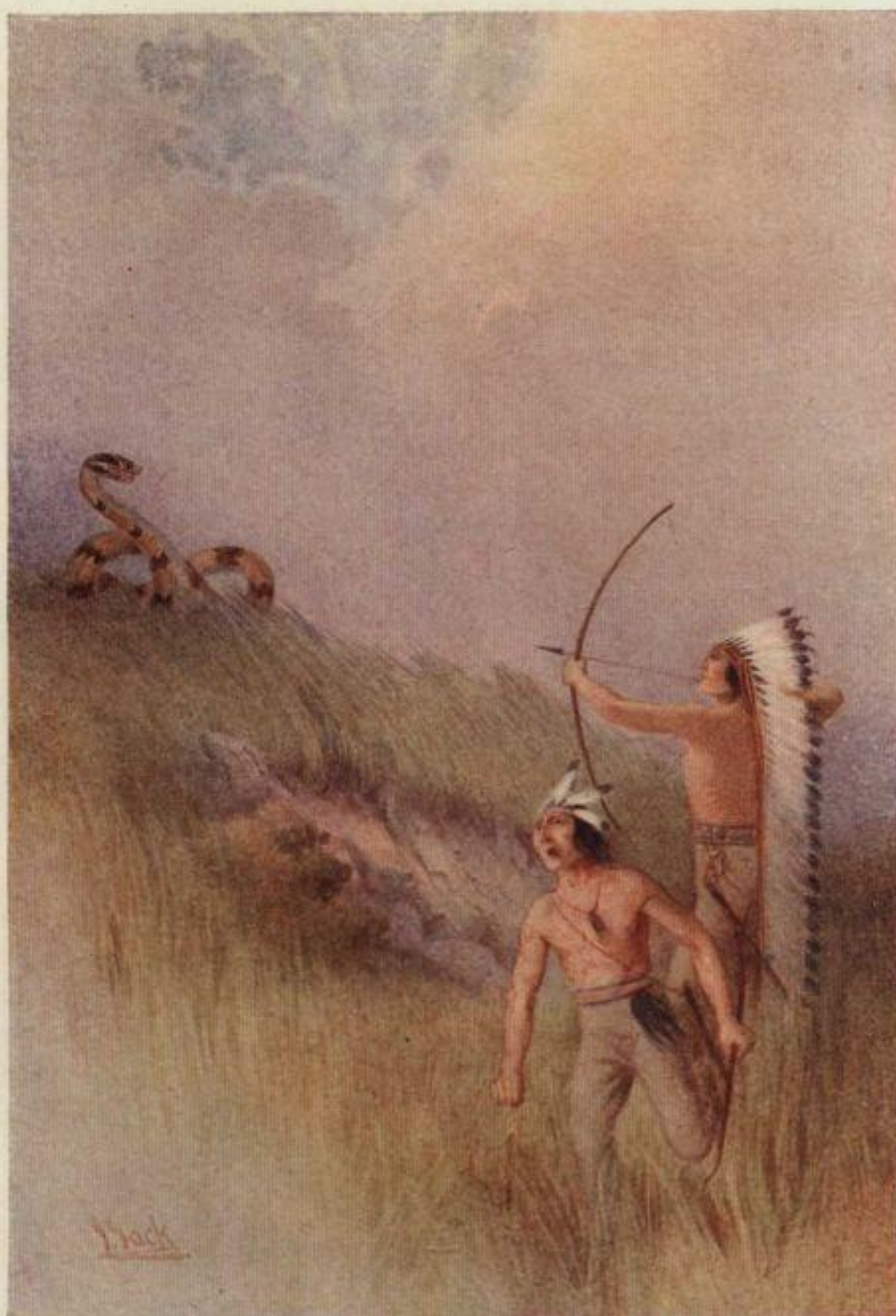
Эта история интересна как рассказ о настоящем индейском набеге, взятый из уст Джозефа Ла Флеша, индейца дакота.

Люди-серпенты

Двадцать воинов, вышедших на тропу войны, возвращались домой изможденными и голодными, и по пути они разбредались в поисках дичи, чтобы подкрепиться в пути.

Вдруг один из храбрецов, приложив ухо к земле, заявил, что слышит приближение стада бизонов.

Эта новость очень обрадовала группу, и планы вождя по перехвату животных были быстро приведены в исполнение.

The War-chief kills the Monster Rattlesnake

272

Военный вождь убивает чудовищную гремучую змею

Все ближе и ближе приближалось предполагаемое стадо. Вождь лежал неподвижно, готовый выстрелить, когда оно окажется в пределах досягаемости. Вдруг, к своему ужасу, он увидел, что к ним приближается огромная змея с погребушкой размером с человеческую голову. Почти парализованный от неожиданности и ужаса, он сумел выстрелить в чудовище и убить его. Он позвал своих людей, которые ничуть не боялись гигантского существа, даже если оно было мертво, и долго обсуждали, что им делать с тушей. В конце концов голод

победил их угрызения совести, и они решили приготовить и съесть ее. К их удивлению, мясо оказалось таким же вкусным, как у буйвола, на которого оно очень походило. Все принялись за еду, за исключением одного мальчика, который упорно отказывался от нее, хотя его уговаривали.

Покончив с едой, воины улеглись у костра и уснули. Ночью вождь проснулся и с ужасом обнаружил, что его спутники превратились в змей, а сам он уже наполовину змея, наполовину человек. Он поспешно собрал своих преображенных воинов, и они увидели, что мальчик, который не ел рептилию, сохранил свой облик. Мальчик, опасаясь, что змеи могут напасть на него, начал плакать, но воины-змеи отнеслись к нему очень доброжелательно, отдав ему свои чары и все, чем они владели.

По их просьбе он положил их в большую мантию и отнес на вершину высокого холма, где усадил под деревьями.

"Ты должен вернуться в наши домики, - сказали они ему, - а летом мы навестим наших сородичей. Проследи, чтобы наши жены и дети вышли поприветствовать нас".

Мальчик отнес эту новость в свою деревню, и друзья воинов, узнав об их судьбе, долго плакали и причитали. Но летом змеи пришли и сели группой у деревни, и все люди столпились вокруг них, громко выражая свое горе. К ним вывели лошадей, принадлежавших змеям, мокасины, набедренные повязки, плети и седла.

"Не бойтесь их, - сказал мальчик собравшимся людям. "Не убегайте от них, чтобы и с вами не случилось чего-нибудь". И они позволили змеям проползти над собой, и никакого вреда не случилось. Зимой змеи исчезли совсем, а вместе с ними их лошади и прочее имущество, и больше люди их не видели.

Три испытания

В одной деревне жила женщина, отличавшаяся необыкновенной грацией и привлекательностью. Слава о ее красоте привлекала к ней ухажеров из дальних и ближних краев, жаждущих продемонстрировать свои достоинства и завоевать любовь этого властного создания - ведь помимо красоты, ей было очень трудно угодить, и она ставила перед своими возлюбленными такие испытания, которые никто и никогда не мог выполнить.

Некий молодой человек, живший на значительном расстоянии, был наслышан о ее великих чарах и решил завоевать ее. Трудность задачи не обескуражила его, и, полный надежд, он отправился в путь.

По дороге он подошел к очень высокому холму и увидел на его вершине человека, который то поднимался, то садился через короткие промежутки времени. Когда будущий жених приблизился, он заметил, что тот прикрепляет к своим лодыжкам большие камни. Юноша подошел к нему и сказал: "Зачем ты привязываешь эти большие камни к своим лодыжкам?"

"О, - ответил тот, - я хочу гоняться за буйволами, но всякий раз, когда я это делаю, я иду дальше их, поэтому я привязываю камни к лодыжкам, чтобы не бегать так быстро".

"Друг мой, - сказал жених, - ты можешь побегать в другой раз. А пока я без спутника: пойдем со мной".

Стремительный согласился, и они вместе отправились в путь. Не успели они отойти далеко, как увидели два больших озера. У одного из них сидел человек, который часто склонял голову к воде и пил. Удивившись, что он не утоляет жажду, они сказали ему: "Почему ты сидишь и пьешь из озера?"

"Я никогда не могу набрать достаточно воды. Когда я закончу это озеро, я приступлю к другому".

"Друг мой, - сказал жених, - не трудись пить ее сейчас. Иди и присоединяйся к нам".

Жаждающий согласился, и трое товарищей отправились дальше. Пройдя еще немного, они заметили человека, который шел с поднятым к небу лицом. Любопытствуя, почему он так себя ведет, они обратились к нему.

"Почему ты идешь с поднятыми к небу глазами?" - спросили они.

"Я пустил стрелу, - ответил он, - и жду, когда она снова появится".

"Не обращай внимания на свою стрелу", - сказал жених. "Пойдем с нами".

"Я пойду", - сказал Искусный Лучник.

Когда четверо спутников шли через лес, они увидели странное зрелище. Человек лежал, приложив ухо к земле, и если он на мгновение поднимал голову, то снова склонял ее, внимательно слушая. Четверо подошли к нему и сказали: "Друг, к чему ты так внимательно прислушиваешься?"

"Я слушаю, - ответил он, - как растут растения. Этот лес полон растений, и я слушаю их дыхание".

"Ты можешь слушать, когда представится случай", - сказали ему. "Иди и присоединяйся к нам".

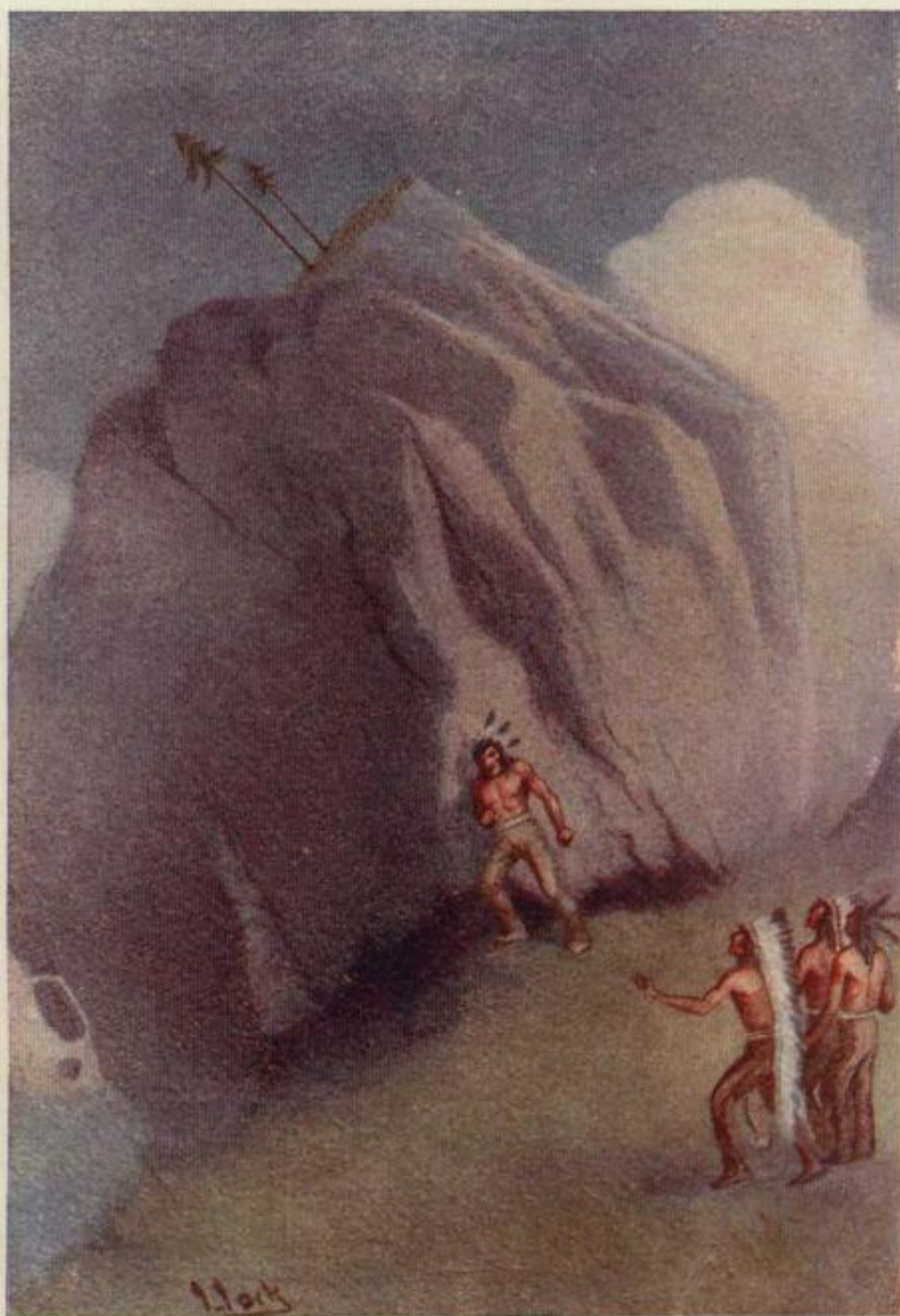
Он согласился, и так они отправились в деревню, где жила прекрасная дева.

Когда они добрались до места назначения, их быстро окружили жители деревни, которые проявили немалое любопытство, чтобы узнать, кто их гости и с какой целью они приехали в такую даль. Услышав, что один из незнакомцев хочет жениться на деревенской красавице, они покачали головами. Неужели он не знал о трудностях на пути? Убедившись, что он не отступит от своей цели, они привели его к огромной скале, возвышавшейся над деревней, и описали первое испытание, которое ему предстоит пройти.

"Если ты хочешь завоевать девицу, - сказали они, - ты должен прежде всего отодвинуть этот огромный камень. Он заслоняет от нас солнечный свет".

"Увы!" - сказал юноша, - "это невозможно".

"Не так, - сказал его спутник с быстрыми ногами, - нет ничего проще".

“ He leaned his shoulder against the rock ”

276

"Он прислонился плечом к скале".

Сказав это, он уперся плечом в скалу, и она с сильным треском рухнула со своего места. От ее разрушения произошли скалы и камни, которые разбросаны по всему миру.

Второе испытание было иного рода. Люди принесли чужеземцам большое количество еды и воды и велели им есть и пить. Будучи очень голодными, они с успехом расправились с едой, но поклонник с грустью смотрел на большие котелки с водой.

"Увы, - сказал он, - кто сможет выпить это?"

"Я могу", - сказал Жаждающий и в мгновение ока выпил все.

Люди были поражены способностями гостя. Однако они сказали: "Есть еще одно испытание", - и вывели женщину, которая была очень быстрой бегуньей, настолько быстрой, что никто никогда не обгонял ее в беге.

Гонка

"Ты должен состязаться с этой женщиной", - сказали они. "Если ты победишь, то получишь руку девы, которую ты пришел искать".

Естественно, жених выбрал для этого испытания Стремительного. Когда бегуны стартовали, люди приветствовали их как достойных соперников, и они мчались вместе, пока не скрылись из виду.

Когда они достигли поворота, женщина сказала: "Пойдемте, отдохнем немного".

Мужчина согласился, но не успел он присесть, как заснул. Женщина воспользовалась случаем. Убедившись, что ее соперник крепко спит, она отправилась в деревню, бегая изо всех сил.

Тем временем четверо товарищей с тревогой ждали возвращения соперников, и велико было их разочарование, когда женщина появилась, а их чемпиона все еще не было видно.

Мужчина, который слышал, как растут растения, пригнул ухо к земле.

"Он спит, - сказал он, - я слышу его храп".

Искусный лучник вышел вперед и, откусив острие стрелы, сказал: "Скоро я его разбужу".

Он выпустил стрелу из тетивы с такой меткостью, что она ранила спящего в нос и пробудила его от дремоты. Бегун поднялся на ноги и огляделся в поисках женщины. Ее не было. Понимая, что его обманули, Стремительный направил все свои силы на то, чтобы догнать ее. Когда он обогнал ее, она была уже в нескольких ярдах от победного столба. С небольшим отрывом, но все же Стремительный выиграл гонку для своего товарища.

После этого юноша женился на девушке, которая оказалась всем тем, что утверждали ее поклонники, и даже больше.

Змей-людоед

Однажды молодой храбрец, чувствуя недовольство миром в целом и желая избавиться от этого настроения, покинул домики своего народа и отправился в лес. Вскоре он вышел на открытое пространство, в центре которого возвышался высокий холм. Решив подняться на вершину и разведать обстановку, он направил свои шаги туда, но по пути заметил человека, который шел в противоположном направлении и направлялся к тому же месту. На вершине

они встретились и несколько мгновений стояли, молча глядя друг на друга. Незнакомец заговорил первым, серьезно пригласив молодого храбреца пройти с ним в его домик и отоспаться. Тот принял приглашение, и они отправились в указанном незнакомцем направлении.

Подойдя к домику, юноша с удивлением увидел, что перед дверью лежит большая куча костей. Внутри сидела очень старая женщина и возилась с котелком. Однако когда юноша узнал, что пир будет каннибальским, он отказался от участия в нем. Тогда женщина сварила для него кукурузу и рассказала, что его хозяин - не кто иной, как человек-змея, людоед, убивающий и поедающий людей. Поскольку храбрец был молод и очень красив, старуха сжалась над ним и стала сетовать на судьбу, которая непременно постигнет его, если он не сможет спастись от козней человека-змеи.

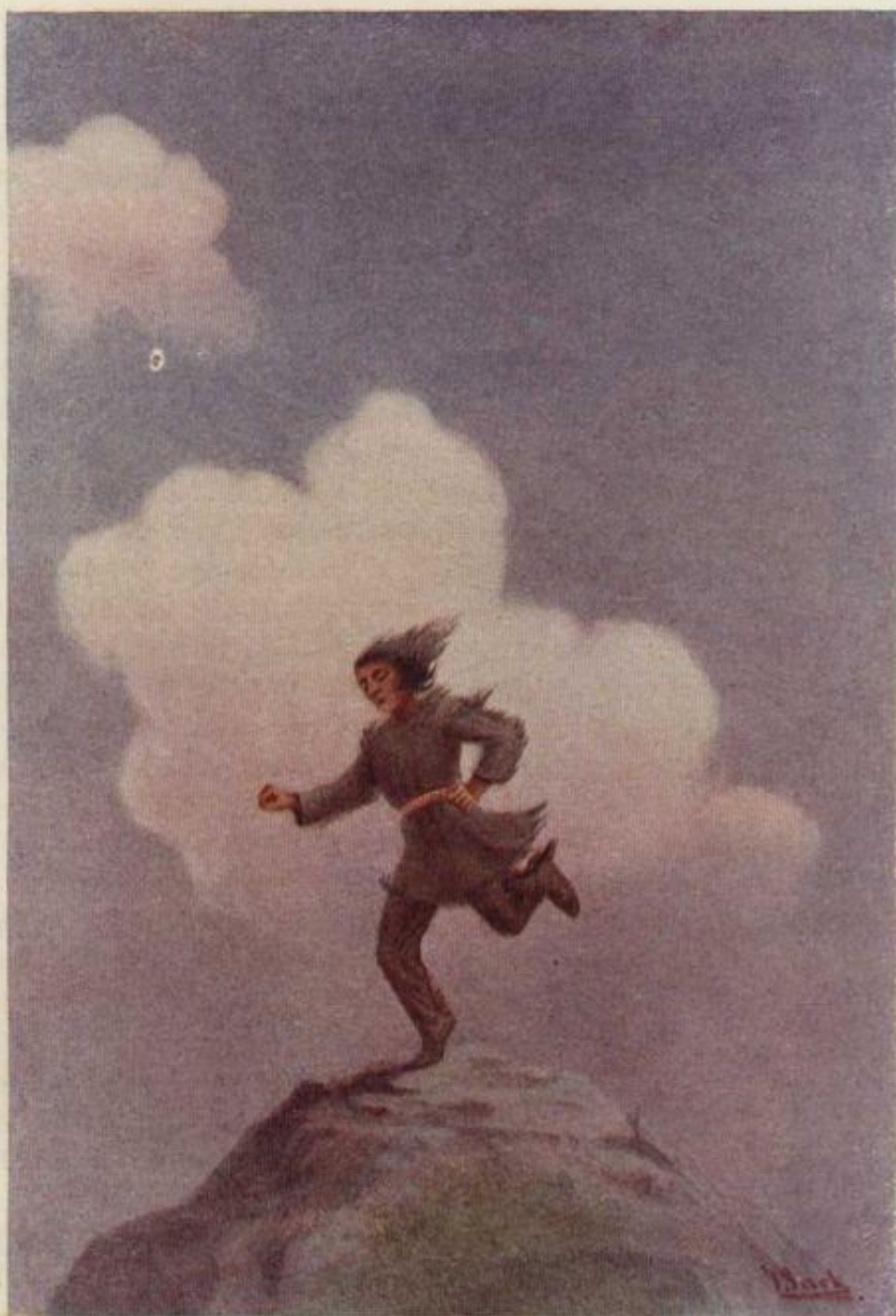
"Послушай, - сказала она: "Я скажу тебе, что делать. Вот мокасины. Когда наступит утро, надень их на ноги, сделай один шаг, и ты окажешься на том мысу, который видишь вдали. Отдайте эту бумагу человеку, которого вы там встретите, и он направит вас дальше. Но помните, что, как бы далеко вы ни зашли, вечером Змей догонит вас. Когда вы закончите с мокасинами, снимите их, положите на землю лицом в эту сторону, и они вернутся".

"И это все?" - спросил юноша.

"Нет", - ответила она. "Прежде чем уйти, ты должен убить меня и накинуть на мои кости халат".

Волшебные мокасины

Юный храбрец немедленно приступил к выполнению этих указаний. Прежде всего он убил старуху и распорядился ее останками в соответствии с ее повелением. Утром он надел волшебные мокасины, которые она для него приготовила, и одним большим шагом добрался до далекого мыса. Здесь он встретил старика, который принял от него бумагу, а затем, дав ему еще одну пару мокасин, направил его в дальнюю точку, где он должен был передать еще один лист бумаги человеку, который будет ждать его там. Повернув первые мокасины в сторону дома, молодой храбрец использовал вторую пару и сделал еще один гигантский шаг. Прибыв на второй этап своего путешествия от жилища Змеи, он обнаружил, что тот повторяет первый. Его направили в другое отдаленное место, а оттуда - в еще одно. Но когда он передал свое послание в четвертый раз, с ним поступили несколько иначе.

“ With one great step he reached the distant headland ”

280

"Одним большим шагом он достиг далекого мыса".

"Внизу, в ложбине, - сказал получатель бумаги, - есть ручей. Иди к нему и иди прямо, но не смотри на воду".

Юноша сделал все, как ему было велено, и вскоре оказался на противоположном берегу ручья.

Он пошел вверх по ручью, а с наступлением вечера наткнулся на место, где река расширялась и превращалась в озеро. Обогнув его берега, он вдруг оказался лицом к лицу со Змеем. Только тогда он вспомнил слова старухи, которая предупреждала его, что вечером Змей настигнет его. Поэтому он превратился в маленькую рыбку с красными плавниками, лениво плещущуюся в озере.

Поиски Змея

Змей, сидевший на берегу, увидел маленькое существо и воскликнул: "Маленькая рыбка! Не видела ли ты того, кого я ищу? Если бы над озером пролетела птица, ты бы наверняка ее увидела, вода так неподвижна, и, конечно, ты видела человека, которого я ищу?"

"Не так, - ответила Маленькая Рыбка, - я никого не видела. Но если он пройдет здесь, я скажу тебе".

И Змей продолжил путь вниз по течению, и тут прямо на его пути появилась маленькая серая жаба.

"Жаба, - сказал он, - не видела ли ты того, кого я ищу? Даже если бы здесь была только тень, ты должна была бы его увидеть".

"Да, - сказала маленькая жаба, - я видела его, но не могу сказать, в какую сторону он ушел".

Змея удвоилась и вернулась по своему следу. Увидев на мелководье очень большую рыбу, он сказал: "Видел ли ты человека, которого я ищу?"

"Это тот, с кем ты только что разговаривал", - ответила рыба, и Змей повернул в сторону дома. Встретив мускусную крысу, он остановился.

"Не видел ли ты человека, которого я ищу?" - спросил он. А потом, почувствовав подозрения, хитро добавил: "Я думаю, что это ты".

Но Мускусная Крыса начал горькую жалобу.

"Только что, - сказал он, - тот, кого ты ищешь, прошел мимо моего домика и сломал его".

Тогда Змей пошел дальше и наткнулся на красногрудую черепаху.

Он повторил свой вопрос, и черепаха сказала ему, что объект его поисков можно встретить дальше.

"Но берегись, - добавил он, - если ты не узнаешь его, он убьет тебя".

Следуя по ручью, Змея наткнулась на большую зеленую лягушку, плавающую на мелководье.

"Я с самого утра искал человека, - сказал он. "Думаю, что это ты".

Лягушка развеяла его подозрения, сказав: "Ты встретишь его дальше по течению".

Затем Змея нашла большую черепаху, плавающую среди зеленых отбросов на озере. Взобравшись на спину черепахи, он сказал: "Ты, должно быть, тот, кого я ищу", и его голова поднималась все выше и выше, готовясь нанести удар.

"Нет", - ответила Черепаха. "Следующим, кого ты встретишь, будет он. Но берегись, ибо если ты его не узнаешь, он убьет тебя".

Пройдя еще немного вниз, Змей попытался перебраться через ручей. Посередине был водоворот. Как ни был он хитер, Змей не узнал своего врага, и водоворот увлек его в воду и утопил. Так юноше удалось убить Змея, который весь день пытался расправиться с ним.

История о лососе

Некий вождь, у которого была очень красивая дочь, не хотел расставаться с ней, но, зная, что придет время, когда она выйдет замуж, устроил для ее женихов состязание, в котором нужно было сломать пару лосиных рогов, висевших в центре ложа.

"Тот, кто сломает эти рога, - объявил старый вождь, - получит руку моей дочери".

Первыми пришли четвероногие - улитка, белка, выдра, бобр, волк, медведь и пантера; но всех их сил и умений не хватило, чтобы сломать рога. Далее последовали птицы, но и их усилия оказались безрезультатными. Единственным существом, не попытавшимся совершить подвиг, осталась слабая тварь, покрытая язвами, которую озорная Голубая сойка насмешливо вызвала для выполнения задания. После неоднократных насмешек хитрой птицы существо поднялось, отряхнулось, стало целым, чистым и очень приятным на вид, и собравшиеся увидели, что это был Лосось. Он схватил рога лося и легко разломал их на пять частей. Затем, забрав свой приз, дочь вождя, он повел ее прочь.

Не успели они отойти далеко, как люди сказали: "Давайте пойдем и вернем дочь вождя", и они отправились в погоню за парой вдоль морского берега.

Когда Салмон увидел, что происходит, он создал залив между собой и своими преследователями. В конце концов люди добрались до того места, где стоял Лосось, но он сделал еще одну бухту, и, приглядевшись, они увидели его на дальнем краю этой бухты. Так продолжалась погоня, пока Лосось не устал пользоваться своей магической силой.

Койот и Барсук, опередившие остальных, решили выстрелить в Лосося. Стрела попала ему в шею и мгновенно убила его. Когда подошли остальные члены группы, они отдали дочь вождя волкам, и она стала женой одного из них.

Через некоторое время люди вернулись в свою деревню, и Ворона, которая была теткой Лосося, узнала о его смерти. Она поспешила на то место, где он был убит, чтобы поискать его останки, но все, что ей удалось найти, - это яйцо лосося, которое она спрятала в ямке на берегу реки. На следующий день она обнаружила, что икринка стала намного больше, на третий день это была маленькая форель, и так она росла, пока не превратилась в полноценного лосося, а в конце концов и в красивого юношу.

Волшебная ванна лосося

Приведя юного Салмона к горному водоему, его бабушка сказала: "Искупайся там, и ты сможешь увидеть духов".

Однажды Лосось сказал: "Я устал видеть духов. Позвольте мне уйти".

Тогда старый Ворон рассказал ему о смерти его отца от рук Барсука и Койота.

"Они забрали лук твоего отца", - сказала она.

Лосось пустил стрелу в сторону леса, и лес загорелся. Он пустил стрелу в сторону прерии, и она тоже загорелась.

"Воистину, - пробормотал старый Ворон, - ты видел духов".

Решив забрать отцовский лук, Лосось отправился к домику, где жили Койот и Барсук. Он обнаружил, что дверь закрыта, а существа с почерневшими лицами делают вид, что оплакивают смерть старого Лосося. Однако он не поддался на их уловки, а смело вошел и потребовал лук своего отца. Четыре раза они давали ему другие луки, которые ломались, когда он их натягивал. На пятый раз он получил действительно отцовский лук. Выведя Койота и Барсука на улицу, он сбил их вместе и убил.

Волчий домик

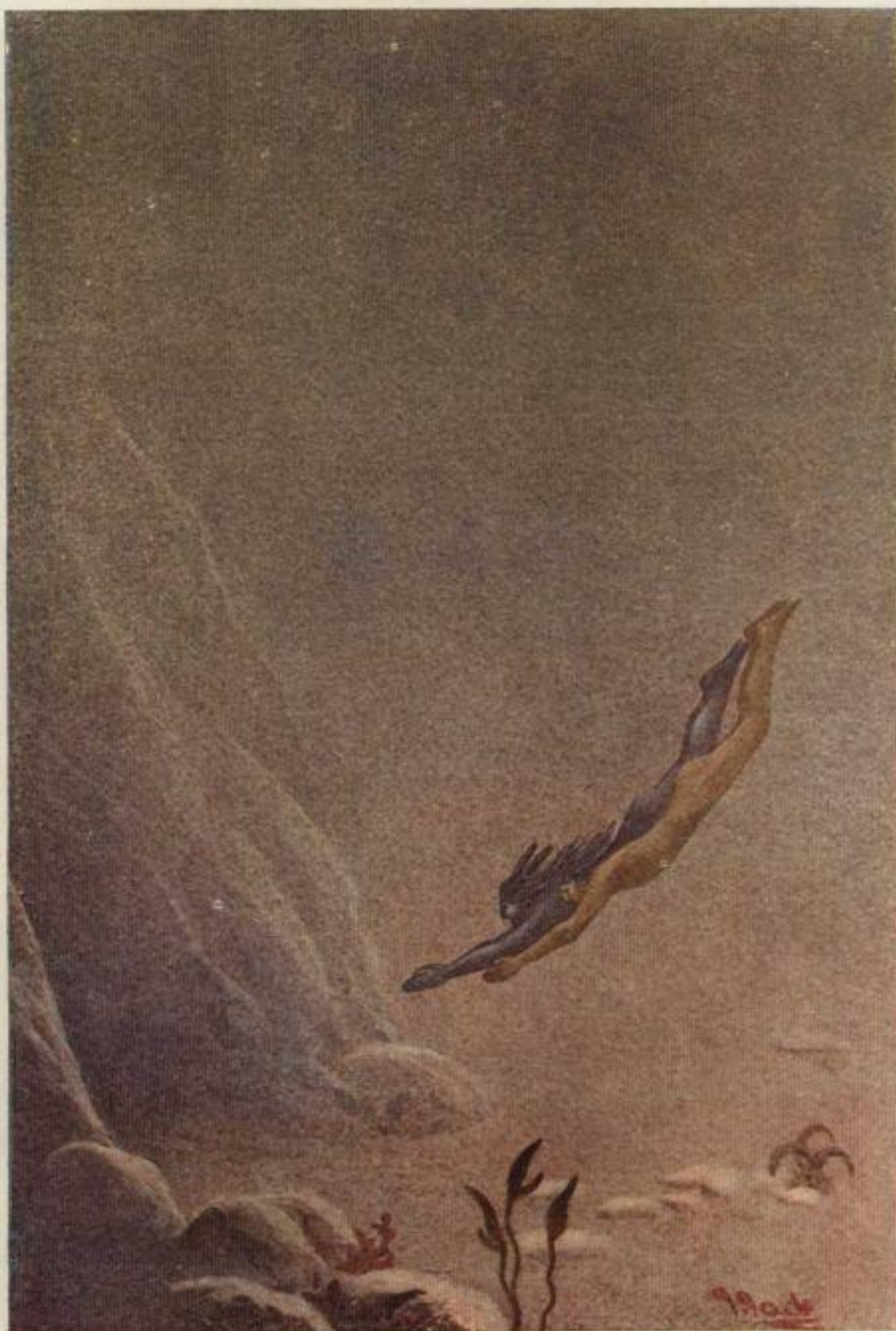
Путешествуя по прерии, он наткнулся на жилище волков, а войдя в домик, столкнулся с женой своего отца, которая велела ему спрятаться, пока чудовища не вернулись. С помощью стратегии он взял верх над ними, перестрелял их всех и уплыл в маленькой лодке вместе с женщиной. Здесь он погрузился в глубокий сон и проспал так долго, что наконец его спутник решился его разбудить. Очень рассердившись на то, что его разбудили, он превратил ее в голубя и выбросил из лодки, а сам, как лосось, поплыл к берегу. У кромки воды стоял домик, в котором жили пять прекрасных сестер. Лосось сидел на берегу на небольшом расстоянии и принимал облик старика, покрытого язвами. Когда старшая сестра спустилась поговорить с ним, он велел ей отнести его на спине в домик, но он был настолько отвратительным существом, что она поспешно удалилась. Так же поступила и вторая сестра, и третья, и четвертая. Но младшая сестра все же отнесла его в домик, где он снова стал молодым и красивым храбрецом. Он женился на всех сестрах, но младшая стала его главной и любимой женой.

Утонувший ребенок

На берегу реки жила достойная пара со своим единственным сыном, маленьким ребенком, которого они очень любили. Однажды мальчик отошел от домика и упал в воду, а рядом не оказалось никого, кто мог бы его спасти. Родители были очень огорчены, когда до них дошла весть об этом, и все его родственники громко оплакивали его, ведь ребенок был всеобщим

любимцем. Отец особенно проявлял признаки глубочайшего горя и отказывался входить в свой домик, пока не вернет мальчика. Всю ночь он пролежал под открытым небом на голой земле, положив щеку на руку. Вдруг он услышал слабый звук далеко под землей. Он прислушался: это был плач его потерянного ребенка! Он поспешно собрал вокруг себя всех родственников, рассказал им о том, что услышал, и стал жалобно просить их покопаться в земле и вернуть ему сына. Они не решались взяться за это дело, но охотно собирали лошадей и товары в изобилии, чтобы отдать их любому, кто решится.

Вскоре появились двое мужчин, утверждавших, что обладают сверхъестественными способностями, и им было поручено найти ребенка. Благодарный отец дал им трубку, набитую табаком, и пообещал все свое имущество, если их миссия увенчается успехом. Двое одаренных раскрасили свои тела: один стал совсем черным, другой - желтым. Подойдя к соседней реке, они погрузились в ее глубины и таким образом добрались до обители бога воды. Это существо и его жена, не имея собственных детей, усыновили маленького сына индейца, который, как предполагалось, утонул, и эти два человека, увидев его живым и здоровым, с радостью решили, что их задача выполнена.

“They arrived at the abode of the Water-god ”

286

"Они прибыли в обитель бога воды.

"Отец послал за своим сыном", - сказали они. "Он велел нам вернуть его. Мы не смеем возвращаться без него".

"Вы опоздали", - ответил бог воды. "Если бы вы пришли до того, как он отведал моей пищи, он мог бы спокойно вернуться с вами. Но он хотел есть, и он ел, и теперь, увы, он умрет, если его вытащить из воды."[]¹

[1] См. с. 129, "Путешествие души".

Со скорбью мужчины поднялись на поверхность и принесли весть отцу.

"Увы! - сказали они, - он поел во дворце Бога Воды. Он умрет, если мы принесем его домой".

Тем не менее отец упорствовал в своем желании увидеть ребенка.

"Я должен увидеть его", - сказал он, и двое мужчин приготовились к повторному путешествию, сказав: "Если ты вернешь его, Водный бог потребует в уплату белую собаку".

Индеец пообещал предоставить собаку. Два человека снова раскрасили себя: один - в черный, другой - в желтый цвет. И снова они нырнули в прозрачную воду к дворцу бога.

"Отец должен получить свое дитя", - сказали они. "На этот раз мы не смеем вернуться без него".

И божество отдало мальчика, которого положили на руки отцу мертвым. При виде этого горе его родственников вспыхнуло с новой силой. Однако они не преминули бросить в реку белую собаку и щедро заплатить мужчинам, как те и обещали.

Позже родители таким же образом потеряли дочь, но поскольку она ничего не ела из предложенной ей под водой пищи, ее вернули живой, после того как ее родственники заплатили богу воды дань в виде четырех белошерстных собак.

Жена-змея

Некий вождь советовал своему сыну путешествовать. Безделье, заметил он, не дает права на вождя.

"Когда я был в твоём возрасте, - сказал он, - я не сидел на месте. Нужно было выполнять тяжелую работу. А теперь посмотрите на меня: Я стал великим вождем".

"Я пойду на охоту, отец", - сказал юноша. Отец снабдил его хорошей одеждой и оседлал для него коня.

Юноша отправился в поход, и в пути ему попалось несколько лосей. Выстрелив в самого крупного зверя, он слегка ранил его, а когда тот умчался прочь, прищепил коня. Таким образом они преодолели значительное расстояние, и в конце концов охотник, измученный жаждой и усталостью, прищепил коня и сел на землю. Он бродил по окрестностям в поисках воды, пока почти не выбился из сил, но через некоторое время наткнулся на источник и тут же завел благодарственную песню божеству Ваканда, которое позволило ему найти его. Однако его ликование было несколько преждевременным: когда он приблизился к источнику, из него выскочила змея. Юноша сильно испугался и отступил на безопасное расстояние, так и не напившись. Казалось, что он должен умереть от жажды. Через некоторое время он рискнул оглянуться и увидел, что змея исчезла, и с большой осторожностью вернулся обратно. И снова змея бросилась из воды, и измученный жаждой охотник был вынужден бежать. Третье возвращение к источнику не принесло никаких результатов, но когда жажда заставила его предпринять четвертую попытку, юноша обнаружил вместо змеи очень красивую женщину. Она предложила ему напиток в

маленькой чашечке, которую пополняла так часто, как он ее опустошал. Юноша был настолько поражен ее грацией и красотой, что сразу же влюбился в нее. Когда ему пришло время возвращаться домой, она подарила ему кольцо, сказав: "Когда ты сядешь есть, положи это кольцо на сиденье и скажи: "Пойдем, поедим", и я приду к тебе".

Попрощавшись с ней, юноша направил свои шаги домой, и когда он снова оказался среди своих сородичей, то попросил, чтобы ему принесли еду. "Поторопитесь, - сказал он, - ибо я очень голоден".

Ему быстро повиновались и поставили множество блюд. Оставшись один, юноша снял с пальца кольцо и положил его на сиденье. "Пойдемте, - сказал он, - поедим".

Тотчас же появилась женщина-змея и присоединилась к трапезе. Когда она поела, то исчезла так же таинственно, как и появилась, а расстроенный муж (ведь юноша женился на ней) вышел из домика на ее поиски. Подумав, что она может быть среди женщин деревни, он сказал отцу: "Пусть женщины станцуют передо мной".

Старик отправился собирать женщин, но ни одна из них не была так похожа на женщину-змею.

Юноша снова сел есть и повторил формулу, которую описала ему жена. Она ела с ним, как и прежде, и исчезла, когда трапеза закончилась.

"Отец, - сказал юноша, - пусть передо мной станцуют самые молодые женщины".

Но и среди них не оказалось Женщины-Змеи.

Очередной мимолетный визит жены побудил сына вождя предпринять еще одну попытку найти ее в общине.

"Пусть молодые девушки потанцуют", - сказал он. Но таинственная Женщина-Змея так и не была найдена.

Однажды девушка услышала голоса в домике юноши и, заглянув туда, увидела прекрасную женщину за трапезой. Она рассказала новость вождю, и вскоре стало известно, что сын вождя женат на прекрасной незнакомке.

Однако юноша хотел жениться на женщине из своего племени, но отец девы, узнав, что молодой человек уже женат, сказал дочери, что над ней просто смеются.

Так что девушка больше не имела ничего общего со своим ухажером и обратилась за утешением к своему кольцу. Он велел принести еду и положил кольцо на сиденье.

Кольцо не помогло

"Пойдемте, - сказал он, - поедим".

Но ответа не последовало; женщина-змея не появилась.

Юноша был сильно разочарован и решил отправиться на поиски своей жены.

"Я иду на охоту", - сказал он, и отец снова дал ему хорошую одежду и оседлал для него лошадь.

Когда он добрался до того места, где его впервые встретила Женщина-Змея, он обнаружил, что ее след ведет к источнику, а за ним - на другую сторону. Идя по следу, он увидел перед собой очень ветхий домик, у дверей которого сидел старик в лохмотьях. Юноше стало очень жаль оборванного старика, и он отдал ему свою прекрасную одежду, взамен получив чужие лохмотья.

"Ты думаешь, что делаешь мне добро, - сказал старик, - но это я собираюсь сделать тебе добро. Женщина, которую ты ищешь, ушла за Великую воду. Когда переберешься на другой берег, поговори с людьми, которых встретишь там, и, если они тебя не послушаются, прогони их прочь".

В дополнение к рваной одежде старик дал ему шляпу, меч и старого хромого коня.

У кромки Великой воды юноша приготовился к переправе, а его спутник сел на берег, закрыл глаза и прочитал заклинание. Через мгновение юноша оказался на противоположном берегу. Здесь он обнаружил домик, в котором жили два престарелых Человека-Грома, которые, судя по всему, не прочь были полакомиться человечинной. Юный незнакомец обнаружил, что его шапка делает его невидимым, и он может незаметно перемещаться среди этих существ. Сняв на мгновение шляпу, он взял трубку с губ человека-грома и прижал ее к руке последнего.

"О, - вскричал человек-гром, - я сгорел!"

Но юноша надел шляпу и исчез.

"Это нехорошо, - серьезно сказал человек-гром. "Здесь побывал чужак, и мы позволили ему сбежать. Когда наш брат вернется, он не поверит нам, если мы скажем, что человек исчез".

Вскоре после этого вошел другой человек-гром с телом убитого им человека. Когда братья рассказали ему свою историю, он отнесся к ней весьма скептически.

"Если бы я был здесь, - сказал он, - я бы не позволил ему сбежать".

Пока он говорил, юноша выхватил у него трубку и прижал ее к тыльной стороне ладони.

"О, - сказал Человек-Гром, - я обжегся!"

"Это не я", - сказал один брат.

"Это был не я", - сказал другой.

"Это был я", - сказал юноша, сняв шапку и появившись среди них. "О чем вы говорили между собой? Вот он я. Делайте, как вы сказали".

Но люди Грома испугались.

"Мы не говорили", - сказали они, а юноша надел шляпу и исчез.

"Что скажет наш брат, - в ужасе воскликнули трое, - когда узнает, что здесь побывал человек, а мы его не убили? Наш брат наверняка возненавидит нас".

Через несколько минут в домик вошел еще один человек-гром, неся тело ребенка. Он был очень зол, когда узнал, что они позволили человеку сбежать.

Юноша повторил свой трюк с новоприбывшим - появился на мгновение, а затем снова исчез. Пятый и последний из братьев был обманут таким же образом.

Видя, что чудовища уже основательно напуганы, юноша снял свою волшебную шляпу и заговорил с ними.

Находка жены-змеи

"Вы поступаете неправильно, - сказал он, - когда едите людей вот так. Вы должны есть буйволов, а не людей. Я уйду. Когда я вернусь, я навещу вас, и если вы едите буйволов, то останетесь, а если вы едите мужчин, то я прогоню вас прочь".

Люди Грома пообещали, что впредь будут есть только буйволов, и юноша отправился на поиски Женщины-Змеи. Когда он наконец пришел в деревню, где она жила, то обнаружил, что она вышла замуж за человека из другого племени, и в сильной ярости он взмахнул мечом, который дал ему волшебник, и зарубил и ее, и ее мужа, и всю деревню, после чего вернулся тем же путем, что и пришел. Когда он добрался до жилища людей-громовников, то увидел, что они не сдержали своего обещания есть только буйволов.

"Я собираюсь послать вас выше, - сказал он. "До сих пор вы уничтожали людей, но когда я отправлю вас, вы дадите им прохладный дождь, чтобы они остались живы".

И он отправил их наверх, где они превратились в грозовые облака.

Продолжая свой путь, он снова одним махом пересек Великую воду и рассказал старому волшебнику обо всем, что произошло.

"Я отправил людей-громовников наверх, потому что они не переставали есть людей. Хорошо ли я поступил?"

"Очень хорошо".

"Я убил всю деревню, где жила женщина-змея, потому что она взяла себе другого мужа. Хорошо ли я поступил?"

"Очень хорошо. Именно за это я дал тебе меч".

Юноша вернулся к отцу и женился на очень красивой женщине из своей деревни.

Подземное приключение

В одной многолюдной деревне жил вождь, у которого было два сына и одна дочь, и все они не были женаты. Оба сына имели привычку присоединяться к охотникам, когда те отправлялись стрелять буйволов, и в один из таких случаев крупное животное отделилось от стада. Один из сыновей вождя последовал за ним, и когда погоня завела его на некоторое

расстояние от остальных, буйвол внезапно исчез в большой яме. Не успели они опомниться, как человек и лошадь бросились за ним. Когда охотники вернулись, вождь был очень встревожен, узнав, что его сын пропал. Он разослал во все стороны гонцов и не жалел сил, чтобы получить известие о юноше.

"Если кто-нибудь знает о местонахождении сына вождя, - кричали глашатаи, - пусть придет и скажет".

Они повторяли это снова и снова, пока наконец не появился молодой человек, ставший свидетелем происшествия.

"Я стоял на холме, - сказал он, - и видел охотников, и видел сына вождя. А когда он оказался на ровной земле, он исчез, и больше я его не видел".

Он привел мужчин племени к тому месту, и они разбрелись в поисках следов юноши. Они нашли его след; они пошли по нему к яме, и там он прекратился.

Они разбили палатки вокруг пропасти, и вождь попросил своих людей спуститься в нее, чтобы поискать сына.

"Если среди вас есть смелые и стойкие люди, - сказал он, - пусть войдут".

Ответа не последовало.

"Если кто пойдет, я сделаю его богатым".

Никто не решался заговорить.

"Если кто-нибудь пойдет, я отдам ему в жены свою дочь".

Среди храбрецов возникло волнение, и вперед вышел юноша.

"Я пойду", - просто сказал он.

Желающие сделали веревки из шкур и закрепили их на шкуре, придав ей форму ведра.

Договорившись о сигналах с группой у устья ямы, отважный искатель позволил спустить себя вниз. Оказавшись в киммерийской глубине, его глаза привыкли к темноте, и он увидел сначала бизона, потом лошадь, а затем молодого храбреца, совершенно мертвого. Он положил тело сына вождя в ковш из кожи и дал сигнал, чтобы его подняли на поверхность. Но волнение было столь велико, что, вытащив мертвеца, его товарищи забыли о живом человеке, который все еще находился в яме, и поспешили прочь.

Заблудившийся под землей

Вскоре герою надоело кричать, и он побрел в темноту.

Он не успел далеко уйти, как встретил старуху. Уважительно обратившись к ней, он рассказал ей свою историю и попросил помочь ему вернуться в родные края.

"Конечно, я не могу тебе помочь, - сказала она, - но если ты пойдешь в дом мудреца, который живет за углом, то сможешь получить то, что тебе нужно".

Проследовав по указанному ею направлению с помощью иссохшего пальца, юноша вскоре добрался до домика. Голодный и усталый, он нетерпеливо постучал. Не получив ответа, он постучал снова, еще громче. На этот раз внутри домика произошло какое-то движение, и к двери подошла женщина. Она провела его внутрь, где удрученно сидел ее муж, даже не поднявшись, чтобы поприветствовать посетителя. Женщина печально рассказала ему, что они оплакивают смерть своего единственного сына. По слову жены муж посмотрел на юношу. С нетерпением он поднялся и обнял его.

"Ты как наше потерянное дитя", - сказал он. "Пойдем, и мы сделаем тебя нашим сыном".

Тогда молодой храбрец рассказал ему свою историю.

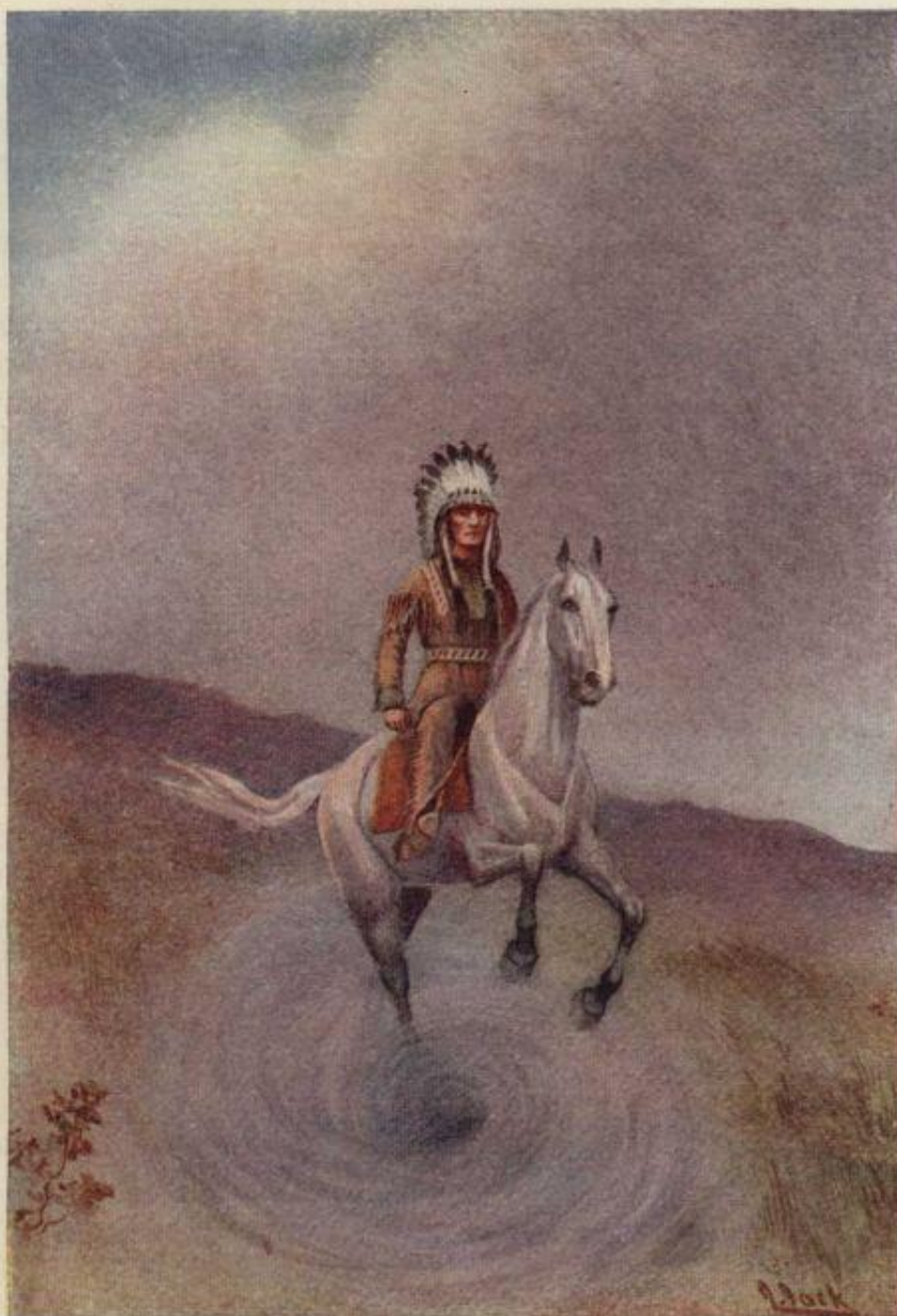
"Мы будем относиться к тебе как к своему ребенку", - сказал Мудрец. "Все, что ты попросишь, мы тебе дадим, даже если ты захочешь покинуть нас и вернуться к своему народу".

Хотя юноша и был тронут добротой добрых людей, он все же не хотел ничего так сильно, как вернуться к своим сородичам.

"Дайте мне, - сказал он, - белого коня и белого мула".

Возвращение на землю

Старик велел ему пойти туда, где были запряжены лошади, и там он нашел то, о чем просил. Он также получил от хозяина волшебный кусок железа, с помощью которого мог получить все, что пожелает. От прикосновения этого талисмана расплавлялись даже скалы. Вооружившись таким образом, искатель приключений отправился в путь.

“He emerged in his own country”

294

"Он появился в своей стране"

Вскоре после этого он оказался в своей стране, где первыми, кого он встретил, были вождь и его жена, которым он открыл свою личность, так как к этому времени сильно изменился. Сначала они отнеслись к этому скептически, но вскоре узнали его и оказали ему очень радужный прием.

Он женился на дочери вождя, и тесть назначил его главным вождем. Люди построили для него домик в центре лагеря и преподнесли много ценных подарков в виде одежды и лошадей. В день его женитьбы глашатаи объявили людям, что на следующий день никто не должен покидать деревню или выполнять какую-либо работу.

На следующий день все мужчины племени отправились охотиться на бизонов, и молодой вождь сопровождал их. С помощью своего волшебного куска железа он заколдовал множество буйволов и убил больше, чем остальные.

Случилось так, что оставшийся сын вождя очень завидовал своему шурину. Он считал, что отец должен был отдать ему титул вождя, и почести, которые народ оказывал его молодому родственнику, были ему крайне неприятны. Поэтому он решил убить юношу и уничтожить его прекрасного белого коня. Но проницательный зверь подсказал хозяину, что кто-то замышляет против его жизни, и, предупрежденный должным образом, он каждую ночь караулил в конюшне.

Во время второй большой охоты на бизонов коварный интриган нашел удобный случай. Размахивая халатом, он напугал буйволов, заставил их приблизиться к юноше и затоптать его до смерти. Но когда стадо рассеялось и ушло, не осталось и следа ни от юного храбреца, ни от его молочно-белого коня. Они вернулись в подземный мир.

Великан-убийца Белое Перо

Однажды в сердце большого леса жили старик и его внук. Сколько мальчик себя помнил, он никогда не видел никого, кроме своего деда, и, хотя часто расспрашивал его о родственниках, не мог добиться от него никакой информации. Правда заключалась в том, что они погибли от рук шести великанов. Народ, к которому принадлежал мальчик, поспорил с гигантами, что их дети победят в гонке. К сожалению, великаны победили, дети опрометчивых индейцев были проиграны, и все были убиты, за исключением маленького Чакопи, которого взял на воспитание дедушка. Ребенок научился охотиться и ловить рыбу и казался вполне довольным и счастливым.

Однажды мальчик забрел на край прерии, где обнаружил следы лагеря. Вернувшись, он рассказал деду о пепле и столбах для палаток и попросил объяснений. Это его дед поставил их там? Старик грубо ответил, что никаких пепелищ и палаточных столбов не было: они ему просто привиделись. Мальчик был крайне озадачен, но оставил это дело и на следующий день пошел по другой дороге. Совершенно неожиданно он услышал голос, обратившийся к нему как к "Носителю Белого Пера". В его племени существовала традиция, согласно которой среди них должен был появиться могучий человек, носящий белое перо и совершающий чудеса доблести. Но об этом Чакопи пока ничего не знал, поэтому мог лишь испуганно озираясь по сторонам. Рядом с ним стоял человек, что само по себе было достаточно удивительно для мальчика, который никогда не видел никого, кроме своего деда; но, к своему еще большему недоумению, он понял, что человек был сделан из дерева от груди вниз, только голова была из плоти.

"Ты еще не носишь белое перо, - продолжал любопытный незнакомец, - но скоро наденешь. Иди домой и спи. Тебе приснятся трубка, мешок и большое белое перо. Когда ты

проснешься, то увидишь эти вещи рядом с собой. Надень перо на голову и станешь очень великим воином. Если хочешь доказательств, раскури трубку и увидишь, как дым превращается в голубей".

Затем он рассказал ему, кем были его родители, как они погибли, и велел отомстить за их смерть великанам. Чтобы помочь ему в совершении этого подвига, он дал ему волшебную лозу, которая будет невидима для великанов и которой он должен будет запутать их, когда они будут бежать с ним наперегонки.

Чакопи вернулся домой, и все произошло так, как предсказал Лесной человек. Старый дед был очень удивлен, увидев, как из домика вылетела стая голубей, из которой вскоре вышел и Чакопи, надев на голову белое перо. Вспомнив о пророчестве, старик заплакал при мысли, что может потерять внука.

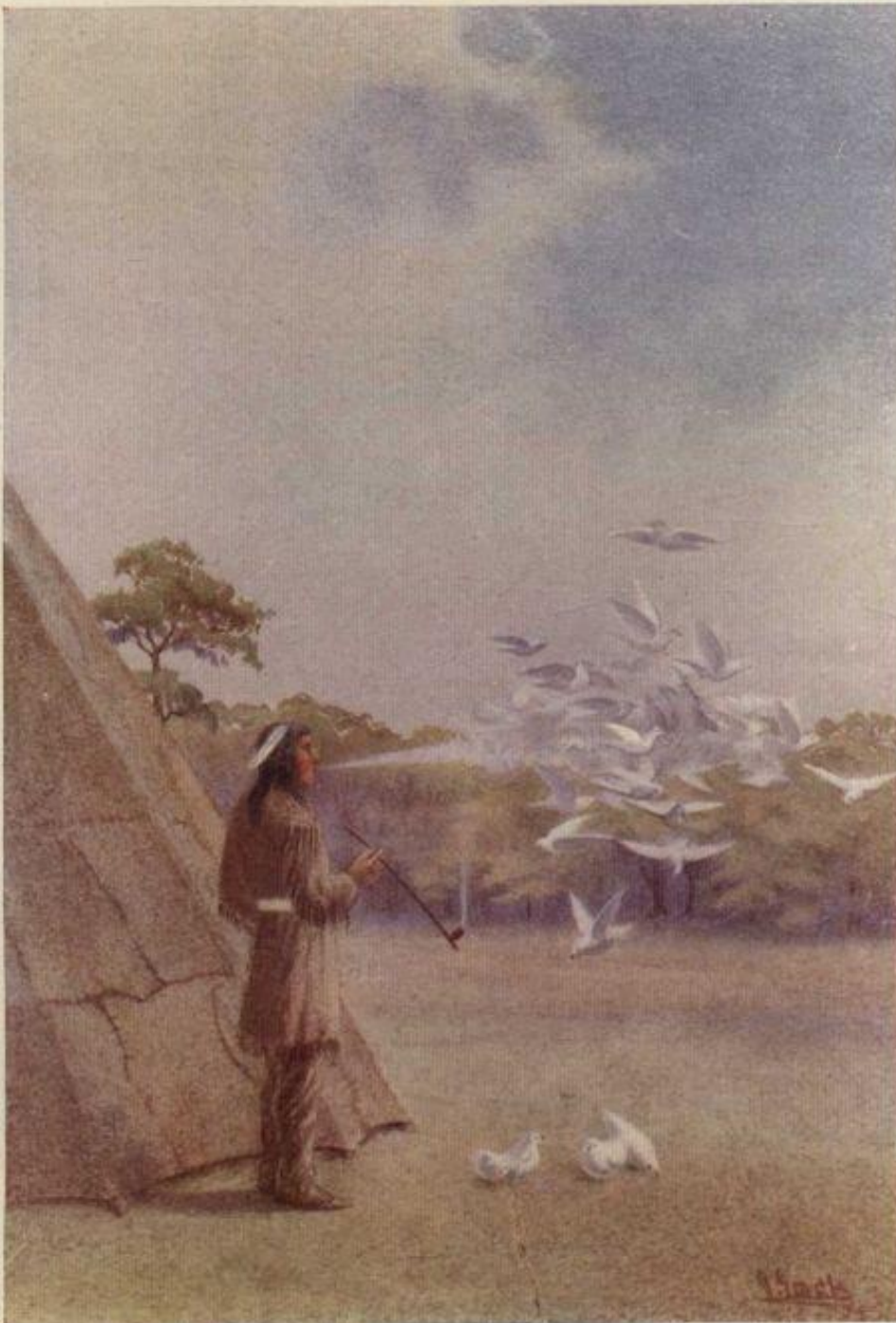
В поисках великанов

На следующее утро Чакопи отправился на поиски великанов, которых он нашел в очень большом домике в центре леса. Великаны узнали о его приближении от "маленьких духов, которые приносят новости". Между собой они насмехались над ним, но внешне встретили его очень вежливо, что, впрочем, ничуть не обмануло его истинных чувств. Не теряя времени, они устроили состязание между Чакопи и самым молодым великаном, победитель которого должен был отрубить голову другому. С помощью своей волшебной лозы Чакопи победил и убил своего соперника. На следующее утро он появился снова и обезглавил еще одного своего противника. Так продолжалось пять утр. На шестое он отправился в путь, как обычно, но его встретил Лесной человек, который сообщил ему, что по дороге к жилищу великанов он встретит самую прекрасную женщину на свете.

Падение Чакопи

"Не обращай на нее внимания, - серьезно сказал он. "Она здесь для того, чтобы погубить тебя. Когда ты увидишь ее, превратись в лося, и ты будешь в безопасности от ее козней".

Чакопи продолжил свой путь и, конечно, вскоре встретил самую красивую женщину в мире. Помня о полученном совете, он превратился в лося, но вместо того, чтобы пройти мимо, женщина, которая на самом деле была шестым великаном, подошла к нему и со слезами на глазах упрекнула его за то, что он принял облик лося, когда она проделала такой долгий путь, чтобы стать его женой. Чакопи был так тронут ее печалью и красотой, что принял свой собственный облик и попытался утешить ее нежными словами и ласками. Наконец он уснул, положив голову ей на колени. Прекрасная женщина вновь превратилась в жестокого великана, и, схватив свой топор, чудовище переломило Чакопи спину, а затем, превратив его в собаку, велело подняться и следовать за ним. Белое перо он воткнул себе в голову, полагая, что его ношение сопровождается волшебной силой.

“Everything happened as the Man of Wood had predicted”

298

"Все случилось так, как предсказал Лесной человек".

На пути путников лежала деревня, в которой жили две молодые девушки, дочери вождя. Услышав пророчество о носителе белого пера, каждая из них решила, что выйдет за него замуж, когда он появится. Поэтому, увидев приближающегося мужчину с белым пером в волосах, старшая побежала ему навстречу, пригласила в свой домик и вскоре вышла за него

замуж. Младшая, нежная и робкая, взяла пса в свой дом и относилась к нему с большой добротой.

Однажды, когда великан был на охоте, он увидел, как собака бросила в воду камень. Камень тут же превратился в бобра, которого собака поймала и убила. Великан стремился повторить этот подвиг, и ему это удалось, но когда он вернулся домой и приказал жене выйти на улицу и принести бобра, у двери лежал только камень. На следующий день он увидел, как собака сорвала засохшую ветку и бросила ее на землю, где она превратилась в оленя, которого собака и убила. Великан тоже совершил этот волшебный подвиг, но когда его жена подошла к двери домика, чтобы забрать оленя, она увидела лишь кусок гнилого дерева. Тем не менее великан добился некоторого успеха в погоне, и его жена отправилась в дом своего отца, чтобы рассказать ему, каким искусным охотником был ее муж. Она также рассказала о собаке, которая жила у ее сестры, и о ее мастерстве в погоне.

Превращение

Старый вождь заподозрил волшебство и послал депутацию из юношей и девушек, чтобы пригласить младшую дочь и ее собаку к себе в гости. К удивлению собравшихся, никакой собаки там не было, а был очень красивый воин. Но, увы! Чакопи не умел говорить. Партия отправилась в дом старого вождя, где их тепло встретили.

Было решено устроить общее собрание, чтобы обладатель белого пера мог продемонстрировать свою силу и магические способности. Первым делом была взята трубка великана (принадлежавшая Чакопи), и воины раскурили ее один за другим. Когда дошла очередь до Чакопи, он дал знак великану, чтобы тот шел впереди него. Великан закурил, но, к разочарованию собравшихся, ничего необычного не произошло. Тогда Чакопи взял трубку, и когда дым поднялся вверх, он превратился в стаю голубей. В тот же миг он обрел дар речи и поведал о своих странных приключениях изумленным слушателям. Их негодованию против великана не было предела, и вождь приказал придать ему облик собаки и забить его камнями до смерти.

Чакопи еще раз доказал свое право носить белое перо. Призвав буйволиную шкуру, он разрезал ее на мелкие кусочки и разбросал по прерии. На следующий день он созвал храбрецов племени на охоту на буйволов, и на небольшом расстоянии они обнаружили великолепное стадо. Куски шкуры превратились в буйволов. Люди встретили эту демонстрацию магического искусства громкими возгласами, и репутация Чакопи в племени укрепилась.

Чакопи попросил у вождя разрешения взять свою жену в гости к дедушке, которое было с радостью получено, а благодарность и восторг старика с лихвой окупил опасность их путешествия.

Как Кролик поймал солнце

Давным-давно Кролик жил в домике, и никто, кроме бабушки, не составлял ему компанию. Каждое утро он очень рано отправлялся на охоту, но как бы рано он ни приходил, всегда замечал, что кто-то с очень длинными ногами уже прошел до него и оставил след. Кролик решил узнать, кто же этот охотник, который его опередил, и в одно прекрасное утро он поднялся даже раньше обычного, надеясь встретить незнакомца. Но все было безрезультатно, так как таинственный человек ушел, оставив за собой, как это было принято, след длинной ноги.

Это сильно раздосадовало Кролика, и он вернулся в домик, чтобы посоветоваться с бабушкой.

"Бабушка, - ворчал он, - хотя я каждое утро встаю рано и расставляю ловушки в надежде поймать дичь, кто-то всегда оказывается впереди меня и распугивает дичь. Я сделаю ловушку и поймаю его".

"Зачем тебе это делать?" - ответила бабушка. "Чем он тебе навредил?"

"Достаточно того, что я его ненавижу", - ответил кряжистый Кролик и ушел. Он спрятался в кустах и стал дожидаться ночи. Он припас крепкую тетиву, которую устроил в качестве ловушки в том месте, где обычно находили следы. Затем он отправился домой, но вернулся очень рано, чтобы осмотреть ловушку.

Придя на место, он обнаружил, что поймал злоумышленника, который, действительно, был не меньше, чем Солнце. Он помчался домой со всей скоростью, чтобы сообщить новость своей бабушке. Он не знал, кого поймал, и бабушка велела ему еще раз отправиться в лес и все выяснить. Вернувшись, он увидел, что Солнце в ярости.

"Как ты посмела поймать меня!" - гневно воскликнул он. "Иди сюда и немедленно развяжи меня!"

Кролик осторожно подошел и в ужасе закружил вокруг него. Наконец он закудаhtал и, подбежав, перерезал своим ножом тетиву, которой было привязано Солнце. Солнце тут же взмыло вверх и быстро скрылось из виду. А шерсть между плечами Кролика пожелтела потому, что ее опалило сильным жаром, исходившим от Бога-Солнца, когда он освобождал его.

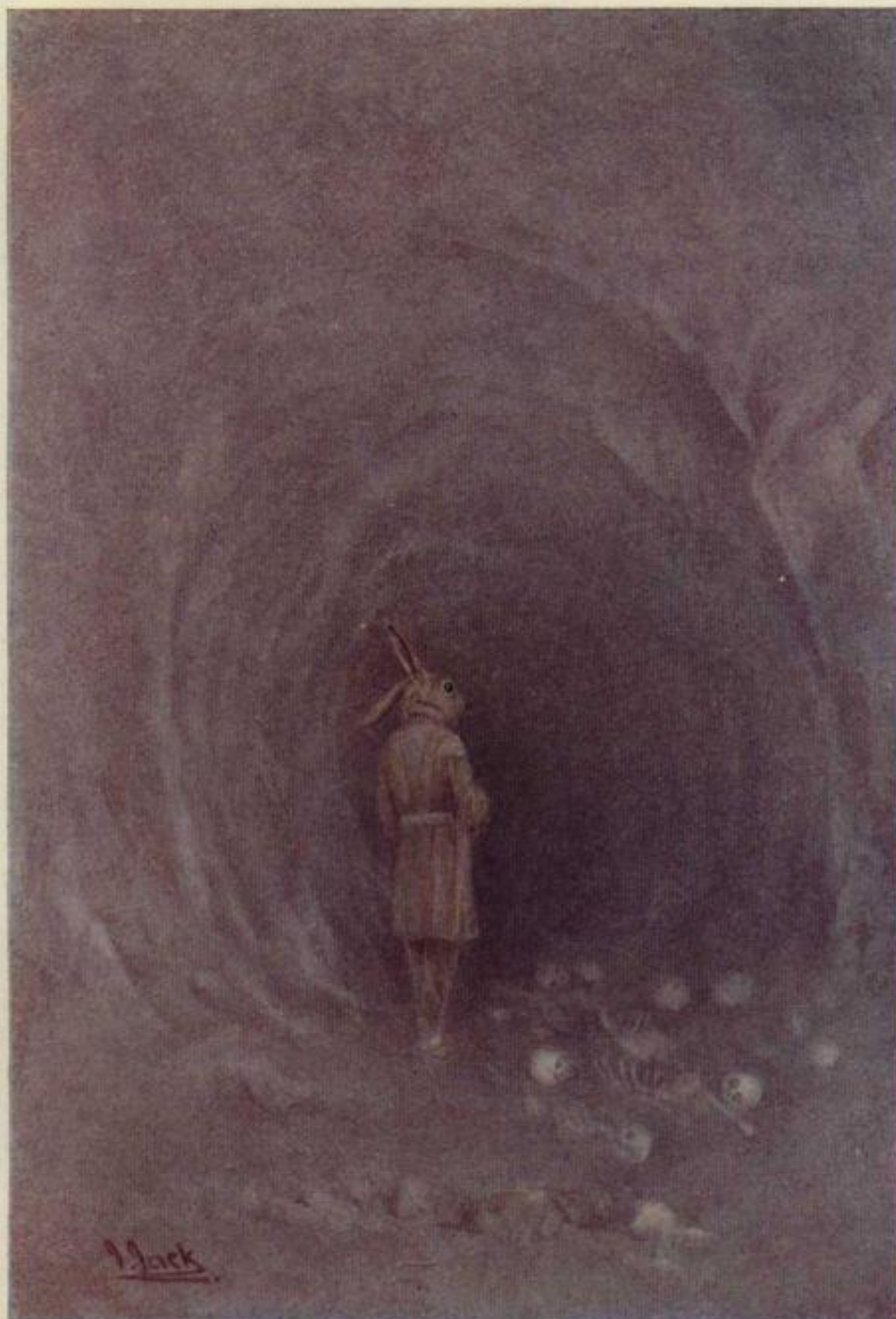
Как Кролик спас пожирающий холм

В давние времена существовал холм с людоедскими наклонностями, который затягивал людей в свою пасть и пожирал их. Бабушка Кролика предупреждала его, чтобы он ни в коем случае не приближался к нему.

Но Кролик был опрометчив, и от того, что его предостерегали от близости этого места, ему еще больше захотелось там побывать. Поэтому он отправился на холм и насмешливо воскликнул: "Пахе-Ватахуни, втяни меня в свою пасть! Приди, пожри меня!"

Но Пахе-Ватахуни знал Кролика и не обратил на него внимания.

Вскоре после этого в ту сторону пришла компания охотников, и Пахе-Ватахуни открыл свой рот, так что они приняли его за большую пещеру и вошли внутрь. Кролик, дождавшись своего шанса, протиснулся следом за ними. Но когда он добрался до желудка Пахе-Ватахуни, чудовище почувствовало, что с ним что-то не так, и его вырвало Кроликом.

“Once more the Rabbit entered, disguised as a man” 302

"И снова вошел Кролик, переодетый человеком".

Позже в этот день появилась еще одна охотничья компания, и Пахе-Ватахуни снова открыл свою вместительную глотку. Охотники невольно вошли в него и были съедены. И снова вошел Кролик, замаскированный магическим искусством под человека. На этот раз холм каннибалов не изгнал его. Заключенный в недрах чудовища, он увидел вдали побелевшие кости пожираемых людей, еще не переваренные тела других, а некоторые были еще живы.

Насмехаясь над Пахе-Ватахуни, Кролик сказал: "Почему ты не ешь? Ты должен был съесть то самое жирное сердце". И, схватив свой нож, он сделал вид, будто собирается его съесть. На это Пахе-Ватахуни издал истошный вопль, но Кролик лишь насмешил его и разрезал сердце на две части. Тут холм раскололся на части, и все люди, которые были в нем заточены, снова вышли наружу, простерли руки к синему небу и воззвали к Кролику как к своему избавителю, ибо сердце Пахе-Ватахуни было разорвано.

Люди собрались вместе и сказали: "Давайте сделаем Кролика вождем". Но он посмеялся над ними и сказал, чтобы они уходили, что все, что ему нужно, - это куча жира, которую холм спрятал в своих внутренностях, и она будет служить ему и его старой бабушке пищей в течение многих дней. С этими словами Кролик отправился домой, неся жир на спине, а он и его бабушка очень обрадовались и больше никогда не испытывали нужды.

ГЛАВА VI: МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ ПАУНИ

Пауни, или индейцы племени каддоан

Каддоанский род, главными представителями которого являются пауни, в настоящее время расселен в Оклахоме и Северной Дакоте. С самого раннего периода они, по-видимому, были земледельцами, а также охотниками, искусными в ткачестве и гончарном деле. Они обладали развитой формой религиозных церемоний. Следующие мифы хорошо иллюстрируют, насколько сильным религиозным чувством были одарены пауни.

Священный узелок

Некий молодой человек был очень тщеславен в отношении своей внешности и всегда носил самую лучшую одежду и самые богатые украшения, которые только мог достать. Среди прочих вещей у него было пуховое перо орла, которое он носил на голове, когда отправлялся на войну, и которое обладало магическими свойствами. Он был не женат и не интересовался женщинами, хотя, несомненно, в деревне нашлась бы не одна девушка, которая не отказалась бы от руки молодого охотника, ведь он был столь же храбр и добродушен, сколь и красив.

Однажды во время охоты со своими спутниками - в те времена индейцы охотились пешком - он отстал от остальных и проследил за несколькими бизонами на значительном расстоянии. Животным удалось спастись, за исключением молодой коровы, которая застряла в грязевой яме. Юноша приладил к луку стрелу и уже собрался выстрелить, как увидел, что буйволы исчезли, а в поле зрения осталась только молодая и красивая женщина. Охотник был весьма озадачен, так как не мог понять, куда делось животное и откуда взялась женщина. Однако он разговорился с девушкой и нашел ее настолько приятной, что предложил жениться на ней и вернуться с ней в свое племя. Она согласилась выйти за него замуж, но только при условии, что они останутся там, где были. Он согласился и подарил ей в качестве свадебного подарка нитку синих и белых бус, которую носил на шее.

Однажды вечером, вернувшись домой после дневной охоты, он обнаружил, что его лагерь исчез, а вокруг виднелись следы множества копыт. Никаких следов тела жены ему обнаружить не удалось, и в конце концов, горько оплакав ее, он вернулся в свое племя.

Прошли годы, и однажды летним утром, когда он играл со своими друзьями в палки, к нему подошел маленький мальчик, на шее которого висела нитка синих и белых бус.

"Отец, - сказал он, - мама хочет тебя видеть".

Охотник был раздосадован такой назойливостью.

"Я не твой отец", - ответил он. "Уходи".

Мальчик ушел, а его спутники смеялись над ним, когда слышали, что он обращается к ним "отец", так как знали, что он ненавидит женщин и не женат.

Однако через некоторое время мальчик вернулся. Разгневанный охотник снова прогнал его, но один из игроков предложил ему пойти с ребенком и посмотреть, чего он хочет. Все это время охотник размышлял, где же он раньше видел бусы. Размышляя, он увидел корову и теленка буйвола, бегущих по прерии, и вдруг вспомнил.

Взяв лук и стрелы, он последовал за бизонами, в которых теперь узнал своих жену и ребенка. Путешествие было долгим и утомительным. Женщина сердилась на мужа и пересушивала каждый ручей, к которому они подходили, так что он боялся умереть от жажды, но стратегия его сына добывала для него еду и питье, пока они не добрались до жилища бизонов. Большие быки, вожаки стада, очень рассердились и пригрозили убить его. Однако сначала они устроили ему испытание, сказав, что если он справится с ним, то останется жив. Шесть коров, совершенно одинаковых, были поставлены в ряд, и ему сказали, что если он сможет указать на свою жену, то жизнь его будет сохранена. Его сын тайно помогал ему, и ему это удалось. Старые быки были удивлены и сильно раздосадованы, так как не ожидали, что он сможет отличить свою жену от других коров. Они устроили ему еще одно испытание. Его попросили выбрать своего сына из нескольких телят. И снова молодые буйволы помогли ему совершить этот подвиг. Не удовлетворившись этим, они постановили, что он должен участвовать в забеге. Если он победит, они отпустят его. Они выбрали самых быстрых бегунов, но в день, назначенный для забега, землю покрыл тонкий слой льда, и буйволы не смогли бежать, а молодой индеец бежал быстро и уверенно и с легкостью победил.

Однако главные быки все еще злились и решили, что убьют его, несмотря на то что он прошел их испытания. Поэтому они заставили его сесть на землю, а всех самых сильных и свирепых быков окружить его. Все вместе они бросились на него, и через некоторое время увидели, что его перо парит в воздухе. Главные быки призвали остальных остановиться, так как были уверены, что его уже растопчут на куски. Но когда они отступили, индеец сидел в центре круга с пером в волосах.

Именно этому волшебному перу он и был обязан своим спасением, и второй натиск буйволов не оказал на него столь же сильного влияния. Видя, что он обладает магической силой, буйволы смирились и приняли его в свой лагерь при условии, что он будет приносить им подарки от своего племени. Он согласился это сделать.

Когда индеец вернулся с женой и сыном к жителям деревни, они обнаружили, что еды нет; но жена буйвола достала из-под халата немного мяса, и они поели. После этого они вернулись к стаду с подарками, что очень обрадовало буйволов. Главный бык, зная, что люди нуждаются в пище, предложил вернуться с охотником. Его сын, который тоже хотел вернуться, договорился сопровождать стадо в образе буйвола, а его родители отправились вперед в человеческом облике. Отец предупредил людей, чтобы они не убивали его сына, когда пойдут охотиться на буйволов, так как, по его словам, желтый теленок всегда вернется, ведя за собой еще больше буйволов.

Вскоре ребенок пришел к отцу и сказал, что больше не будет приходить в лагерь в образе мальчика, так как собирается вести стадо на восток. Перед уходом он сказал отцу, что, когда охотники будут искать погоню, они должны убить желтого теленка и принести его в жертву Атиусу Тираве, выдубить его шкуру, завернуть в нее початок кукурузы и другие священные вещи. Каждый год они должны были искать другого желтого теленка, приносить его в жертву и оставлять себе кусок его жира, чтобы добавить в связку. А когда еды становилось мало и племени грозил голод, вожди собирались на совет и наносили дружеский визит молодому бизону, и он рассказывал Тираве об их нужде, чтобы тот прислал еще одного желтого теленка, чтобы тот привел стадо к людям.

Сказав это, мальчик покинул лагерь. Все было сделано так, как он приказал. Еды стало много, а отец стал вождем, которого очень уважали в народе. Однако свою жену-буйволицу он почти забыл, и однажды ночью она исчезла. Вождь был так огорчен и так раскаивался в том, что пренебрег ею, что так и не смог оправиться, засох и умер. Но священный сверток долго хранился в племени как магический талисман, позволяющий приводить бизонов.

Священные свертки были очень ценны для индейцев, и их религиозно охраняли. Во время голода жрецы открывали их с особой торжественностью. Приведенная выше история объясняет происхождение этого предмета, принадлежащего племени пауни.

Человек-медведь

Однажды в племени пауни жил мальчик, который подражал повадкам медведя; и действительно, он очень походил на это животное. Когда он играл с другими мальчиками своей деревни, он притворялся медведем, и даже когда он вырос, он часто со смехом говорил своим товарищам, что может превратиться в медведя, когда захочет.

Его сходство с животным произошло таким образом. Еще до рождения мальчика его отец отправился в военный поход и в некотором отдалении от дома наткнулся на крошечного медвежонка. Маленькое существо так тоскливо смотрело на него и было таким маленьким и беспомощным, что он не смог пройти мимо, не обратив на него внимания. Поэтому он опустил его, взял его на руки, повязал ему на шею индейский табак и сказал: "Я знаю, что Великий Дух Тиравы позаботится о тебе, но я не могу продолжить свой путь, не повязав тебе на шею эти вещи, чтобы показать, что я отношусь к тебе по-доброму. Я надеюсь, что животные позаботятся о моем сыне, когда он родится, и помогут ему вырасти великим и мудрым человеком". С этими словами он отправился в путь.

Вернувшись, он рассказал жене о своей встрече с Малой Медведицей, рассказал, как взял ее на руки, смотрел на нее и разговаривал с ней. Существует индейское суеверие, согласно которому женщина до рождения ребенка не должна пристально смотреть на какое-либо животное или много думать о нем, иначе младенец будет похож на него. Поэтому, когда родился мальчик-воин, оказалось, что у него повадки медведя, и чем старше он становился, тем больше походил на это животное. Осознавая свое сходство, мальчик часто уходил один в лес, где молился медведю.

Человек-медведь убит

Однажды, когда он уже совсем вырос, он сопровождал военный отряд пауни в качестве их вождя. Они прошли значительное расстояние, но, не дойдя до какой-либо деревни, попали в ловушку, подготовленную для них их врагами - сиу. Застигнутые врасплох, пауни, которых было около сорока, были убиты до единого человека. Часть страны, где произошел этот инцидент, была скалистой и заросшей кедрами, в ней водилось много медведей, и тела убитых пауни лежали в овраге на пути этих животных. Когда они подошли к телу Человека-медведя, одна из медведиц сразу же узнала в нем своего благодетеля, который при жизни приносил им в жертву дым, пел о них песни и сделал им много добра. Она позвала своего спутника и умоляла его сделать что-нибудь, чтобы вернуть Медвежьего человека к жизни. Тот запротестовал, что ничего не может сделать. "Тем не менее, - добавил он, - я попробую. Если бы светило солнце, у меня бы получилось, но когда темно и пасмурно, я бессилен".

Реанимация Человека-медведя

Однако в тот день солнце светило нечасто. Длинные промежутки мрака сменяли каждый проблеск солнечного света. Но два медведя принялись собирать останки Человека-медведя, который действительно был сильно изуродован, и, лежа на его теле, обрабатывали его своим волшебным снадобьем, пока он не подал признаков возвращения жизни. Наконец он полностью пришел в себя и, оказавшись в присутствии двух медведей, не мог понять, что с ним произошло. Но животные рассказали, как они вернули его к жизни, а вид мертвых товарищей, лежащих вокруг него, напомнил о том, что было раньше. Благодарный за услугу, которую оказали ему медведи, он проводил их до берлоги. Он был еще очень слаб и часто

терял сознание, но вскоре восстановил силы и был здоров как никогда, только на голове у него не было волос, потому что сиу сняли с него скальп. За время пребывания у медведей он научился всему, что знали они, а это было очень много, ведь все индейцы знают, что медведь - одно из самых мудрых животных. Однако хозяин просил его не считать чудесные вещи, которые он совершил, результатом собственной силы, а благодарить Тираву, который создал медведей и наделил их мудростью и величием. В заключение он велел Человеку-медведю вернуться к своему народу, где он станет очень великим человеком, великим в войне и богатстве. Но при этом он не должен забывать медведей и подражать им, ведь от этого во многом зависит его успех.

"Я буду заботиться о тебе", - заключил он. "Если я умру, то умрете и вы; если я состарюсь, то и вы состаритесь вместе со мной. Это дерево, - он указал на кедр, - будет тебе защитником. Оно никогда не стареет, оно всегда свежо и прекрасно, дар Тиравы. И если вдруг случится гроза, когда ты будешь дома, подбрось немного кедровых дров в огонь, и ты будешь в безопасности".

Дав ему шапку из медвежьей шкуры, чтобы скрыть его безволосую голову, медведь отправился в путь.

Прибыв к себе домой, юноша был встречен с удивлением, так как считалось, что он погиб вместе с остальными участниками войны. Но когда он убедил своих родителей, что это действительно их сын, они приняли его с радостью. Когда он обнял своих друзей и получил от них поздравления с возвращением, он рассказал им о медведях, которые ждали его у деревни. Взяв подарки - индийский табак, душистую глину, мясо буйвола и бусы, он вернулся к ним и снова поговорил с медведем. Тот обнял его, сказав: "Как моя шерсть коснулась тебя, ты будешь великим; как мои руки коснулись твоих рук, ты будешь бесстрашным; и как мой рот коснулся твоего рта, ты будешь мудрым". С этими словами медведица удалилась.

Верный своим словам, зверь сделал Человека-медведя величайшим воином своего племени. Он был родоначальником медвежьего танца, который пауни до сих пор исполняют. Он дожил до глубокой старости и был очень почитаем своим народом.

ГЛАВА VII: МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ СЕВЕРНЫХ И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ИНДЕЙЦЕВ

Полубоги хайда

Существует любопытная история о происхождении неких сверхъестественных существ, которые, как считается, говорят через *шаманов*, или знахарей, и о том, как они получили свои имена.

Десять братьев отправились на охоту со своими собаками. Когда они поднимались на крутую скалистую гору, их окутал густой туман, и они были вынуждены остаться на высоте. Вскоре

они развели костер, и самый младший, который был полон озорства, бросил в него свой лук. Когда лук сгорел, охотники с удивлением увидели его на ровной земле внизу. Озорной брат тут же объявил о своем намерении последовать за своим оружием, причем тем же способом. Хотя остальные из всех сил пытались его отговорить, он бросился в пылающий костер и быстро сгорел. Тогда его братья увидели его на равнине, энергично увещевавшего их последовать его примеру. Один за другим они так и поступили: кто-то смело, кто-то робко, но все в конце концов оказались на ровной земле.

Когда братья пошли дальше, они услышали стрекотание крапивника и увидели, что у одного из них в сердце синяя дыра. Еще дальше они нашли ястребиное перо, которое завязали в волосы младшего. В конце концов они пришли к заброшенной деревне на берегу залива и заняли одну из хижин. В качестве еды они съели несколько мидий и, утолив голод, отправились исследовать поселение. В результате поисков они нашли лишь старое каноэ, поросшее мхом и заросшее крапивой. Очистив его от сорняков и соскоблив мох, они его починили, а тот озорник, что привел их к костру, сделал для него черпак из коры, на котором вырезал изображение птицы. Другой, у которого в волосах был пучок перьев, взял шест и прыгнул в каноэ. Остальные последовали за ним, и каноэ отчалило от берега. Вскоре они наткнулись на деревню, где выступал *шаман*.

Привлеченный шумом и отблесками костра, воин на носу вышел на берег и направился посмотреть, что там происходит. "Сейчас, - услышал он слова *шамана*, - главный Сверхъестественный-существо-которое-хранит-лук, сойдет на берег". Индеец устыдился того, что его ошибочно, как он думал, назвали сверхъестественным существом, и вернулся в каноэ. Следующее продвигалось к деревне. "Вождь Ястребиная Дыра выходит на берег", - сказал *шаман*. Индеец увидел синюю дыру в своем сердце, устыдился и вернулся к своим братьям. Третьего назвали Сверхъестественным-существом-на-котором-дневной-свет-отдыхает, четвертого Сверхъестественным-существом-на-воде-на-котором-солнце-светит, пятого Сверхъестественным-пуффином-на-воде, шестого Ястребом-одно-перо-высунулось-из-воды, седьмой - Носящий облака на шее, восьмой - Сверхъестественное существо с большими глазами, девятый - Сверхъестественное существо, лежащее на спине в каноэ, и самый старший, и последний, Сверхъестественное существо, половина слов которого - ворон. Каждый, услышав произнесенное имя, возвращался в каноэ. Когда все они выслушали *шамана* и снова собрались вместе, старший брат сказал: "Мы действительно стали сверхъестественными людьми", что было совершенно верно, ибо, сжигая себя в огне, они достигли Страны Душ.[1].

[1] Этот миф, по-видимому, объясняет причудливое сходство между дымом и теневой или паробразной субстанцией, из которой, как предполагается, состоят духи или призраки.

Сверхъестественная сестра

Десять братьев плыли вокруг берега, пока не достигли другой деревни. Здесь они взяли на борт женщину, руки которой случайно обжег ее муж, приняв их за руки кого-то,

обнимающего его жену. Женщина была сильно обожжена и находилась в тяжелом состоянии. Сверхъестественные братья проделали трещину в днище каноэ и велели женщине положить в нее руки. Ее раны тут же затянулись. Они назвали ее своей сестрой и усадили в каноэ, чтобы вычерпать воду. Когда они приплыли к Джу, ручью, возле которого жила Женщина Прекрасной Погоды, [2] та пришла и заговорила с ними, повторяя имена, которые дал им *шаман*, и называя их сестру Сверхъестественной Женщиной, которая делает залог.

[2] См. стр. 316.

"Плывите к острову, который вы видите вдали, - добавила она. "Там живет волшебник, который рисует тех, кому предстоит стать сверхъестественными существами. Отправляйся к нему, и он нарисует тебя. Танцуйте четыре ночи в своем каноэ, и все будет готово".

Они сделали все, как она велела, и волшебник одел их так, чтобы они соответствовали своему положению сверхъестественных существ. Он дал им танцующие шляпы, танцующие юбки, погремушки из клюва иглобрюха и нарисовал облако на внешней стороне их каноэ.

Рождение Сына

У хайда из Британской Колумбии и островов Королевы Шарлотты есть удивительный миф, связанный с воплощением Бога Неба, их главного божества. Однажды дочь одного из вождей отправилась копать землю на берегу. Поработав некоторое время, она выкопала ракушку. Она уже собиралась отбросить ее в сторону, как вдруг услышала звук, похожий на плач ребенка. Осмотрев ракушку, она обнаружила внутри маленького ребенка. Она отнесла его домой, укутала в теплый чехол и так заботливо ухаживала за ним, что он быстро рос и вскоре начал ходить.

Однажды она сидела рядом с ребенком, когда он сделал движение рукой, как бы подражая натяжению тетивы, и, чтобы порадовать его, она сняла со своей руки медный браслет и выковала из него лук, который натянула и дала ему вместе с двумя стрелами. Он был в восторге от крошечного оружия и сразу же отправился с ним охотиться на мелкую дичь. Каждый день он возвращался к приемной матери с каким-нибудь трофеем, подтверждающим его мастерство. В один день это был гусь, в другой - дятел, в третий - голубая сойка.

Однажды утром он проснулся и обнаружил себя и свою мать в новом прекрасном доме с великолепными дверными столбами, украшенными резьбой и подсвеченными красным, синим и зеленым цветами. Плотник, построивший это прекрасное здание, женился на его матери и был очень добр к нему. Он отвел мальчика на берег моря и усадил его так, чтобы его лицо было обращено к просторам Тихого океана. И пока мальчик смотрел в безбрежную синеву, стояла хорошая погода.

Его отец часто ходил на рыбалку, и однажды Сьон - так звали мальчика - изъявил желание пойти с ним. Наловив рыбы-дьявола для наживки, они отправились на место рыбалки, где мальчик велел отцу произнести несколько магических формул, в результате чего их леска сильно взволновалась, а каноэ трижды обогнуло соседний остров. Когда волнение наконец прекратилось, они натянули леску и вытащили чудовище, усыпанное грудami палтуса.

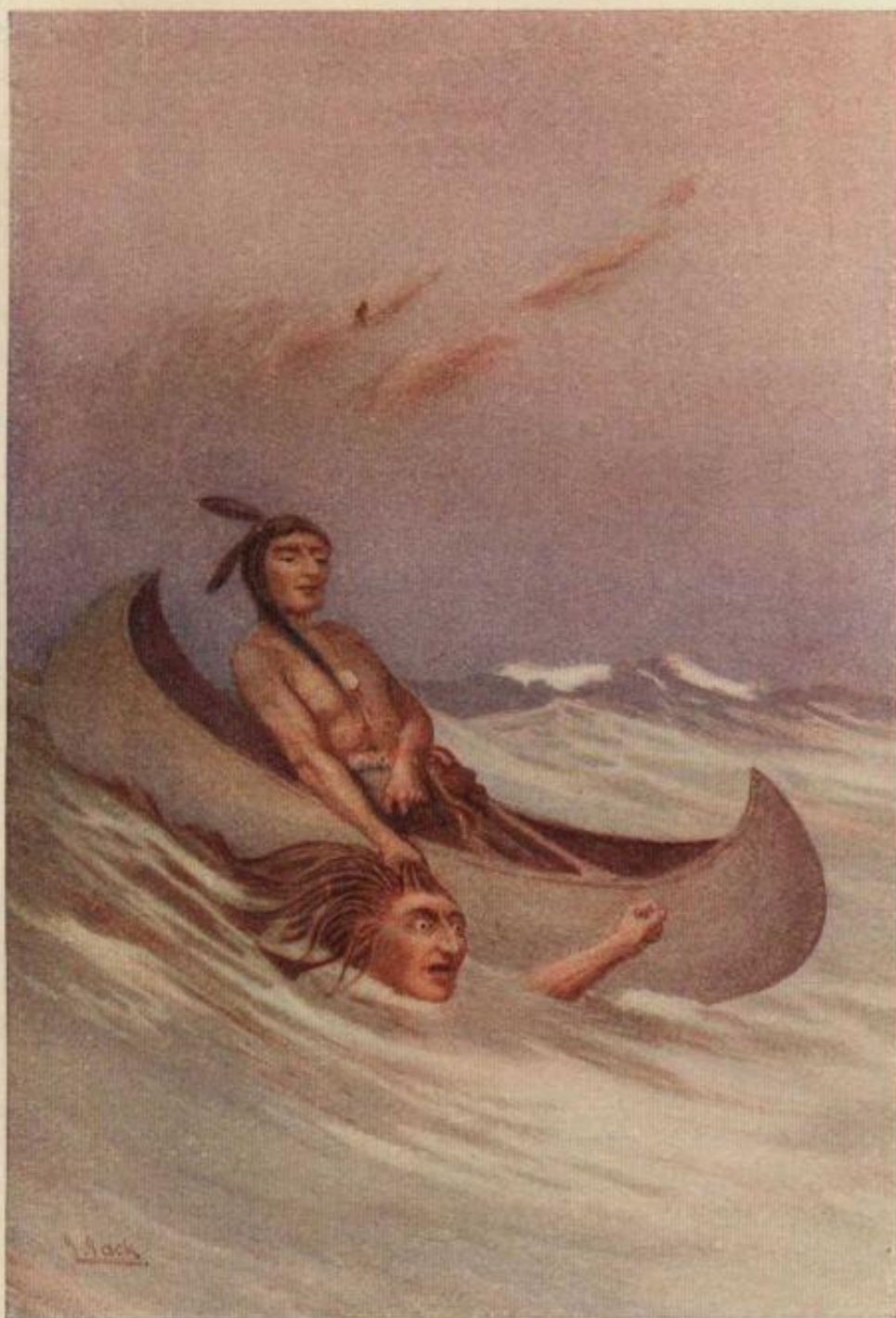
Однажды Сын вышел на берег, накинув на себя шкуру. Мать видела, как он рос, пока не воспарил над ней и не стал задумчивым, как громада сияющих облаков над океаном. Тогда он спустился и облачился в шкуру голубой сойки. Снова поднялся он над морем и засиял ярким сиянием. И снова он взмыл ввысь, облачившись в шкуру дятла, и волны засияли огненным цветом.

Затем он сказал: "Мама, я больше не увижу тебя. Я уйду от тебя. Когда небо будет похоже на мое лицо, нарисованное отцом, не будет ветра. Тогда рыбалка будет хорошей".

Мать прощалась с ним с грустью, но с гордостью от осознания того, что она воспитала божество. Но ее печаль усилилась, когда муж намекнул, что и ему пора уезжать. Однако ее сверхъестественный сын и муж оставили ей часть своей силы. Когда она садится у залива и распускает свое одеяние, ветер проносится между берегами, и волны вздымаются от бури; и чем больше она распускает одеяние, тем сильнее буря. На языке индейцев ее называют Изящной женщиной-погодой. Но живет она в основном в ветрах, и когда холодный утренний воздух поднимается с моря на сушу, она приносит перья в жертву своему славному сыну. Перья - это хлопья снега, и они служат ему напоминанием о том, что мир изнывает от желания взглянуть на его золотой лик.

Мастер-плотник и юго-восток

В мифе племени хайда рассказывается, как мастер-плотник, сверхъестественное существо, вступил в войну с Юго-Востоком (юго-восточным ветром) в Ска-и, городе, расположенном дальше всех к югу от островов Королевы Шарлотты. Юго-восточный ветер на этом побережье особенно груб и буйен, и мастер-плотник бросил ему вызов, намереваясь наказать его за жестокость. Однако прежде всего он принялся за постройку каноэ для себя. Первое, которое он сделал, раскололось, и он был вынужден выбросить его. Второе тоже раскололось, несмотря на то, что он сделал его крепче, чем предыдущее. Он построил еще одну и еще, делая каждую из них прочнее предыдущей, но все попытки заканчивались неудачей, и наконец, досадуя на свою неумелость, он был готов отказаться от этой затеи. Он так бы и поступил, если бы не вмешательство Величайшего Дурака. До сих пор мастер-плотник пытался сложить из одного бревна два каноэ с помощью клиньев. Величайший Дурак некоторое время наблюдал за ним, забавляясь его неуклюжестью, и наконец показал ему, что нужно использовать гнутые клинья. И хотя он был, пожалуй, последним человеком, от которого мастер-плотник мог ожидать чему-то научиться, неудачливый строитель каноэ принял это предложение, причем с самыми радостными результатами. Когда он убедился, что сделал хорошее каноэ, то спустил его на воду и отплыл на поиски юго-востока.

“He seized hold of the hair”

316

"Он ухватился за волосы".

Все ниже и ниже он плыл к жилищу своего врага, а когда оказался над ним, поднялся в каноэ и бросил вызов. Ответа не последовало. Он снова позвал, и на этот раз мимо него понеслось быстрое течение, несущее на своей поверхности множество морских водорослей. Проницательному мастеру-плотнику показалось, что среди водорослей он видит матовые волосы своего врага. Он схватил его и поплыл за ним на юго-восток. Тот в порыве страсти стал звать на помощь своих племянников. Первым был призван Красное Штормовое Облако.

Сразу же небо окрасилось в насыщенный красный цвет. Затем бурные оттенки угасли, и поднялся ветер с резким рокотом. Когда этот ветер достиг своей силы, был вызван другой - Забирающий верхушки деревьев. Порыв усилился до урагана, верхушки деревьев срывало и уносило, и они густо падали на каноэ, где мастер-плотник использовал свои магические искусства, чтобы защитить себя. Снова был вызван другой ветер - Галька, от которого разлетались камни и песок, когда он кричал в ответ на призыв. Следом появился Создатель густого морского тумана, дух тумана, вселяющий ужас в сердца людей на море, а за ним - многочисленная банда других племянников, каждый из которых внушал больший страх, чем предыдущий. Наконец налетела приливная волна и накрыла мастера-плотника водой, так что он вынужден был сдаться. Отказавшись от своей хватки на Юго-Востоке, он сумел добраться до берега. Некоторые говорили, что Юго-Восток умер, но *шаманы*, которые должны были знать, утверждают, что он вернулся к себе.

Мать Юго-Востока звали Завтра, и индейцы говорят, что если они произнесут это слово, то будет плохая погода, потому что Юго-Восток не любит, когда имя его матери используют другие.

Бобр и дикобраз

Это история о вражде между бобрами и дикобразами. Бобр заложил обильный запас еды, а дикобраз не сделал этого, и однажды, когда первый был на охоте, второй пришел к его домику и украл его провизию. Вернувшись, Бобер обнаружил, что его еда пропала, и стал расспрашивать Дикобраза о случившемся.

"Это ты украл мою еду?" - спросил он.

"Нет", - ответил Дикобраз. "Нельзя украсть еду у сверхъестественных существ, а мы с тобой оба обладаем сверхъестественными способностями".

Разумеется, это был всего лишь блеф со стороны Дикобраза, и он ничуть не обманул своего собеседника.

"Ты украл мою еду!" - сердито сказал Бобер и попытался схватить Дикобраза зубами. Но острые шипы последнего привели его в замешательство, хотя отбить его было нелегко. Некоторое время он яростно сражался, но в конце концов был вынужден отступить, прикрыв лицо перьями своего колючего противника. Друзья и родственники встретили его сочувственно. Его отец созвал весь народ бобров, рассказал им о ранениях, полученных его сыном, и велел отомстить за честь своего клана. Люди сразу же направились к жилищу Дикобраза, который, находясь в мнимой безопасности своего домика, осыпал их оскорблениями и издевательствами. Возмущенные люди Бобра растащили его дом по ушам, схватили его и, несмотря на его угрозы и протесты, унесли на пустынный остров, где оставили голодать.

Дикобразу казалось, что жить ему осталось недолго. На острове не росло ничего, кроме двух деревьев, ни одно из которых не было съедобным, а другой еды в пределах досягаемости не было. Он громко звал своих друзей, чтобы они пришли ему на помощь, но ответа не было.

Напрасно он звал всех животных, которые были ему родственниками. Его крики не доходили до них.

Когда он уже совсем потерял надежду, ему показалось, что он слышит, как что-то шепчет ему: "Призови Холодную Погоду, призови Северный Ветер". Сначала он не понял, но подумал, что воображение, должно быть, разыгрывает его. Снова голос прошептал: "Пой северные песни, и ты будешь спасен". Дикобраз, сильно удивляясь, но с надеждой, поднимавшейся в его груди, сделал то, что ему было велено, и возвысил голос в северных песнях. "Пусть наступит холодная погода, - пел он, - пусть вода будет гладкой".

Находка Дикобраза

Через некоторое время стало очень холодно, с севера подул сильный ветер, и вода стала гладкой, покрывшись слоем льда. Когда она достаточно замерзла, чтобы выдержать вес людей Дикобраза, они переправились на остров в поисках своего брата. Они очень обрадовались, увидев его, но нашли его таким слабым, что он едва мог идти, и его пришлось отнести в отчий дом.

Когда они спросили, почему Бобер так жестоко обошелся с ним, тот ответил, что это потому, что он съел бобровую еду. Дикобразы, посчитав это незначительным оправданием, сильно разгневались на бобров и немедленно объявили им войну. Но последние, как правило, побеждали, и война для дикобразов закончилась бесславно. Однако колючее племя все еще считало, что у них есть претензии к Бобру, и задумало лишить его жизни. Они отнесли его на вершину высокого дерева, думая, что, поскольку бобры не умеют лазать, его ждет та же участь, что и их брата на острове. Но благодаря простому приему - перекусить дерево сверху вниз - Бобру удалось вернуться в свой дом.

Дочь рыбы-дьявола

Индеец племени хайда плыл на своем каноэ с двумя детьми и женой во время отлива. Они плыли уже некоторое время, когда приплыли к месту, где лежали камни дьявольской рыбы, и смогли различить следы дьявольской рыбы и увидеть, где лежит ее пища. Мужчина, который был *шаманом*, высадился на камни с намерением найти и убить рыбу-дьявола, но пока он искал ее, чудовище внезапно вылезло из своей норы и утащило его через отверстие в свое логово. Его жена и дети, полагая, что он мертв, уплыли на веслах.

Чудовище, схватившее мужчину, оказалось самкой рыбы-дьявола, и она утащила его далеко вниз, в окрестности города, где жил ее отец, вождь рыб-дьяволов, и там он женился на поймавшей его рыбе-дьяволе. Прошло много лет, и наконец мужчина затосковал по дому и очень захотел снова увидеть свою жену и семью. Он попросил вождя отпустить его, и после некоторых колебаний его просьба была удовлетворена.

Шаман отправился в путь на одном каноэ, а его жена, дочь рыбы-дьявола, - на другом. Каноэ были волшебными и плыли сами по себе. Вскоре с помощью заколдованного судна они добрались до города его отца. Он привез с собой из царства рыбы-дьявола много богатств, которыми торговал и стал великим вождем. Потом его нашли его дети и пришли к нему. Они выросли, и в честь возвращения домой он устроил большой пир. Пять больших пиров он устроил, один за другим, и на каждом из них присутствовали его дети и человеческая жена.

Но жена дьявола-рыбы начала тосковать по морской жизни. Однажды, когда они с мужем сидели в доме его отца, он начал таять. В то же время жена-чертовка исчезла между досками пола. Тогда ее муж принял облик рыбы-дьявола, и второе мягкое, склизкое тело последовало за первым через доски. Жена-рыба-дьявол вместе со своим мужем вернулась в царство своего отца.

Этот миф, конечно, схож с мифом о женах тюленей, сбегаящих от своих смертных мужей, и о лебединых и других птичьих невестах, которые, тоскуя по своей природе, в один прекрасный день взлетают на крыло и покидают своих земных товарищей.

Сказки чинуков

Раньше чинуки обитали на реке Колумбия, от Даллеса до ее устья, и на Нижней Вилламетте. За исключением нескольких особей, сейчас они вымерли, но их мифы были успешно собраны и сохранены. Они были коренными жителями северо-западного побережья, хитрыми в сделках, но при этом жили общинным строем. Их главной физической характеристикой был высокий и узкий лоб, искусственно приплюснутый. Об этом народе профессор Дэниел Уилсон сказал:

"Чинуки - одни из самых замечательных плоскоголовых индейцев, у которых процесс деформации черепа доведен до крайнего предела. В некоторых отношениях они являются высшей расой, делая рабов из других племен и проявляя значительное мастерство в тех искусствах, которые необходимы в их жизни в диких лесах и на побережье. Их главное военное снаряжение - лук и стрелы, первые сделаны из тисового дерева, а вторые - из перьев и кости. Их каноэ выдолблены из ствола кедрового дерева, которое в этом регионе достигает огромных размеров, и часто украшены с большим вкусом и мастерством. В такое каноэ помещают мертвого вождя чинуков, окруженного всем необходимым для войны или любимых занятий жизни: в своих погребальных обрядах он напоминает древнего язычника-викинга, которого, как явствует из содержания скандинавского *"Скибсетнингера"* и повествований саг, хоронили или съедали в его боевой галере, а форма этой любимой сцены океанских триумфов увековечивалась в земляном сооружении, покрывавшем его прах."

История Голубой сойки и Иои

Чинуки рассказывают много историй о Голубой Сойке, хитрой, озорной тотемной птице, и среди этих историй есть три, связанные с его сестрой Иои. Голубая сойка, чей нрав

напоминал нрав птицы, которую он символизировал, с удовольствием мучил Иои, намеренно неправильно интерпретируя ее команды и повторяя при каждом удобном случае свою любимую фразу: "Иои всегда говорит неправду".

В первой части трилогии Иои попросила брата взять жену из числа мертвых, чтобы та помогала ей в работе по дому и в поле. На это Голубая Сойка с готовностью согласился и взял себе в супруги дочь вождя, которую недавно похоронили. Но просьбу Иои о том, чтобы его жена была старухой, он проигнорировал.

"Отвезите ее в Страну сверхъестественных людей, - сказала Иои, увидев невесту брата, - и они вернут ее к жизни".

Голубая сойка отправился выполнять поручение и через день пути прибыл вместе с женой в город, населенный Сверхъестественным народом.

"Как давно она умерла?" - спросили они его, когда он сообщил о своей цели посетить их.

"Один день", - ответил он.

Сверхъестественный народ покачал головой.

"Мы не можем тебе помочь", - сказали они. "Ты должен отправиться в город, где восстанавливают людей, которые были мертвы в течение дня".

Голубая сойка послушно продолжил свой путь, и в конце другого дня он добрался до города, в который его направили, и рассказал его жителям, зачем он пришел.

"Как давно она умерла?" - спросили они.

"Два дня", - ответил он.

"Тогда мы ничего не можем сделать, - ответил Сверхъестественный народ, - потому что мы можем восстанавливать людей, которые были мертвы только один день. Но ты можешь отправиться в город, где оживают те, кто пролежал мертвым два дня".

Еще один день пути привел Блю Джея и его жену в третий город. И снова он опоздал на день, и его направили в четвертый город, а из него - в еще один. Однако в пятом городе Сверхъестественный народ сжалился над ним и вернул его жену от смерти. Голубую Сойку они сделали своим вождем и оказали ему множество почестей.

Через некоторое время ему надоело жить в государстве среди Сверхъестественного народа, и он вернулся домой.

Когда он снова оказался среди своих сородичей, его молодой шурин, сын вождя, узнал, что его сестра жива и замужем за Голубой Сойкой.

Мальчик поспешно отнес эту новость своему отцу, старому вождю, который отправил послание Голубой Сойке с требованием отдать его волосы в уплату за жену. Посланец не получил ответа, и тогда разгневанный вождь собрал вокруг себя людей и повел их к жилищу Голубой Сойки. При их приближении Голубая сойка превратился в птицу и улетел, а его жена упала в обморок. Все усилия ее сородичей не смогли привести женщину в чувство, и они призвали ее мужа вернуться. Однако все было напрасно: Голубая сойка не вернулся, а его жена отправилась в Страну душ.

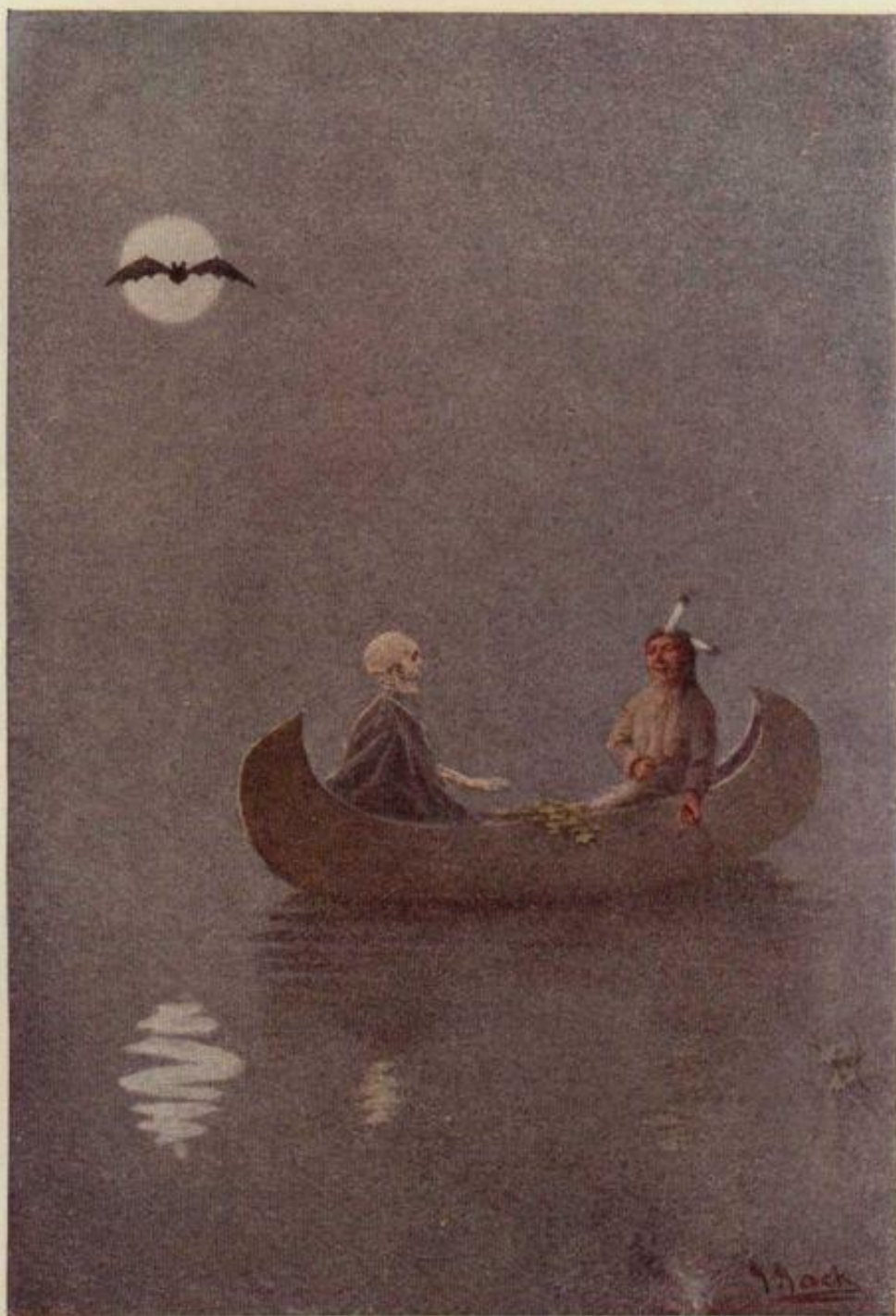
Брак Иои

Во второй части трилогии рассказывается о том, как люди-призраки, отправившись однажды ночью из Страны теней, чтобы купить себе жену, взяли Иои, сестру Голубой сойки, которая исчезла до утра. По прошествии года ее брат решил отправиться на ее поиски. Но хотя он спрашивал дорогу в Страну призраков у всех птиц и зверей, ни от кого из них он не получил удовлетворительного ответа, и так бы и не добрался до места назначения, если бы его не привели туда сверхъестественные силы.

В Стране призраков он нашел свою сестру, окруженную грудami костей, которые она представила ему как своих родственников по браку. В определенные моменты эти реликвии обретали подобие человечности, но при звуке громкого голоса мгновенно превращались в кости.

Рыболовная экспедиция в Страну Теней

По просьбе сестры Голубая Сойка отправился на рыбалку со своим молодым шурином. Обнаружив, что, когда он говорит громким голосом, мальчик превращается в грудy костей в каноэ, Голубая сойка получил злобное удовольствие от того, что довел его до такого состояния. Это был как раз тот самый трюк, который он любил разыгрывать.

A Fishing Expedition in Shadow-land

324

Рыболовная экспедиция в Страну теней

Пойманная рыба оказалась всего лишь листьями и ветками, и Голубая сойка с отвращением бросила ее обратно в воду. Но, к его огорчению, когда он вернулся, сестра сказала ему, что это действительно рыба и что ему не следовало ее выбрасывать. Однако он утешил себя мыслью: "Иой всегда говорит неправду".

Кроме того, что он дразнил Иои, он еще и разыгрывал несговорчивых Призраков. Иногда он надевал череп ребенка на плечи мужчины и наоборот и получал озорное удовольствие от смехотворного результата, когда они "оживали".

Однажды, когда в прериях начался пожар, Иой попросила брата погасить пламя. Для этого она дала ему пять ведер воды, предупредив, что он не должен лить ее на горящие прерии, пока не дойдет до четвертого из них. Блю Джей, как обычно, послушался ее, что привело к плачевным результатам: когда он добрался до пятой прерии, то обнаружил, что у него нет воды, чтобы вылить ее на нее. Пытаясь потушить пламя, он так сильно обгорел, что умер и вернулся к Призракам как один из них, не утратив, однако, своих озорных наклонностей.

Голубая сойка и Иой отправляются в гости

Третья сказка трилогии рассказывает о том, как Голубая сойка и Иой отправились в гости к своим друзьям. Первым гостей принял Волшебник, который с помощью волшебства обеспечил их едой. Положив лососевое яйцо в чайник с кипящей водой, он поставил чайник на огонь, и тотчас же он наполнился лососевыми яйцами, так что, наевшись досыта, Голубая сойка и Иой смогли унести несколько штук.

На следующий день сорока позвала одолженный чайник. Голубая сойка попыталась развлечь своего гостя тем же волшебным способом, каким тот развлекал ее. Но его попытка была настолько нелепой, что сорока не могла не рассмеяться.

Следующий визит пара нанесла к Утке, которая добыла для них еду, заставив своих детей нырять за форелью. И снова было вдвое больше, чем они смогли съесть, а остатки Голубая сойка и Иой унесли на коврике. Во время ответного визита Утки Голубая сойка попыталась повторить этот подвиг, используя вместо утят детей Иои. Его попытка снова не увенчалась успехом.

По очереди они посетили Черного медведя, Бобра и Тюленя, и все они таким же волшебным образом обеспечили их пропитанием. Но попытки Голубой сойки подражать этим существам оказались тщетными.

Визит к Теням завершил раунд, и искатели приключений вернулись домой.

Невеста, которую искали небеса

Брат и сестра, оставшиеся без средств к существованию после смерти своего отца, вождя племени чинуков, были вынуждены каждый день ходить на охоту на морских оленей, чтобы добыть себе пропитание. Когда они охотились, спустился туман, а вместе с ним и сверхъестественные люди, один из которых влюбился в девушку. Призрачный муж посылал жене дары в виде завалявшейся древесины и китового мяса, чтобы, когда у нее родится сын, она ни в чем не нуждалась. Озорная Голубая сойка, услышав об изобилии мяса в доме молодого вождя, сообщила об этом своему вождю и привела всех в деревню, чтобы

разделить его. Сверхъестественные люди, раздосадованные тем, что их щедростью так злоупотребляют, похитили сестру молодого вождя вместе с ребенком.

Тетя этой женщины, Ворона, собрала много травы и других корней, положила их в свое каноэ и отправилась в море. Она приплыла в страну Сверхъестественного народа, и когда они увидели ее приближение, то все выбежали на берег, чтобы поприветствовать ее. Они с жадностью хватали коренья, которые она принесла с собой, и пожирали их, съедая самые сочные и выбрасывая те, что были им не по вкусу. Вскоре Ворона нашла свою племянницу, которая посмеялась над ней за то, что она принесла в такую страну такое угощение.

"Неужели ты думаешь, что они люди, раз ты приносишь им корни калины?" - кричала она. "Они едят только некоторые корни, которые ты принесла, потому что они обладают магическими свойствами. В следующий раз, когда ты придешь, принеси те корни, которые они схватили, и можешь принести корзину корней потенции для меня".

Ловец китов

Затем она позвала собаку, которая резвилась неподалеку.

"Возьми эту собаку, - сказала она ворону. "Она принадлежит твоему внучатому племяннику. Когда вы подойдете к берегу, скажите: "Поймай кита, собака", и посмотрите, что произойдет".

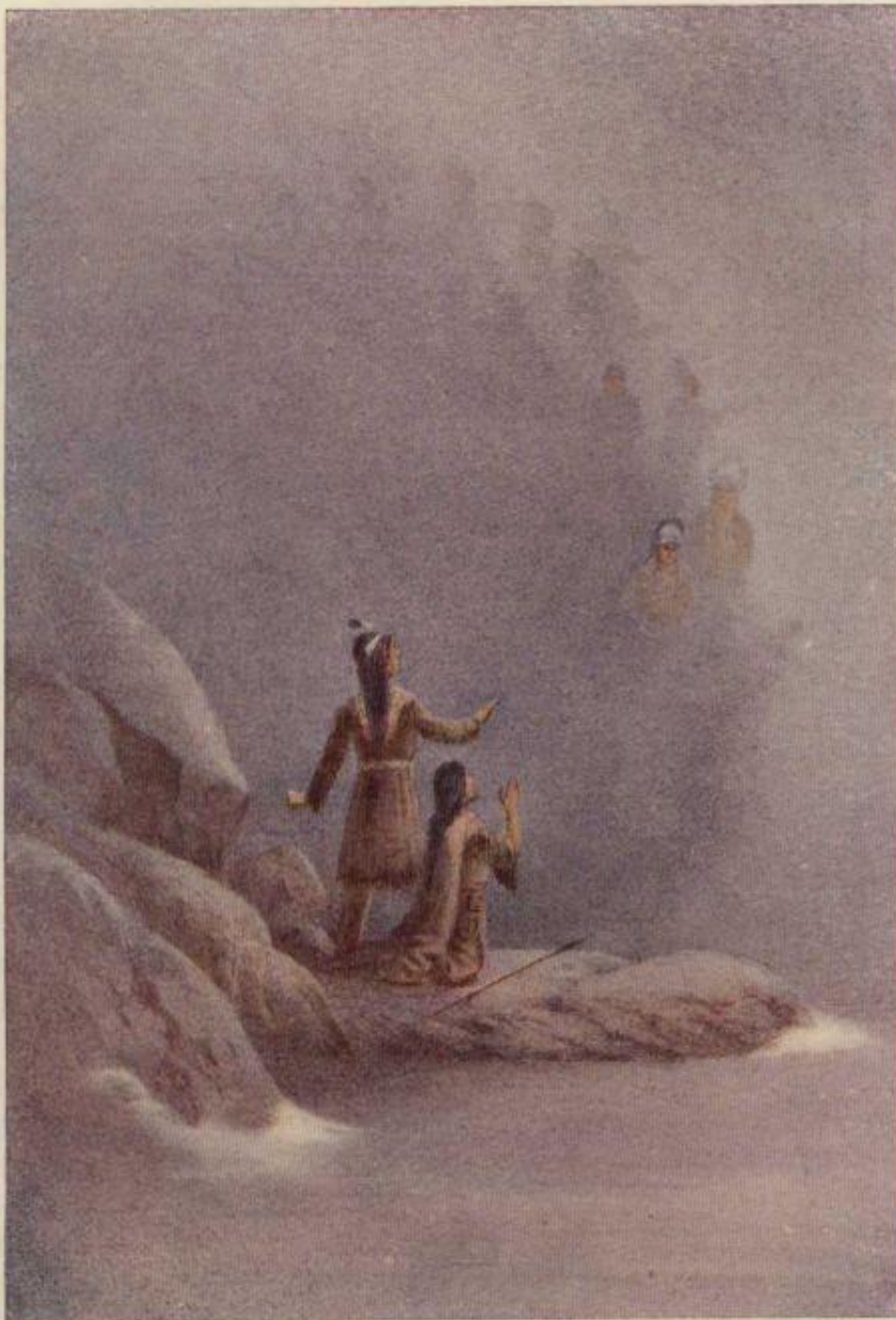
Ворона попрощалась с племянницей и, снова сев в каноэ, отправилась в мир смертных. Собака спокойно лежала на корме. Примерно на полпути Ворон вспомнил совет племянницы.

"Поймай кита, хорошая собака", - ободряюще крикнула она.

Собака поднялась, и в этот момент путь каноэ пересек кит. Собака вонзила зубы в огромную рыбину, и хрупкое каноэ яростно затряслось.

"Держи его, молодец!" - взволнованно крикнул Ворон. "Держи его!" Но каноэ так опасно кренилось и набирало столько воды, что она в испуге отпустила пса. Он так и сделал и снова улегся на корме.

Ворона снова попала в мир людей и, высадившись, обернулась, чтобы позвать своего чудесного пса на берег. Но от него не осталось и следа. Он исчез.

“The mists came down, and with them the Supernatural People”

328

"Спустился туман, а с ним и Сверхъестественный народ".

Ворона снова собрала множество корней и растений, особенно стараясь собрать побольше тех, что любили Сверхъестественные люди, и набрала лишь небольшую корзинку потантиллы. Во второй раз она перешла на землю Божественных существ, которые, увидев ее сочный груз, сразу же его съели. Она отнесла корни потантиллы своей племяннице, а когда оказалась в ее доме, заметила собаку, которую получила и потеряла. Племянница

сообщила ей, что не следовало приказывать животному схватить кита посреди океана, а нужно было подождать, пока она не приблизится к суше. Ворона снова отправилась в путь, взяв с собой собаку.

Когда они приблизились к земле людей, Ворона позвала животное, чтобы оно поймало кита, но оно не шелохнулось. Тогда Ворон налил ему воды, и он завелся и убил большого кита, туша которого приплыла к берегу, а люди спустились и разделали ее для еды.

Чинуки в гостях у сверхъестественных существ

Через некоторое время после этого молодой вождь изъявил желание отправиться к своей сестре, поэтому его люди снарядили большое каноэ и отправились в путь. Вождь Сверхъестественного народа, заметив их приближение, предупредил своих подданных, что смертные могут сделать что-то во вред им, и с помощью магии покрыл море льдом. Воздух стал очень холодным, настолько холодным, что Голубая Сойка, сопровождавшая молодого вождя, прыгнула в воду. При этом один из Сверхъестественных людей на берегу рассмеялся и воскликнул: "Ха, ха! Голубая сойка утонула!". На эту насмешку молодой вождь в каноэ встал и, взяв лед, покрывавший поверхность моря, отбросил его в сторону. При виде такой силы Сверхъестественный народ сильно встревожился.

Вождь и его последователи вышли на сушу и, пройдя по берегу, обнаружили, что он пустынен. Ни одного сверхъестественного человека не было видно. Нащупав дом вождя, чинуки приблизились к нему. Его охраняли морские львы, по одному с каждой стороны двери. Вождь осторожно предостерег своих людей от попыток войти в дом. Но неумная Голубая сойка попыталась проскочить мимо морских львов, за что была жестоко укушена. С ужасным воем он бросился в море. Молодой вождь, раздосадованный тем, что божественные существа могут смеяться над кем-то из его народа, бросился вперед, схватил чудовищ по одному в каждую руку и швырнул их далеко-далеко.

При виде этого второго подвига сверхъестественный народ поднял шум ярости и ужаса, который перешел в громкий смех, когда Голубая Сойка назвал этот подвиг своим, громко распевая свои похвалы. Чинуки, взяв себя в руки, вошли в домик. Но сверхъестественный народ исчез, оставив после себя только сестру вождя.

Чинуки ничего не ели с тех пор, как покинули свою страну, и Голубая Сойка, которая, как и большинство никчемных людей, всегда была голодна, громко жаловалась, что умирает от голода. Его брат Робин угрюмо приказал ему замолчать. Вдруг из-под кровати вылезло сверхъестественное существо с длинным клювом и, расколов клювом дрова, разожгло большой костер.

"Робин, - сказала Голубая сойка, - это дух раба нашего прадеда".

Вскоре дом наполнился дымом, и послышался голос, зовущий Пожирателя дыма. Появился человек с огромным животом и проглотил весь дым, так что в доме стало светло. Принесли небольшое блюдо, в котором был только один кусок мяса. Но таинственный голос позвал Китобойца, который явился и клювом нарезал кусок так, что тарелка наполнилась до краев. Затем он подул на нее, и она превратилась в большое каноэ, полное мяса, которое чинуки доели, к немалому изумлению Сверхъестественного народа.

Четыре испытания

Через некоторое время к ним подошел посланник Божественного народа и попросил сообщить, примут ли индейцы вызов на состязание по подводному плаванию, проиграв при этом свою жизнь. На это было дано согласие, и Блю Джей был выбран ныряльщиком для Чинуков. Он предусмотрительно положил в свое каноэ несколько кустов, которые бросил в воду перед тем, как нырнуть вместе со своей соперницей, женщиной. Когда у него перехватило дыхание, он всплыл на поверхность, спрятав голову под плавающими кустами. Затем он снова погрузился в воду и крикнул своему противнику: "Где ты?". "Здесь я", - ответила она. Четыре раза Блю Джей хитроумно всплывал, чтобы отдышаться, прячась под кустами, и, нырнув в последний раз, обнаружил, что женщина, с которой он сражался, лежит на дне моря почти без сознания. Он взял свою дубинку, которую спрятал под одеялом, и ударил ее по затылку. Затем он поднялся и заявил о своей победе.

Сверхъестественный народ, сильно раздосадованный, предложил устроить состязание по скалолазанию, на что Голубая сойка с готовностью согласился, но его предупредили, что в случае поражения он будет разбит на куски. Он поставил вертикально кусок льда, который был так высок, что доставал до облаков. Сверхъестественные существа поставили против него бурундука. Когда соперники достигли определенной высоты, Голубая сойка устал, поэтому он использовал свои крылья и взлетел вверх. Бурундук держала глаза закрытыми и не заметила обмана. Голубая сойка ударила ее дубинкой по шее, так что она упала, и Голубая сойка была признана победителем.

Затем раздосадованные супернатуралы предложили устроить матч по стрельбе, в котором участники должны были стрелять друг в друга. Чинуки победили, взяв в качестве чемпиона бобра и привязав перед ним мельничный жернов. Матч по потению также был выигран, когда чинуки взяли с собой лед в перегретые пещеры, где проходило состязание.

В качестве последней попытки пристыдить чинуков Божественный народ предложил двум вождям устроить соревнование по ловле китов. На это согласились, и жена сверхъестественного вождя, предупредив их, положила Блю Джей и Робина себе под мышки, чтобы они не шумели. Когда они спустились на берег, она сказала брату: "Мимо тебя проплывут четыре кита, но не бей гарпуном ни одного, пока не появится пятый".

Робин выполнил просьбу, но женщине с большим трудом удалось спрятать любопытную голубую сойку. Четыре кита прошли мимо, но молодой вождь не обратил на них внимания. Затем мимо проскользнул пятый. Он глубоко вонзил свой гарпун в его подкожный жир и выбросил на берег. Попытки сверхъестественного вождя не увенчались успехом, и чинуки снова победили. Когда результат стал известен, Блю Джей не смог больше сдерживаться и, выпав из-под руки женщины, утонул.

Отправляясь домой, вождь посоветовал привязать одеяло Робина к волшебной веревке, которой снабдила его сестра. Когда "Чинуки" оказались посреди океана, Сверхъестественный народ поднял сильный шторм, чтобы погубить их. Но чары, которые дала им сестра вождя, оказались действенными, и они благополучно добрались до своей земли.

Смерть Голубой Сойки можно считать лишь фигуральной, поскольку она появляется во многих последующих сказаниях чинуков.

Этот миф, несомненно, относится к тому классу, который связан с "изгнанием Аида". См. замечания в заключении к мифу о "Зяте громовержца".

Зять громовержца

Жили-были вместе пять братьев. Четверо из них привыкли проводить дни на охоте на лося, а пятый, самый младший, был вынужден всегда оставаться в лагере. Жили они дружно, разве что младший ворчал, что никогда не может пойти на охоту. Однажды, когда юноша сидел, размышляя над своей обидой, тишину внезапно нарушил жуткий грохот, доносившийся, казалось, из района дверного проема. Юноша не мог понять его причину и с тревогой ожидал возвращения своих братьев. Вдруг перед ним появился человек гигантских размеров, странно одетый. Он потребовал еды, и испуганный мальчик, вспомнив, что они хорошо обеспечены, поспешно встал, чтобы удовлетворить желания незнакомца. Он принес достаточное количество мяса и сала, но с удивлением обнаружил, что странное существо жадно требует еще. Испугавшись, юноша поспешил удовлетворить жажду чудовища, а гигант неуклонно ел час за часом, пока братья не вернулись в конце дня и не обнаружили обжору, пожирающего плоды их охоты. Чудовище, казалось, не обращало внимания на братьев, но, желая удовлетворить свой огромный аппетит, продолжало есть. Братья раздобыли свежий запас мяса и положили его перед ним. Он продолжал объедаться всю ночь и весь следующий день. Наконец мясо подошло к концу, и братья встревожились. Что еще потребует ненасытное существо? Они подошли к нему и сказали, что остались только шкуры, но он ответил: "Что же мне есть, внуки, раз остались только шкуры и вы?" Похоже, они не понимали его, пока не переспросили несколько раз. Поняв, что обжора намерен их съесть, они решили сбежать, и, сварив шкуры, которые положили перед ним, скрылись через дыру в хижине. Снаружи они посадили собаку и велели ей послать великана в направлении, противоположном тому, которое они выбрали. Наступила ночь, и чудовище задремало, а собака изнуренно бдила над выходом, через который сбежали ее хозяева. Когда рассвело, великан пролез в щель. Он спросил собаку: "В какую сторону ушли твои хозяева?". Животное ответило, показав головой направление, противоположное истинному. Великан заметил этот знак и пошел по той дороге, которую указала собака. Пройдя некоторое расстояние, он обнаружил, что молодые люди не могли идти этим путем, и вернулся в хижину, где все еще находился пес. Он снова обратился к животному с вопросом, но оно лишь повторило свой предыдущий шаг. Чудовище снова отправилось в путь, но, не обнаружив беглецов, снова вернулось. Трижды он повторял эти бесплодные путешествия. Наконец ему удалось выйти на верную тропу, и вскоре он оказался в поле зрения братьев.

Громовержец

Сразу же увидев своего преследователя, они попытались обогнать его, но безуспешно. Великан набирал силу и вскоре настиг старшего, которого зарубил. Затем он направился к остальным и убил еще троих. Остался только самый младший. Юноша поспешил дальше,

пока не пришел к реке, на берегу которой рыбачил человек, которого звали Громовержец. Он попросил этого человека переправить его на противоположный берег. После долгих колебаний Громовержец согласился и, переправив его на веслах через поток, велел беглецу идти в свою хижину, а сам вернулся к своим сетям. К этому времени чудовище достигло реки и, увидев рыбака, попросило переправить его тоже. Громовержец сначала отказывался, но в конце концов его уговорили, предложив кусок бечевки. Испугавшись, что лодка может опрокинуться, Громовержец растянулся на берегу реки и приказал великану пройти по его телу. Чудовище, не подозревая о предательстве, с готовностью откликнулось, но не успело оно дойти до ног Громовержца, как тот расставил их в стороны, сбросив его в воду. Вслед за ним упала и его шляпа. Громовержец поднялся на ноги и стал смотреть, как великан беспомощно плывет по течению. Он не хотел спасать чудовище, так как считал его злым духом. "Окулам (Шум бури) будет твоим именем", - сказал он. "Только когда бушует буря, тебя будет слышно. Когда погода будет очень плохой, твоя шляпа тоже будет слышна". Закончив это пророчество, великан исчез из виду. Тогда Громовержец собрал свои сети и отправился в свою хижину. Юноша, которого он спас, женился на его дочери и продолжал жить с ним. Однажды юноша захотел посмотреть, как его тесть ловит китов. Жена предостерегла его от этого. Однако он не внял ее предостережению, а отправился к морю, где увидел, как Громовержец борется с китом. Его тесть пришел в ярость, и поднялась неистовая буря. Громовержец посмотрел в сторону суши, и тут же буря усилилась, с громом и молниями, и он бросил свою сеть и отправился домой, а за ним последовал и его зять.

Усиливающаяся буря

Добравшись до дома, молодой человек собрал несколько кусков угля и взобрался на гору. Там он обгорел, и поднялся сильный ветер, который унес все на своем пути. Дом тестя снесло, и Громовержец, видя, что пытаться спасти что-либо из обломков безнадежно, велел дочери искать мужа. Она поспешила вверх по склону горы, где нашла его и сказала, что он - причина всех разрушений, но заключила: "Отец говорит, что ты можешь посмотреть на него завтра, когда он будет ловить китов". Он последовал за женой в долину и умылся. Как только он это сделал, буря стихла. Подойдя к своему тестю, он сказал: "Завтра я пойду на берег, и ты увидишь, как я ловлю китов". Затем они с Громовержцем отстроили свою хижину. На следующее утро они вместе отправились на берег моря. Юноша закинул сеть в море. Через некоторое время в сеть попал кит. Юноша быстро подтянул сеть к себе, достал кита и бросил его к ногам своего тестя. Громовержец был поражен и воззвал к нему: "Хо, хо, зять мой, ты такой же, как я в молодости".

Товарищи-звери

Вскоре после этого дочь громовержца родила двух сыновей. Громовержец послал юношу в лес поймать двух волков, с которыми он играл в детстве. Зять вскоре вернулся с животными и бросил их к ногам Громовержца. Но они сильно растерзали старика, который, видя, что про него забыли, жалобно плакал, прося зятя отнести их обратно в лес. Вскоре после этого он снова послал зятя на поиски двух медведей, с которыми тоже дружил. Молодой человек послушался. Но медведи поступили со стариком так же, как и волки, и он тоже вернул их в

родные места. В третий раз зять отправился в лес за двумя медведями-гризли и , увидев их, позвал: "Я пришел, чтобы унести вас". Медведи тут же вышли к нему навстречу и покорно понеслись перед Громовержцем. Но и они, забыв о своем прежнем друге, тут же набросились на него, так что юноша был вынужден вернуться с ними в лес. Громовержец едва успел оправиться от этого нападения, как послал своего зятя в тот же лес за двумя пантерами, которые в молодости тоже были его спутниками. Без малейших колебаний юноша встал и отправился в лес, где и встретил пантер. Он обратился к ним все тем же ласковым тоном: "Я пришел забрать вас". Животные, казалось, поняли его и последовали за ним. Но Громовержец ужаснулся, увидев, какими дикими они стали. Они не позволили ему приручить их, и, вытерпев их нападки, он отправил их обратно в лес. Так закончилось увлекательное развлечение Громовержца.

Испытания

Затем Громовержец послал своего зятя расколоть полено дерева. Когда это было сделано, он испытал юношу на прочность, поместив его в полый ствол и закрыв вокруг него дерево. Но юноше удалось освободиться, и он отправился в хижину, неся с собой полено. Добравшись до дома, он уронил дерево перед дверью, отчего земля затряслась. Громовержец вскочил в тревоге и побежал к двери, радуясь силе своего зятя. "О, мой зять, - воскликнул он, - ты такой же, как я в молодости!" Они продолжали жить вместе, и сыновья юноши становились взрослыми. Однажды Громовержец подошел к своему зятю и сказал: "Пойди к Сверхъестественному народу и принеси мне их обручи".

Страна духов

Зять послушался. Он отправился в далекий путь и в конце концов достиг страны духов. Они стояли в кругу, и он увидел, что они играют с большим обручем. Тогда он вспомнил, что должен закрепить обруч. Но он боялся подойти к ним, так как свет этого места ослеплял его. Он дождался темноты и, выйдя из своего укрытия, бросился через круг и закрепил обруч. Сверхъестественные люди преследовали его с факелами. В этот момент жена вспомнила о нем. Она обратилась к детям: "А теперь выпорите своего деда". Они так и сделали, а старик плакал. Это наказание вызвало дождь на Сверхъестественный народ и погасило их факелы. Они не осмелились преследовать юношу дальше и вернулись в свою страну. Теперь искатель приключений мог спокойно продолжать свой путь домой. Он передал обруч Громовержцу, который теперь отправил его на поиски целей народа духов. Зять с радостью отправился в путь и снова попал в светлый край Страны духов. Он нашел Сверхъестественных, стреляющих по мишеням, а когда наступила ночь, подхватил их и убежал. Духи зажгли свои факелы и последовали за ним. Его жена вновь вспомнила об отсутствующем муже и велела сыновьям повторить наказание деда. Дождь возобновился, и факелы преследователей были уничтожены. Молодой человек спокойно вернулся в свое жилище и положил мишени перед тестем. Не успел он вернуться домой, как им овладел беспокойный дух. Он жаждал новых приключений и, наконец, решил отправиться на их поиски. Нарядившись в свое ожерелье из мелких зубов и пристегнув к поясу два колчана со стрелами, он попрощался с женой и сыновьями. Он путешествовал, пока не достиг большой

деревни, состоящей из пяти рядов домов. Эти он внимательно осмотрел. Последний дом был очень маленьким, но он вошел в него. Его встретили две старухи, которых называли Мышами. Как только они увидели его, то пробормотали между собой: "О, теперь Голубая Сойка сделает несчастным еще одного вождя". По прибытии молодого человека в деревню Голубая Сойка почувствовал, что среди людей есть чужак. Он сразу же направился в дом мышей. Затем он вернулся к своему вождю и сказал, что незнакомый вождь хочет устроить поединок по стрельбе. Вождь Блю Джей, казалось, был готов вступить в состязание с незнакомцем, поэтому он отправил Блю Джея обратно в дом, чтобы тот сообщил молодому вождю о своем желании. Блю Джей повел незнакомца на пляж, где стояли мишени. Вскоре появился старый вождь, и поединок начался. Но мастерство искателя приключений не могло сравниться с мастерством старого вождя, который в конце концов победил его. Теперь Блю Джей увидел свой шанс. Он бросился на незнакомца, вырвал его волосы, отрубил голову и отрезал конечности от тела. Все это он отнес в дом, а голову повесил. С наступлением темноты мыши кормили голову и сумели сохранить ей жизнь. Этот процесс кормления продолжался много месяцев, старухи не уставали от своей работы. Прошел целый год, и сыновья несчастного искателя приключений стали опасаться за его безопасность. Они решили разыскать его. Вооружившись, они отправились в большую деревню, в которой был заточен их отец. Они вошли в дом Мышей и увидели там двух старух, которые спросили: "О, вожди, откуда вы пришли?"

"Мы ищем своего отца", - ответили они. Но старухи предупредили их о вероломстве Голубой Сойки и посоветовали уходить. Молодые люди не послушались совета и сумели выведать у женщин историю о судьбе своего отца. Услышав, что Голубая сойка так жестоко использовала их отца, они очень рассердились. Тем временем Голубая сойка узнал о появлении двух незнакомцев и отправился в маленький домик, чтобы вынюхать их. Там он заметил молодых людей и тут же вернулся, чтобы сообщить своему вождю об их присутствии в деревне. Вождь послал его пригласить незнакомцев на матч по стрельбе, но они проигнорировали приглашение. Голубая сойка трижды отправлялся в путь, и наконец юноши увидели его, после чего его волосы сразу же запылали. Он побежал обратно к своему вождю и сказал: "О, эти незнакомцы могущественнее нас. Они посмотрели на меня, и мои волосы загорелись". Вождь был поражен и спустился на пляж, чтобы дожидаться прибытия чужаков. Когда юноши увидели мишени, они не стали стрелять и заявили, что они плохие. Они тут же вытащили их из земли и заменили своими, блеск которых ослепил зрение их противника. Вождь был побежден. Он лишился жизни, а народ был усмирён. Затем юноши бросили Голубую Сойку в реку, сказав при этом: "Зеленый осетр - вот твое имя. Отныне ты не будешь делать вождей несчастными. Ты будешь петь "Ватсетсетсе", и это будет плохим предзнаменованием". Закончив это представление, они вывели отца из предсмертной дремоты и ласково обратились к мышам, сказав: "Ах, вы, жалкие, вы будете есть все, что хорошо. Вы будете есть ягоды". Затем, наведя порядок в этой странной стране, они вернулись в свой дом в сопровождении отца.

Эта любопытная история - пример того, что в мифологии известно как "изгнание Аида". Страна сверхъестественных или подземных существ всегда глубокое очарование умов варваров, и такие истории придумываются их рассказчиками для того, чтобы свести к минимуму ужасы, которые ожидают их, когда они сами должны будут войти в эту странную страну через смерть. Случай с обжорой, похоже, свидетельствует о слиянии двух историй, что нередко случается в первобытном сказочном повествовании. В этих историях зло или сверхъестественная сила неизменно терпят поражение, и трогательно наблюдать за

детскими попытками дикаря заглушить общий для всего человечества страх смерти, забавляясь смехотворным видом ужасных существ, которых он боится. Сыновья Громовержца - это, конечно же, боги-герои, чье сияние повергает в смятение силы тьмы, и в какой-то степени они напоминают Хун-Апу и Ксбаланке из центральноамериканских *Пополь Вух*, которые отправляются в темное царство Ксибальба, чтобы спасти своих отца и дядю, и добиваются успеха в свержении его отвратительных обитателей.[3].

[3] См. книгу автора *"Мифы Мексики и Перу"* в этой серии, стр. 220.

Миф о Стикуа

В качестве примера мифа, взятого собирателем из уст индейца, мы прилагаем к этой серии сказок чинуков историю о Стикуа во всей ее первозданной бесхитростности. Эта сказка хорошо иллюстрирует разницу в мировоззрении аборигенов и цивилизованных людей, а также демонстрирует многочисленные трудности, с которыми приходится сталкиваться собирателям подобных мифов.

В Накотате жило много людей. И вот умер их вождь. У него остался сын, который уже почти вырос. Была зима, и люди голодали. У них были только мидии и коренья. Однажды охотник сказал: "Приготовьтесь". Все люди приготовились и отправились в море на двух каноэ. Затем охотник пронзил копьем морского льва. Он подпрыгнул и поплыл по воде [мертвый]. Они вытащили его на берег. Голубая Сойка сказала: "Давайте сварим его здесь". Они развели костер и запекли его. Они разрезали его и сварили. Голубая сойка сказала: "Давайте съедим его здесь, съедим всю". И люди стали есть. Ворон попытался спрятать кусок мяса в свою циновку и отнес его в каноэ. [Но Голубая Сойка уже увидел его; он побежал [за ним], взял его и бросил в огонь. Он сжег его. Затем они отправились домой. Они собирали большие и маленькие мидии. Вечером они вернулись домой. Тогда Голубая Сойка крикнула: "Стикуа, принеси свои мидии". Стикуа - так звали жену Голубой сойки. Тогда послышался шум множества ног, и Стикуа с другими женщинами прибежали на пляж. Они шли за мидиями. Женщины пришли на пляж и понесли мидии в дом. Ворон позаботился о сыне вождя. Мальчик сказал: "Завтра я пойду с вами". Голубая сойка сказала ему: "Что ты хочешь делать? Волны унесут тебя, ты уплывешь; даже я почти уплыл".

На следующее утро они приготовились. Они сели в каноэ, а мальчик спустился на берег. Он хотел сопровождать их и держался за каноэ. "Иди в дом, иди в дом", - сказал Блю Джей. Мальчик поднялся, но ему было очень грустно. Тогда Голубая сойка сказала: "Давайте оставим его". Люди стали грести. И вот они добрались до острова морских львов. Охотник вышел на берег и ударил морского льва. Он прыгнул и поплыл по воде [мертвый]. Они вытащили его на берег и подняли из воды. Голубая сойка сказала: "Давайте съедим его здесь; давайте съедим его целиком, иначе сын нашего вождя всегда будет хотеть приходить сюда". Они спеленали его, вырезали и сварили. Когда все было готово, они все съели. Ворон попытался спрятать кусочек в своих волосах, но Голубая сойка тут же вытащила его и сожгла. Вечером они набрали больших и маленьких мидий и отправились домой. Когда они подошли к берегу, Голубая сойка крикнула: "Стикуа, принеси свои мидии!". Затем послышался шум множества ног. Стикуа, ее дети и все остальные женщины прибежали на пляж и понесли

мидии в дом. Голубая Сойка сказала всем этим людям: "Не говорите сыну нашего вождя, а то он захочет сопровождать нас". Вечером мальчик сказал: "Завтра я пойду с вами". Но Голубая Сойка сказала: "Что ты хочешь делать? Волны унесут тебя". Но мальчик ответил: "Я должен идти".

Утром они приготовились в третий раз. Мальчик спустился на берег и взялся за каноэ. Но Голубая Сойка оттолкнула его и сказала: "Что тебе здесь нужно? Иди в дом". Мальчик заплакал и пошел к дому. [Когда он повернул обратно, Голубая Сойка сказала: "Теперь гребь прочь. Мы оставим его". Люди стали грести, и вскоре они достигли острова морских львов. Охотник вышел на берег и пронзил копьем одного большого морского льва. Он подпрыгнул и поплыл по воде [мертвый]. Они подтащили его к берегу, высадили, подтянули к себе и отпели. Они закончили его отпевать. Затем они разделали его и сварили, а когда все было готово, стали есть. Голубая сойка сказала: "Давайте съедим все. Никто не должен говорить об этом, иначе сын нашего вождя всегда будет хотеть сопровождать нас". Когда они наелись досыта, осталось немного [мяса]. Ворон попытался унести кусок с собой. Он привязал его к ноге и сказал, что у него сломана нога. Голубая сойка сожгла все, что осталось. Затем он сказал Ворону: "Покажи-ка мне свою ногу". Он прыгнул на него, развязал и нашел кусок мяса на ноге Ворона. Он взял его и сжег. Вечером они собрали больших и маленьких мидий. Затем они отправились домой. Когда они были уже недалеко от дома, Голубая Сойка крикнула: "Стикуа, неси мидии!". Тогда послышался шум множества ног, и Стикуа [ее дети и другие женщины] спустились на берег и понесли мидии в дом. Женщины, дети и сын вождя ели мидии всю ночь. Потом этот мальчик сказал: "Завтра я пойду с вами". Голубая Сойка сказала: "Что ты хочешь делать? Ты уплывешь. Если бы я не ухватился за каноэ, то уплыл бы дважды".

На следующее утро они собрались в четвертый раз. Мальчик тоже встал и приготовился. Люди спустили свои каноэ на воду и поднялись на борт. Мальчик тоже попытался сесть в каноэ, но Голубая Сойка схватила его и бросила в воду. Он стоял в воде по пояс. Он держал каноэ, но Голубая Сойка ударила его по рукам. Так он и стоял. Он плакал, плакал, плакал и пошел к дому. Люди пошли; они гребли, и вскоре достигли острова морских львов. Охотник вышел на берег и ударил морского льва. Он выпрыгнул и поплыл по воде [мертвый]. Они снова отбуксировали его к острову и вытащили на берег. Они спеленали его. Когда они закончили его отпевать, то вырезали его и сварили. Когда все было готово, Голубая Сойка сказала: "Давайте съедим его здесь". Они съели половину и насытились. Они уснули, потому что съели слишком много. Голубая сойка проснулась первой и сожгла все, что осталось. Вечером они набрали больших и маленьких мидий и отправились домой. Когда они подошли к берегу, он крикнул: "Стикуа, неси мидии!". Послышался шум множества ног, и Стикуа [ее дети и другие женщины] прибежали на берег и понесли мидии. Мальчик сказал: "Завтра я пойду с вами". Но Голубая Сойка сказала: "Что ты хочешь делать? Мы можем перевернуться, и ты утонешь".

Рано утром следующего дня люди приготовились. Мальчик тоже встал и приготовился. Блю Джей и люди спустили свои каноэ на воду. Мальчик попытался взойти на борт, но Голубая Сойка сбросила его в воду. Он попытался удержать каноэ. Вода доходила ему до подмышек. Голубая сойка била его по рукам [пока он не отпустил]. Тогда мальчик заплакал и разрыдался. Голубая сойка и другие люди ушли.

Через некоторое время мальчик поднялся с берега. Взяв свои стрелы, он обошел один из участков суши. Там он встретил молодого орла и подстрелил его. Он снял с него шкуру и попытался надеть ее. Она была слишком мала, едва доходила ему до колен. Тогда он снял ее и пошел дальше. Через некоторое время он встретил другого орла. Он выстрелил в него, и тот упал. Это был белоголовый орлан. Он снял с него шкуру и примерил ее, но она оказалась

слишком мала; она доходила ему чуть ниже колен. Он снял ее, оставил и пошел дальше. Вскоре ему встретился лысоголовый орлан. Он выстрелил в него дважды, и тот упал. Он снял с него шкуру и надел ее. Она была ему почти по размеру, и он попытался взлететь. Он мог лететь только вниз. Он не мог подняться. Он повернул назад, и теперь он мог летать. Теперь он обогнул точку на берегу моря от Накотата. Когда он почти обогнул ее, то почувствовал запах дыма от горящего жира. Когда он обогнул точку, то увидел жителей своего города. Он присел на вершину дерева и посмотрел вниз. [Он увидел, что они сварили морского льва и едят его. Когда они почти закончили есть, он взлетел вверх. Он подумал: "Вот бы Голубая сойка меня увидела". Тогда Голубая сойка подняла голову [и увидела] летящую птицу. "А, это птица прилетела к нам за едой". Пять раз орел покружил над костром, а потом опустил. Голубая сойка взяла кусок ворвани и сказала: "Я дам тебе это поесть". Птица спустилась, схватила кусок мяса и улетела. "Ха!" - сказала Голубая сойка, - "у этой птицы ноги как у человека". Наевшись досыта, люди легли спать. Ворон снова спрятал кусок мяса. Ближе к вечеру они проснулись и снова поели; тогда Голубая сойка сожгла остатки еды. Вечером они собрали большие и маленькие ракушки и отправились домой. Когда мальчик вернулся домой, он сразу же лег. Они подошли к деревне, и Голубая сойка крикнула: "Принеси свои мидии, Стикуа!". Послышался шум множества ног, и Стикуа [и другие женщины] побежали на берег и принесли мидии. Они пытались разбудить мальчика, но он не вставал.

На следующее утро люди приготовились и спустили на воду свое каноэ. Сын вождя остался в постели и не пытался их сопровождать. После восхода солнца он поднялся, позвал женщин и детей и сказал: "Мойтесь, да побыстрее". Женщины повиновались и вымылись. Он продолжил: "Расчешите волосы". Затем он положил доску, достал кусок мяса [из-под своего одеяла, показал его женщинам и сказал]: "Каждый день ваши мужья едят это". Он положил два куска рядом на доску, разрезал их на части и смазал головы всех женщин и детей. Затем он вытащил из земли доски, из которых строили стены домов. Он заострил их [с одного конца, а] те, что были очень широкими, расщепил надвое. Он обточил их все. Последним в деревне был дом Ворона. Он не стал вытаскивать доски из его стен. Он положил доски на спины женщин и детей и сказал: "Идите на берег. Когда вы выйдете на берег, пять раз обогните эту скалу. Затем идите в сторону моря. Когда увидите морских львов, убейте их. Но скупым людям ничего не давайте. Я заберу этих детей. Они будут жить в море и станут моими родственниками".

Затем он разделил сухожилия. Женщины вошли в воду и стали прыгать [из воды]. Они проплыли пять раз туда и обратно перед деревней. Затем они поплыли в сторону моря к тому месту, где Синяя Сойка и мужчины варились. Голубая Сойка сказала мужчинам: "Что это?". Мужчины посмотрели и увидели прыгающих девушек. Пять раз они проплыли вокруг скалы Голубой Сойки. Затем они отправились в море. Через некоторое время на остров прилетели птицы. Их клювы были [красными], как кровь. Они последовали за рыбой. "Ах! - сказала Голубая сойка, - вы замечаете их? Откуда взялись эти многочисленные птицы?" Ворон сказал: "Ха, косоглазый, это твои дети; разве ты их не узнаешь?" Пять раз обошли они вокруг скалы. Теперь [мальчик] бросил сухожилия на камни и сказал: "Когда Голубая сойка придет собирать мидии, они будут прикреплены [к камням]". И он сказал женщинам, повернувшись к морю: "Убийца китов - вот ваше имя. Когда поймаете кита, съедите его, а когда поймаете морского льва, выбросите его; скупым же людям ничего не давайте".

Голубая сойка и люди ели. Потом тот охотник сказал: "Пойдемте домой. Я боюсь, что мы увидели злых духов; мы никогда не видели ничего подобного на этой скале". Теперь они собирали мидии и несли с собой мясо, которое у них осталось. Вечером они подошли к своему дому. [Голубая сойка крикнула] "Стикуа, принеси мидии!". Людей не было слышно.

Он позвал пять раз. Вышли люди на берег и [увидели, что] стены домов исчезли. Люди заплакали. Заплакал и Голубая Сойка, но кто-то сказал ему: "Успокойся. Если бы ты не был плохим, сын нашего вождя не сделал бы этого". Теперь все они сделали один дом. Только у Ворона был один дом [сам по себе]. Он пошел и стал искать еду на берегу. Он нашел осетра. Он снова пошел на пляж и нашел морскую свинью. Затем Голубая сойка отправилась на пляж и попыталась найти еду. [Как только он вышел], начался град; градины были очень большими. Он попытался набрать мидий и хотел отломить их, но они не отрывались. Он не мог отломить их. Он бросил это занятие. Ворон пошел искать на берегу и нашел тюленя. Остальные ели только коренья. Так их вождь отомстил им.

Верования калифорнийских племен

Племена Калифорнии являют собой странный пример расового конгломерата, говоря на разных языках, совершенно не похожих друг на друга, и демонстрируя множество различий во внешности и обычаях. Об их мифологических верованиях Бэнкрофт говорит следующее:

"Калифорнийские племена, взятые в целом, довольно единообразны в основных чертах своих теогонических верований. Похоже, что все без исключения они имели смутное представление о возвышенном, почти верховном существе; в большинстве своем они называли его Великим Человеком, Стариком Свыше, Тем, Кто Выше; приписывая ему, однако, как обычно бывает в таких случаях, лишь самые смутные и негативные функции и качества. Реальной практической силой, которая больше всего интересовала их, которая имела самое непосредственное отношение к ним, а они к ней, был демон, или тело демонов, довольно ярко выраженного характера. Перед лицом различных утверждений о том, что в мифологии дикарей никогда не было такого понятия, как собственно дьявол, мы хотели бы обратить внимание на следующую выдержку из рукописи Томо мистера Пауэрс - джентльмена, который, как путем изучения, так и путем личного расследования, стал одним из самых квалифицированных авторитетов в области верований коренных калифорнийцев, и чьи дела были связаны по большей части с племенами, которые никогда не имели дружеских контактов с белыми людьми. Конечно, тонкое и скудное воображение американских дикарей не могло сравниться с созданием великолепного имперского Сатаны Мильтона или Мефистофеля Гете с его тонким интеллектом, огромными способностями и злобным весельем; но в той мере, в какой индейские изверги или дьяволы обладают способностями, они полностью не менее злы, чем эти. Они абсолютно плохи, в них нет ничего хорошего, они думают только о зле; но они слабы, недостойны и нелепы; они настолько же ниже Сатаны, насколько "большие индейцы", которые их придумывают, уступают в воображении Джонатану Мильтону".

"Определенное место обычно отводится злодею как его любимая резиденция или курорт; так, калифорнийцы в округе Сискиоу отдают замок Дьявола, его гору и озеро злым духам и избегают окрестностей этих мест со всей возможной осторожностью".

"Береговые племена округа Дель-Норте, Калифорния, живут в постоянном страхе перед злым духом, который принимает облик некоторых животных, летучей мыши, ястреба, тарантула и так далее, но особенно восхищает и поражает птица-крикун. Верования речных племен России и других народов практически совпадают с этим.

"У кахроков существует некое представление о великом божестве, называемом Чарейя, Старик Сверху; он иногда появляется на земле для некоторых из самых благосклонных колдунов; его описывают как одетого в тесную тунику, с лекарственной сумкой и с длинными белыми волосами, которые почтительно падают на плечи. Однако на практике кахроки, как и большинство калифорнийских племен, почитают главным образом койота. Большой страх внушают также некие лесные демоны, ведущие ночной образ жизни; они, говорят кароки, принимают облик медведей и пускают стрелы в заблудившихся путников.

"Между вышеизложенными набросками калифорнийских верований и теми, что связаны с остальными племенами, идущими на юг, мы не можем обнаружить существенных различий, пока не достигнем ольхонов, племени, живущего на побережье между Сан-Франциско и Монтереем; здесь солнце начинают связывать или отождествлять по имени с тем великим духом, или, скорее, с тем Большим Человеком, который создал землю и правит на небе. Так мы снова видим и вокруг Монтерее, и вокруг Сан-Луис-Обиспо; первые плоды земли были предложены в этих районах великому светилу, и его восход был встречен криками радости".

Отец Жеронимо Боскана приводит следующий рассказ о вере и богослужении племен акагчем, населяющих долину и окрестности Сан-Хуан-Капистрано, Калифорния. Сначала мы приводим версию, которой придерживаются *серранос*, или горцы, живущие во внутренних районах страны, в трех или четырех лигах вглубь от Сан-Хуан-Капистрано:

"До появления материального мира жили два существа, брат и сестра, природа которых не поддается объяснению; брат жил наверху, и его имя означало Небеса, сестра жила внизу, и ее имя означало Земля. От союза этих двоих произошло многочисленное потомство. Земля и песок были первыми плодами этого брака; затем родились скалы и камни; затем деревья, большие и маленькие; затем трава и травы; затем животные; наконец, родился великий человек по имени Уйот, который был "великим капитаном". От какой-то неизвестной матери у этого Уйота родилось много детей лекарской расы. Все это происходило на севере, и впоследствии, когда были созданы люди, они были созданы на севере, но по мере того, как люди размножались, они двигались к югу, земля также становилась больше и расширялась в том же направлении.

"Со временем, когда Уйот состарился, его дети задумали убить его, утверждая, что из-за возрастных недугов он больше не может управлять ими и заботиться об их благополучии. Тогда они подмешали ему в питье сильный яд, и когда он выпил его, на него напала сильная болезнь; он встал, покинул свой дом в горах и спустился к тому месту, где сейчас находится берег моря, хотя в то время моря там не было. Его мать, имя которой Земля, приготовила ему противоядие в большой раковине и выставила снадобье на солнце, чтобы оно заварилось; но его аромат привлек внимание койота, который пришел и разорвал раковину. Так Уйот заболел до смерти, и хотя он сказал своим детям, что скоро вернется и снова будет с ними, с тех пор его никогда не видели. Все люди сложили большую кучу дров и сожгли его тело, а когда церемония началась, Койот прыгнул на тело и сказал, что сгорит вместе с ним; но он только вырвал кусок плоти из живота, съел его и скрылся. После этого титул койота был изменен с *Eucasque*, что означает "субкапитан", на *Epo*, то есть "вор и каннибал".

"Когда похоронные обряды были закончены, состоялся общий совет и были приняты меры по сбору животной и растительной пищи; ведь до этого времени дети и потомки Уйота не ели ничего, кроме белой глины. И когда они совещались, вот перед ними явилась дивная вещь, и они обратились к ней, говоря: "Ты наш вождь, Уйот?" Но призрак сказал: "Нет, ибо я больше Уйота; мое жилище наверху, и мое имя Чинигчинич". Тогда он заговорил дальше, получив ответ, для чего они собрались вместе: "Я создаю все вещи, и сейчас я иду, чтобы создать

человека, другой народ, подобный вам; что касается вас, я даю вам силу, каждому по его роду, производить все хорошее и приятное. Один из вас будет приносить дождь, другой - росу, третий - желудь, третий - семена, третий - всякую дичь на земле; и дети ваши будут эту силу навеки, и будут они колдунами у людей, которых я иду создавать, и будут получать от них дары, чтобы дичь не пропадала и урожаи были верными". Тогда Чинигчинич создал человека; из глины озера он сформировал его, мужчину и женщину; и нынешние калифорнийцы - потомки одной или нескольких пар, созданных там и таким образом.

"Так заканчивается известная традиция горцев; теперь мы должны вернуться назад и начать историю заново, с ее начала, как ее рассказывают *плеянос*, или жители долины Сан-Хуан-Капистрано. Они говорят, что невидимое, всемогущее существо по имени Нокума создало мир и все, что в нем есть, из вещей, которые растут и движутся. Он сделал его круглым, как шар, и держал его в руках, где он поначалу сильно качался, пока он не укрепил его, воткнув в него тяжелый черный камень, называемый Тосаут, в качестве балласта. Море в это время было всего лишь маленьким ручейком, бегущим вокруг света, и было так переполнено рыбой, что ее мерцающим плавникам уже не хватало места для движения; так велико было давление, что некоторые из самых глупых мальков хотели высадиться и основать колонию на суше, и только с величайшим трудом старшие убедили их, что убийственный воздух, губительное солнце и отсутствие ног непременно приведут к гибели в течение многих дней всех, кто примет участие в таком отчаянном предприятии. Очевидно, что правильным планом было улучшить и расширить их нынешнее жилище; для этого, в основном с помощью одной очень большой рыбы, они разломали большую скалу Тосаут надвое, обнаружив в центре пузырь, наполненный очень горьким веществом. Вкус его понравился рыбам, и они опорожнили его в воду, и тут же вода стала соленой, вздулась и переполнила большую часть старой земли, создав себе новые границы, которые сохранились до сих пор.

"Тогда Нокума создал человека, сформировав его из земной почвы, и назвал его Эджони. Женщину великий бог тоже создал, предположительно из того же материала, что и мужчина, и назвал ее Аэ. У этой первой пары родилось много детей, и их потомки размножились по всей земле. Одного из них звали Сирут, то есть Горсть табака, а его жену - Икают, что значит Выше; и у Сирут и Икают родился сын, а жили они в местечке на северо-востоке, примерно в восьми лигах от Сан-Хуан-Капистрано. Имя этого сына было Уйот, то есть Доминатор; он вырос свирепым и грозным воином; надменный, честолюбивый, тиранический, он распространял свою власть на все стороны, правя повсюду, как железным жезлом; и люди сговорились против него. Было решено, что он умрет от яда; кусок скалы Тосаут был измельчен таким смертоносным способом, что одного лишь внешнего применения было достаточно, чтобы вызвать смерть. Уйот, несмотря на то что постоянно держался начеку и был предупрежден об опасности маленьким норовистым зверьком под названием кукумель, не смог избежать своей участи; несколько зерен ядовитой смеси упали ему на грудь, пока он спал, и сильный минерал проел себе путь к самым источникам его жизни. На помощь ему были призваны все мудрецы страны, но ему ничего не оставалось, как умереть. Его тело сожгли на большой куче с песнями радости и плясками, и народ ликовал.

"Пока народ собирался для этого, было решено посоветоваться о целесообразности получения семян и плоти, чтобы есть их вместо глины, которая до сих пор была единственной пищей человеческой семьи. И пока они беседовали, явился к ним, неизвестно откуда, некто по имени Аттаджен, "что означает человек, или разумное существо". И Аттаджен, поняв их желания, выбрал среди них некоторых старших и дал им власть: одному - вызывать дождь, другому - изобиловать дичью, и так с остальными, каждому свою власть и дар, и преемникам каждого навеки. Таковы были первые знахари".

Прошло много лет после смерти Уйота, и в том же месте появился некто по имени Уйамот, предположительно сын Таку и Аузара - людей неизвестных, но уроженцев, как полагает Боскана, "какой-то далекой земли". Этот Уайамот более известен под своим великим именем Чинигчинич, что означает Всемогуший. Впервые он явил свои силы людям в день, когда они собрались в общину с той или иной целью; он появился перед ними, танцуя, увенчанный своего рода высокой короной из высоких перьев, воткнутых в какой-то циркуль, подпоясанный своего рода петитом из перьев, а его плоть была окрашена в черный и красный цвета. Такое украшение называлось *тобет*. Потанцевав некоторое время, Чинигчинич созвал знахарей, или *пуплемов*, как их называли, среди которых, похоже, всегда числились вожди, и подтвердил их власть, сказав им, что он пришел со звезд, чтобы обучить их танцам и всему остальному, и повелев, чтобы во всех своих нуждах они облачались в *тобет* и танцевали так, как танцевал он, моля его о великом имени, чтобы таким образом они могли удовлетворить свои просьбы. Он научил их, как поклоняться ему, как строить *ванкечи*, или места поклонения, и как руководить своим поведением в различных жизненных делах. Затем он приготовился к смерти, и люди спросили его, должны ли они похоронить его; но он предостерег их от такой попытки. "Если вы похороните меня, - сказал он, - вы будете топтать мою могилу, и за это моя рука будет тяжела для вас; смотрите на нее и на все ваши пути, ибо вот, я поднимаюсь туда, где высокие звезды, где мои глаза будут видеть все пути людей; и кто не будет соблюдать мои заповеди и не будет соблюдать то, чему я учил, вот, болезнь поразит все его тело, и никакая пища не подойдет к его устам, медведь разорвет его плоть, и кривой зуб змеи ужалит его".

В Нижней Калифорнии перики разделились на два *рода*, каждый из которых поклонялся божеству, враждебному другому. Традиция объясняет, что на небе жил великий владыка по имени Нипарайя, который создал землю и море, был всемогущим и невидимым. Его женой была Анайикойонди, богиня, которая, не имея тела, родила ему божественно таинственным образом трех детей, один из которых, Куайайп, был настоящим человеком и родился на земле, в горах Акараги. Этот юный бог был очень могущественным и долгое время жил с предками перикуев, которых, как можно предположить, он создал; во всяком случае, нам говорят, что он мог создавать людей, вытаскивая их из земли. В конце концов люди убили своего великого героя и учителя и возложили на его голову терновый венец. Где-то он лежит мертвым и по сей день; он неизменно прекрасен, и тело его не знает тления. Кровь постоянно капает из его ран; и хотя он больше не может говорить, будучи мертвым, но есть сова, которая говорит с ним.

Другого бога звали Вак, или Тупаран. Согласно секте нипарайя, этот Уак вел войну с их любимым богом, был им побежден и низвергнут с небес в пещеру под землей, стражами которой были морские киты. С извращенным, хотя и неестественным упрямством секта, принявшая Вака или Тупарана за своего великого бога, упорно придерживалась свойственных ей идей относительно истинности вышеизложенной истории, и их рассказ о великой войне на небе и ее результатах отличался друг от друга, как отличаются верования гетеродоксов и ортодоксов повсюду; они приписывали, например, часть творения другим богам, помимо Нипарайи.

Мифы атапасков

Великий род атапасков, населяющий огромную территорию, простирающуюся на север от пятидесят пятой параллели почти до Северного Ледовитого океана и на запад до Тихого океана, с аналогичными разветвлениями на крайнем юге, слаб в мифологических представлениях. О них Бэнкрофт говорит:[]⁴

[4] *The Native Races of the Pacific States*, vol. iii.

"Похоже, что ни в одном из своих различных племен они не имеют единой выраженной идеи относительно верховной власти. Представители племени луше признают некую личность, обитающую на Луне, к которой они обращаются с мольбой об успехе, когда отправляются в охотничью экспедицию. Когда-то это существо жило среди них как бедный оборванный мальчик, которого нашла и воспитывала старуха; он сделал себя смешным для своих товарищей, изготовив пару очень больших снегоступов, так как люди не могли понять, зачем такому звездочету обувь такого необычного размера. Времена большой скудости беспокоили охотников, и часто им приходилось бы несладко, если бы в таких случаях они неизменно не натыкались на новую широкую тропу, которая вела к голове или двум только что убитой дичи. Они были рады добыть дичь и не стеснялись ее присваивать, но все же им было любопытно узнать, откуда она взялась и как. Подозрение, наконец, указало на мальчика и его большие ботинки, как на причастных к этому делу, и за ним стали наблюдать. Вскоре выяснилось, что он действительно был благодетелем Луше и тайным охотником, чья добыча так часто пополняла их пустые горшки; однако люди были далеко не так благодарны и продолжали относиться к нему без должной доброты и уважения. Однажды они отказали ему в куске сала - ему, который так часто спасал им жизнь своей своевременной щедростью! В ту ночь парень исчез, оставив на дереве только свою одежду. Однако через месяц он вернулся к ним, явившись в образе мужчины и одевшись по-мужски. Он сказал им, что поселился на Луне; что всегда будет с благосклонностью смотреть на их успехи в охоте; но добавил, что в наказание за их бесстыдную жадность и неблагодарность, когда они отказали ему в куске жира, все животные должны быть худыми всю долгую зиму, а жирными только летом; так с тех пор и происходит.

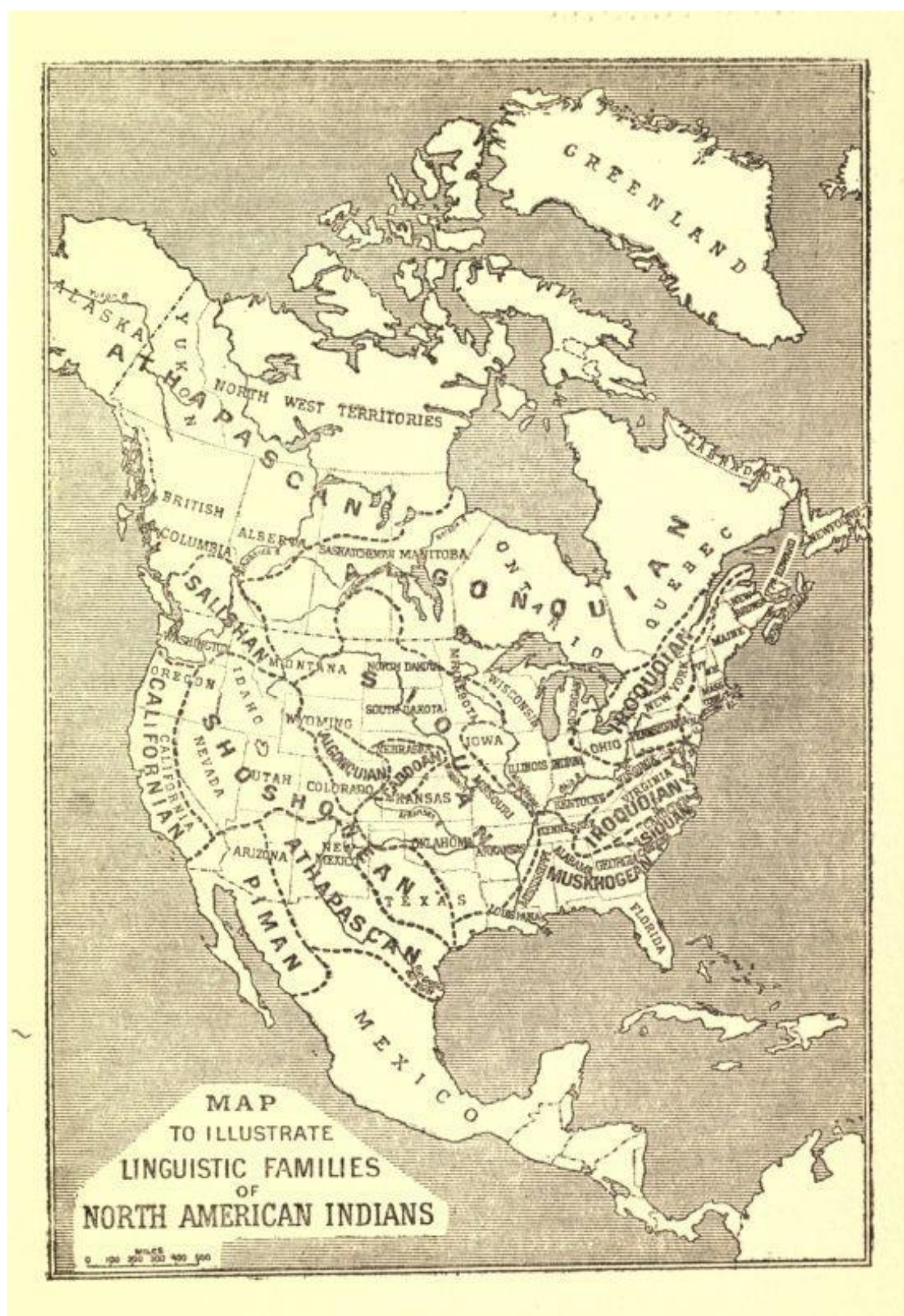
"Согласно Хирну, тинне верят в неких духов, или фей, называемых *нантена*, которые населяют землю, море и воздух и служат как добру, так и злу. Некоторые из них верят в доброго духа по имени Тихугун, "мой старый друг", который, как предполагается, обитает на солнце и луне; у них также есть злой дух, Чуцайн, который, по-видимому, является олицетворением смерти и по этой причине называется плохим.

"У них нет регулярного ордена *шаманов*; любой, когда дух движет им, может взять на себя их обязанности и претензии, хотя некоторые, благодаря счастливой случайности или особой хитрости, гораздо более высоко ценятся в этом отношении, чем другие, и поддерживаются добровольными пожертвованиями. Фокусник часто закрывается в своей палатке и воздерживается от пищи в течение нескольких дней, пока его земная мерзость не истончится, и духи и невидимые вещи не будут вынуждены явиться по его приказу. Молодых тиннех ничто из этого не волнует; крепкие конечности и зоркий глаз, отлично держащиеся в жизненной толчее, насмеются над ужасами невидимого; но когда пульс ослабевает от болезни или возраста, а колени подкашиваются в тени надвигающейся смерти, *шамана* нанимают, чтобы изгнать зло, которым одержим пациент. Среди такулли на этом этапе часто прибегают к признанию, от правдивости и точности которого зависят шансы на выздоровление".

Заключение

Завершая обзор мифов представителей Красной расы Северной Америки, читатель, вероятно, будет впечатлен прежде всего тем обстоятельством, что, хотя многие из этих сказаний демонстрируют поразительное сходство с мифами европейских и азиатских народов, они все же имеют свою собственную атмосферу, которая сильно отличает их от народных сказок всех других рас. В мифологии существует трюизм: хотя сказки и мифологические системы народов, живущих далеко друг от друга, могут демонстрировать большое сходство друг с другом, такое сходство не может служить доказательством того, что в какой-то далекий период у разных рас была общая мифология. Некоторые племена на Борнео живут в хижинах, построенных на сваях, вбитых в дно озера, и пользуются духовыми трубками; так же поступают и некоторые индейцы Гвианы и прилегающих стран; но ни один опытный ученый не станет так опрометчиво выдвигать теорию, что эти расы имели общее происхождение. То же самое происходит и с мифологическими процессами, которые могли развиваться отдельно на большом расстоянии друг от друга, но при этом демонстрируют заметное сходство. Это сходство обусловлено тем обстоятельством, что разум человека, независимо от того, где он находится - в Китае или Перу, - работает по удивительно схожим принципам. Но, как уже было сказано, лучшим доказательством того, что мифы Северной Америки не были усовершенствованы мифами Европы и Азии, является тот факт, что атмосфера аборигенов в них настолько заметна, что даже самый поверхностный наблюдатель не мог бы не заметить ее присутствия. В сказках, вошедших в этот том, факты индейской жизни, своеобразные и уникальные, входят в каждое описание и неотъемлемо переплетаются с сюжетом.

В заключение автор хотел бы обратиться к читателям с настоятельным призывом разумно и милосердно относиться к индейскому характеру. Эта благородная, мужественная и достойная раса в прошлом подвергалась грубому поношению, главным образом со стороны людей, которые сами были невежественны и испытывали наследственную неприязнь. Краснокожий человек - не чудовище бесчеловечности и не чудо коварства, а существо с такими же чувствами и стремлениями, как у нас. Из-за того, что его обычаи и образ мыслей отличаются от наших, его обвиняют во всех видах преступлений и правонарушений, к которым он, в общем-то, не имеет никакого отношения. Мы не отрицаем, что до недавнего времени он был дикарем, с привычками и мировоззрением дикаря. Но то, что он когда-либо был демоном в человеческом обличье, следует решительно отрицать. На пути прогресса индийские мужчины и женщины сегодня занимают почетные и престижные места бок о бок со своими белыми согражданами, а многие одаренные и культурные личности индийской крови сделали много полезного для расы. Будем надеяться, что древние добродетели мужества и выносливости, которые так хорошо помогали индейцам в былые времена, помогут их потомкам в еще более трудных задачах цивилизации, к которым они призваны сейчас.

КАРТА, ИЛЛЮСТРИРУЮЩАЯ ЯЗЫКОВЫЕ СЕМЬИ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

БИБЛИОГРАФИЯ

Прилагаемая библиография, хотя и является полной, далеко не исчерпывающая, но мы надеемся, что читатели, желающие проследить весь или какой-либо отдельный раздел исследований, связанных с Красной расой Северной Америки, найдут в ней ссылки на многие полезные тома. Утверждается, что в списке представлено лучшее из литературы по данному вопросу.

АДАИР, ДЖЕЙМС: *История американских индейцев*. Лондон, 1775.

АМЕРИКАНСКОЕ АНТИКВАРИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: *Труды и коллекции (Archæologia Americana)*, тт. i.-vii.; Вустер, 1820-85. *Труды*, разные номера.

Американский археолог (бывший "Антиквар"), т. ii., Колумбус. 1898.

АМЕРИКАНСКОЕ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. *Transactions*, vols. i.-iii.; New York, 1845-53. *Публикации*, т. i.-ii.; Лейден, 1907-9.

АМЕРИКАНСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО. *Протоколы и труды: Сборник*, т. I.; Филадельфия, 1744-1838. *Труды*, т. i.-xliv.; Филадельфия, 1838-1905. *Transactions*, vols. i.-vi.; Philadelphia, 1759-1809. *Transactions*, New Series, vols. i.-xix.; Philadelphia, 1818-98.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ВАШИНГТОНА. *Transactions*, vols. i.-iii. Вашингтон, 1881-85.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ АМЕРИКИ. *Papers*, American Series, vol. i., Boston and London, 1881 (переиздание 1883); vol. iii., Cambridge, 1890; vol. iv., Cambridge, 1892; vol. v., Cambridge, 1890. *Годовой отчет*, с первого по одиннадцатый; Кембридж, 1880-90. *Бюллетень*, том I.; Бостон, 1883.

АШЕ, ТОМАС: *Путешествие по Америке, совершенное в 1806 году; с целью исследования рек Аллегани, Мононгахела, Огайо и Миссисипи, а также выяснения продуктов и состояния их берегов и окрестностей*. Лондон, 1808.

ATWATER, CALEB: *Description of the Antiquities discovered in the State of Ohio and other Western States*. (В *Archæologia Americana*, vol. i., 1820.)

BACON, OLMER N.: *A History of Natick, from its First Settlement in 1651 to the Present Time*. Бостон, 1856.

BAEGERT, JACOB: *An Account of the Aboriginal Inhabitants of the California Peninsula*. Перевод Чарльза Рау. (Отчет Смитсоновского института за 1863 и 1864 годы; переиздано в 1865 и 1875 годах).

Бейкер, К. Элис: *Правдивые истории о пленниках Новой Англии*. Кембридж, 1897.

BANCROFT, GEORGE: *History of the United States*. 9 vols. Boston, 1838-75.

BANCROFT, HUBERT HOWE: Works. 39 vols. Сан-Франциско, 1886-90. (т. i.-v., *Коренные народы*; vi.-vii., *Центральная Америка*; ix.-xiv., *Северо-Мексиканские штаты и Техас*; xvii., *Аризона и Нью-Мексико*; xviii.-xxiv., *Калифорния*; xxv., *Невада, Колорадо, Вайоминг*; xxvi., *Юта*; xxvii.-xxviii., *Северо-Западное побережье*; xxix.-xxx., *Орегон*; xxxi., *Вашингтон, Айдахо, Монтана*; xxxii., *Британская Колумбия*; xxxiii., *Аляска*; xxxiv., *Калифорнийская пастораль*; xxxv., *Калифорния между Покулами*; xxxvi.-xxxvii., *Народные трибуналы*; xxxviii., *Очерки и заметки*; xxxix., *Литературная промышленность*).

BANDELIER, ADOLF F.: *Historical Introduction to Studies among the Sedentary Indians of New Mexico*. (Papers of the Archæological Institute of America, American Series, vol. i., Boston, 1881.)

-- *Заключительный отчет об исследованиях среди индейцев юго-запада Соединенных Штатов, проведенных в основном в период с 1880 по 1885 год*. (Доклады Археологического института Америки, Американская серия, т. iii., Кембридж, 1890; т. iv., Кембридж, 1892).

BARRATT, JOSEPH: *The Indian of New England and the North-eastern Provinces: a Sketch of the Life of an Indian Hunter, Ancient Traditions relating to the Etchemin Tribe, etc.* Middletown, Conn., 1851.

БАРТОН, БЕНДЖАМИН С.: *Новые взгляды на происхождение племен и народов Америки*. Филадельфия, 1797. Там же, 1798.

Бартрам, Джон: *Замечания о жителях, климате, почве, реках, продуктах, животных и других достойных внимания вещах, сделанные мистером Джоном Бартрамом в его путешествии из Пенсильвании в Онондаго, Освего и на озеро Онтарио в Канаде, к которому прилагается любопытный рассказ о катараках Ниагары, написанный мистером Питером Калмом*. Лондон, 1751.

Бартрам, Уильям: *Путешествие по Северной и Южной Каролине, Джорджии, Восточной и Западной Флориде, стране чероки, обширным территориям конфедерации мускогульгов или криков и стране чактавов*. Филадельфия, 1791. Лондон, 1792.

BATTEY, THOMAS C: *Жизнь и приключения квакера среди индейцев*. Бостон и Нью-Йорк, 1875. Там же, 1876.

BEACH, WILLIAM W.: *The Indian Miscellany: containing Papers on the History, Antiquities, Arts, Languages, Religions, Traditions, and Superstitions of the American Aborigines*. Олбани, 1877.

BEAUCHAMP, WILLIAM M.: *The Iroquois Trail; or, Footprints of the Six Nations*. Fayetteville, N.Y., 1892.

BELL, A. W.: *On the Native Races of New Mexico*. (Журнал Лондонского этнологического общества, новая серия, том i., сессия 1868-69; Лондон, 1869).

BELL, ROBERT: *The Medicine-man; or, Indian and Eskimo Notions of Medicine*. (Канадский медицинский и хирургический журнал, Монреаль, март-апрель, 1886 г.).

BLISS, EUGENE F. (Editor): *Дневник Дэвида Цейсбергера, моравского миссионера среди индейцев Огайо*. 2 vols. Cincinnati, 1885.

BOAS, FRANZ: *Songs and Dances of the Kwakiutl*. (Journal of American Folk-lore, vol. i.; Boston, 1888.)

-- *Тексты чинуков*. (Бюллетень 20, Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1895.)

-- *Мифология индейцев Белла Кула*. (Memoirs of the American Museum of Natural History, vol. ii., *Anthropology*, i.; New York, 1898.)

-- *Тексты катламетов*. {Бюллетень 26, Бюро американской этнологии. Washington, 1901.)

-- *Цимшианские тексты*. (Бюллетень 27, Бюро американской этнологии. Вашингтон, 1902.)

BOLLAERT, WILLIAM: *Observations on the Indian Tribes in Texas*. (Журнал Лондонского этнологического общества, т. ii., 1850).

БОЛЛЕР, ГЕНРИ А.: *Среди индейцев. Восемь лет на Дальнем Западе: 1858-1866. Очерки Монтаны и Соленого озера*. Филадельфия, 1868.

BONNELL, GEORGE W.: *Topographical Description of Texas; to which is added an Account of the Indian Tribes*. Остин, 1840.

BOSCANA, GERONIMO: *Чинигчинич; исторический рассказ о происхождении, обычаях и традициях индейцев миссионерского поселения в Сан-Хуан-Капистрано, Альта Калифорния, называемого нацией Акагчемем*. (В книге Альфреда Робинсона "Жизнь в Калифорнии"; Нью-Йорк, 1846 г.).

BOURKE, JOHN G.: *The Snake-Dance of the Moquis of Arizona; being a Narrative of a Journey from Santa Fe, New Mexico, to the Villages of the Moqui Indians of Arizona*. New York, 1884.

БРИКЕЛЛ, ДЖОН: *Естественная история Северной Каролины; с описанием торговли, нравов и обычаев христианских и индейских жителей*. Дублин, 1737.

БРИНТОН, ДАНИЭЛЬ Г.: *Мифы Нового Света*. New York, 1868 г.

-- *Национальная легенда племен чахта-мускоки*. Morrisania, N.Y., 1870.

-- *American Hero-myths: A Study in the Native Religions of the Western Continent*. Philadelphia, 1882 г.

-- *Essays of an Americanist*. Philadelphia, 1890.

-- *Американская раса*. Нью-Йорк, 1891.

BROWNELL, CHARLES DE W.: *The Indian Races of North and South America*. Boston, 1853.

BUCHANAN, JAMES: *Sketches of the History, Manners, and Customs of the North American Indians, with a plan for their Melioration*. Vols. i.-ii. New York, 1824. Там же, 1825.

БЮРО АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОЛОГИИ (СМИТСОНОВСКИЙ ИНСТИТУТ): *Годовые отчеты*, i.-xxvi; Вашингтон, 1881-1908. *Бюллетени*, 1-49; Вашингтон, 1887-1910. *Введения*, i.-iv.; Вашингтон, 1877-1880. *Разные публикации*, 1-9; Вашингтон, 1880-1907. *Вклад в этнологию Северной Америки* (q.v.).

BUSHNELL, D. I., Jr: *Чоктау из Байу-Лакомб, приход Сент-Таммани, Луизиана*. (Бюллетень 48, Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1909 г.).

Каллендер, Джон: *Историческое рассуждение о гражданских и религиозных делах колонии Род-Айленд и плантации Провиденс в Новой Англии, в Америке*. Бостон, 1739 год. (Коллекции Исторического общества Род-Айленда, тома i.-iv.; Провиденс, 1838).

КЕМБРИДЖСКАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ К ПРОЛИВУ ТОРРЕС: *Reports*, vol. ii., parts i. and ii. Cambridge, 1901-3.

CARR, LUCIEN: *Food of certain American Indians*. (Труды Американского антикварного общества, новая серия, том x.; Вустер, 1895).

CARR, LUCIEN: *Dress and Ornaments of certain American Indians*. (Труды Американского антикварного общества, новая серия, том xi.; Вустер, 1898).

CARVER, JONATHAN: *Travels through the Interior Parts of North America, in the Years 1766, 1767, and 1768*. London, 1778.

-- Три года через внутренние районы Северной Америки на протяжении более пяти тысяч миль. Филадельфия, 1796 г.

-- Путешествия Карвера по Висконсину. Нью-Йорк, 1838.

CATLIN, GEORGE: *Illustrations of the Manners and Customs and Condition of the North American Indians*. 2 vols. London, 1841. *Ibid.*, London, 1866.

-- Письма и заметки о нравах, обычаях и состоянии североамериканских индейцев. 2 vols. New York and London, 1844.

-- *O-kee-pa: a Religious Ceremony; and other Customs of the Mandans*. Филадельфия, 1867.

CHAMPLAIN, SAMUEL DE: *Voyages: ou Journal des Découvertes de la Nouvelle France*. 2 vols. Paris, 1830.

CHARLEVOIX, PIERRE F. X. DE.: *Histoire et Description générale de la Nouvelle France*. 3 vols. Paris, 1744.

CLARK, W. P.: *The Indian Sign Language*. Philadelphia, 1885.

КОЛДЕН, КАДВАЛЛАДЕР: *История пяти индейских народов Канады, которые зависят от провинции Нью-Йорк, Америка*. Лондон, 1747. Там же, 1755.

КОНАНТ, А. ДЖ: *Следы исчезнувших рас в долине Миссисипи*. Сент-Луис, 1879.

Вклад в этнологию Северной Америки. Министерство внутренних дел, Географическая и геологическая служба США в районе Скалистых гор, руководитель Дж. У. Пауэлл. тома i.-vii, ix. Вашингтон, 1877-93.

КОРТЕС, ХОСЕ: *История племен апачей и других племен вблизи параллели 35° северной широты*. (Отчеты Тихоокеанской железной дороги, том iii., часть iii., глава 7; Вашингтон, 1856).

КОУС, ЭЛЛИОТТ (редактор): *История экспедиции Льюиса и Кларка к истокам реки Миссури и к Тихому океану в 1804-5-6 гг*. Новое издание, 4 тома. New York, 1893.

CURTIN, JEREMIAH: *Creation Myths of Primitive America in relation to the Religious History and Mental Development of Mankind*. Бостон, 1898.

CURTIS, EDWARD S.: *The American Indian*. 4 vols. New York, 1907-9.

CUSHING, F. H.: *Zuñi Fetiches*. (Второй отчет, Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1883.)

-- *Наброски мифов о сотворении мира у зуны*. (Тринадцатый отчет, Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1896).

-- *Народные сказки зуны*. Нью-Йорк, 1901.

DALL, WILLIAM H.: *Tribes of the Extreme North-West*. (*Contributions to North American Ethnology*, vol. i.; Washington, 1877.)

-- *The Native Tribes of Alaska*. (Труды Американской ассоциации содействия развитию науки, 1885, том xxxiv.; Салем, 1886.)

DAWSON, GEORGE M.: *Notes and Observations of the Kwakwiootl People of the Northern Part of Vancouver Island and Adjacent Coasts made during the Summer of 1885, with Vocabulary of about 700 Words*. (*Proceedings and Transactions of the Royal Society of Canada*, 1887, vol. v.; Montreal, 1888.)

-- *Заметки о народе шусвап в Британской Колумбии*. (*Proceedings and Transactions of the Royal Society of Canada*, 1891, vol. ix., sect. ii.; Montreal, 1892.)

ДЕ ФОРЕСТ, ДЖОН У.: *История индейцев Коннектикута с самого раннего известного периода до 1850 года*. Хартфорд, 1851. Там же, 1852, 1853.

DEANS, JAMES: *Tales from the Totems of the Hidery*. (Архивы Международной ассоциации фольклора, т. ii.; Чикаго, 1889).

DELLENBAUGH, F. S.: *North Americans of Yesterday*. Нью-Йорк и Лондон, 1901.

DIXON, R. B.: *Maidu Myths*. (Бюллетени Американского музея естественной истории, том vii., часть ii.; Нью-Йорк, 1902).

DODGE, RICHARD I.: *Our Wild Indians*. Хартфорд, 1882.

ДОНАЛДСОН, ТОМАС: *Индейцы моки из Аризоны и индейцы пуэбло из Нью-Мексико*. (Бюллетень дополнительной переписи, Одиннадцатая перепись населения США; Вашингтон, 1893).

ДОРСЕЙ, ГЕОРГ А.: *Солнечный танец арапахо: Церемония ложи подношений*. (Публикации музея Филд-колледжа, антропологическая серия, том iv.; Чикаго, 1903).

-- *Мифология вичита*. (Вашингтонский институт Карнеги, публикация № 21; Вашингтон, 1904).

DORSEY, GEORGE A.: *Traditions of the Osage*. (Публикации музея Филд-колледжа, антропологическая серия, том vii., № i; Чикаго, 1904).

-- *Шайены*. Часть I., *Церемониальная организация*; часть II., *Танец Солнца*. (Публикации музея Филд-колледжа, Антропологическая серия, том ix., № 1 и 2; Чикаго, 1905).

-- *Пауни: Мифология*. Часть I. (Вашингтонский институт Карнеги, публикация № 59; Вашингтон, 1906).

-- AND KROEBER, A. L.: *Traditions of the Arapaho*. (Публикации музея Филд-колледжа, антропологическая серия, том v.; Чикаго, 1903).

DORSEY, J. OWEN: *Osage Traditions*. (Шестой отчет, Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1888).

-- *The Cegiha Language*. (*Contributions to North American Ethnology*, vol. vi.; Washington, 1890.)

-- *Исследование культов сиуанов*. (Одиннадцатый отчет Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1894).

DRAKE, SAMUEL G.: *Book of the Indians of North America*. Бостон, 1833. Там же, Бостон, 1841; Бостон [1848].

ДАНН, ДЖЕЙКОБ П.: *True Indian Stories*. С глоссарием имен индейцев Индианы. Индианаполис, 1908. Там же, 1909.

EMERSON, ELLEN R.: *Indian Myths; or, Legends, Traditions, and Symbols of the Aborigines of America*. Boston, 1884.

EWBANK, THOMAS: *North American Rock-writing*. Morrisania, N.Y., 1866.

FAIRBANKS, G. R.: *History of Florida, 1512-1842*. Филадельфия, 1871.

FEWKES, J. W.: *Tusayan Katcinas*. (Пятнадцатый отчет, Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1897).

-- *Миграционные традиции тусаянов*. (Девятнадцатый отчет, Бюро американской этнологии, часть ii.; Вашингтон, 1900).

FISCHER, JOSEPH: *Discoveries of the Norsemen in America*. Лондон, 1903.

ФЛЕТЧЕР, АЛИСА К.: *Рассказы и песни индейцев Северной Америки*. Бостон, 1900.

FOSTER, J. W.: *Prehistoric Races of the United States of America*. Чикаго, 1878.

FOWKE, GERARD: *Stone Art*. (Тринадцатый отчет Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1896).

ГАСС, ПАТРИК: *Журнал путешествий и поездок корпуса первооткрывателей под командованием Льюиса и Кларка*. Питтсбург, 1807. Там же, Филадельфия, 1810; Дейтон, 1847; Уэлсбург, штат Вирджиния, 1859.

GATSCHE, ALBERT S.: *A Migration Legend of the Creek Indians*. vol. i., Philadelphia, 1884. (Brinton's Library of Aboriginal American Literature, No. 4); vol. ii., St. Louis, 1888 (*Transactions of the Academy of Sciences*, St. Louis, vol. v., Nos. 1 and 2).

Джентльмен из Элваса: *повествование об экспедиции Эрнандо де Сото во Флориду*. Опубликовано в Эворе в 1557 году. Переведено с португальского Ричардом Хаклюйтом. Лондон, 1609. (На французском языке, B.F., Hist. Coll. La., part ii.; 2-е изд., Филадельфия, 1850.)

GRINNELL, GEORGE BIRD: *Pawnee Hero-stories and Folk-tales*. New York, 1889 г.

-- *Blackfoot Lodge Tales*. Нью-Йорк, 1892.

HALE, HORATIO: *Iroquois Book of Rites*. Филадельфия, 1883.

HECKEWELDER, JOHN G. E.: *An Account of the History, Manners, and Customs of the Indian Nations who once inhabited Pennsylvania and the Neighbouring States*. Philadelphia, 1819. (Перепечатано, *Memoirs of the Historical Society of Pennsylvania*, vol. xii.; Philadelphia, 1876).

HEWITT, J. N. B.: *Legend of the Founding of the Iroquois League*. (*American Anthropologist*, vol. v.; Washington, 1892.)

-- *Orenda and a Definition of Religion*. (*American Anthropologist*, New Series, vol. iv.; Washington, 1891.)

-- *Ирокезская космология*. (Двадцать первый отчет Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1903).

HOFFMAN, WALTER J.: *The Mide'-wiwin, or 'Grand Medicine Society,' of the Ojibwa*. (Седьмой отчет, Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1891 г.).

HOLMES, WILLIAM H.: *Aboriginal Pottery of the Eastern United States*. (Двадцатый отчет, Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1903).

HOUGH, WALTER: *Antiquities of the Upper Gila and Salt River Valleys in Arizona and New Mexico*. (Бюллетень 35, Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1907).

Хрдличка, Алес: *Физиологические и медицинские наблюдения среди индейцев юго-запада Соединенных Штатов и Северной Мексики*. (Бюллетень 34, Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1908).

Хантер, Джон Д.: *Мемуары о пребывании в плену у индейцев Северной Америки*. Лондон, 1823.

JOHNSON, ELIAS: *Legends, Traditions, and Laws of the Iroquois, or Six Nations*. Локпорт, штат Нью-Йорк, 1881.

Журнал американской этнологии и археологии, тома i.-iv. Boston and New York, 1891-94.

Journal of American Folk-lore, vols. i.-xxiii. Boston and New York, 1888-1910.

KANE, PAUL: *Wanderings of an Artist among the Indians of North America*. Лондон, 1859.

KELLY, FANNY: *Narrative of my captivity among the Sioux Indians*. 2nd ed. Чикаго, 1880.

KOHL, J. G.: *Kitchi-gami: Wanderings round Lake Superior*. Лондон, 1860.

LAFITAU, JOSEPH FRANÇOIS: *Moeurs des Sauvages américains, comparées aux Moeurs des Premiers Temps*. 2 vols. Paris, 1724.

LARIMER, SARAH L.: *Capture and Escape; or, Life among the Sioux*. Philadelphia, 1870.

LE BEAU, C: *Aventures; ou Voyage curieux et nouveau parmi les Sauvages de l'Amérique Septentrionale*. 2 vols. Amsterdam, 1738.

LEE, NELSON: *Three Years among the Comanches*. Олбани, 1859.

LELAND, C. G.: *Algonquin Legends of New England*. Бостон и Нью-Йорк, 1885.

ЛЕВИС, МЕРИВЕТЕР: *Путешествие капитанов Льюиса и Кларка из Сент-Луиса по рекам Миссури и Колумбия к Тихому океану, совершенное в 1804, 1805 и 1806 годах*. Лондон, 1809. Там же, Филадельфия, 1809 г.

-- AND CLARK, WILLIAM: *History of the Expedition of Captains Lewis and Clark to the Sources of the Missouri, across the Rocky Mountains; 1804-6*. 2 vols. Philadelphia, 1814. Там же, Дублин, 1817; Нью-Йорк, 1817.

-- *The Journal of Lewis and Clark to the Mouth of the Columbia River beyond the Rocky Mountains*. Дейтон, Огайо, 1840.

LEWIS, MERIWETHER, AND CLARK, WILLIAM: *Original Journals of the Lewis and Clark Expedition, 1804-6*. Под редакцией Р. Г. Твейтса. 8 vols. New York, 1904-5.

LONG, JOHN: *Voyages and Travels of an Indian Interpreter and Trader, describing the Manners and Customs of the North American Indians*. Лондон, 1791.

LOSKIEL, GEORGE HENRY: *History of the Mission of the United Brethren among the Indians in North America*. Лондон, 1794.

LUMHOLTZ, CARL: *Tarahumari Dances and Plant-worship*. (Scribner's Magazine, vol. xvi., No. 4; Нью-Йорк, 1894).

LUMMIS, CHARLES F.: *The Man who Married the Moon, and other Pueblo Indian Folk-stories*. New York, 1894.

McGEE, W. J.: *The Siouan Indians*. (Пятнадцатый отчет, Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1897).

Маллери, Гэррик: *Язык жестов у североамериканских индейцев*. (Первый доклад, Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1881 г.)

-- *Картинная письменность американских индейцев*. (Десятый отчет, Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1893).

MATTHEWS, WASHINGTON: *Navaho Legends*. Бостон и Нью-Йорк, 1897.

MOONEY, JAMES: *The Sacred Formulas of the Cherokees*. (Седьмой отчет Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1891).

-- *Религия танца призраков и вспышка сиу в 1890 году*. (Четырнадцатый отчет, Бюро американской этнологии, часть ii.; Вашингтон, 1896).

-- *Мифы чероки*. (Девятнадцатый отчет, Бюро американской этнологии, часть i.; Вашингтон, 1900).

NADAILLAC, MARQUIS DE: *Prehistoric America*. Перевод Н. Д'Анверса. Нью-Йорк и Лондон, 1884.

NORDENSKIÖLD, G.: *Cliff-dwellers of the Mesa Verde*. Перевод Д. Ллойда Моргана. Стокгольм и Чикаго, 1893.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ ПЛЕМЕНА КАНАДЫ: *Отчеты о физических характеристиках, языках, промышленном и социальном состоянии северо-западных племен доминиона Канады. (В отчетах Британской ассоциации содействия развитию науки, 1885-98; Лондон, 1886-99).*

PAYNE, EDWARD J.: *History of the New World called America*. 2 vols. Oxford and New York, 1892.

PEABODY MUSEUM OF AMERICAN ARCHÆOLOGY AND ETHNOLOGY: *Archæological and Ethnological Papers*, vols. i.-iii., 1888-1904. *Мемуары*, тома i.-iii., 1896-1904. *Годовые отчеты*, т. i.-xxxvii., 1868-1904. Кембридж, Массачусетс.

ПЕНШАЛЛОУ, САМУЭЛЬ: *История войн Новой Англии с восточными индейцами*. Бостон, 1726. (Коллекции Исторического общества Нью-Гэмпшира, т. i., Конкорд, 182,4; репринт, 1871).

PERROT, NICOLAS: *Mémoire sur les Mœurs, Coutumes, et Religion des Sauvages de l'Amérique Septentrionale, publié pour la première fois par le R. P. J. Tailhan*. Лейпциг и Париж, 1864.

ПЕТИТО, ЭМИЛЬ: *Traditions indiennes du Canada Nord-Ouest*. Alençon, 1887.

PIDGEON, WILLIAM: *Traditions of De-coo-dah; and Antiquarian Researches, comprising extensive Explorations, Surveys, and Excavations of the Wonderful and Mysterious Remains of the Mound-builders in America*. New York, 1858.

POWERS, STEPHEN: *Tribes of California*. (*Contributions to North American Ethnology*, vol. iii.; Washington, 1877.)

RAFN, K. C: *Antiquitates Americanæ*. Копенгаген, 1837.

SCHOOLCRAFT, HENRY R.: *Algonic Researches*. 2 vols. New York, 1839.

-- *Исторические и статистические сведения об индейских племенах Соединенных Штатов*. Philadelphia, 1851-57.

SHORT, JOHN T.: *North Americans of Antiquity*. 2-е изд. Нью-Йорк, 1880.

SIMMS, S. C: *Традиции воронов*. (Публикации музея Филд-колледжа, антропологическая серия, т. ii., № 6; Чикаго, 1903).

SMITH, ERMINNIE A.: *Myths of the Iroquois*. (Второй отчет, Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1883).

SMITH, JOHN: *Works*, 1608. Под редакцией Эдварда Арбера. Библиотека английского ученого, № 16. Бирмингем, 1884.

SMITHSONIAN INSTITUTION: *Annual Reports*, 1846-1908; Washington, 1847-1909. *Contributions to Knowledge*, vols. i.-xxiv.; Washington, 1848-1907. *Разные сборники*, т. i.-iv.; Вашингтон, 1862-1910.

SNELLING, WILLIAM J.: *Tales of the North-West: Очерки жизни и характера индейцев*. Бостон, 1830.

STEVENSON, MATILDA C: *Индейцы зуньи; их мифология, эзотерические братства и церемонии*. (Двадцать третий отчет, Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1904).

SWANTOM, JOHN R.: *Haida Texts and Myths*. (Бюллетень 29, Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1905 г.)

-- *Тлингитские мифы и тексты*. (Бюллетень 39, Бюро американской этнологии; Вашингтон, 1909).

THOMAS, CYRUS: *Introduction to the Study of North American Archæology*. Цинциннати, 1903.

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ТЕРРИТОРИЙ США, руководитель Ф. В. Хайден. *Бюллетени*, тома i.-vi.; Вашингтон, 1874-82. *Годовые отчеты*, тома i.-ix.; Вашингтон, 1867-78.

VIRCHOW, RUDOLF: *Crania ethnica americana*. Берлин, 1892.

VOTH, H. R.: *Oraibi Summer Snake Ceremony*. (Публикации антропологической серии музея Филд-колледжа, том iii., № 4; Чикаго, 1903).

WAITZ, THEODOR: *Anthropologie der Naturvolker*. 4 Bd. Leipzig. 1859-64.

WARREN, WILLIAM W.: *History of the Ojibways, based on Traditions and Oral Statements*. (Коллекции Миннесотского исторического общества, т. V.; Сент-Пол, 1885).

WHEELER, OLIN D.: *The Trail of Lewis and Clark, 1804-1904*. 2 vols. New York, 1904.

WILL, G. F., AND SPINDEN, H. J.: *The Mandans: Study of their Culture, Archæology, and Language*. (Документы Музея американской археологии и этнологии имени Пибоди, том iii., № 4; Кембридж, Массачусетс, 1906 г.).

WINSOR, JUSTIN: *Narrative and Critical History of America*. 8 vols. Boston and New York, 1884-89.

ПРИМЕЧАНИЕ О ПРОИЗНОШЕНИИ

Специалисты по индейской мифологии и лингвистике в некоторых случаях создавали собственную фонологию для нескольких языков, на которых они работали. Но, вообще говоря, большинство индейских названий, как местностей, так и отдельных людей, следует произносить так, как они пишутся, причем написание должно быть таким, какое используют люди, привыкшие к транскрипции родной дикции, и, как правило, представляет собой истинно индейское произношение слова.

Среди североамериканских индейцев встречаются как суровые, так и мягкие языки. Суровость, вызванная скоплением согласных, характерна для северо-западного побережья Америки, в то время как в бассейне Миссисипи и Калифорнии встречаются языки, богатые сонорными звуками. Многим американским языкам свойственно смягчение конечных слогов.

Словарные запасы американских языков отнюдь не скудны, как часто ошибочно полагают, а их грамматическая структура сложна и систематична. Самыми общими чертами американских языков являются нечеткость разграничения между существительным и глаголом, использование переходной формы глагола для прилагательного и составной характер независимых местоимений. Большое количество идей выражается с помощью аффиксов или модификации ствола. Из-за частого появления таких элементов американские языки были отнесены к категории "полисинтетических".

GLOSSARY AND INDEX

A

ABNAKI, A tribe of the Algonquian stock, [25](#)

ABORIGINES, AMERICAN. Theories as to the origin of, [5-13](#), [17-22](#)

ACAGCHEMEM. A Californian people; myths of, [350-355](#)

ADAM OF BREMEN. And Norse voyages to America, [16](#)

AÉ. The first woman, in an Acagchemem creation-myth, [353](#)

AHSONNUTLI. Principal deity of the Navaho, called the Turquoise Man-woman, [121-122](#)

AKAIYAN. A brave; in Algonquian legend of the origin of the Beaver Medicine, [184-187](#)

ALEUTIAN INDIANS. Custom of, resembles that of Asiatic tribe, [11](#)

ALGON. A hunter; in the story of the Star-maiden, [152-156](#)

ALGONQUIAN STOCK. An ethnic division of the American Indians, [24-27](#)

ALGONQUINS. The name applied to members of the Algonquian stock, [24 n.](#); tribes and distribution of, [24-25](#); early history, [25](#); an advanced people, [26](#); costume of, [58](#); marriage-customs of, [73](#); creation-myth of, [107-108](#); belief of, respecting birds, [110](#); belief of, respecting lightning, [112](#); and the owl, [111](#); and the serpent of the Great Lakes, [113](#); Michabo the chief deity of, [119-120](#); and the soul's journey after death, [129](#); the festivals of, [133](#); dialect of the priests of, [136](#); myths and legends of, [141-216](#); conflict with the Caniengas, [225](#), subdued by the Iroquois, [227](#); and the King of Rattlesnakes, [248](#)

ALLOUEZ, FATHER. Incident connected with, related by Brinton, [100-101](#)

AMERICA. Origin of man in, [5-22](#); resemblance between tribes of, and those of Asia, [6](#), [10-12](#); discoveries of prehistoric remains in, [7-10](#); early communication between Asia and, [6, 12](#)

ANAYICOYONDI. A goddess of the Pericues, wife of Niparaya, [355](#)

ANIMISM, [80](#)

ANNIMIKENS. A brave; hunting adventure of, [55](#)

APACHES. A tribe of the Athapascan stock, [22](#); of Arizona, houses of, [47](#); costume of, [59](#); fetishes of, [89-90](#); and the points of the compass, [131](#)

APALACHEES. A tribe of the Muskogean stock, [27](#)

APISIRAHTS (The Morning Star). Son of the Sun-god, in Blackfoot myth; in the stories of Scar-face, or Poïa, [198-205](#)

ARAPAHO. A tribe of the Algonquian stock, [25](#); dwellings of, [48](#)

ARGALL, CAPTAIN SAMUEL. Mentioned in the story of Pocahontas, [32](#), [36](#)

ARIKARA. A tribe of the Caddoan stock, [28](#)

ART, INDIAN, [62-63](#)

ASGAYA GIGAGEI (Red Man). A thunder-god of the Cherokees, [126](#)

ASHOCHIMI. A Californian tribe; Coyote, a deity of, [124](#)

ASIA. Ethnological relationship between America and, [6](#), [10-13](#)

ASSINIBOINS. A tribe of the Siouan stock, [28](#); their method of cooking flesh, [11](#)

ATHAPASCANS. An ethnic division of the American Indians, [22-23](#); costume of, [58](#); and the soul's journey after death, [129](#)

ATIUS TIRÁWA. Principal deity of the Pawnees, [122](#); in the story of the Sacred Bundle, [307](#); in the story of the Bear-man, [308](#), [310](#), [311](#)

ATOTARHO. A legendary hero of the Iroquois, chieftain of the Onondagas, [217](#), [225-226](#); Hiawatha a warrior under, [225](#); at first opposes Hiawatha's federation scheme, but later joins in it, [226](#)

ATAJEN (Man, or Rational Being). In Acagchemem myth, a semi-divine being, a benefactor of the human race, [354](#)

AUGHEY, DR. Prehistoric remains discovered by, [8](#)

AUZAR. In Acagchemem myth, reputed mother of Ouiamot, [354](#)

AWONAWILONA (Maker and Container of All). The Zuñi creative deity, [106](#), [121](#)

AZTECS. An aboriginal American race; the Shoshoneans related to, [29](#)

B

BABEENS. A tribe of the Athapascan stock; carvings of, [63](#)

BANCROFT, H. H. On the mythological beliefs of the Californian tribes, [348-350](#); on the beliefs of the Tinneh, [357-358](#)

BARTRAM, W. On the priesthood of the Creeks, [136](#)

BEAR DANCE. Pawnee ceremonial; story of the originator of the, [308-311](#)

BEAR, THE GREAT. In Blackfoot legend of the origin of the Bear-spear, [188-190](#)

BEAR-MAN. The story of the, [308-311](#)

BEAR-SPEAR. Blackfoot legend of the origin of, [187-190](#)

BEARSKIN-WOMAN. The story of, [182-184](#)

BEAVER. I. A creative deity of the Sioux, chief of the Beaver family; Ictinike and, [269-270](#), [271](#). II. In Haida myth; story of the feud between Porcupine and, [318-320](#)

BEAVER, THE GREAT (Quah-beet). Algonquian totem-deity; in myth of Glooskap and Malsum, [142](#); in legend of origin of the Beaver Medicine, [185-187](#)

BEAVER, LITTLE. In legend of origin of the Beaver Medicine, [185-187](#)

BEAVER MEDICINE. Legend of the origin of, [184-187](#)

BEAVER PEOPLE. The beavers personified, in Haida myth; in the story of Beaver and Porcupine, [318-320](#)

BIG WATER. The Pacific Ocean; in the story of Scar-face, [203](#)

BIRD, THE. In Indian mythology, [109-111](#)

BLACK TORTOISE, TOMB OF THE. An earth-mound, [19-20](#)

BLACKFEET. A tribe of the Algonquian stock, [24](#), [25](#); legends of, [182-184](#), [187-190](#), [193-212](#); the Sun Dance of, [204](#); Nápi, the creative deity of, [205](#)

BLUE JAY. A mischievous totem-deity of the Chinooks, [124-125](#), [323](#); stories of, and his sister loi, [323-327](#); and the Supernatural People, [323-324](#), [327](#), [329-332](#), [339-340](#); in the story of Stikűa, [342-348](#)

BOAS, FRANZ. Extract from version of the Coyote myth related by, [124](#)

BOSCANA, FATHER GERÓNIMO. On the beliefs of Californian tribes, [350-354](#)

BOURBEUSE RIVER. Prehistoric remains discovered at, [7](#)

BOURKE, J. G. Description of an Apache fetish by, [89-90](#); on 'phylacteries' (fetishes), [90](#)

BOY MAGICIAN. The story of the, [238-242](#)

BRÉBEUF, FATHER. Incident connected with, related by Brinton, [100](#); and the after-life of the Indians, [130](#)

BRINTON, D. G. On the Shoshoneans, [29](#); extract from translation of the *Wallum-Olum* by, [77-78](#); on the religion of the Indians, [97-101](#); on Indian 'good' and 'bad' gods, [104-105](#); on Indian veneration of the eagle, [110-111](#)

BRUYAS, FATHER. Mentioned, [104](#)

BUFFALO DANCE. A festival of the Mandans, [134-135](#)

BUFFALO-STEALER. The legend of, [208-212](#)

BUNDLES, SACRED. Collections of articles supposed to possess magical potency, [92](#), [308](#)

BUREAU OF AMERICAN ETHNOLOGY. Quotations from *Bulletins* of, [17](#), [21](#), [45-49](#), [55-59](#)

BURIAL CUSTOMS, INDIAN, [128](#)

BUSK. A contraction for Pushkita, name of a Creek festival, [133-134](#)

BWOINAIS. A Chippeway warrior; war-songs of, [71-72](#)

C

CADDO. I. An ethnic division of the American Indians, [28](#), [304](#). II. A tribe forming a part of the stock of the same name, [28](#)

CAHROCS. A Californian tribe; deities of, [349-350](#)

'CALAVERAS' SKULL. Prehistoric relic; discovery of, [8](#)

CALIFORNIA. Prehistoric remains discovered in, [8](#); the tribes of, diversity among, [348](#); mythological beliefs of the tribes of, [348-356](#)

CANIENGAS. One of the two political divisions of the Iroquois family, [225](#)

CARVER, CAPTAIN JONATHAN. On Sioux methods of reckoning time, [132](#)

CATLIN, G. On the Pipe-stone Quarry, [116](#), [117-118](#)

CAYUGAS. A tribe of the Iroquois stock, [224](#)

CHÁCOPEE, or WHITE FEATHER. A Sioux hero; the story of, [296-301](#)

CHAREYA (The Old Man Above). Deity of the Cahrocs, [350](#)

CHARLEVOIX, P. On incident relating to origin of the Indians, [12](#)

CHEROKEES. A tribe of the Iroquois stock, [23](#); as mound-builders, [21](#); and the eagle, [111](#); and the owl, [111](#); hunter- and thunder-gods of, [125-126](#); and the points of the compass, [131](#); and the priesthood, [136](#); dialect of the priesthood of, [136](#); subdued by the Iroquois, [227](#); the Iroquois attacks on, [246](#); and the King of Rattlesnakes, [248](#); their legend of the origin of medicine, [249-251](#)

CHEYENNE. A tribe of the Algonquian stock, [25](#); the great tribal fetish of, [91](#)

CHICKASAWS. A tribe of the Muskogean stock, [27](#); and earth-mounds, [21](#)

CHILKAT. A tribe of the Thlingit stock; costume of, [58](#)

CHIMPSEYANS. An ethnic division of the American Indians; carvings of, [63](#)

CHINIGCHINICH (Almighty). Deity of the Acagchemems, called also Ouiamot, [352](#), [354-355](#)

CHINOOKS. A tribe of the Chinookan stock, [322](#); Coyote a principal deity of, [123](#), [124](#); Blue Jay a deity of, [124](#); mode of burial of, [128](#); belief of, regarding the soul, [129](#); cranial deformation among, [322](#); myths of, [322-348](#); story of their contests with the Supernatural People, [329-332](#)

CHIPPEWAYS, or OJIBWAYS. A tribe of the Algonquian stock, [25](#); dwellings of, [48](#); carvings of, [63](#); called 'Pillagers,' [68](#); war-customs of, [68-69](#); a legend of, [152-156](#); Manabozho (or Michabo a demi-god of, [223](#)

CHOCTAWS. A tribe of the Muskogean stock, [27](#); cranial deformation among, [27](#); dialect of the priesthood of, [136](#)

CHURCH, CAPTAIN BENJAMIN. One of the early settlers; his methods in fighting the Indians, [31](#)

CHUTSAIN. A malevolent spirit of the Tinneh, [358](#)

CITY OF THE MISTS. Home of Po-shai-an-K'ia, the father of the Zuñi 'medicine' societies, [95](#)

CLALLAMS. A tribe of the Salish stock; carvings of, [63](#)

CLARKE, J. On the Pipe-stone Quarry, [116-117](#)

CLIFF- AND ROCK-DWELLINGS, [48-49](#)

CLOUD-CARRIER. The story of, [156-159](#)

COCOPA. A tribe of the Yuman stock; dwellings of, [47](#); costume of, [59](#)

COLORADO. Prehistoric remains discovered in, [8](#)

COLOURS. The Indians and, [60-62](#)

COLUMBUS. And the Discovery, [1](#), [2](#)

COMANCHES. A tribe of the Shoshonean stock, [28](#); dwellings of, [48](#)

COMMUNITY HOUSES, [45-47](#)

COMPASS, POINTS OF THE. Significance to the Indians, [131](#)

CONANT, A. J. On the group of earth-mounds in Minnesota, [20](#)

CONQUEROR, THE. A deity mentioned in the myth of Coyote and Kodoyanpe, [123](#)

COSTUME OF THE INDIANS, [55-59](#)

COUNTRY OF THE GHOSTS. Same as Spirit-land, *which see*

COYOTE. See Italapas

COYOTE PEOPLE, THE GREAT. A Zuñi clan, [95-96](#)

CRANIAL DEFORMATION. Practised among the Muskogean stock, [27](#); among the Choctaws, [27](#); among the Chinooks, [322](#)

CREATION-MYTHS, [106-109](#), [350-353](#)

CREEKS. A tribe of the Muskogean stock, [27](#); and earth-mounds, [21](#); and the eagle, no; and the owl, [111](#); Esaugetuh Emissee, the chief deity of, [122](#); the Pushkita, a festival of, [133-134](#); the priests of, [136](#)

CREES. A tribe of the Algonquian stock, [25](#); legend of origin of their Young Dog Dance, [190-193](#); how they caught eagles, [190-191](#)

CROWS. A tribe of the Siouan stock; in a Blackfoot legend, [193-196](#)

D

DAKOTA. An ethnic division of the American Indians, same as Sioux, *which see*

DAY OF THE COUNCIL OF THE FETISHES. A Zuñi fetish festival, [96](#)

DAY-AND-NIGHT MYTH. A Blackfoot, [205-208](#)

DEKANEWIDAH. A Mohawk chieftain; assists Hiawatha in his federation scheme, [226](#)

DELAWARES. A tribe of the Algonquian stock, [25](#); in the story of Frances Slocum, [37-38](#), [41](#)

DÉNÉ. Same as Tinnéh, *which see*

DEVIL. In Indian mythology, [349](#)

DEVIL DANCES, [135](#)

DEVIL'S CASTLE. Place in Siskiyou, California; regarded by natives as abode of malignant spirits, [349](#)

DEVIL-FISH. Supernatural beings in Haida myth; story of an Indian and the daughter of a, [320-321](#)

DEVOURING HILL. The story of the Rabbit and the, [302-303](#)

DICKSON, DR. Discovery of prehistoric remains by, [7](#)

DIGHTON WRITING ROCK, [16](#)

DJŪ. A river mentioned in Haida myth, [314](#)

DOGRIB INDIANS. A tribe of the Athapascan stock; myth of heaven-climber resembles that of Ugrian tribes of Asia, [11](#)

DROWNED CHILD. The story of the, [285-287](#)

DWELLINGS, INDIAN, [45-49](#)

E

EAGLE. Indian veneration for, [110-111](#)

EJONI. The first man, in an Acagchemem creation-myth, [353](#)

ELEGANT. An Indian beau; in the story of Handsome, [160-162](#)

ENO (Thief and Cannibal). A name of Coyote among the Acagchemem tribes, [351](#)

ES-TONEA-PESTA (The Lord of Cold Weather). In the story of the Snow-lodge, [151-152](#)

ESAUGETUH EMISSEE (Master of Breath). Supreme deity of the Muskogees, [122](#); in creation-myth, [108](#)

EYACQUE (Sub-captain). A name of Coyote among the Acagchemem tribes, [351](#)

F

FACE-PAINTING, [59-62](#)

FAIRY WIVES. The story of the, [170-175](#)

FEATHER-WOMAN. A beautiful maiden; in the legend of Poïa, [200-203](#)

FEATHER-WORK. Indian skill in, [63](#)

FESTIVALS, INDIAN, [133-135](#)

FETISHISM. Swanton on totemism and, [84-85](#); origin and nature of the fetish, [87-89](#); Apache fetishes, [89-90](#); Iroquoian fetishes, [91](#); Huron fetishes, [91](#); Algonquian fetishes, [91](#); the Cheyenne tribal fetish, [91](#); Hidatsa fetishes, [92](#); Siouan fetishes, [92](#); Hopi fetishes, [92-93](#); Zuñi fetishism, [93-97](#); fetishism associated with totemism, [93](#)

FEWKES, J. W. And fetishes of the Hopi, [92](#)

FINE-WEATHER-WOMAN. Haida storm-deity; in the myth of the origin of certain demi-gods, [314](#); origin of, as the mother of Sîñ, [314-316](#)

FIVE NATIONS, THE. A federation of the Iroquois, called also the Grand League, [23](#), [24](#); the tribes composing, [23](#), [224-225](#); Hiawatha the founder of the league, [23](#); influence upon European history, [223](#), [227](#); called also Six Nations and Seven Nations, [224](#); Hiawatha's early efforts toward federation, [225](#); the federation inaugurated, and completed, [226](#); growth of the power of, [227](#); the Peace Queen appointed by, [263](#); the office of Peace Queen abolished, [265](#)

FLATHEADS. Name applied to the Choctaws by the whites, [27](#)

FLETCHER, Miss A. C. On dwellings of the Omaha, [48](#)

FLYING SQUIRREL. A creative deity of the Sioux; Ictinike and, [271](#)

FOXES. A tribe of the Algonquian stock, [25](#), [71](#)

FRIENDLY SKELETON. The story of the, [242-246](#)

FUTURE LIFE. The Indian idea of, [127](#)

G

GÉBELIN, COURT DE. And the Dighton Writing Rock, [16](#)

GENETASKA. A Peace Queen; the legend of, [262-265](#)

GHOST PEOPLE. The souls of the dead, the inhabitants of Spirit-land, [129](#), [130](#); loi and Blue Jay among, [324-326](#), [327](#)

GHOST-LAND. Same as Spirit-land, *which see*

GILA-SONORA. An ethnic division of the American Indians; costume of, [59](#)

GITSHE IAWBA. A Chippeway brave; hunting exploit of, [54-55](#)

GLOOSKAP (The Liar). A creative deity of the Algonquins, twin with Malsum, [141](#); his contest with Malsum, [141-142](#); resembles the Scandinavian Balder, [142](#); creates man, [143](#); contest with Win-pe, [143-144](#); his gifts to man, [144-145](#); and Wasis, the baby, [145-146](#); leaves the earth, [146-147](#); a sun-god, [147](#); and Summer and Winter, [147-149](#); his 'wig-wam,' [149](#)

GOD. The Indian idea of, [101](#)

GODS, INDIAN. Character of, [103-105](#); description of the principal, [118-126](#)

GRAND COUNCIL of the Five Nations, [224](#), [226](#)

GRAND LEAGUE, or KAYANERENH KOWA. A federation of the Iroquois, known also as the Five Nations. See *under* Five Nations

GREAT DOG. A totem-deity, [137](#)

GREAT EAGLE. A totem-deity, [137](#)

GREAT HEAD. A malevolent being, in Iroquois myth; a legend of, [232-235](#)

GREAT MAN. Name for a chief deity among Californian tribes, [348](#)

GREAT SPIRIT THE, or MANITO. Supreme Indian deity; and the origin of smoking, [116](#)

GREAT WATER. The Pacific; in the story of the Snake-wife, [290](#), [292](#)

GREATEST FOOL. Supernatural being in Haida myth; in the story of Master-carpenter and South-east, [317](#)

GREENLAND. Early voyages from, to America, [13](#), [14-16](#)

H

HAIDA. A tribe of the Skittagetan stock; houses of, [46-47](#); myths and legends of, [312-321](#)

HAMPTON INSTITUTE. And education of the Indians, [79](#)

HANDSOME. A beautiful maiden; the story of, [159-162](#)

HAOKAH. Thunder-god of the Sioux, [125](#)

'HARRYING OF HADES.' American Indian myth provides examples of, [332](#), [340-341](#)

HEALING WATERS. The legend of the, [257-260](#)

HELLU-LAND (Land of Flat Stones). In legend of Norse voyage to America, [14](#), [15](#)

HERBERT, SIR THOMAS. His *Travels* quoted, [4-5](#)

HERJULFSON, BIARNE. And the Norse discovery of America, [13-14](#)

HIAWATHA (more properly HAI-EN-WAT-HA; = He who seeks the Wampum-belt). A legendary hero of the Iroquois, [217](#), [223-228](#); represented also as of Algonquian race, [223](#); effect of Longfellow's poem on the history of, [223](#); Longfellow's confusion in identity of, [223](#); historical basis for the

legends, 223; founder of the League of the Five Nations, 223-224; a warrior under Atotarho, 225; his plans for federation, 225; adopted into the Mohawk tribe, 226; his scheme consummated, 226

HIDATSA. A tribe of the Sioux; fetishes of, 92; have no belief in a devil or hell, 104

HI'NUN. Thunder-god of the Iroquois, 217; myths relating to, 218-222; great veneration for, 222

HOBBAMOCK, Or HOBBAMOQUI (Great). Beneficent Indian deity, 105

HOFFMANN, W. J. On Algonquian fetishes, 91

HOGAN. An Indian dwelling, 49

HOPI, or MOQUI. A tribe of the Shoshonean stock; as cotton-weavers, 56, 73; fetishes of, 92-93; festivals of, 135

HUNTING, INDIAN, 50-55

HUPA. A tribe of the Athapascan stock; costume of, 59; method of reckoning age, 133

HURONS. A tribe of the Iroquois stock, 23; marriage among, 73; fetishes of, 91; the dove regarded as sacred by, 111; and the soul's journey after death, 129; originally one people with the Iroquois, 224; in the conflict between the Caniengas and Algonquins, 225; war with the Onondagas, 225; annihilated by the Iroquois, 227; a legend of, 248

I

ICE-COUNTRY. In Algonquian myth, 147

ICTINIKE. An evil spirit, in Sioux myth; adventures of, 266-271

ILLINOIS. A tribe of the Algonquian stock; in a Seneca legend, 236-238

'INDIAN.' The name wrongly applied to the North American races, 1

INDIANA. Primitive implements found in, 7; earth-mounds found in, 17, 18

INDIANS, NORTH AMERICAN. The theory that they came from the East, 1-2; early controversy as to origin of, 2-3; identified with the lost Ten Tribes, 3; other theories of origin of, 4; theory of their Welsh origin, 4-5; origination of American man in the Old World, 5-6; scientific data relating to origin of, 5-13, 17-22; affinities with Siberian peoples, 10-12; probably migrants from Asia, 12-13; ethnic divisions of, 22-29; geographical distribution of the tribes of, 22-29; industry of, 26; early wars between whites and, 29-31; early relationship with whites, 29-30; deportation of, as slaves, 31; confinement of, to 'reservations,' 31-32; stories of whites and, 32-45; and kidnapping of white children, 36-45; dwellings of, 45-49; tribal law and custom among, 50; hunting among, 50-55; dress of, 55-59; and face-painting, 59-62; and colours, 60-62; art of, 62-63; war-customs of, 63-72; position of women among, 72-73; marriage among, 73; and child-life, 73-74; and totemism, 74-76, 80-87; picture-writing among, 76-78; enlightenment of, 79, 360; and fetishism, 87-97; and religion, 97-105, 140; ideas of God, 101; character of gods of, 103-105; creation-myths of, 106-109; serpent- and bird-worship among, 109-115; and the use of tobacco, 115-118; the gods of, 118-126; and ideas of a future life, 127-128; burial customs of, 128; and the soul's journey after death, 129; and the spirit-world, 129-130, 139-140; reverence for the four points of the compass, 131; methods of

time-reckoning, [131-133](#); festivals of, [132](#), [133-135](#); the medicine-men of, [135-140](#); original character of the mythologies of, [359](#); worthiness of the race, [359-360](#)

IOI. A deity of the Chinooks, sister of Blue Jay; stories of, [323-327](#)

IOSKEHA (White One). One of the twin-gods of the Iroquois, [121](#)

IOWA. I. The State; prehistoric remains discovered in, [8](#). II. A tribe of the Sioux stock, [266](#); legends of, [266-271](#)

IROQUOIS (Real Adders). An ethnic division of the American Indians, called also Long House People, [23-24](#), [224](#); the Five Nations of, [23](#), [24](#), [223-227](#); community houses of, [45](#); costume of, [58](#); marriage customs of, [73](#); name for fetish, [85](#); and the serpent of the Great Lakes, [113](#); the twin-gods of, [121](#); and the soul's journey after death, [129](#); myths and legends of, [217-265](#); Hi'nun, the chief deity of, [217](#); Hiawatha, a mythical hero of, [217](#); originally one people with the Hurons, [224](#); the two political branches of, [224-225](#); growth of the power of, [227](#)

IROQUOIS CONFEDERACY. See Five Nations

ISLAND OF THE BLESSED. In the story of the Spirit-bride, [163-165](#)

ITALAPAS or ITALAPATE, (Coyote). A principal deity of the Chinooks and Californian tribes, [123-124](#), [350](#); in the myth of Ouiot, [351](#)

J

JAPAZAWS. A chief, [32](#)

JEWS. American aborigines identified with, [3-4](#)

K

KATCINA. A clan of the Hopi tribe, and the tribal festivals, [135](#)

KAYANERENH KOWA. The Grand League, or Five Nations, a federation of the Troquois. See *under* Five Nations

KENTUCKY. Earth-mounds found in, [18](#)

KEWAWKQU'. A race of giants and magicians, in Algonquian myth; conquered by Glooskap, [145](#)

KICHAH. A tribe of the Caddoan stock, [28](#)

KICKAPOOS. A tribe of the Algonquian stock, [25](#)

KIDNAPPING by Indians, [36](#); a story of, [37-45](#)

KIEHTAN. Beneficent Indian deity, [105](#)

KING OF GRUBS. In the myth of the Thunderers, [222](#)

KING OF RATTLESNAKES. The legend of, [248](#)

KING PHILIP'S WAR, [30-31](#)

KINGFISHER. A creative deity of the Sioux; Ictinike and, [271](#)

KINGSBOROUGH, LORD. And the identity of the American aborigines, [3](#)

KIOWA. An ethnic division of the American Indians; dwellings of, [48](#); picture-writing records of, [77](#); the year of, [132](#)

KITTANITOWIT. A manufactured name for the supreme Indian deity, [105](#)

KOCH, DR. Prehistoric remains discovered by, [7](#)

KODOYANPE. Principal deity of the Maidu, [123](#), [124](#)

KOHL, J. G. On Indian face-painting, [59-62](#)

KOKOMIKIS. The Moon-goddess, wife of the Sun-god; in the stories of Scar-face, [199-204](#)

KOLUSCHES. An ethnic division of the American Indians; customs of, resemble those of Asiatic tribes, [10-11](#)

KOOTENAY. An ethnic division of the American Indians; Coyote the creative deity of, [124](#)

KUM. A semi-subterranean lodge of the Maidu, [47](#)

KUTOYIS (Drop of Blood). A hero in Algonquian myth; legends of, [212-216](#)

L

LAKE SUPERIOR. Prehistoric remains discovered in district of, [8](#)

LAND OF THE SUN. Indian abode of bliss, [127](#)

LAND OF THE SUPERNATURAL PEOPLE. Region inhabited by a semi-divine race, [129-130](#); in Chinook myth, [323-324](#), [327-332](#), [337-338](#)

LANGUAGE. Resemblance between that of American and Asiatic tribes, [12](#); the basis of ethnic classification of American tribes, [22](#)

LEIF THE LUCKY. Legend of voyage of, to America, [14-15](#)

LELAND, C. G. On Algonquian mythology, [143](#)

LENI-LENÂPÉ. A tribe of the Algonquian stock; the *Wallum-Olum* of, [77-78](#)

LIGHTNING. Indian belief regarding, [111-112](#)

LIPANS. A tribe of the Athapascan stock, [22](#)

LITTLE DEER. Chief of the Deer tribe, in Cherokee myth. [249](#), [250](#)

LITTLE MEN. Twin thunder-gods of the Cherokees, [126](#)

LONE-DOG WINTER-COUNT. A picture-writing chronicle of the Dakota, [77](#)

LONG HOUSE PEOPLE. A name applied to the Iroquois, [224](#), [227](#)

LONGFELLOW, H. W. And the identity of Hiawatha, [223](#)

LORD OF THE DEAD. Indian deity; the owl sometimes represented as the attendant of, [112](#)

LOUCHEUX. A division of the Tinneh stock; the myth of the moon-god of, [357-358](#)

LOX, or LOKI. Algonquian deity, a reincarnation of Malsum, [143](#); reminiscent of the Scandinavian Loki, [143](#); in the story of the Fairy Wives, [174-175](#)

LYELL, SIR CHARLES. On discovery of prehistoric remains, [7](#)

M

MA-CON-A-QUA. The Indian name of Frances Slocum, [44](#)

MADOC. Legend of, [4](#)

MAIDU. A Californian tribe; dwellings of, [47](#); creation-myth of, [123](#); Coyote and Kodoyanpe deities of, [123](#); the seasons of, [133](#)

MAIZE. Chippeway story of the origin of, [180-182](#)

MAKER-OF-THE-THICK-SEA-MIST. Haida deity; in the story of Master-carpenter and South-east, [318](#)

MALICIOUS MOTHER-IN-LAW. Story of the, [176-180](#)

MALSUM (The Wolf). A malignant creative deity of the Algonquins, twin with Glooskap, [141-143](#), [149](#); contest with Glooskap, [141-142](#); appears later in Algonquian myth as Lox, or Loki, [143](#); future conflict with Glooskap, [149](#)

MAN. Origin of, in America, [5-22](#)

MANABOZHO. Same as Michabo, [11](#), *which see*

MANDANS. A tribe of the Siouan stock; community houses of, [45](#); creation-myth of, [109](#); the dove regarded as sacred by, [112](#); the Buffalo Dance, a festival of, [134-135](#)

MANITO (The Great Spirit). I. Supreme deity of the Algonquins, probably same as Michabo; and the lightning, [112](#). II. A general term for a potent spirit or the supernatural among the Algonquins and Sioux, [114](#). III. Supreme deity of the Iroquois; in the legend of the Healing Waters, [257-260](#)

MARK-LAND (Wood-land). In legend of the Norse voyage to America, [14](#), [15](#)

MARRIAGE among the Indians, [73](#)

MARTEN. An idle brave; in the story of the Fairy Wives, [170-172](#)

MASON, JOHN. One of the early settlers; and the feud with the Pequots, [30](#)

MASTER OF LIFE. In the story of the Spirit-bride, [164](#)

MASTER-CARPENTER. A supernatural being, in Haida myth; story of his contest with South-east, [316-318](#)

MEDA. A 'medicine' society of the Algonquins, [119](#)

MEDA CHANT. An Algonquian religious ceremony, [114](#)

MEDECOLIN. Sorcerers, in Algonquian myth; conquered by Glooskap, [145](#)

MEDICINE-MEN, or SHAMANS, [135-140](#); as priests, [136](#); as healers, [136-138](#); 'journeys' of, to Spirit-land, [139-140](#); instituted by Attajen, [354](#)

'MEDICINE.' A term signifying magical potency, usually of a healing order; Seneca legend of the origin of, [230-232](#); Cherokee legend of the origin of curative medicine, [249-251](#)

MEN-SERPENTS. The story of the, [273-275](#)

MENOMINEES. A tribe of the Algonquian stock, [25](#)

MIAMI. A tribe of the Algonquian stock; in the story of Frances Slocum, [40](#), [41](#)

MICE. Two supernatural beings in Chinook myth, [339-340](#)

MICHABO (The Great Hare). I. Supreme deity of the Algonquins, probably same as Manito, [119-120](#); in creation-myth, [107-108](#). II. A demi-god of the Ojibways, called also Manabozho; confusion of, with Hiawatha, [223](#)

MICMACS. A tribe of the Algonquian stock, [25](#); subdued by the Iroquois, [227](#)

MILKY WAY. Called the Wolf-trail by the Indians, [204](#)

MINAS, LAKE. In Nova Scotia; Glooskap leaves the earth upon, [146](#)

MINNESOTA. Primitive implements found in, [7](#); earth-mounds found in, [18](#), [19-20](#)

MINNETAREES. A tribe of the Hidatsa stock; creation-myth of, [109](#)

'MIOCENE BRIDGE.' And the origin of man in America, [6](#)

MOHAVE. A tribe of the Yuman stock; costume of, [59](#)

MOHAWKS. A tribe of the Iroquois stock, [24](#), [224](#), [225](#); and the twin-gods myth of the Iroquois, [121](#); Hiawatha may have belonged to, [223](#), [226](#); Hiawatha adopted into, [226](#)

MOHEGANS. Same as Mohicans, *which see*

MOHICANS, or MOHEGANS. A tribe of the Algonquian stock, [25](#); a community house of, [45](#); subdued by the Iroquois, [227](#)

MON-DA-MIN. The maize-plant; story of the origin of, [180-182](#)

MONTAGNAIS. A tribe of the Algonquian stock, [25](#)

MOON-GODDESS. See Kokomikis

MOOSE. A brave, a great hunter; in the story of the Fairy Wives, [170-172](#)

MOOWIS. A counterfeit brave; in the story of Elegant and Handsome, [161-162](#)

MOQUI. Same as Hopi, *which see*

MORGAN, L. On Indian community houses, [45-46](#)

MORNING STAR. See Apisirahts

MOUNDS. Prehistoric earthen erections found in America, [17-22](#); in animal form, [17-18](#); purpose of, [18](#); contents of, [18-19](#), [21](#); description of a group, [19-20](#); the builders of, [20-21](#); age of, [21-22](#)

MUSK-RAT. A creative deity of the Sioux; Ictinike and, [270-271](#)

MUSKHOGEANS. An ethnic division of the American Indians, [27](#); costume of, [58](#); marriage-customs of, [73](#); creation-myth of, [108](#)

N

NAKOTAT. A Chinook village; in the myth of Stikŭa, [341](#), [345](#)

NANTAQUAUS. Son of the chief Powhatan, [33](#)

NANTENA. Spirits or fairies, in Tinneh mythology, [358](#)

NÁPI. The creative deity of the Blackfeet; in a day-and-night legend, [205](#), [208](#); in the legend of Buffalo-stealer, [208-212](#)

NARRAGANSETS. A tribe of the Algonquian stock, [25](#)

NARVAEZ, PANFILO DE. And the Muskogean people, [27](#)

NATCHEZ. I. The city; discoveries of prehistoric remains at, [7](#). II. A tribe of the so-called Natchesan stock; and earth-mounds, [21](#); and the eagle, [112](#)

NAVAHO. A tribe of the Athapascan stock, [22](#); a dwelling of, [49](#); costume of, [59](#); belief of, respecting birds and the winds, [110](#); Ahsonnutli the chief deity of, [121-122](#); belief of, respecting the soul, [129](#); and the points of the compass, [131](#)

NEBRASKA. Prehistoric remains discovered in, [8](#)

NEKUMONTA. An Iroquois brave; in the legend of the Healing Waters, [257-260](#)

NEMISSA. A Star-maiden; in the story of Cloud-carrier, [156-159](#)

NEW ORLEANS. Prehistoric remains discovered at, [7](#)

NEW YORK. State of; conflict between Indians and the early settlers in, [30](#)

NEZ PERCÉS. A tribe of the Sahaptian stock; dwellings of, [47](#)

NIPARAYA. A supreme deity of the Pericues, [355-356](#)

NIPMUCS. A tribe of the Algonquian stock, [25](#)

NOCUMA. A creative deity of the Acagchemems, [352-353](#)

NOKAY. A noted Chippeway hunter; hunting exploit of, [54](#)

NOOTKAS. A tribe of the Nootka-Columbia stock; dwellings of, [47](#); Quahootze, a deity of, [100](#)

NOPATSI. A brave; in the legend of the origin of the Beaver Medicine, [184-187](#)

NORSEMEN. Discovery of America by, [13-14](#), [16](#); early voyages of, to America, [14-16](#); left no traces of their occupation, [16](#)

NOTTOWAYS. A tribe of the Iroquois stock, [23](#)

NUNNE CHAHA. A hill mentioned in the Muskogean creation-myth, [108](#)

O

OHIO. I. The State; primitive implements found in, [7](#); earth-mounds found in, [17](#), [18](#). II. The river; attempt to maintain as Indian boundary, [25](#)

OJIBWAYS. Same as Chippeways, *which see*

OKINAI. In the story of Bearskin-woman, [183-184](#)

OKULAM (Noise of Surge). Name given to giant in Chinook myth of the Thunderer, [335](#)

OLCHONES. A Californian tribe; sun identified with supreme deity by, [350](#)

OLD MAN ABOVE. I. Name for supreme deity among Californian tribes, [348](#). II. The Chareya of the Cahrocs, [350](#)

OLD WHITE BEAR. Chief of the Bear tribe, in Cherokee myth, [249](#)

OMAHAS. A tribe of the Siouan stock; dwellings of, [48](#); Ictinike a war-god of, [266](#)

ONE ABOVE. Name for supreme deity among Californian tribes, [348](#)

ONEIDAS. A tribe of the Iroquois stock, [24](#), [224](#), [225](#); inaugurate the federation of the Five Nations, [226](#)

ONNIONT. A mythological serpent, [91](#)

ONONDAGAS. A tribe of the Iroquois stock, [224](#); Hiawatha probably belonged to, [223](#); war with Caniengas and Hurons, [225](#); Atotarho a chief of, [225](#); and Hiawatha's federation scheme, [226](#)

ORENDA. Magical power, [112](#)

OSAGES. A tribe probably of the Algonquian stock; dwellings of, [48](#)

OTTER-HEART. The story of, [165-170](#)

OUIAMOT. Same as Chinigchinich, *which see*

OUIOT (Dominator). I. A demi-god of the Acagchemems, [351-352](#). II. A tyrannous ruler, [353-354](#)

OWL, THE. Indian veneration for, [113](#)

P

PAHE-WATHAHUNI (The Devouring Hill). The story of the Rabbit and, [302-303](#)

PAIUTES. A tribe of the Yunian stock; houses of, [47](#)

PALMER, CAPTAIN G. Work by, quoted, [3-4](#)

PAMOLA. An evil spirit, in Algonquian myth; conquered by Glooskap, [145](#)

PAWNEES. A confederacy of tribes of the Caddoan stock, [28](#), [304](#); and the tribal fetish of the Cheyenne, [91](#); and thunder, [112](#); Atius Tiráwa, the chief deity of, [122](#); and the Young Dog Dance, [190](#); subdued by the Iroquois, [227](#); strong religious sense of, [304](#); myths and legends of, [304-311](#); story of the origin of their Sacred Bundle, [304-308](#)

PAYNE, E. J. On resemblance of customs of American and Asiatic tribes, [10-11](#)

PEACE QUEEN. A maiden appointed by the Five Nations to be arbiter of quarrels; the legend of Genetaska the, [262-265](#); the office abolished, [265](#)

PEBBLE-RATTLER. Haida wind-deity; in the story of Master-carpenter and South-east, [318](#)

PEQUOTS. A tribe of the Algonquian stock; feud between the whites and, [30](#)

PERICUES. A Californian tribe; the hostile divinities of, [355-356](#)

PETIT ANSE. Place in Louisiana; prehistoric remains discovered at, [7](#)

PHILIP. An Indian chief, called 'King Philip'; war of, with the whites, [30-31](#)

PICTURE-WRITING, INDIAN, [76-78](#)

PIGMIES. Iroquois belief in a race of, [229](#); a legend of, [246-248](#); perhaps actually a prehistoric American race, [248](#)

PIMAS. A tribe of the Pueblo stock; costume of, [59](#); method of keeping records, [133](#)

PIPE-STONE QUARRY. Source of the Indian's pipe; description of, [116-118](#)

PLAGUE DEMON. Iroquois deity, [264](#)

PLAINS INDIANS. Costume of, [58](#); artistic work of, [62](#); rank among, indicated by feathers worn, [63](#); marriage among, [73](#)

POCAHONTAS. Daughter of the chief Powhatan; the story of, [32-36](#)

POĪA (Scar-face). The legends of, [196-205](#)

PORCUPINE. One of the Porcupine People, in Haida myth; story of the conflict between Beaver and, [318-320](#)

PO-SHAI-AN-K'IA. A Zuñi deity, father of the 'medicine' societies, [95](#); in creation-myth, [107](#)

POWELL, CAPTAIN NATHANIEL. And the story of Pocahontas, [32-36](#)

POWERS, STEPHEN. On evil spirits in Indian mythology, [349-350](#)

POWHATAN. A chief, father of Pocahontas, [32](#), [33](#)

POWHATANS. A tribe of the Algonquian stock, [25](#); belief of, respecting birds, [110](#).

PRATT, CAPTAIN R. H. His school for the education of Indian children, [79](#)

PREHISTORIC REMAINS. Discoveries of, [7-10](#)

PREY BROTHERS. A priesthood of the Zuñi, [96](#)

PREY-GODS. Deities of the Zuñi, [94-97](#)

PRIESTHOOD of the Indian tribes, [135-136](#)

PRINCE OF SERPENTS. A deity who dwelt in the Great Lakes, [112](#), [113](#)

PUEBLOS. I. An ethnic division of the American Indians; buildings of, [47](#), [49](#); costume of, [57](#), [59](#); artistic work of, [63](#); festivals of, [135](#). II. Indian community houses, [46](#), [48](#)

PUSHKITA. A festival of the Creeks, [134](#)

Q

QUAAYAYP. A son of the Pericue deity Niparaya, [355](#)

QUAH-BEET (Great Beaver). Algonquian totem-deity; in myth of Glooskap and Malsum, [142](#)

QUAHOOTZE. Deity of the Nootkas, [100](#)

QUAPAWS. A tribe of the Caddoan stock; and earth-mounds, [21](#)

R

RABBIT. Personified animal in Sioux myth; Ictinike and, [266-268](#); and the Sun, [301-302](#); and Pahe-Wathahuni, the Devouring Hill, [302-303](#)

RAFN, K. C. Cited, [14](#); and the Dighton Writing Rock, [16](#)

RATTLESNAKE. Indian regard for the, [113-115](#)

RAVEN. Personification in Chinook myth; in the story of Stikŭa, [342-348](#)

RED PIPE-STONE ROCK. The first pipe made at, [116](#)

RED-STORM-CLOUD. A Haida wind-deity; in the story of Master-carpenter and South-east, [317](#)

RESERVATIONS, INDIAN, [31-32](#)

RESURRECTION. Indian belief in, [128](#)

ROBIN. A deity of the Chinooks, brother of Blue Jay, [125](#), [330](#), [332](#)

ROGEL, FATHER. Incident connected with his missionary work, [105](#)

ROLFE, JOHN. Husband of Pocahontas, [32](#)

ROOT-DIGGERS. A tribe of the Shoshonean stock, [28](#)

S

SACRED BUNDLE. The story of the, [304-308](#)

SACRED OTTER. A hunter; in the story of the Snow-lodge, [150-152](#)

SALISH INDIANS. A tribe probably of the Algonquian stock; houses of, [47](#); costume of, [58](#)

SALMON. The story of, [282-285](#)

SANTEES. A tribe of the Siouan stock, [28](#)

SASSACUS. Pequot chief; his village destroyed, [30](#)

SAUKS. A tribe of the Siouan stock, [71](#)

SAYADIO. A young Wyandot brave; the legend of, [260-262](#)

SCALPING. Nature of the act, [66](#); preservation of scalps, [67](#)

SCAR-FACE. See Poia

SCHOOLCRAFT, H. R. On Indian hunting, [52-55](#); on Indian warfare, [66-72](#); on the Indian's use of tobacco, and his pipe, [115-118](#); and the identity of Hiawatha, [223](#)

SECOTAN. An Indian village in North Carolina, [48](#)

SEMINOLES. A tribe of the Muskogean stock, [27](#); costume of, [58](#)

SENECAS. A tribe of the Iroquois stock, [225](#), [226](#); the so-called, in Oklahoma, [24](#); join the Grand League, [226](#); story of the origin of the 'medicine' of, [230-232](#); legend of, [236-238](#)

SERPENT, THE. In Indian mythology, [109-111](#), [114](#); worship of, [112-114](#); reverence paid to, [135](#)

SHADOW-LAND. Same as Spirit-land, *which see*

SHANEWIS. Wife of Nekumonta; in the legend of the Healing Waters, [257-260](#)

SHAWNEES. A tribe of the Algonquian stock, [25](#); as mound-builders, [21](#); and the King of Rattlesnakes, [248](#)

SHOSHONEANS (Snakes). An ethnic division of the American Indians, [28-29](#); costume of, [59](#)

SHUSHWAP INDIANS. A Salish tribe; Coyote the creative deity of, [124](#)

SILVER CHAIN. Name applied to the Grand Council of the league of the Five Nations, [226](#)

SÎÑ. Sky-god and principal deity of the Haida; myth of the incarnation of, [314-316](#)

SINNEKES. One of the two political divisions of the Iroquois, [224](#), [225](#)

SIOUX, or DAKOTA. An ethnic division of the American Indians, [28](#), [266](#); superstition of, resembles that of the Itelmians of Kamchatka, [11](#); dwellings of, [48](#); face-painting among, [61-62](#); war-customs of, [68](#); fetishes of, [92](#); belief of, respecting the winds, [110](#); and the eagle, [111](#); and the rattlesnake,

114; Haakah, the chief thunder-god of, 125; Waukheon, a thunder-god of, 126; Unktahe, the water-god of, 126; and the soul's journey after death, 129; the year of, 132; methods of time-reckoning of, 132-133; myths and legends of, 266-303

SIROUT (Handful of Tobacco). One of the first men, in an Acagchemem creation-myth, 353

SITS-BY-THE-DOOR. The story of, 193-196

SKRÆLINGR. Name given by Norsemen to American natives, 13; attack the early Norse voyagers, 15

SKULL, DEFORMATION OF THE. Practised by the Muskhogean peoples, chiefly by Choctaws, 27; among the Chinooks, 322

SKY-COUNTRY. In a version of the story of Poïa, 201-205

SKY-GOD. Of the Haida--see Sîñ

SLOCUM, FRANCES. The story of, 37-45

SMOKE-EATER. A being with magical powers, in Chinook myth, 330

SMOKING among the Indians, 115-118; legend of the origin of, 116; importance of, in Indian life, 131

SNAKE-OGRE. The story of the, 278-282

SNAKE-WIFE. The story of the, 287-292

SNOW-LODGE. The story of the, 149-152

SOKUMAPI. A young brave; in Blackfoot story of the origin of the Bear-spear, 187-190

SOTO, HERNANDO DE. And the Muskhogean people, 27

SOUL. The journey of the, after death, in Indian belief, 129

SOULS, THE LAND OF. In the legend of Sayadio, 260-261

SOUTH-EAST. A Haida deity representing the south-east wind; contest of, with Master-carpenter, 316-318

SPIDER MAN. In the legend of Poïa, 201, 202

SPIRIT-BRIDE. The story of the, 162-165

SPIRIT-LAND. Abode of mortals after death, 129-130; the lesser soul of sick persons taken to, 129, 139-140; 'visits' of medicine-men to, 139-140; in the story of the Spirit-bride, 162-165; in the story of Sayadio, 260-261; loi and Blue Jay in, 324-326

SQA-I. A town in the Queen Charlotte Islands; the contest of Master-carpenter and South-east at, 316-318

SQUIER, E. G. And the earth-mounds, 18

STAR-BOY. First name of Poïa, or Scar-face, 201, 203

STAR-COUNTRY, THE. In the story of Algon, [155-156](#); in the story of Cloud-carrier, [156-159](#); in the story of the Fairy Wives, [173](#)

STAR-MAIDEN. The story of the, [152-156](#)

STIKŪA. Wife of Blue Jay; the story of, [341-348](#)

STONE GIANTESS. The story of the, [254-257](#)

STONE GIANTS. A malignant race, in Iroquois myth, [217](#), [228-229](#), [255-257](#)

STYLES, DR. And the Dighton Writing Rock, [16](#)

SUMMER. Queen of the Elves of Light, in Algonquian myth; Glooskap and, [148-149](#)

SUN, THE. In Indian creation-myth, [106](#); worship of, [113](#), [350](#); in Sioux myth, the Rabbit and, [301-302](#)

SUN DANCE. Blackfoot ceremony for the restoration of the sick; Poïa brings the secrets of, to the Blackfeet, [204](#)

SUN-CHILDREN. Extract from the story of the two, [93-94](#)

SUN-COUNTRY. In the story of Scar-face, [198-200](#)

SUN-GOD. In the stories of Scar-face, [197-205](#); in a Blackfoot day-and-night myth, [208](#); the Sioux deity, Ictinike the son of, [266](#)

SUPERNATURAL PEOPLE, THE. A semi-divine race, [129-130](#); Blue Jay and, [124-125](#), [323-324](#), [327](#), [329-332](#); Haida myth of the origin of certain, [312-314](#); in Chinook myth, [323-324](#), [327-332](#), [337-338](#)

SUSQUEHANNOCKS. A tribe of the Iroquois stock, [23](#)

SWAMP FIGHT. A battle between Indians and whites, [31](#)

SWANTON, J. R. On totemism, [84-87](#)

SWEET GRASS HILLS. In the legend of Buffalo-stealer, [209](#)

T

TA-UL-TZU-JE. An Indian; the fetish of, [90](#)

TACU. In Californian myth, reputed father of Ouiamot, [354](#)

TACULLIES. A tribe of the Tinneh stock; a superstition of, [358](#)

TAKAHLI. A South American tribe; moral sense of, [98](#)

TAKER-OFF-OF-THE-TREE-TOPS. Haida wind-deity; in the story of Master-carpenter and South-east, [318](#)

TARENyawago. Master of ceremonies in the Land of Souls; in the legend of Sayadio, [261](#)

TAWISCARA (Dark One). One of the twin-gods of the Iroquois, [121](#)

TECUMSEH. An Algonquin chief; war of, with the whites, [25](#)

TETONS. A tribe of the Siouan stock, [28](#)

TEXAS. Indians of; and earth-mounds, [21](#)

THORWALD. Brother of Leif the Lucky; voyage of, to America, [15](#)

THREE TESTS. The story of the, [275-278](#)

THUNDER-BOYS. Twin thunder-gods of the Cherokees, [126](#)

THUNDER-GODS, INDIAN, [125-126](#); analogous to thunder-gods of the aboriginal Mexican peoples, [126](#)

THUNDER-MEN. Man-eating beings in Sioux myth; in the story of the Snake-wife, [290-292](#); transformed into the thunder-clouds, [292](#)

THUNDERER. A supernatural being, in Chinook myth, [334-338](#)

THUNDERER'S SON-IN-LAW. The story of the, [332-341](#)

THUNDERERS. The people of Hi'nun, the Iroquois thunder-god; a myth relating to, [219-222](#)

TIDAL-WAVE. Haida storm-deity; in the story of Master-carpenter and South-east, [318](#)

TIHUGUN (My Old Friend). A beneficent deity of the Tinneh, [358](#)

TIME. Indian methods of reckoning, [131-133](#)

TINNEH, or DÉNÉ. A division of the Athapascan stock, [22](#), [356](#); poverty of, in mythological conceptions, [356-357](#); beliefs of, [357-358](#)

TIPI. An Indian tent-dwelling, [48](#), [49](#)

TIPPECANOE. Battle of the, [25](#)

TLINGIT. A tribe of the Koluschan stock; houses of, [46-47](#)

TO-MORROW. Haida deity, mother of South-east; in the story of Master-carpenter, [318](#)

TOBACCO. Use of, among the Indians, [115-116](#); legend of the origin of smoking, [115](#)

TOBET. I. A ceremonial dancer of the Acagchemems, [355](#). II. The costume worn by the *tobet*, [355](#)

TOSAUT. A rock mentioned in creation-myth of the Acagchemem tribes, [352](#), [353](#)

TOTEMISM. Influence of, upon marriage, [73](#); story of an adventure with a totem, [74-75](#); story of a totem-vigil, [75-76](#); origin of, among the Indians, [80-81](#); wide extension of, [81](#), [82-83](#); development of the totem into a deity, [82](#); rules of, [83](#); severity of totemic rule, [83](#); Swanton on, [84-87](#); associated with fetishism, [93](#); influence upon the growth of 'morality,' [102](#)

TSUI 'KALU (Slanting Eyes). A hunter-god of the Cherokees, [125-126](#)

TUPARAN. Same as Wac, *which see*

TUSCARORAS. A tribe of the Iroquois stock, [23](#); and the twin-gods myth of the Iroquois, [121](#)

TWIN-GODS of the Iroquois, [121](#)

TYRKER, or TYDSKER. In legend of Norse voyage to America, [14](#), [15](#)

TZI-DALTAI. Fetishes of the Apaches, [89-90](#)

U

UNDERWORLD. Sioux story of an adventure in, [292-296](#)

UNITED STATES GOVERNMENT. And the Indians, [32](#), [79](#)

UNKTAHE. Water-god of the Dakota, [126](#)

UTONAGAN. A totem-spirit; an Indian's adventure with, [74-75](#)

V

VANCOUVER, G. And Indian dwellings, [47](#)

VIRGINIA. Earth-mounds found in, [18](#); wars between whites and early settlers in, [29-30](#)

W

WABASKAHA. An Omaha brave; the story of, [271-273](#)

WABOJEEG. An Indian chief; hunting exploit of, [54](#); a war-song of, [70-71](#)

WABOSE, CATHERINE. The adventure of, [75-76](#)

WAC. A supreme deity of the Pericues, called also Tuparan, [356](#)

WAKANDA. A deity of the Omaha; in the story of Wabaskaha, [272](#); in the story of the Snake-wife, [288](#)

WAKINYJAN (The Flyers). Sioux wind-deities who send storms, [110](#)

WALES. Legend that North American Indians came from, [4-5](#)

"WALLUM-OLUM." Picture-writing records of the Leni-Lenâpé, [77-78](#)

WAR-DANCE, INDIAN, [65](#), [69-70](#)

WARFARE AND WAR-CUSTOMS, INDIAN, [63-72](#)

WASIS. A baby, in Algonquian myth; Glooskap and, [145-146](#)

WATER MANITOU. In a Chippeway legend, [179](#)

WATER-GOD. Of the Dakota, [126](#); in an Iroquois legend, [286-287](#)

WAUKHEON (Thunder-bird). A thunder-god of the Dakota, [126](#)

WAYNE, GENERAL A., [26](#)

WEASEL. Name of the Fairy Wives, [172](#)

WEST WIND, THE. I. Algonquian deity, father of Michabo, [120](#). II. Deity of the Iroquois, brother of Hi'nun, [217](#); destroys the Stone Giants, [228-229](#)

WHALE-MEAT-CUTTER. A being with magical powers, in Chinook myth, [330](#)

WHITE FEATHER. See Chácopee

WHITES. Familiar name for European settlers in America; early wars with Indians, [29-31](#); early relationship with Indians, [29-30](#), [32](#); Blackfoot idea of the originator of, [208](#)

WHITNEY, PROFESSOR J. D. Discovery of 'Calaveras' skull by, [8](#)

WICHITA. A tribe of the Caddoan stock, [28](#); grass hut of, [48](#)

WICKIUP. An Indian dwelling, [49](#)

WIGWAM. An Indian dwelling, [49](#)

WILSON, PROFESSOR D. On the Chinooks, [322](#)

WIN-PE. A giant sorcerer, in Algonquian myth; Glooskap and, [143-144](#)

WINE-LAND. In legend of Norse voyage to America, [15](#)

WINNEBAGO. A tribe of the Siouan stock; as mound-builders, [21](#)

WINSLOW, E. On the gods of the Indians, [105](#)

WINTER. A giant, in Algonquian myth; Glooskap and, [147-148](#)

WISCONSIN. Earth-mounds found in, [17](#)

WITCHCRAFT. Iroquois belief in, [229](#)

WOLF-TRAIL. Indian name for the Milky Way, [204](#)

WOMEN, INDIAN. Position of, [72-73](#); skill of, in weaving, [73](#)

WONDERFUL KETTLE. The story of the, [251-254](#)

WYANDOTS. A tribe of the Iroquois stock; allied with Algonquian tribes, [25](#); a legend of, [260-262](#)

WYOMING. Prehistoric remains discovered in, [8](#)

Y

YANKTONS. A tribe of the Siouan stock, [28](#)

YCAIUT (Above). One of the first women, in an Acagchemem creation-myth, [353](#)

YOUNG DOG DANCE. Legend of the origin of the, [190-193](#)

YUCHI. A tribe of the Uchean stock; and earth-mounds, [21](#)

Z

ZINZENDORF, THE COUNT OF. Story of the rattlesnake and, [114-115](#)

ZUÑI. A tribe of the Zuñian stock; fetishism among, [93-97](#); creation-myth of, [106-107](#); Awonawilona, the chief deity of, [106](#), [121](#); and the eagle, [111](#); and the serpent, [113](#); the year of, [132](#); dialect of the priesthood of, [136](#)